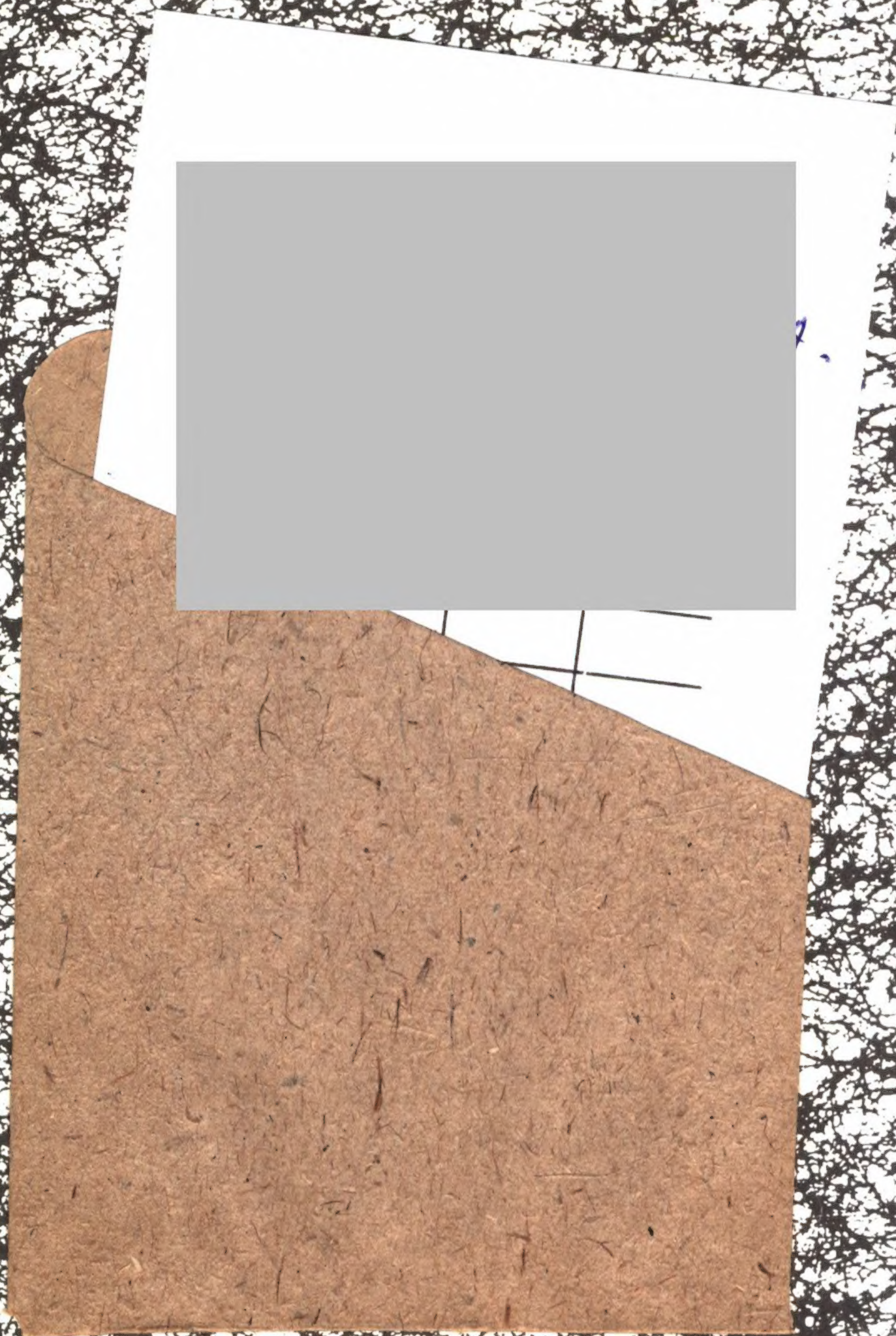

БИБЛИОТЕКА
ИМ

П Ь Е С Ы

12

17

22

БИБЛИОТЕКА

ИМ

**АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН**

В К Р У Г Е

П Е Р В О М

Т О М 1

Т О М 2

РАССКАЗЫ

РАКОВЫЙ

КОРПУС

АРХИПЕЛАГ

Г У Л А Г

Т О М 1

Т О М 2

Т О М 3

П Ь Е С Ы

Программа осуществлена
Ассоциацией «БЛАГОВЕСТ»
Всесоюзного общества
«КНИГА» (ВОК)

при участии
издательства «ИСКУССТВО»
Светогорского
целлюлозно-бумажного комбината
Акционерного общества «КАМАЗ»
Научно-производственного
объединения
«РИМ» АН СССР
ММП «ПОЛИКОМ»
Производственно-коммерческой
фирмы «ВЕСТА»
в режиме
экспресс-издания
на договорной
основе

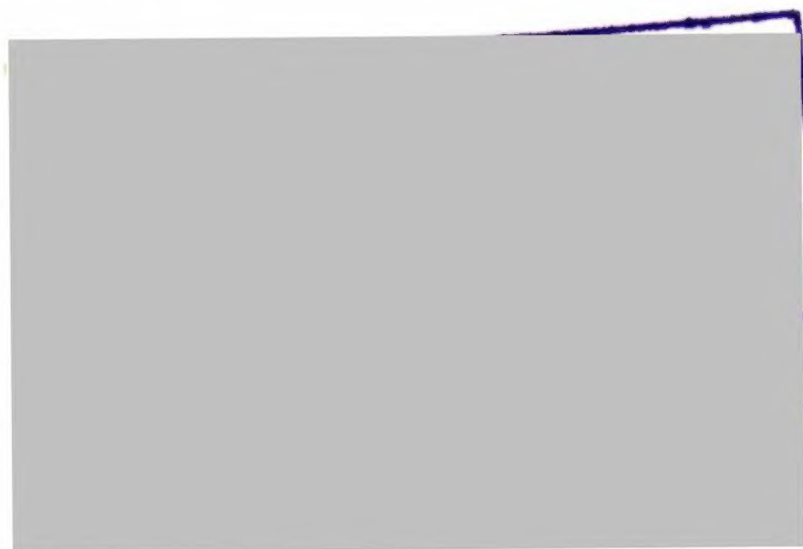
В лагерных номерах.

Кок-Терек. 1954

84 (2рое-1чс)

с 60

**АЛЕКСАНДР
СОЛЖЕНИЦЫН**
П Ь Е С Ы

ЦЕНТР

«НОВЫЙ МИР»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИСКУССТВО»

МОСКВА 1990

**ББК 84Р6
С60**

Печатается по тексту
Собрания сочинений А. И. Солженицына
Вермонт — Париж, YMCA — PRESS, т. 8

Солженицын А.
С60 Пьесы — М. Центр «Новый мир» — 1990.— 416 с.
(Библиотека журнала «Новый мир»)

С $\frac{4702010201-20}{90}$ без объявл.

ISBN 5-85060-020-5

© А. Солженицын, 1981
© Оформление «Благовест», 1990

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

«1945 ГОД»

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

ПЛЕННИКИ

РЕСПУБЛИКА ТРУДА

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

КОМЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Б е р б е н ч у к, подполковник, командир отдельного армейского
разведывательного артиллерийского дивизиона

В а н и н, майор, заместитель командира дивизиона по политчасти

Д о б р о х о т о в - М а й к о в, капитан, начальник штаба

Н е р ж и н, капитан, командир батареи звуковой разведки

Л и х а р ё в, капитан, командир батареи топографической разведки

Г р и д н е в, старший лейтенант, уполномоченный контрразведки
СМЕРШ

А н е ч к а, капитан медицинской службы, врач дивизиона, фронто-
вая жена Ванина

Г л а ф и р а, жена Бербенчука

Г а л и н а

П р о к о п о в и ч, техник - лейтенант

П а р т о р г дивизиона, „освобождённый”

Н а ч х и м дивизиона

Я ч м е н н и к о в, лейтенант, командир взвода в батарее Нержина

К а т я

О л я — девушки из соседней части

С а л и й (Салиев) — два неразличимых

З а м а л и й (Замалиев) — красноармейца-татарина

П о в а р дивизиона

Сержанты и красноармейцы при штабе

Действие происходит 25 января 1945 года
в Восточной Пруссии

Декорации всех четырёх актов бессменны: это — зал старинного замка. В правой стене — несколько окон, задёрнутых шторами, перед ними — рояль, круглый столик с креслами. В задней — высокая парадная двустворчатая дверь, есть и другие, обычные. Надо всем — галерея военных предков, ещё выше — хоры. У левой стены — рация радиста на маленьком столике, мелочь мебели, ближе — радиола, ещё ближе — лестница наверх. Над сценою свешивается парадная, но не светящая люстра. Когда есть ток — горят несколько сильных электрических лампочек, наплетенных на люстру времянкой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене — полная темнота, только слева — красный глазок рации. Слышен в глубине звонкий командный голос.

М а й к о в

Держи, держи, ребята, не удай!
Там, наверху, с канатом!

Г о л о с *(сверху из глубины)*

Есть с канатом!

М а й к о в

Не ронь!

Салий! Огня сюда давай!
Какой там есть, зови сюда огонь!
(тише)

Вопросов нет? Спокойненько.

Сейчас его мы кантом, кантом.
Эй, Замалий, ты где тут?

Г о л о с

Я!

М а й к о в

За техник-лейтенантом

Бегом!

Из задних дверей, с лестницы и на хорах одновременно появляются разрозненные колеблющиеся огни — факелы, свечи в канделябрах и без них, керосиновые лампы, фонари, все они в движении. Из тем-

ноты постепенно проступает происходящее: огромное пристенное зеркало нескольких метров в высоту, отражающее на зрителя огни, валится на бок. Его поддерживают красноармейцы: снизу — руками, палками, сверху — верёвками. За правым столиком впереди — две женские фигуры.

Сюда! Светильники! И факелы! И свечи!
Эй, наверху!

Г о л о с (с хор)
Есть наверху!

М а й к о в
Легонечко травы!
Поддерживай, поддерживай! на плечи!
Подхватывай! подхватывай! лови!

Зеркало всё более и наконец вовсе валится на бок, оставаясь лицевой поверхностью к зрителю. Поставили на ребро. Передышка. Отвязывают верёвки.

Пор-рядочек армейский. Так. Ну, подняли! На тумбы!

Зеркало поднимают ребром на приготовленные тумбы.

Г а л и н а
Зачем вам зеркало?

М а й к о в
Яйцо Колумба!
Простая мысль. Не скрою — ради
Оригинальности отчасти,
Сегодня — праздник в нашей части,
Обширный ужин при параде,
А в этом зале нет стола — или упёрли кто.

Вспыхивает яркий электрический свет на люстре. После этого все огни гасятся, уносятся, кроме забытых двух-трёх свечей. Видно десятка полтора хлопочущих красноармейцев, которые потом постепенно тоже уйдут. Д о б р о х о т о в - М а й к о в, стройный невысокий светлоусый офицер отменной выправки, со многими орденами, иногда без надобности позванивающий шпорами. За столом справа — „карманная” А н е ч к а в военной форме и Г а л и н а, одетая строго, с преобладанием чёрного. Радист согнулся у радики. Зеркало блещет в зрительный зал. Майков, примерившись:

Не низко?..

(картинно облакачивается о подзеркальник с точёными ножками, торчащий теперь вперёд)

По вдохновению, Галина Павловна! Как пианистка,
Вы знаете — его не охватить логическим умом...

(жест солдатам класть зеркало плашмя, зеркальной поверхностью вверх)

... Вот так, чтоб люстра над стеклом...

Оно приходит к нам негаданно, необоримо, грóзово! —

Как Суриков — ворону с поднятым крылом

Увидел на снегу — боярыня Морозова!

А ну-ка, Дягилев, вот эту вот приставочку — долой.

Отходит, распоряжаясь. Пожилой Д я г и л е в любовно щупает подзеркальник, который ему приказано отбить.

А н е ч к а

Моложе я его. Двенадцатью годами.

Д я г и л е в

Тут, видишь, надо'ть с головой...

А н е ч к а

И, может, к лучшему, что разница такая между нами?

Д я г и л е в

Она, вишь, на шипах да на клею...

Р а д и с т

Приём, приём.

М а й к о в

Черта́ тут думать? — топором!

Быстро входит С т а р ш и н а, подчёркнуто приветствует Майкова, за ним — П р о к о п о в и ч. В сугубо гражданской унылой позе он долго потом стоит на заднем плане, как бы не замечаемый Майковым.

Что скажешь, старшина?

С т а р ш и н а

Я — насчёт скатерти...

М а й к о в

Концертный „Беккер”...

И мрачность готики... и скатерть белая... не стиль!
Без скатерти! Командуй: пятый Студебекер
Сюда, на зеркало, перенести!

Старшина козыряет.

Г а л и н а

С подругой детства, за романами романы осушая,
А, в сущности, всё повесть грустную о том,
Что охлажденья не минёт любовь мужская...

Д я г и л е в

(всё так же робко примеряясь к подзеркальнику)

Сказали — чем, товарищ капитан?

М а й к о в

Сказал я: то-по-ром!

Дягилев осторожно постукивает обухом.

А н е ч к а

Да?

Г а л и н а

Да.

Что если это неминуемая беда,
Так нет спокойней мужа пожилого,
Уж не изменит он, ни-ни.

М а й к о в *(отстраняя Дягилева)*

А ну-ка, Бурлов, шибани!

Другой красноармеец плюёт на ладони, берёт топор и в два удара с треском отваливает подзеркальник. Анечка затыкает уши. Из коридора бойцы начинают носить неисчислимое количество угощений, которые тут же, под руководством Майкова и Старшины, раскладываются, наливаются и насыпаются в вазы, графины, на блюда, на тарелки, ставятся в банках стеклянных и металлических. Несут в изобилии и пустую посуду, фарфоровую, серебряную, хрустальную, цветы. Обширный „стол” до отказа заставляется кушаньями и винами. Солдаты вышколены и четки до циркового предела.

Майков распоряжается театральными жестами.

Интересуюсь, Прокопович,

Вы — офицер или попович?

Что вы пришли?

Пр о к о п о в и ч (*собираясь уйти*)

Простите, мне сказали,
Что будто бы меня вы вызывали.

М а й к о в

Не будто бы, а вызывал.

А вы пришли и жмётесь, как мешок.
В чём дело? Света не было. Опять стоял движок?
Небось, искра́?

Пр о к о п о в и ч (*сокрушённо*)

Искра...

М а й к о в

Не может штаб работать в темноте!

За - пом - ни - те !

Сегодня свет не должен здесь ни на минуту гаснуть!

Вам — ясно?

Пр о к о п о в и ч (*отаптываясь*)

Но в функции мои, коль рассуждать формально...

М а й к о в (*трагическим шёпотом*)

К а к вы сказали? — *Рассуждать?* Печально.

А тысячёнка в месяц — как? А дополнительный паёк?

Да на гражданке б вас заездили как чёрта

За это маслице. Вы разве на войне? — вы на курорте!

И кто на радиоле мне исправит рычажок?

Кто вообще попрёт, за грубость извините мне, телегу-с?

Быть может, абиссинский негус?

Г а л и н а

Но, Анечка, но эти фрукты, вина...

Вы — часто так?

А н е ч к а

О, нет, сегодня — именины!

М а й к о в

И без того я вам смягчил муштровки школу.

Садитесь и чините. Радиолу.

В дальнейшем Прокопович осматривает неисправность, уходит, возвращается с отвёрткой, паяльником, радиодеталями, садится чинить.

На зеркало продолжают носить, но уже не так учащённо.

А н е ч к а

Конечно, вы сегодня за столом у нас.

С комдивом и женой комдива познакомились.

А про меня подумали: вот в голове ничуть?

С порога вздумала так откровенничать!

Г а л и н а

Да что вы!

А н е ч к а

Я ни с кем! Всё среди мужчин, всё жизнь кочевная,

Общенья женского мне так не доставало.

Придёте!

Г а л и н а

Неудобно...

А н е ч к а

Слышать не хочу.

М а й к о в

*(услышав обрывки их разговора,
продолжая распоряжаться)*

И будете царевною

Штабного бала!

Польстил бы я сторицею,

Что будете царицею,

Но, сами понимаете, — масштаб —

Дивизионный штаб...

А н е ч к а

Уйди! Привычка — вмешиваться в женский разговор.

М а й к о в

У-шёл!

А н е ч к а

Вот, собственно, и весь народ.

Ещё начхим — но это вздор,
А звукотехник — он не в счёт.
Ещё узнаете парторга —
Не испытаете восторга.
Ещё должны быть два комбата,
Но оба славные ребята,
Да вот один...

Л и х а р ё в

*(появившись из коридора, проходит, слегка прифокстро-
чивая, к радиоле. У него тоже шпоры и отличная строевая
выправка. Напевает:)*

Эс гзет аллес форюбер, эс гзет аллес форбай,
Унд нах йедем децембер комт видер айн май...

М а й к о в

Дитя моё, по скользкой ты идёшь тропинке.

Л и х а р ё в

Я отберу пока пластинки? *(Отбирает.)*

М а й к о в

Забыл ты край родной, забыл родной Прованс.

Л и х а р ё в

Живу, пока имею шанс.

М а й к о в

В трудах войны не ты ль, Иван,
Все эти годы был и дран,
И потен был, и был почти в лаптях?

Л и х а р ё в *(ощипываясь)*

Как кителёк, товарищ капитан, —
Не узок мне в плечах?

*(отбирает пластинки; взяв пачку, удаляется, пританцовы-
вая и косясь на Галину)*

Эс гзет аллес форюбер, эс гзет аллес форбай,
Унд нах йедем децембер...

А н е ч к а

А я боюсь одеться пышно.

Одна пестриночка — и та уж кажется излишней
На платки на моём. И как это ни горько —
Примерю что-нибудь, а лезу в гимнастёрку.
Я до войны и в институте одевалась девочкой.
Жаль, что теперь нельзя.

Г а л и н а

Как так — одеться не во что?
В каком хотите роде,
Сегодня здесь, в хозяйском гардеробе...
Зайдёте в комнату ко мне.

А н е ч к а

Спасибо, милая, зайду,
Но не найдёте вы...

Г а л и н а

Найду!
Не знала прежде я сама,
У венков набралась ума.

Р а д и с т

Рязань, Рязань! Всё понял. Кострома.
Приём.

М а й к о в

Когда ж ты позывные сменишь, косопузый?

Р а д и с т (*трясёт бумажкой*)

Да вот они! Да не довыкну я до этих до... Флоренций...

М а й к о в

И скифы мы, и азиаты мы, —

а, поглядишь, шарахнули французов.

Напёрли немцы — шуганули немцев.

А?! Прокопович? Как вы в рассуждении славян?

П р о к о п о в и ч

Я — занят, видите, товарищ капитан?

М а й к о в

Ч-чёрт, потрепаться не с кем.

А н е ч к а

И хочу заранее
Предупредить вас — не зовите меня Анею, —
Лишь Анной Зотовной. Здесь армия, я — офицер...

Г а л и н а

Да-да, пожалуйста, к обычаям своим
кто ж не привержен...

Р а д и с т (вскакивая)

Товарищ капитан! Вторая Бэ-Зэ-Эр
Снимается с порядков боевых, а Нержин
Здесь будет через час!

У Прокоповича радиола начинает работать. Музыка.

М а й к о в

Да два часа приказ передавал?
Мотай отсюда удочки!

Радист собирает рацию и уходит.
Галина взволнована и пытается скрыть.

Г а л и н а

Простите, или я...
Я не дослышала? Как он назвал фамилию?
Фамилию — как он назвал?

А н е ч к а

Какую? Нержин?

Г а л и н а

Да.

А н е ч к а

Вы знаете его?

Г а л и н а

Нет! То есть... знала
Когда-то одного... А — Бэ-Зэ-Эр?

А н е ч к а

Я б вам расшифровала,
Да ведь нельзя секретный наш дивизион.

Г а л и н а

Откуда он?

А н е ч к а

Кто?

Г а л и н а

Нержин.

А н е ч к а

Из Ростова.

Г а л и н а

Тогда не он!

А н е ч к а

А не земляк ли ваш?

Вы, помнится, сказали между словом...

Г а л и н а

Вам показалось.

А н е ч к а

Да? Быть может.

(с порывом)

А я... я не могу ничем помочь вам?

Что-то вас тревожит!

Весь вечер я смотрю на вас — вас угнетает что-то,

Какой-то страх, какая-то забота...

Г а л и н а

Вы с добрым сердцем родились. Спасибо вам за то.

Но здесь — помочь — не может мне никто.

Стол готов, хотя Майков ещё что-то переставляет. Снование солдат прекратилось. Прокопович ещё занят с радиолой. Музыка обрывается. Из коридора поспешно входит дородная Г л а ф и р а . Руки у неё заняты: сверкающий чайник и что-то в полотенце.

Г л а ф и р а

Кто это здесь? Ах, это вы, несчастная страдалица!

Вы — спасены, а сколько их, освобожденья

дожидаются,

Рабыни бедные! Я приняла вас к сердцу ближе... ближе...
Я вся дрожу!

А н е ч к а
Больна?

Г л а ф и р а
К а к я их ненавижу!
Да попадись мне фриц какой-нибудь обаполы,
Да я б ему глаза все расцарапала!
Такую девушку!.. Фашизм! Рабский рынок!

П р о к о п о в и ч
Вверх — станции ловить, а книзу — для пластинок.

Г л а ф и р а
Начальник штаба! Накажи его!
Что свет всё время тухнет?

Майков жестом отпускает Прокоповича.

Ходила я, ходила я — зашла проверить кухню.
На полочке фарфоровые, беленькие, в ряд
Вот эти двадцать девять баночек стоят!
*(высыпает их из полотенца и расставляет
на круглом столике)*

В головках дырочки и надпись. Хотя не знаю языков,
Но полизала языком, —
Где перец, мак, желток, укроп,
Где тмин, ваниль, орех, корица, —
Я их конечно сразу — хоп!
— Вот это нам годится!
Но что я? Майков! Мне же некуда грузиться!
Потом смотрите, что за прелесть:
Вставная маленькая челюсть.

А н е ч к а
Ты без зубов, бедняжка?

Г л а ф и р а
Я с зубами!
Но кто же знает, что случится с нами?

Подумаешь, не мне — на рынке загоню.
Их городские спрашивают по сту раз на дню.
Потом ещё: совсем случайно
Узнала я, что этот чайник
Не прост! О фрау о своих подумал изверг-Гитлер:
Поставь на печь и не смотри, кипит ли?
Он сам! — как закипит! —
Как засвистит!! —
А я услышала свисток — вот это нам годится!
Но что я, что я? — мне же некуда грузиться!
Изящный чайник!
Дюжину взяла бы!
Начальник!
Штаба!!..

М а й к о в

Глафира Евдокимовна. Я очень уважаю вас.

И всю вашу семью.

Три пары битюгов. И две автомашины. Как хотите, —
В обоз ваш больше не даю.

Г л а ф и р а

Комдив прикажет — и дадите!
Он мне даёт! Три пары битюгов!
Что ж, руки мне сложить в стране врагов?

А н е ч к а

Ты, правда, странная какая-то, Глафира,
Не понимаешь, что порочишь командира
И часть.

Г а л и н а

Я, Анна Зотовна, к себе. Вас буду ждать я.
(направляется к лестнице)

Г л а ф и р а

А что такое? что??

А н е ч к а

Так, ничего.

Г а л и н а

Примерить платья...

Г л а ф и р а

К о м у примерить? Ей? Да бросьте, Галочка, всё впусте!
При анечкином росте... анечкином бюсте...
Походит и в военном. Понимает ведь майор.
А что? У вас большой набор?

С а л и е в — или З а м а л и е в, их не различишь, — вбегает, запыхавшись, в правые двери, оставляя их распахнутыми.

С а л и е в

Комдив! С майором!
И с какой-то толстой старшим лейтенантом!
(кивает в далеко видный теперь второй зал в глубине)

М а й к о в (стремительно)

А ну-ка, фея!
Убрать трофеи!

Глафира поспешно собирает баночки в полотенце, схватывает чайник. Салиев исчезает. Галина замирает, застигнутая на первых ступеньках лестницы. Майков командует, как на параде полка, но с комическим оттенком:

Все по места-а-ам!! На одного линейного дистан-ция!
(идёт строевым шагом к роялю, открывает крышку)
Марш, м-м-музыканты!!!
(стоя играет „Турецкое рондо” Моцарта)

По второму залу приближаются из глубины и под музыку входят: высокий представительный подполковник Б е р б е н ч у к при многих орденах, румяный плотный майор В а н и н и очень молодой Г р и д н е в, уже одутловатый старший лейтенант с лицом херувимчика. Майков обрывает музыку и со всею строгостью строя, голосом, рассчитанным на обширный плац, с тою же игрой докладывает:

Товарищ подполковник! Разрешите доложить?!
Всё подготовлено к торжественному ужину!

Бербенчук торжественно принимает рапорт, делает жест „вольно!”, проходит вперёд, озирает зеркало.

Б е р б е н ч у к

Роскошный стол... Скота
(выразительно)

н е резали?

М а й к о в

Оставил жить!

Б е р б е н ч у к

И н е обидели гражданских?

М а й к о в

Таковых не обнаружено!

Б е р б е н ч у к (*оглядываясь на Гриднева*)

Ну что ж, я полагаю, угощение заслужено?

Г р и д н е в

Как говорил Суворов, то, что с бою взято, —
То свято.

Б е р б е н ч у к

Прекрасно сказано. И кстати очень.

Действительно, не взять добытое в бою как-то... обидно.

Прошу знакомиться: контрразведки СМЕРШ

уполномоченный! —

Начальник штаба!

М а й к о в

Майков.

Г р и д н е в

Гриднев.

Здороваются за руку. Майков тянет его вперёд и проходит на аван-
сцену между Анечкой и Глафирой, которая застыла с полотенцем
и чайником в руках.

М а й к о в

Я оч-чень рад! Я оч-чень рад!

Г р и д н е в

Чему так рады вы?

М а й к о в

Что будет полный штат!

Вы можете поднять меня на смех,

Но в штатах, как в штанах, — не выношу прорех.

Уполномоченные СМЕРШ буквально есть у всех! —
За что же нет у нас?
И вот прислали вас!

Всех смершевцев — люблю! На ногу тесной дружбы!
И на передний край катнуть и выпить первача!
Теперь и я представлю — капитана медицинской службы
Григорьеву — дивизиона нашего врача.

Г р и д н е в

Приятно познакомиться. Как говорят — змея вокруг чаши?

А н е ч к а

Вы очень милою остротой начали знакомство наше.
Теряюсь только я:
Где чаша, где змея.

Чётко выстукивая каблуками, отходит к Ванину, знакомит его с
Галиной у начала лестницы.

М а й к о в *(фамильярно толкая Гриднева в бок)*
А звать тебя?

Г р и д н е в

Владимир Николаич.

М а й к о в

Вовка?

Держи, я — Сашка!

Г р и д н е в

Не пойму!

М а й к о в

Да что ты брянским волком?
Узнаешь! Я — такой! Есть? — мне не жалко, — на!
(хлопает его по плечу)

Пор-рядочек! Пойдёт у нас шикарно!

Б е р б е н ч у к

Гм... Во-от... А это, значит... вот... моя жена
Со мною следует по разрешению штабарма.

Г л а ф и р а
(высвобождая одну руку и протягивая её как палку)
Глафира Бербенчук!

Г р и д н е в
(сдержанно здороваясь с Глафирой, Бербенчуку)
Есть, говорите, разрешение?

Б е р б е н ч у к
Да, да. Я специально подавал прошение.
Уж двадцать лет я в армии,
учения, походы, что ни говори...

Г р и д н е в
Понятно. Только женщин я тут вижу три,
А у меня застряло в голове,
Что вы дорогою сказали — две?

Б е р б е н ч у к
А третья... та...

Г л а ф и р а
Рабыня. Вырвана из гитлеровских лап.

М а й к о в
Хе-ге! Да ты, я вижу, больше насчёт баб!..

Г р и д н е в
Послушайте! Вы как-то странно сразу начали на „ты”.

М а й к о в
Да милый, ради простоты!
Повеселиться, поделиться,
Душой измученной открыться, —
Не строевик же ты! — листать тебе уставные страницы —
„Товарищ капитан” да „разрешите обратиться”!

Г а л и н а (Ванину)
Нет, нет, зовите просто Галей.

Г л а ф и р а

(из глубины резко окликая Бербенчука, который направляется к группе у лестницы)

Евгений! К ужину умыться и одеться не пора ли?
(завладевая им, ведёт к одной из дверей)

Г р и д н е в

По роду нашей службы нам разрешено
В обход армейского устава...

М а й к о в

Но-но-но!

Б е р б е н ч у к *(уже уходя)*

Начальник штаба!

М а й к о в

Я!

Б е р б е н ч у к

Устроить гостя...

М а й к о в

Первый класс!

Б е р б е н ч у к

А ужин — через час?..

М а й к о в

Есть ужин через час!

Глафира и Бербенчук уходят.

Спешу на кухню, но — позволь!
Ты наступаешь на мою любимую мозоль!
Да строевик, с постели ночью встав,
Уметь отбарабанить должен скоростью пожарной
На память боевой и внутренний устав,
И гарнизонный весь, и весь дисциплинарный!
Ведь так?

Г р и д н е в

Ну, так...

М а й к о в

Нет, ты скажи мне — так?

Г р и д н е в

Да так!

М а й к о в

Так для тебя же лучше делаю, чудака!

Я проявляю чуткость!

(быстро уходит за Ваниным и Анечкой)

Не успевшая Галина поднимается по лестнице.

Г р и д н е в

Гражданочка!

Галина продолжает подниматься.

Гражданочка!

Галина замедляет шаг.

Одну минутку!

Галина стоит на верху лестницы, Гриднев — в центре внизу. В продолжении дальнейшего действия напряжение в лампочках неуклонно падает, сцена всё время темнеет.

Спуститесь-ка сюда!

Г а л и н а

Мне некогда.

Г р и д н е в

Чем это вы так заняты?

Г а л и н а

Что вам?

Г р и д н е в

А у меня к вам дельце есть.

Г а л и н а

Я слушаю.

Г р и д н е в

Нет, слушать буду я. Вы станете

Рассказывать.

Г а л и н а
О чём?

Г р и д н е в
Спуститесь.

Г а л и н а
Слышно мне и здесь.

Г р и д н е в
Я не могу кричать.

Г а л и н а
Кричать? У вас и прав нет.

Г р и д н е в
А эта книжечка бордовая... *(достаёт удостоверение)*
...вы знаете, чем пахнет? *(перелистывает)*
Так... Предъявителю сего... задерживать гражданских лиц
О-по-зна-вать... Правам моим границ
Не знаете. Спуститесь же!

Галина сходит на несколько ступенек.

Ещё.

Галина сходит немного.

Ещё.

Галина почти сошла.

Сюда. Волнуетесь заметно...

Г а л и н а
Вы обращаетесь... *(она еле стоит, держится за зеркало)*

Г р и д н е в
При чём тут? Будем говорить конкретно.
Волнение
Приходит неспроста.
В ком совесть перед Родиной чиста,
Тот не... У вас
Есть при себе какое-нибудь удостоверение,
Какой-нибудь немецкий *пасс*?

Г а л и н а
Нет.

Г р и д н е в
Нет?

А — почему? Ведь немцы их давали нашим, не секрет.

Г а л и н а
Нам не было положено.

Г р и д н е в
Кому это?

Г а л и н а
Рабочим ОСТа.

Г р и д н е в
Но что-нибудь взамен?

Г а л и н а
Нагрудный знак.
Да-да!

Г р и д н е в
Я знаю. Я шучу. Я просто
Так...

Как аккуратненько вы с платица спорили остик, —
Хоть пятнышко, хоть чуть бы ярче полоса,
Галина...

Г а л и н а
Павловна.

Г р и д н е в
А? Чудеса?
Вы знаете, был в Англии такой философ Юм, агностик,
Он говорил — не верь своим глазам.

Г а л и н а
Скажите, я могу идти?

Г р и д н е в
Конечно, можете.

Галина порывисто всходит на первые ступеньки.

Задам

Галина останавливается.

Ещё вопрос: откуда вы?

Г а л и н а

Из Харькова.

Г р и д н е в

Как? Земляки?!

Все наизусть я харьковские знаю уголки.

И даже все дома по номерам.

Ну, улыбнитесь же. Приятно будет нам
Припомнить молодость... Игра войны!

Когда вы освобождены?

Г а л и н а

Когда я — что?

Г р и д н е в

Я говорю — когда
Освободили вас?

Г а л и н а

Ах, да!

Освободили... Прошлой ночью.

Г р и д н е в

Где?

Г а л и н а (сходит)

Здесь.

Г р и д н е в

Вы жили здесь?

Г а л и н а

Жила.

Г р и д н е в

И — долго?

Г а л и н а
С год. Не помню точно.

Г р и д н е в
Что вы здесь делали?

Г а л и н а
Прислугою была.

Г р и д н е в
Кем именно? Кухаркою? Дояркою?

Г а л и н а
Нет, горничной.

Г р и д н е в
А дома, в Курске, кем работали?

Г а л и н а
Училась. А в Харькове

Г р и д н е в
Нич-чего для времени военного местечко!
На губы просится словечко!
Передничек крахмаленный,
Воротничок мережный.
Хозяином какой-нибудь эсэсовец оскаленный,
В кругу домашнем нежный...

Г а л и н а
Прекрасно знаете, что силою нас брали с биржи...

Г р и д н е в
Но выбрали-то вас? Не мир же
На вас одной сошёлся клином?
Вы угождали в них кому? — фашистам ли? мужчинам?

Г а л и н а
Что я могла?

Г р и д н е в
Могли быть в армии, в отряде партизанском,
Могли быть Зоею Космодемьянской!

Но вы — вы птичка! Вы прекрасно разочли.
Забыли вы одно:
Что мы — придём! Что мы — пришли!!
Взгляните-ка в окно!
(подходит и отдёргивает шторы у трёх окон)

Мерцающее голубое сиянье разливается по залу, где свет лампочек
уже очень тускл.

Смотрите! — даже ночь сегодня голуба!
По трём шоссе — смотрите, сколько фар!
То катит ваша смерть! То занесла судьба
Карающий удар!

Галина обращена к окнам. За спиною Гриднева у неё на мгновенье
жест отчаяния.

И вон пожар! И вон — пожар! И вон, и вон — пожар!
(стучит кулаком в грудь)

Мы шли под танки, жизни не щадя,
За нашу Родину, за нашего любимого Вождя! —
А вы? — поджали ножки? с книжкой? на кушетке?
Смотрите — артиллерия! мотопехота! конница!
— И думаете, славная чекистская разведка

Захочет с вами церемониться?

Вы под святое сталинское знамя

Шмыгнуть намерились в победный час?

Но Маяковский нам сказал: тот, кто не с нами, —
Тот против нас!!

(наступает на Галину)

Она отходит и, споткнувшись о стул, садится.

Весь путь ваш, с кем вы виделись, с кем знались,
Откуда вы, куда, и для чего вот здесь одна остались, —
Доподлинно известно Органам.

Мы видим вас — насквозь!

А ну-ка, карты на стол! Маска сорвана!

(стучит по столу)

Не удалось!

Галина поникла. Пауза.

Единственно одно — чистосердечное признание
В глазах народа с вас снимает полвины.
Кто вам давал секретное задание?
Что вы здесь выполнить должны?

При последних словах Галина удивлённо поднимает голову, слабая улыбка освещает её лицо.

Г а л и н а

Ах, Боже мой! Слова такие беспощадные
И сказаны таким ужасным тоном...
Вы — любите конфеты шоколадные?
Я с детства неисправная сладёна.

(встаёт)

Пока никто не видит, стащим, а?
(берёт горсть из вазы и предлагает Гридневу)
Покушайте со мной! Не бойтесь! Не отравлены!
Ха-ха-ха-ха! Как вы застращены!

Вы думаете, я оставлена,
Чтоб подносить советским офицерам яд?
Не бойтесь, это тающий, прелестный шоколад.

(ест)

Пусть. Проглочу одна. Как верный пёс,
Издохну в корчах, доползя до двери.
Не жалко будет вам? Утешитесь, что ваш прогноз
Был абсолютно верен.

Г р и д н е в

Вы не пытайтесь...

Г а л и н а

Справедливо!

Как справедливо всё, что вы сказали мне!
Я — женщина! Я в мир пришла, чтоб быть счастливой! —

Мне дела нет — в какой стране

И при каком правительстве дурацком!
Военной формы не терплю и обожаю штатскую.
На сапоги зенитчицы я не сменяю туфли модные,
Ни на солдатские обмотки шёлковый чулок!
Откуда взяли вы, что я мечтаю быть свободною?
Хочу — рабою быть! Хочу — семейный уголок!

Что я мечтаю трактором пахать,
Откуда взяли ваши головы светлейшие?
Я, может, призвана смеяться и порхать!
Я, может, уродилась гейшею?!

Сто лет твердить — „равны“, „равна“ —
Возьмите равенство себе! И без него неплохо жили мы.
Вот новости! Кругом и каждому я что-то вам *должна*?

Я не брала у вас займы!

Три штуки слопала — и до сих пор жива.
Попробуйте.

Гриднев колеблется.

Стыдились бы. Вас угощает дама!
Ну, слушайте, зачем все эти пышные слова?

Вся эта мелодрама?

Ведь сами вы не верите тому, что говорите?
В таком мундирчике, как ваш, не ползают под танки.
А окажись войны игрою где-нибудь на Крите —
Махнули бы на всё, влюбились бы в гречанку...

Откуда я — из Харькова? Из Ровно?

Жила безгрешно ли? немножечко греша?

Ни перед кем и никогда не буду я виновна

Затем, что хороша.

Вы — юноша. Едва сведя отроческие прыщики,
Зачем вы тужитесь быть непременно сыщиком?

Нагородили — клятвы! трубы! трупы!

Вы пожалеете когда-нибудь, как это было глупо!..

Г р и д н е в

Галина Павловна! Надеюсь я... что я...

Г а л и н а (*идя вокруг стола*)

Траля-ля-ля, ля-ля, ля-ля!

Г р и д н е в (*следуя за ней*)

Помирился.

Г а л и н а

Мизинчиками? У меня болит сустав.

Г р и д н е в

Конечно, вы правы. Конечно, я не прав.
Но я раскаялся. Раскаянье...

Г а л и н а

Снимает полвины.

Г р и д н е в
По долгу службы должен был, простите.

Г а л и н а
Да никому вы не должны,
Поймите!

Г р и д н е в (*неотступно за ней*)
Галина Павловна! Где ваша комната?

Г а л и н а
Ого!
А больше — ничего?

Г р и д н е в
А больше — то, что я от вас не отступлю,
Я вас люблю!

Г а л и н а
Не смейте это слово!

Г р и д н е в
Ну не надо, ну нельзя,
Галина! Галечка! (*за плечи*)
Галю-
ся!!

Г а л и н а (*вырываясь*)
Пустите!

Г р и д н е в
До утра!

Г а л и н а
А после?

Г р и д н е в
В тыл отправлю.
Бумажки, справки дам! А хочешь — здесь оставлю.
Со мной — поедешь, а?

Г а л и н а
Но — как же?

Г р и д н е в

Ну, там придумаем! Ну, секретаршей!
А? Галя?.. Галечка?.. Ну, оглянись...
Война всё спишет. Кто узнает?

Пытается обнять её. Галина вырывается.

Г а л и н а (*сильно повышая голос*)
Я закричу.

Г р и д н е в (*оставшись на месте*)

Ах, так?..

Ну, ну. Кричи. Как нас учил великий гуманист,
Что если не сдаётся враг,
Его уничтожают.

Пауза. Они вдали друг от друга.

Кричи-кричи!.. Что горла, громко!
Вот прибегут защитники толпой!..
Давно ж ты не была в СССР. Не знаешь этой кромки —
Вокруг погонов кромки голубой.
Пусть прибегут. Скажу: а-рес-то-вал!
И — всё. И между вами — пропасть. И — в подвал.
Без хлеба и без сна на пятидневку!

Г а л и н а (*опускаясь*)

Две мерки к женщине:
застенка жертва — уличная девка...

Г р и д н е в (*постепенно подходя*)

Ты зря упрямишься... Ну, что ты потеряешь?
Сегодня — ночь. Разъедемся. Живи себе, как знаешь.

Лампочки еле светятся. В голубом сиянии окон всё сильнее багровый
отсвет пожаров. В наступающей темноте заметнее свет забытых
свечей. Из коридора вбегает и печатает шаг С а л и е в.

А ты зачем?

С а л и е в (*козыряя*)

Боец Салиев.
Приказано доставить вас на отдых!

Г р и д н е в (поколебавшись, Галине)

Так я приду к тебе. И помни: часовые
Стоят на выходах и входах.

Уходит с Салиевым. Галина идёт было к лестнице, подымается на несколько ступеней — но сходит назад. Бессильно, бесцельно бредёт по залу. Одну за другой задёргивает шторы. Садится за рояль, роняет голову. Потом начинает играть. Во время игры, не замеченный ею, в парадную дверь входит без шинели капитан Н е р ж и н .

Он останавливается, слушает. Беззвучно садится.

Когда Галина кончает играть —

Н е р ж и н

Дарф их зи биттен, гнедигес фройляйн,
Айн биссхен нох?

Галина вскакивает, встаёт и Нержин, они пытаются всмотреться друг в друга.

Г а л и н а

Серёжка!!!

Н е р ж и н

Галка!!

Коротко целуются, перебирают друг друга за руки, говорят наперебой. Вся сцена — при слабом свете и свечах.

Я...

Г а л и н а

А я...

Н е р ж и н

Ты отступала с немцами?

Г а л и н а

Ах, долгая история!..

Тебя узнать нельзя! в военной форме! капитаном!

Уехала? учиться. В венскую консерваторию,

По классу фортепьяно.

Н е р ж и н

Как?? — в Вене??

Г а л и н а

В Вене!!!

Где Моцарта, где Гайдна тени!..

Но — Люся?.. Перед сдачею Ростова
В бомбоубежище мы встретились.

В ней не было кровинки...

Н е р ж и н

Она бежала на Кавказ. И снова, снова
Куда-то в горы, под обстрелом, по тропинке...
Полуживая в Казахстан... Но объясни...

Г а л и н а

Ах, Боже!

Так много надо мне сказать тебе, Серёжа!

(мечется)

Куда пойти? Пойдём ко мне! Да нет, нельзя...

Н е р ж и н

Да что ты?!

Чего боишься ты?

Г а л и н а

Ты сам, ты сам со мною берегись!

Н е р ж и н

(расстёгивает кобуру пистолета)

Что, немцы здесь?

Г а л и н а

Ах, если б немцы! Желторотый
Какой-то бродит тут чекист.

Н е р ж и н

Штаб нашей части тут, ты бредишь.

Г а л и н а

Ты — не боишься?!

Н е р ж и н

Да чего ж?!

Г а л и н а

Ой, как тебе я рада! Ты сейчас поедешь —
Куда поедешь ты? Меня с собой возмёшь?
Скажи, что — можешь, умоляю!

Н е р ж и н

Я — ничего не понимаю!

Г а л и н а

Ты всё сейчас поймёшь!

Н е р ж и н

Ну, если хочешь, я возьму, конечно, но...
Но я ведь еду на передовую.

Г а л и н а

В какую сторону?

Н е р ж и н

Тебе не всё равно?

Г а л и н а

Нет, очень важно мне, в какую?
Хоть подвезёшь. Сойду — оттуда
Попробую сама добресть.
Ах, Игорь-Игорь, да! После такого чуда
Ты прав, что Бог на небе — есть!

Н е р ж и н *(оглядываясь)*

С кем ты? Кто — Игорь?

Г а л и н а

Мой жених.

Н е р ж и н

Он здесь?

Г а л и н а

Нет, к счастью, не у вас!

Н е р ж и н

Ах, он у н и х ?

Г а л и н а
Да, он у нас!

Н е р ж и н
Ну, что ни слово, то загадка.
Сядь, Расскажи всё по порядку.
Выходишь замуж?

Г а л и н а
Выхожу.
Да подожди, да Расскажу.
Ты видишь, я ещё дрожу.
Он тут допрашивал меня...

Н е р ж и н
Кто — он?

Г а л и н а
Чекист.

Н е р ж и н
Ка-кой?

Г а л и н а
Такой,
С рогами.

Н е р ж и н
Ну, успокойся, ты со мной,
А здесь, в полоске фронтовой,
Они не очень-то над нами.

Г а л и н а
Студентик хиленький! Куда! Стал выше, твёрже,
Движений, голоса спокойное единство.
Пусть говорят — ужасен фронт, а всё же
Мужчин перерождает он, как женщин материнство.
Когда поедешь ты? Нельзя ли поскорей?
Мне надо вырваться, уйти!

Н е р ж и н
Да что ты так торопишься? Ты ж не среди зверей.

Г а л и н а

Почти...

Н е р ж и н

Но что творится здесь? Тут зеркало упало?

Г а л и н а

Тут будет пир.

Н е р ж и н

А ты зачем? Как ты сюда попала?

Г а л и н а

Не сразу всё... товарищ командир.
Опять слова противные — „товарищ” да „гражданка”...
Как можно благородно: „господин”, „сударыня”!
... Для всех я — óставка, немецкая служанка,
Вчера *освобождённая* с приходом вашей армии.

Н е р ж и н

Зачем?.. Как занесло тебя сюда из Вены?
Кто твой жених?.. Что же молчишь ты, Галя?.. А?

Г а л и н а (*затруднённо*)

У вас это считается *изменой*.
Он — враг тебе. Он — офицер РОА.

Н е р ж и н

Не обязательно.

Г а л и н а

Что?

Н е р ж и н

Враг.

Г а л и н а

Серёжка!! Ты не оболванен?!
Зачем ты служишь им? Ты — наш?

Н е р ж и н

Чей — ваш? Не враг — ещё не значит друг.

Г а л и н а

Скажи, а тут вот комиссар есть — Ванин,
— Хороший человек?

Н е р ж и н

Я лучшего не знал.

Г а л и н а

А — политрук?

Н е р ж и н

Да тут не только что майор,
Тут все ребята на подбор.

Г а л и н а

Но если так, скажи: каким же роком?
Какими зельями? какою силой
Вас всех понудили служить *морлокам*,
Врагам народа нашего, врагам России?

Н е р ж и н

Кому?

Г а л и н а

Морлокам.

Н е р ж и н

Это — из Уэллса?

Г а л и н а

Нет, из Москвы, а старший их — из Гори.

Н е р ж и н

Морлокам. Шибко сказано.

Г а л и н а

Не смейся.

Всю юность просмеялись мы на горе.

Н е р ж и н

На наше горе, Галка, ты права.
Напоминают мне твои слова,

Как в детстве я по улице, беспечный ученик,
Бежал, свистел. Суровый подозвал меня старик:
„Не смей свистеть, щенок! На такой свирели
Россию просвистели”.

Г а л и н а

Не то, не то, ты всё ещё легко...
Не нравишься ты мне — как о чужой беде
Ты обо всём об этом рассуждаешь.
Да обернись, одумайся, — ты где?
Где ты живёшь, ты знаешь?
Есть уговор у нас, гляди —
(быстро вынимает что-то висящее на шее на цепочке)
Вот ампула, в ней яд мгновенный, —
Что если мы не встретимся и, Бог не приведи,
Я в ваши руки попаду, то мёртвой, но не пленной.

Н е р ж и н

Галина! Ты в уме?

Г а л и н а

Я не хочу изгнать в тюрьме!
Ни в Джезказгане — задохнуться пылью медной!
Ни в Заполярье — кровоточить от цынги!
Ни выбирать из мусора оглодки пищи бедной,
Ни продавать себя Хозяину тайги!

Н е р ж и н

Галина! Что за вздор?

Г а л и н а

Та-ков наш уговор!
Не убеждай, напрасных слов не тратить.
И он застрелится. Живым его не взять!
С-С-С-Р ! Ведь это лес дремучий!
Дремучий лес!
Законов нет, есть власть — хватать и мучить
По конституции и без.
Доносы, сыщики, анкеты,
Лауреаты и банкеты,

Магнитогорски и онучи —
Страна чудес!

Страна измотанных, запуганных, оборванных,
Трибуны главарей — один в один как боровы,
Туристам западным — зажиточность

потёмкинских колхозов,
Для школьников — доносчик на родителей Морозов,
С дверьми за кожей чёрной — комнаты-капканы,
В пять Франций — лагеря вдоль Вычегды и Камы,
Куда ни глянь — погоны с ядовитой бирюзой,
Вдов живомужних боязно отёртая слеза,
Матросовы придуманные, глупенькие Зои,
Аплодисменты,
Сто процентов

З А !!!

Страна чудес! За голод, за невзгоды
Единым выдохом хвалебные акафисты и оды!

Страна чудес, где целые народы
— Коммунистические чудеса! —

Переселяют в глубь Сибири

За двадцать и четыре

Часа!

Ваш Рокоссовский не вчера ли

Ещё был зэк,

Не человек,

В Сибири ж где-то на лесном повале

Не то стволы пилил, не то грузил на баржи,

Сегодня вызван, нужен, маршал, —

А завтра, может быть, опять его в тайгу??

Ой, не могу!..

Н е р ж и н

Мне страшно, Галочка. Ты — та, и ты — не та.

По новому светится каждая черта.

Ты одержимая. Твои глаза горят.

Кто всё это вселил в тебя? Откуда это случилось?

Г а л и н а

Как ваши комсомолки говорят, —

Пе-ре-ко-ва-лась...

Как будто люди — лошади. Да, жребий верно узнан:
Тяни и подыхай, один конец.
В одной и той же чёрной кузне
Заплечный нас ковал один кузнец.

Н е р ж и н

Я соглашусь во многом. Многое тут правда.
Но краска чёрная в природе не бывает сплошь.

Г а л и н а

Не спорь, не знаю я! Я буду мёртвой завтра,
Если сегодня ты меня не увезёшь!

Нержин погружён в слышанное.

Среди советских — как вести себя? что делать? научи.

Н е р ж и н

Сумеешь — грубых нас порадуя, позвени, похочи,
Пройдись разочек в слоу-фоксе.

Г а л и н а

А мы с тобой — знакомы?

Н е р ж и н

Н-нет...

Пусть будет так, что я тобой увлёкся.
Кто ж твой жених? Он белоэмигрант?

Г а л и н а

Да нет, как мы — из подсоветских.

Был лейтенант.

И в плен попал.

Н е р ж и н

И в армии немецкой...

Г а л и н а

Теперь уж в *русской* армии, ты опоздал,
Там русские дивизии и авиация при этом!

Н е р ж и н

Я слышал.

Г а л и н а

Слышал?

Н е р ж и н

Празжский зал
И учреждение *Комитета*.

Г а л и н а

Он мне рассказывал, он был! О, это будет грандиозно!

Н е р ж и н

Галиночка, Галина, — поздно.

Г а л и н а

Немного поздно, да.

Н е р ж и н

Галина, не немного...

Г а л и н а

Убийца, замолчи! Всегда ты был фанатиком!

Но жизнь — не математика!

Не всё же надо строго.

И мягко надобно, Серёженька...

Ведь у меня всего одна дорога,

Одна дороженька...

Ты Люсе так пиши: негаданно, нежданно

Твою подругу лучшую я сам отвёз к венцу.

Горели свечи. Скрябина играли. Странно,

Что чёрный цвет невесте был к лицу.

Мне не пришлось увидеть жениха,

И в церковь, где венчали, не вступил я на порог.

Но как невеста ни злосердна, ни капризна, ни плоха, —

Пошли ей счастья, Бог...

(рыдает)

Н е р ж и н

Галюша... Этого ещё... Сказал же — увезу.

День-два пройдёт, и ты...

Г а л и н а

Уже всё кончено. Одну слезу
От сердца полноты.

Откуда-то спустился ты как ангел
И вот опять уйдёшь, навек должно-нибудь...
Я так близка была к нему! — но танки!

Но ваши танки заложили путь!

О, если бы ты знал, как дрогнула Европа
В то утро страшное тринадцатого января,
Когда в её последние варшавские ворота

Вы двинули дубиною Иван-богатыря!

Всё закружилось, завертелось шабашом Вальпургия,
Кто онемел, кто извивался, кто бежал, а я —
Я кинулась сюда, чтобы прорваться к Растенбургу,
Где легион его, где он, где жизнь моя
Должна окончиться или начаться!

Н е р ж и н

Ах, вот он где!.. Я мог бы догадаться.

Г а л и н а

Что? что? что знаешь ты?

Н е р ж и н

Я... ничего не знаю.

Г а л и н а

Но ты сказал... ?

Н е р ж и н

Теперь я понимаю,
Как получилось то, что путь твой здесь пролёг.
Рассказывай, рассказывай, Галёк.

Г а л и н а

Уж всё. Из Вены десять суток я в пути. Бомбёжки,
Пожары, пересадки, эшелоны кувырком, —
И вот теперь, когда совсем немножко,
Когда б могла дойти пешком, —
Откуда — снова — вы? Поток, поток зловещий,
Войска, войска, нет перерыву им...

О чём ты хмуришься?..

Н е р ж и н

Что Пруссию мы взяли в клещи
И с часу на час их соединим.

Г а л и н а

Он там!!!

Н е р ж и н

Он там.

Г а л и н а

Мне говорили немцы, верить я боялась,
Зато у вас у каждого читаю на челе,
Что это так. Пусть так... Хотя бы мне досталось
Уйти из жизни с ним в одной петле.

Н е р ж и н

Галина. Галя. Подыми лицо.
Не побеждал ещё никто, лицо державший книзу.
Уж если едешь ты в *кольцо*,
То не с таким девизом.
Избранника не знаю твоего. Но если
Достоин он любви своей невесты, —
Скажи ему: спокоен я за русскую судьбу,
Пока у нас такие жёны,
Пусть до поры клеймёны мы по-разному на лбу
И в разные мундиры наряжёны.
Я обещаю: через двое суток
Ты будешь по́-тот бок,
Какие б ни были мои маршруты —
На запад, север или на восток.

Г а л и н а

Так руку!

Н е р ж и н

Руку!

Г а л и н а

С плеч гора!

Вторую!

(их руки соединены и скрещены)

Нет пути назад! Ура-а-а!!!..

Не будет много, если я тебя ещё раз поцелую?

Н е р ж и н

По-моему, не будет.

Г а л и н а

Господи, прости меня, шальную.

Целуются. Внезапно вспыхивает полный электрический свет.

Отталкиваются.

Ага!

Н е р ж и н

Ага!

Г а л и н а

Я ж говорю — страна чудес!

(весело бежит к роялю, играет)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же, те же, в тех же положениях. Не замеченный обоими, появляется Б е р б е н ч у к. Постепенно подходя, слушает.

Б е р б е н ч у к

Ах, вот кто здесь всей музыке виновник!

Г а л и н а *(встаёт, смущённо)*

Товарищ командир...

Н е р ж и н

Товарищ подполковник!

По вызову по-вашему...

Бербенчук делает милостивый жест: сейчас мы не на службе. В продолжении всей дальнейшей сцены он очень галантен, бас его переливается.

Б е р б е н ч у к

И я, и я играл когда-то.

*(садится за рояль, исполняет несколько тактов
„собачьего вальса”)*

Ну, как нашли вы моего комбата?

Он кавалер плохой, далёк от всяких этих... этик.

Средь офицеров наших он — чудаков и... теоретик.

Вы думаете что? — командовать легко?

Хо-го!

Тут мало... личной храбрости. Имей и хитрость лисию.

Усаживаются с Галиной за круглый столик, Нержин поодаль.

Сидят, скучают там, в штабах, но — начеку.

Чуть нет боёв — послать к Бербенчуку

Такую-то комиссию.

Ну, иногда у помпохоза им устроишь угощение,

И пронесло. А то — вези в подразделение,

Хотим на край передний, хоть умри!

Вот тут и думаешь: к кому? Ведь батарей-то — три.

Я не теряюсь — сразу за рога:

А что интересует вас? Да то, да сё... Ага!

Сохранность техники? Храненье документов? тайн? —

К Макарову! Аккуратист. Хозяин!

Катушка с кабелем? — на каждой бирочка:

„Ответственный — красноармеец Ляпкин-Тяпкин”.

Отчётность по имуществу? Читайте! Без задирочки

Красивым почерком, четыре папки.

Развед-планшет? Икона!

Сто листиков прозрачных, страшно тронуть!

И сам Макаров — де-ержится!.. Да нас, кадровиков,

Не хочешь — уважай.

Во-от... А второй — танцор и шалопай.

Он здесь сегодня, Лихарёв.

Задачи не дослушает — так точно! есть! пошёл!

Где поле минное — прошёл,

А где картофельное — сел!

(хохочет; Галина вежливо улыбается)

Стреляет влёт, на выпивку не слаб,

Но, извиняюсь, слишком смел

Насчёт, как говорится, баб.

Бойцы его — по закромам, по ямам, влезут в щёлку,
Запасов завались у них, мука бела.
А то свинью убьют — из жалости: осколком
На поле боя, бедная, поранена была!
(хохочет)

Г а л и н а (наивно)

Из пушки?

Б е р б е н ч у к

М-да. А шкура содрана — проверь. Так доскажу:
Сам езжу я к нему, комиссий не вожу.
Во-от... А приедет из Москвы в пенсне интеллигент:
„На уровне науки ли инструментальная разведка?” —
Такого — к Нержину.

Поправочка на влажность, гра-ди-ент,
Мы тоже, дескать, кормлены не редькой!
И как это ещё? Температурная...

Н е р ж и н

Инверсия.

Б е р б е н ч у к

Оближет пальчики! Доволен! Персия!
Пришлют инструкторов Политотдела — я уже
С порога вижу: плохо дело, кляуза!
И — к Нержину! Дадут вам там ума,
Почище вашего комбатом там наворачено!
Шмурыгнет носом у него последний чухлома
И вякнет про лиз-ленд, про Черчилля.

Он

(кивает на Нержина)

всё не по-людски. Не пьян, когда все пьяны,
Не спит, когда все спят. Дошёл до капитана, —
Уставы ж наши и традиции — смеётся, всё к нулю!
А впрочем, мягче стал. За это похвалю.
Женат. Жене дотошно верен.
И даже в верности чрезмерен.

Г а л и н а

Да разве верности есть мера?

Б е р б е н ч у к

Ну, знаете, для офицера!..

Что в штаб приехав за задачей боевой —
Он с вами?..

Н е р ж и н

Слушал музыку.

Б е р б е н ч у к

Ну да, но милый мой,
Война не ждёт! Там кровь, там жертвы поминутно.
(Увидев Салиева-Замалиева, вошедшего с вазой)
Сюда, Салий!

Н е р ж и н

(решительно встаёт, расстёгивает планшетку с картой)

Прошу задачу мне!

Б е р б е н ч у к (Галине)

Засушенный
Калифорнийский виноград. Трофейный. Кушайте.

Н е р ж и н (наступая)

Прошу задачу!

Б е р б е н ч у к

Подожди!

Г а л и н а (угощаясь)

Воюете уютно.

Н е р ж и н

Прошу...

Б е р б е н ч у к

Отстань!

Г а л и н а

Но где же вы доста...

Б е р б е н ч у к

Тут были склады Красного Креста.

Мне удалось установить,
Где именно, накрыли цель, —
Не курите?
(доставая из одного кармана кителя)
Вот сигареты Честерфильд,
(из другого кармана)
а вот — Камель.
(закуривает)

Галина Павловна! А как вы отнесётесь к мысли,
Что я вас в свой дивизион зачислю?

Г а л и н а

Да разве можно?

Б е р б е н ч у к

Назовите мне, чего не мог бы я?
Свой штаб, печать своя.
Зову портного — кителёк! и юбочку! скорее!
И по уставу сшить — и вместе помоднее.
Патриотизм какой! И в оборону вклад!
И как я лично был бы рад!..

Г а л и н а

Но чем полезна буду вам?

Б е р б е н ч у к

Не нам, не мне!
Галина Павловна, — стране!
Вот вы увидите сейчас —
Отдам приказ — и вас
Зачислят в список. Эт-то нам легко!

Стремительно входит М а й к о в с двумя красноармейцами.

М а й к о в

Где молоко? Где молоко?
Американское?
(поварёнок показывает на столе)

Немецкое?
(тот показывает)

Эх, чёрт!
(любуется столом)

Сгущённое?.. Сухое?..

Б е р б е н ч у к *(благодушно)*
Э-э, Майков.

М а й к о в *(рассеянно)*

Я.

(поварёнку)

А это что такое?

Б е р б е н ч у к

Э-э...

М а й к о в

Эт-то что тут за мужицкие стаканы?

Б е р б е н ч у к *(раздражаясь)*

Начштаба!

М а й к о в

Да!.. Убрать гранёные, болваны!
*(только тут, наткнувшись на Нержина, на ходу
запросто здоровается с ним)*

Б е р б е н ч у к *(грозно)*

Начальник штаба!!

М а й к о в

Слушаю!

(вполголоса)

Хрустальных, тонких, чтоб звенели!

Поварёнок убегает.

Б е р б е н ч у к *(яростно)*

Начальник штаба!!!

М а й к о в *(застывает „смирно”)*

Весь вниманье!

Б е р б е н ч у к

Неужели

Я!? — должен повторять?

Пауза. Майков своей навек застывшей готовностью рассеивает
это сомнение комдива. Бербенчук смягчается:

Вот эту вот советскую гражданочку,
Не знаю — барышню, не знаю — дамочку,
Бойцом в дивизион включить с сего числа.
Она уже согласие мне дала.

Н е р ж и н (*вставая, официально*)
Товарищ подполковник! Я...

Г а л и н а

Согласие? Когда же?

Б е р б е н ч у к

Вам ясно?

М а й к о в

Ясно!

Б е р б е н ч у к

Выполнять!

М а й к о в (*сокрушённо разводя руками*)

Нет прав.

Б е р б е н ч у к

У вас?

М а й к о в

У нас. И даже,

Увы, у вас.

Б е р б е н ч у к

Как так? Если приказами проведена...

Ну, как там нужно, сделай поформальней.

В конце концов, я — кто? я едино-

Начальник?!

Майков выразительно смотрит на Бербенчука. Тот слабеет.

Но если я хочу?... но ты... но я... тебе ведь

Виднее, как за это взяться.

М а й к о в (*скороговоркой*)

Инструкция ноль-ноль сто восемьдесят девять,

Приказ четыреста пятнадцать

Гласят, что без путёвки райвоенкомата,

Или без справки медсанбата...

Б е р б е н ч у к

Но для чего ты есть? Но ты начальник штаба!
Ну, сделай так или иначе...

Н е р ж и н

Товарищ подполковник! Я бы
Просил поставить мне задачу!

М а й к о в

(подходя к Бербенчуку, тихо)

Особенно теперь, когда
Здесь смершевец...

Б е р б е н ч у к

Ах, да...

Задачу?.. Ну, поди сюда.
(отходит с Нержиным)

Галина, стараясь быть незаметной, проходит и подымается по лестнице. Нержин развернул планшетку и на руках держит перед Бербенчуком карту.

Достань-ка карту. Во-от... Противник отступил к востоку
И закрепился... закрепился... Где же тут Либштадт?
Куда ж он делся?.. Гм... Был тут... А нет ли сбоку?..

Ну, в общем, *отступил назад.*

Мы — наступаем, и бои идут
(широкие жесты по карте)

Вот где-то тут... А может быть и тут...

Я даже допускаю, что уже
На этом рубеже...

Н е р ж и н

Я уточнить хочу. Сперва вы показали...

Бербенчук смотрит не на карту, а вверх, вслед уходящей Галине. Нержин умолкает. В правую дверь вбегает одетый по-зимнему запорошенный снегом С е р ж а н т.

С е р ж а н т

Товарищ капитан! На „Опель-Адмирале”
Наш повар...

М а й к о в

Что??

С е р ж а н т

Застрял.

М а й к о в

Но с тортом?

С е р ж а н т

Не может выйти. Держит на руках.

Галина ушла. Бербенчук наспех возвращается к карте.

Б е р б е н ч у к

Во-от... обстановка в основных чертах.

М а й к о в

Командой вытянуть! Какого чёрта?

С е р ж а н т

Кого забрать прикажете?

М а й к о в

Телефонистов!

Связных! и писарей! фотографов! топографов! радистов!

Сержант убегает.

Н е р ж и н

Но я не понял...

Б е р б е н ч у к

Разберёшься. Ты способный.

Начальник штаба разъяснит тебе подробней.

Рукой к козырьку отпускает Нержина и поспешно поднимается
вслед Галине. Нержин с измерителем и картой в руках смотрит
вслед Бербенчуку.

М а й к о в *(поглядывая на Нержина, напевает)*

КТО ИГЛОЙ ПО ИЗОДРАННОЙ КАРТЕ

ОТМЕЧАЕТ СВОЙ ДЕРЗОСТНЫЙ ПУТЬ!

(обнимает его за плечи, поворачивает к зеркалу)

А? Комм иль фо? Ну, оцени.
Ведь мы же вспомним эти дни!
Король Артур за круглый стол сажал,
Но кто же с зеркала едал?
Такое празднество забудется нескоро.

Н е р ж и н

Да что за повод?

М а й к о в

И... Два. Рожденья день майора

Н е р ж и н

И?..

М а й к о в

Ох, я и начудачу!

Н е р ж и н

Пока не пьян — поставь задачу.

Нержин выносит вперёд столик, раскладывает на нём карту,
оба садятся, причём Майков — с ногами на стул,
крест-накрест поджав их.

М а й к о в

Так. Обстановка. Обстановки
Никто не знает, как всегда.
Услышишь выстрел из винтовки,
Свернёшь машины к правой бровке,
Узнаешь-сходишь, не беда.
Либштадт. Река Пассарге. Мостом
На правый берег и — нах *остен!*

Н е р ж и н

К востоку? Подожди!!

(вскакивает)

Так Пруссия... ?

(рукопожатие с размаху)

М а й к о в

Котёл!

Наш корпус танковый сегодня днём дожал-таки:

Разрезал немцев и у Эльбинга прошёл
До Балтики!

Н е р ж и н *(в большом волнении)*
Мечта Самсонова!

М а й к о в
И торжества второй наш повод.
Бригада N-ская к тебе притянет провод.
Веди разведку в этом
(отчёркивает) секторе,
Все цели нам передавай по радио,
А некоторые
Дави с бригадою. Ты их найти изволь.
Твоя готовность к четырём ноль-ноль.
Где батарея?

Н е р ж и н
Уезжая,
Её оставил я на съёме.

М а й к о в
Так час-другой, душа родная,
Ты будешь гостем в этом доме?
Ты оценишь изысканность затей и угощенья.
Им не найти ценителя мне больно было б, Серж.
Всё хорошо: войны конец, весёлый день рожденья,
И этой милой девушки явленье, —
Так нет, приполз гадёныш СМЕРШ.

Н е р ж и н
Кто?

М а й к о в
Не видал ещё? Из Армии прислали.

Н е р ж и н
Уполномоченный?

М а й к о в
У-гу.

Н е р ж и н

Не фронтовик?

М а й к о в

Да где!

Да поросёнок розовый. Дерьмом чекистским напихали

В училище НКВД.

Весь мир его — училище: как одевали, как кормили,

Да как людей собаками травили...

Пойду. Состряпай донесеньице и схемку набросай,

Пометишь четырьмя утра.

Н е р ж и н

Но где передний край,

Где развернусь, не знаю, что ты, Сашка?

М а й к о в

Да ты пиши! Как Ванин говорит, *нужна бумажка*.

Ты — мне, я — в Армию, а Армия пошлёт

Во Фронт, а ты ночуй, и не доехав даже.

Ну, глупость напиши, кой чёрт там разберёт?

Сто тысяч там таких бумажек!

Узнаю утром новенькое что-нибудь — подправлю,

А нет — пошлю и так, подумаешь, проблема!

Н е р ж и н

Нет, это глупо.

М а й к о в (*выпрямляясь*)

Да? Так я, товарищ капитан, добавлю:

К пяти утра прислать связного с донесением и схемой.

Н е р ж и н

Куда прислать? Сюда?

М а й к о в

Ну да.

Н е р ж и н

Ещё глупей. Он и к шести утра,

И не сюда, в Либштадт не доберётся.

М а й к о в

А мне какое дело? Знать бы вам пора,
Вы — офицер, не детка,
За что глазами и ушами армии зовётся
Разведка вообще и, в частности,
артиллерийская разведка,
(по мере того как Майков увлекается,
Нержин любитесь им)

Что никогда ещё такого отношения строгого,
Не требовала чёткости такой документация,
Как именно теперь, когда мы к зверю в логово
Вступаем в окружении враждебной нации,
Как именно теперь...

Н е р ж и н (напевает)

ИЛИ БУНТ НА БОРТУ ОБНАРУЖИВ,
ИЗ-ЗА ПОЯСА РВЁТ ПИСТОЛЕТ.
(вдвоём)

ТАК ЧТО СЫПЛЕТСЯ ЗОЛОТО С КРУЖЕВ
РОЗОВАТЫХ БРАБАНТСКИХ МАНЖЕТ.

М а й к о в

Пи-ши! (уходит)

Оставшись один, Нержин чертит, пишет и разговаривает
между делом.

Н е р ж и н

Вот мне сказали бы в сороковом году,
В мои доверчиво неопытные дни,
Что я с высот Истории... безропотно сойду...
До неизменной штабной стряпни...

Входит В а н и н, куря трубку. Он каждый раз курит что-нибудь
новое — то сигарету, то папиросу, то из газеты махорочную цыгар-
ку непомерно больших размеров. Нержин не замечает Ванина.

Война за революцию!

Такой ли в юности тебя мы представляем?
Катушки с бирками...

Бумажки, чтоб начальство высшее провесть.
Всё выдумки — и героизм, и жертвенности тайны...

Как непохоже всё, что мы читаем,
На то, как это есть.

В а н и н

Вот удивил! Образование ума не прибавляет.
Читай поменьше, менее того — пиши.

Н е р ж и н (вскакивает)

Та-ащ майор! Вы, говорят, сегодня... Поздравляю!
И долгой жизни вам, от всей души!
(рукопожатие)

В а н и н

Спасибо, дорогой. Но я скриплю давненько,
Пора мне, слышь, на печку помаленьку.

Н е р ж и н

Да сколько ж вам?

В а н и н

Мне? Тридцать шесть.

Н е р ж и н

Все-го?

Мне столько же почти, а в мускулах, в крови...

В а н и н

Тебе-то сколько?

Н е р ж и н

Двадцать семь.

В а н и н

Хо-го!

До лет моих, милоч, ещё ты доживи.

Н е р ж и н

Но девять лет? Что в них? Велик ли ваш излишек?

В а н и н

Четвёртый-то десяток! — вот оно.
Показывает он и то, как жизнь промотана,
И то, что нет у ног кудрявеньких детишек.

Н е р ж и н

Детей?

В а н и н

Детей. Весёленьких, здоровых.
Мы все не понимаем схолоста.
Питаемся в нарпитовских столовых,
Ночуем у куста...

Н е р ж и н

Да-да-да-да! Как это вы сказали ловко! —
Вот именно — *столовка!*
Ещё не раз я ею детство помяну:
Доска облезлая, и мелом процарапано меню,
Всегда одно — капуста и перловка!..
Но поглядеть на вас сейчас — полны, в лице румянец,
Не выправка пускай, а всё ж армейский глянец,
Нет, не стары!

В а н и н

На вид! А чувствую, что стар.
Из муромской деревни, в НЭПовский угар
Приехал я мальчишкой в город,
И вот с тех пор кружусь... кружусь с тех пор вот...
Х-эх, было времячко!

Н е р ж и н

Я помню!

В а н и н

Помнишь? Ты?
По три копейки хлеб, да с дом величиной кино-анонсы?
А мы, стянувши пояса до туготы,
Шли штурмовать и верили, что мы штурмуем солнце!
Что запахи лугов вольются в города,
Что в сёлах заблестит хрусталь лабораторий,
Что четырьмя часами светлого труда
Все будем равные, все будем господа
Над жизнью. Над природой. Над Историей.
С субботников — на диспуты, с ячеек — в клубы,
С рабфаков — в Академии! — путёвку в зубы...

И не заметил, брат ты мой, я в этой суете,
Как жил и отжил. А теперь, как сорок мне без малого,
Ранения под Хортицею след на животе —
Рубец, извилистее перелёта Чкалова.

Н е р ж и н

Неповторимый НЭП! Под чьими небесами, —
Под нашими ты цвёл?.. И сами ж вы, вы сами
Его...

(делает душащее движение на горле)

Подойдя к радиоле, Ванин рассеянно включает её. Оттуда:

... Весть о новых грандиозных победах героической Красной Армии
вызвала прилив невиданного энтузиазма и небывалого патриотиче-
ского подъёма среди ивановских текстильщиц. На многочисленных
цеховых митингах работницы выкликают здравицы в честь гениаль-
но-мудрого стратега, вождя, отца, учителя и лучшего друга тек-
стильщиц — товарища Сталина. Прядильщицы Моломонова и Натя-
гушина 72 часа не отходили от своих сорока станков и досрочно
выполнили план 1969 года...

Ванин выключает.

В а н и н

Что — сами? Знаем, кривы сани.
Посердится на них кобыла,
А прёт и под гору и в гору.

Н е р ж и н

Арсений Алексеевич! Всё то, что было, —
Могло бы мягче быть? Без казней, без террора, —
С того последнего решающего спора
Между Бухариным и Сталиным?

В а н и н

Меж них

И спору не было. Один скрипел пером за семерых,
Другой повсюду расставлял людей своих.

Н е р ж и н

Та́к было?

В а н и н

Так.

Н е р ж и н

Тем хуже!..

Как скрыта истина Истории, и как её к тому же
Ещё темнят. У оппозиции у правой обнаружа...

В а н и н

Какая оппозиция права́, лева́,
Всё это, слышь, браток, — слова!
Что от меня добыть ты хочешь? Ты-то
Уж мог бы знать мой нрав.
Хотел Бухарин, чтоб была Россия — сытой?
Так он и прав.

Н е р ж и н

Ах, прав!? И я так думаю! Я чувствую порой,
Что в Революции, что в самом стержне становом
Есть где-то роковой,
Проклятый перелом,
Но где? Но в чём?
Когтями землю я царапаю, как зверь,
Я рылом под землёй ищу его на ощупь...

В а н и н

И я так думал раньше. Но теперь
Боюсь, что дело проще.

Н е р ж и н

Как?

В а н и н

А зачем тебе?

Н е р ж и н

А мне всего важней!

В а н и н

Сказал я: „проще”? Я обмолвился. Сложней.
Долгонек разговор. Не здесь его начать.
Тебе — статистику, тебе — колонки диаграмм,
В учёность эту я и сам
Не больно крещен.

Скажи по-умному: умеешь различать
слова и вещи?

Н е р ж и н

А... в отношении каком?

В а н и н

Ф-ф-ф! Умри!

Уже ответил — не умеешь.

Пять пиджаков над книгами протри —

Не поумнеешь.

Представь себе колхоз. Зажиточный, какого нет в Союзе,
Какого даже на картинках не расписывают нам,
Где не в ручную тачку — в три автомашины еле грузит
Колхозник хлеб свой, заработанный по трудовням.

Электро-дойки, -плуги, -вейки,
Во всём учёт и самый строгий план,
Где — ты не смейся! — ни одной общественной копейки
Никто и никогда не положил себе в карман.
Фруктовые сады, и пасеки, и фермы...

А общежитье — дом колонный.
Ну, и сидит какой-нибудь там хрен, наверно,
На яблоки и на квартиры выдаёт талоны.
Конечно, дисциплиночка: всё строго по звоночку —
Ведь дело миллионное, нельзя в нём без порядку.
Зайдёшь в правление — на завтра разнарядка —
Куда тебе, куда жене, куда сыночку.

Так вот: в такой колхозный рай
Мужик пойдёт по воле?

Н е р ж и н

Полагаю — да?

В а н и н

. Узнай,

Что — нет!!

К тебе бы в кабинет

Пришли, сказали бы: вот эту стенку мы сломаем,
Там за стеной такие же м-мыслители,
И чтоб крепить науку вашу, ви-ите ли,
Усилья мóзгов ваших мы сольём,
Исследований темы спустит вам Обком,

А от гостей, от праздников ваш интеллект храня,
Дадим звонок и распорядок дня! —
Ты б согласился?

Н е р ж и н

Не-ет! Свободу замысла утратить? Что вы!

В а н и н

Ага! А что ж мужик по-вашему — корова?
Он — годы, месяцы и сутки —
О чём он думает? Всё о желудке?
А у него от солнца одного горит лицо,
Когда над пахотой о жниве он мечтает?
А он, в саду своём он любит деревцо
За то одно, что яблочки с него снимает?..
Вот мой тебе примерчик с ноготок.
А из таких примерчиков плетётся жизнь, браток.
Кабы не он, не миллион таких „кабы”, —
Тогда садись, катай законы классовой борьбы.
Как, полицейские прочтя мои приметы,
Не можешь ты себе лицо моё представить,
Так общества не может марксов метод
Ни объяснить, ни исчерпать, ни к лучшему направить.
Конечно, Маркс во многом прав.
Но мир взрывать? но взяться пальцами
за эту электрическую ручку!?! —
Медведь, слышь, тоже костоправ,
Да самоучка.

Н е р ж и н

Гори, моя головушка!.. Я ждал от вас чего угодно,
Но не такого дальнего удара!
Вы так естественно, вы так свободно
Несёте сан и службу комиссара!

В а н и н

Я? Что же я? Догадкой смутной я живу.
В поток попав однажды, им плыву...
А главное, что лучшего-то я не вижу и не знаю...
Я — колокол: людей, вишь, в церковь я зову,
А сам в ней — не бываю...

Н е р ж и н *(ходит в волнении)*

Но как же жить? Но думать что?

В а н и н

Вот думать-то как раз

Не надо. Есть начальство. Есть приказ.

От думанья никто не потолстел. От думанья сгоришь.

А меньше знаешь — больше спишь.

Приказ! Куда вертят, туда и доворачивай руля.

Прикажут завтра, что земля квадратная, —

Тык-мык — и что же? — дело неприятное —

На митинги! — Товарищи! Квадратная земля!

Твой бывший политрук бойцам в ответ —

Спросили, помнишь, почему, что церкви снова честь? —

„Ошибся, я р0бятки. Г0в0рил, что Б0га нет,

А Б0г-т0, 0казал0сь, есть...”

(смеются)

Быстро входит М а й к о в, за ним С а л и е в и З а м а л и е в несут большой торт. Обегая их, семенит долговязый чёрный П о в а р в белой шапочке и измятой расстёгнутой солдатской шинели поверх белого передника.

М а й к о в

Я в подземелье посажу тебя, урода!

Такой измяли торт!.. Поставьте тут.

(показывает; Салиев и Замалиев торжественно ставят)

П о в а р

Товарищ капитан!

М а й к о в

Я капитан уже два года.

Никак в майоры не произведут.

А десять юбок где собрал? А опоздал? А пьян?

Гордись! Шпану такую — в подземелье!

Вопросы есть? Соломы клок. Воды холодной жбан.

П о в а р

За непорочную? За службу? Неужели?

Товарищ капитан!

М а й к о в

Нет времени, клянусь Зевесом,
Я сам бы сел для интереса.
О, камни древние темниц Средневековья,
Где билось столько благороднейших сердец!..

П о в а р (*со слезами*)

Отечество я защищаю кровью...

М а й к о в

... свиней подстреленных? зарезанных овец?
Арестовать!

Салиев и Замалиев бросаются на Повара.

П о в а р (*яростно отбиваясь*)

Но! Хамы! Тихо!

М а й к о в

Да завтра же сменю на повариху —
Молоденькую, чистенькую... у-у, скотина!
Один погибнет под бомбёжкой,
другой напорется на мины,
Потонет третий! — ведь хороший человек — он не живуч!
А ты? — травился, и горел, и падал с круч, —
И жив?

П о в а р

Ну, хорошо, сажайте, я умру невинный.

М а й к о в (*Салиеву и Замалиеву*)

Да не попутайте, там рядом погреб винный!

В а н и н (*задерживая их, Повару*)

Четыре раза нас тягал Политотдел
Из-за тебя! — а ты всё цел.

М а й к о в

Поссорился с комкором 35-го комдив
Из-за тебя! А ты всё жив!

П о в а р (высвободившись, развязно)

Из-за меня? А кто докажет? Здрасьте!

(снимает колпак)

Я жеребёнка приручил, а у комкора той же масти

Пропал!.. Теперь — испёк воздушный торт,

Во всей бы армии никто не мог такого испекти,

И этим я сегодня горд,

И —

(глядя на Ванина)

я могу идти?

Ванин машет рукой, освобождённый Повар, Салиев и Замалиев
уходят.

М а й к о в

Я б наказал.

В а н и н

Да ну его совсем.

Из тех, кто хапает, не самый он заметный.

Но шуток кроме, совсекретный

Приказ по фронту. Ноль-ноль-семь:

(тоном, как будто читает)

„При выходе на территорию Восточно-Прусскую

Замечены в частях Второго Белорусского,

Как в населённых пунктах, так и при дорогах,

Происходящие при попущеньях офицерства

Отдельные пока что случаи — поджогов,

Убийств, насилий, грабежей и мародерства.

Всему начальствующему, всему командному составу

Вменяется в обязанность, даётся право

В частях своих, а равно и чужих, не проводя раздела,

Для поддержанья воинской советской чести

Подобные поступки пресекать на месте

Любыми средствами вплоть до расстрела.”

Н е р ж и н (свистит)

Сильно! А как же быть с инструкцией Политотдела

О нашей о священной мести?

А как — посылочки? А батарейные тетради

Под заголовком „Русский счёт врагу”?

М а й к о в

Ба-бадюшки! Скажите Бога ради —
Так я обоз Глафиркин вышвырнуть могу?

Н е р ж и н

Вот это здорово! Ивана заманили,
Ивану насулили, Ивана натравили,
Пока он нужен был, чтоб к Балтике протопать...

М а й к о в

Не пить ликёров? Тесто — без ванили?
Сушёную картошку лопать?
Не-ет, это недоразумение!
Конечно, будет *Разъяснение...*

Н е р ж и н

Полмира обещали мы ему, к прыжку готовясь...

М а й к о в

Я гастроном, я вовсе не толстовец.

Н е р ж и н

Он дорвался — чур, не игра, кричим мы, чур!

М а й к о в

Победа без обеда?? Это чересчур!

Н е р ж и н

У нас румянец девственный — погоны, гимн и церкви!

М а й к о в

*(откидывая штору; из окна уже светит
не голубым, а багровым)*

Вы посмотрите, что за прелесть эти фейерверки!
(задёргивает)

Насилья — да, насилия — ужасны!
Но если немочка, как говорят, сама согласна ?..

Н е р ж и н

Солдат, с которым я лежал в болотах Ильмень-озера,

Солдат, с которым нас в упор клевал
одноmotorный „Юнкерс”, —
Его — расстреливать? За то, что взял часишки „Мозера”?
И даже пусть — что затащил девчёнку в бункер?
Прощаясь с жизнью там, в орловской ржи,
В палёных запахах, в дыму,
Я жал к земле его — *не наша*, может быть, лежи! лежи!
И на него теперь я руку подыму?
Вы перед наступлением не так ли непреложно
Приказ оправдывали противоположный?

В а н и н

Оправдывал, так что ж?

Н е р ж и н

Так где же истина? Где ложь?
Вы говорили, что солдат страдал,
Что ждать его должна в конце пути награда... —
И вот теперь стрелять в него мне надо?

В а н и н

Попробуй, выстрели! Катну под трибунал.

Н е р ж и н

Как, а приказ?

В а н и н

А что приказ?

(дует)

бумажка !!

Уж если что надвинулось, идёт, так быть ему!

Букашка!

Не мнишь ли управлять событиями?
Приказ? Исполни в меру. Не казня. Не сокрушая.
От крутости себя вы отучите-ка.
Идёт по нашим жизням маленьким — большая
И, часто, грязноватая Политика.
(обнимает разом Майкова и Нержина)

Друзья-друзья!

Как часто зря

Себя в сомненьях и в решеньях мучим мы,
А и без нас всё, всё идёт на свете к лучшему.

Н е р ж и н

Арсений Алексеевич частенько повторяет:
„Всё к лучшему”, „Образование ума не прибавляет”,
„Не берегись начала, берегись конца”, —
Я в поговорках тех никак не доищусь до ядёрца.

М а й к о в

Где ж, дьявол, к лучшему? Мы жили тихо, мирно,
Как будто ангел плыл над нами, крылья распростерши,
Так нет, припёрся этот жирный
Свинёнок розовый из СМЕРШа.

Н е р ж и н

Терзает девушку...

В а н и н

Уже?

М а й к о в

Во всё суётся, лезет...

В а н и н

У нас не разгуляется. Где сядет, там и слезет.

М а й к о в

Да! почему? У всех уполномоченный сидит как чирь,
А к нам пришлют — неделя, месяц, — шнырь —
И нет! И тишь, и гладь. За что такая льгота?

Н е р ж и н (*пожимая плечами*)

По Гауссу. Рассеиванье. Отклонение от правил.

В а н и н

Какой там Гаусс! Звездочёты!
Я! Я их сплавил!

Н е р ж и н, М а й к о в (*вместе*)

Как? Вы?

Н е р ж и н

Но что вы делали?

В а н и н

Кропал по-тихому на них *материальчик*.
Ведь он запрётся — пишет, гад, ты не смотри, что мальчик.

(гневно)

Я снизу доверху их видел — благодатнейшие ряжки!

Как говорится, сами кобели,

Ещё собак для службы завели, —

Но и над ними есть, над ними есть! — *бумажка!*

М а й к о в

Но что писали вы?

В а н и н

А что придётся, без разбору.

Мне лишь бы наперёд, не дать им только фору.

Один сболтнул спьяна строенье органов секретное,

Другой скрывает данные свои анкетные,

Тот выражал неверие в победу, тот симпатии к врагу, —

Да что я, вспомнить всё могу?

А написал — пошлó! Друг друга лопают как крысы.

У них и бдительность,

У них и мнительность,

Кудрявчика выдёргивает следователь лысый,

Скроит ему вину, не в этом — в чём другом,

Да у кого из нас её не сыщешь, присмотревшись?

Я из-за них в году тридцать седьмом

Пять месяцев не мог поспать раздевшись:

Вот-вот по лестнице, вот-вот и постучат...

Старушка мама в час, как все запрутся, —

„Что ж это будет, Сеня? Что ж они хотят?

Людей пересажают всех, а сами останутся?”

И ходит-ходит, ставни-двери крестит

Слабеющим движеньем сморщенной руки...

Не проходило ночи, чтоб не шли аресты,

Чтоб не шныряли воронки.

Пересажали в городе бояр, детей боярских,

Вельмож партийных, профсоюзных,

буржуазных, пролетарских,

И сошку мелкую, и крупную, — а я живу,
А я трясусь на кожаном диване.
Остались в городе: начальник ГПУ
И я, Арсений Ванин.

Уж я готов был рассказать и подписать всё как телёнок,
С кем связан был от самых от пелёнок,
Уже дела все сдал — не взяли! уцелел!..

М а й к о в

А я, любимец муз, едва не погорел.
(взоры обоих обращаются к нему; Майков непринуждённо садится на край зеркала и побалтывает ногами)

Какой-то умник высказал догадку,
Что на плакатах, на блокнотах, ученических тетрадках,
В картинах, статуях, во всём,
 чего касались кисть, резец и карандаш,
— Таятся агитация, террор и саботаж.
И началось течение, поветрие, поморье:
Искать и нюхать до упаду, до полегу —
Бородку Троцкого в ветвях дубка у лукоморья,
„Долой ВКП/б/” на поясе у вещего Олега.
Сейчас-то я, конечно, импрессионист,
Но был когда-то узколобий реалист.
Кончая в Строгановском отделение скульптуры,
Как полагается, работою дипломной,
Изобразил я поцелуй Психеи и Амура
Довольно натурально и... не очень скромно...
Между мужчинами сказать, когда срывают розы,
Вы сами знаете, бывают... позы!

(соскакивает и попеременно то за Амура, то за Психею
пытается изобразить свою скульптуру)

Она — откинулась, одна рука повисла,
Он — взял её вокруг талии, склонился к ней — вот так!
И что ж? Какой-то комсомолец, остолоп,

додумался до мысли,
Что здесь скрывается фашистский знак!
Уж речи нет о выпуске ни о каком,
Меня туда, меня сюда, меня в партком,
Над бедной группой моей — вся детективная гимнастика,
Учёные мужи, комиссии — действительно ли свастика?

Одно-другое-третее жюри —
Да если б знал я?! — мифология! огнём она гори!
Однажды в заседаньи сам директор, цепеня,
В который раз присел перед Амуром и Психеей,
И я не выдержу — уж так на них был зол! —
Из зала крикнул: „Вы залезли бы *под стол*! —
Оттуда, может быть, виднее?“
И сразу было решено, что — свастика, что, де,
Пора заняться этой парочкой эН-Ка-Ве-Де.

В а н и н

Х-эх, это был весёлый год,
На анекдоте анекдот.
Сел мой знакомый, врач ветеринарный —
Личина сорвана с тебя, признайся, враг коварный,
Ты отравлял колхозный скот?
На стула кончике сидит мой врач дрожа:
За эти годы не было, простите, падежа.
— А вам хотелось бы, чтоб был? А вам бы...
И — по зубам, и — по зубам,
Да на неделечку в подвал под во́ какую лампу! —
(*двумя руками показывает над головой шар*)
А хлебца — триста грамм...
Уснуть нельзя: уснёт — сейчас же будят...
Пишите — отравил. Колхозного верблюда.
Наглеешь, сволочь? Издеваться? Над ЧК?
И — под бока, и под бока.
Признайся, гад! Иначе
Послать тебя туда придётся,
Где девяносто девять плачут,
Один смеётся.
Пришлось признаться — парень в лоск ослаб.
Но, сохраняя мысли остроту,
Дал показание, что прививал он сап
Рогатому скоту.
И сразу — булочку ему и дополнительные щи,
Пятнадцать лет, на Север, десять однодельцу, —
Прошла ежовщина, вдруг кто-то разыщи
Его потерянное дельце.
Что значит — врать по-умному! — и ложь-то,
Она не всякого спасёт.

Додули мудрецы: болеют сапом лошади,
Но не рогатый скот!
... Так вот с ним в камере сидел один дедусь —
Сермяга, лапотник, ну — Русь,
Суда не дождался, почил он в Бозе.
Чтоб следователь душеньку пустил на покаяние,
Дал показанье дед, что у себя в колхозе
Подготавливал вооружённое восстание.
Что танк имел, одиннадцать гранат
И сколько-то охотничьих двустволок,
Что цель имел — идти на Ленинград,
Насилуя дорогой комсомолок...
Военная Коллегия Верховного Суда
По двести приговоров в день пекла тогда.
Судили так: взведут бегом по лестнице два конвоира:
— Петров? — Петров.
(А то и Петушков, попутают случайно.) —
Стоят, присесть им некогда, торопятся отчаянно.
Морской порядок: свистнут — вира!
Нагрузят десять-двадцать — майна!
... А иногда бывало так:
Прислали из Челябинска несуженных этап.
На север, под Печору.
На двор их выгнали — заслушать приговоры.
Выходит лейтенант в сапожках хромовых,
За ним сержанты с папками — „дела”, „дела”!.. —
На Тришкиных, на Мишкиных,
Мандрыкиных и Громовых —
А лютая зима была!
Все топчутся, все ёжатся, вокруг солнца — колесо,
Попробуй пальчиками голыми листочки перебросить! —
Чтобы себя не мучить и людей: „Судило вас ОСО”, —
Он объявил, — „по десять всем, а кой-кому по восемь.
Понятно?.. Р-разойдись!..” Па-ашли...
Легли на нары...
Пауза.
Ну, Майков, что молчишь? Развесели.
Тащи сюда гитару.
Майков уходит. Вся поза Нержина — напряжение.

Н е р ж и н

Так значит, правда всё, что говорили
Про истязания, про пытки?..

В а н и н

— А?

Н е р ж и н

Что били, мучили, что голодом морили,
Что в баню голых по снегу водили,
Что в одиночку впихивали дюжину?..

В а н и н

Когда...

Когда толкали в камеру пред утром, на заре,
Тех самых, что сидели при царе, —
Настолько необычен был для них событий ход,
Настолько неизмеренным падения несчастье,
Что к новичкам кидались — *чей переворот?*
Товарищи! Скорее! — *Кто у власти?*

Входит М а й к о в.

М а й к о в (*поёт, перебирая струны*)

ГАСНУТ ДАЛЬНЕЙ АЛЬПУХАРЫ
ЗОЛОТИСТЫЕ КРАЯ,
НА ПРИЗЫВНЫЙ ЗВОН ГИТАРЫ
ВЫЙДИ МИЛАЯ МОЯ!..

В а н и н

Нет, эта песенка не вдóсить весела.
Есть песни краше...

М а й к о в

Какую ж вам?

В а н и н

Про степь, что за Волгу ушла...
Про степь сыграй нам, Саша.

Садятся у круглого столика, Майков с гитарой. Поют.

В м е с т е

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО СТЕПЬ ЗА ВОЛГУ УШЛА...
В ТОЙ СТЕПИ ШИРОКО БУЙНА ВОЛЯ ЖИЛА...
ЗНАТЬ, В СТАРИННЫЙ ТОТ ВЕК ЖИЗНЬ НЕ В РАДОСТЬ БЫЛА,
КОЛЬ БЕЖАЛ ЧЕЛОВЕК ИЗ РОДНОГО СЕЛА.
ПОКИДАЛ ОТЧИЙ КРОВ, РАССТАВАЛСЯ С ЖЕНОЙ,
И ЗА ВОЛГОЙ ИСКАЛ ТОЛЬКО ВОЛИ ОДНОЙ...

Аккомпанемент смолк, но Ванин повторяет голосом,
близким к рыданию:

В а н и н

Покидал отчий кров, расставался с женой,
И за Волгой искал только воли одной.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Те же. В тех же положениях. По лестнице спускается
Г л а ф и р а, одетая к ужину.

Г л а ф и р а

Начальник штаба! Капитан!
Комдивом час всего был дан,
Но вот и два прошло с тех пор...
(заметив Ванина, круто снижает тон)
Я извиняюсь, тут майор.

Ванин и Нержин по-прежнему сидят неподвижно. Майков, с досадой
ударив по струнам, встаёт, мгновение как бы обдумывает, потом
трижды хлопает в ладоши.

М а й к о в

Салий и Замалий!

С а л и е в и З а м а л и е в одновременно выскакивают
из левой и правой двери.

С а л и е в и З а м а л и е в

Мы тут!!

М а й к о в

(показывая на пиршественный стол)

В атаку на большой редут
Созвать гостей!

(толкает Глафиру гитарой в бок)

— гуляй, моя девчёнка! —

И чтобы через пять минут

Я видел в центре поросёнка,

А через семь — консервные котлеты!

*(снова хлопает в ладоши; Салиев и Замалиев трижды
балетно мечутся по сцене; Глафире)*

Что скажет член военного совета?

Г л а ф и р а

*(в стиле вульгарной цыганищины перебирает ногами,
играет и поёт в быстром темпе)*

ГИТАРА МИЛАЯ, ЗВЕНИ-ЗВЕНИ,
СЫГРАЙ, ЦЫГАНКА, ЧТО-НИБУДЬ ТАКОЕ,
ЧТОБ Я ЗАБЫЛ ОТРАВЛЕННЫЕ ДНИ,
НЕ ЗНАВШИЕ НИ ЛАСКИ, НИ ПОКОЯ!

Салиев и Замалиев уже убежали. С последней нотой Глафиры Майков включает на радиоле громкий фокстрот и ведёт Глафиру. Она обхватила его спину гитарой. Почти тотчас же из коридора в сложном тройном танце врываются Л и х а р ё в и две девушки в военной форме — К а т я, повыше ростом, развязная, с расстёгнутым стоячим воротом гимнастёрки, из-под которого сверкает подворотничок, и О л я, скромная блондиночка. Следом за ними входит и ритмично похаживает вокруг тройки Н а ч х и м — лысоватый, пожилой, полный. Лихарёв отдаёт ему Катю, и вот уже три пары носятся по залу с быстротой, возмещающей малое число танцующих. Ванин за это время встряхнулся, медленно прошёл к радиоле и включает музыку. Все останавливаются. Глафира рассматривает девушек, они — её. Нержин сидит на прежнем месте.

В а н и н *(Нержину)*

Ты понял? Я согласие давал
На ужин маленький, семейный,
А тут выходит целый бал.

М а й к о в *(оглядываясь)*

К тому ж довольно беспартийный.

Г л а ф и р а
С кем Лихарёв согласовал?..

Л и х а р ё в
Прошу простить, та-ащ майор,
Я знал, что женщин недобор,
И если я не разыщу...

М а й к о в
То кто же их найдёт!

Л и х а р ё в
Звать немок я не мог.

М а й к о в
Не мог, как патриот!

Л и х а р ё в
Бегу искать, але, але,
Смотрю — знакомый Шевроле,
Ночует в этом же селе
Знакомый штаб, начальник штаба части!
А по расчётам фронтовым
Мы с ним
В родстве отчасти... —
Сестра с ним общая у нас.

В а н и н
Твой брат?
Так звать его!

М а й к о в
Ты поступил по-свински!

Л и х а р ё в
Да нет... поймите... медсанбат...
Сестра была... сестрою медицинской.

К а т я
Аркадий, ты... ты негодяй!

Л и х а р ё в
К нему! — товарищ! выручай!

В беде не бросит. Машинистку Катю
(представляет её Ванину)

На сутки, как в кино-прокате, —
Пожалуйста, бери.

Одну? Ты шутишь! Нужно три!
Две минимум.

„Нет у меня”. — Смотрю, мелькнула глазом синим.
А эта? — „Тут... проходит подготовку, снайпер ”
Что, курсы? — „Индивидуально.”
Я — слово офицера: только чай пить,
Ни вальсов, ни вина, буквально.

Г л а ф и р а

За женщину дать слово наперёд!

В а н и н

А танцевал?

Л и х а р ё в

Осмелюсь доложить — фокстрот.
Уговорил: на час, не боле,
Он отпустил со мною Олю,
(представляет Ванину)
Ей нужно рано-рано спатки.

В а н и н

Откуда ж вы?

О л я

Из Вологды.

В а н и н

В порядке

Мобилизации?

О л я

Я добровольно. Комсомолка.

В а н и н

Дитя моё! Вы думали, без вас не одолеем?
Вздыхали бы над книжечкой, бродили по аллеям...
Беспечность юная, где ты?..

М а й к о в
И сколько
Уже убили немцев?

О л я
Ах,
Я не была ещё в боях.

Начхим алчно оглядывает стол и ищет собеседника в Нержине.

Н а ч х и м
Не понимаю, до каких же пор мы
Губить здоровье будем воздержаньем?
П а р т о р г (входя с Г р и д н е в ы м)
Национальная по форме
И социалистическая содержанием.
Ведь так?

Г р и д н е в (несвободно)
Конечно, да.

П а р т о р г
И долг партийный...

Проходят по сцене. Слева входит в парадном мундире сияющий
Б е р б е н ч у к. Майков с аффектацией пытается начать рапорт:

М а й к о в
Товарищ под...

Б е р б е н ч у к (великодушно останавливает)
Откуда девушки, вопрос мой будет первый?

Л и х а р ё в
(подхватывая Катю)
В порядке аварийном.
(подхватывая Олю)
Из тыловых резервов.

Знакомятся. С а л и е в и З а м а л и е в на больших блюдах вносят
по поросёнку. В дальнейшем они прислуживают за столом. Майков
время от времени отрывается на беззвучные распоряжения им
и другим красноармейцам.

П а р т о р г
На заседаньи партбюро
Мы это всё обсудим.

На самом верху лестницы появляются Г а л и н а в бальном туалете
и А н е ч к а, преображённая нарядом и причёской. Гриднев первый
замечает их и спешит встретить Галину.

Г р и д н е в
Да, да, обсудим, секретарь.

К а т я (Бербенчуку)
Старо, комдив, старо!

Н а ч х и м
Как, Нержин, думаешь, мы кушать всё же будем?

П а р т о р г
Ох, блюдо, неужели серебро?

Г л а ф и р а
Чего мы ждём, Евгений, наши все!

Б е р б е н ч у к
(тоже заметив Галину и постепенно
подвигаясь ей навстречу)

Ну где же все, когда во всей красе,
В вечерних туалетах, посмотрите!..

Г л а ф и р а (бросается, опережая его)
Ах, Анечка, какой нелепый бант!

Из-за неё Бербенчук замешкался и не поспевает к Галине.
К ней подошёл Гриднев.

Г р и д н е в
Ты где была? Я заходил.

Г а л и н а (с достоинством)
Товарищ старший лейтенант?..

Г р и д н е в
Ты что, забыла?

Пытается взять её за руку. Меж ними втискивается подоспевший
Н е р ж и н.

Н е р ж и н

Виноват.

(предлагая Галине руку)

Вы разрешите?

Галина подаёт ему руку, Гриднев заступает дорогу.

Г р и д н е в

Вы кто такой?

Н е р ж и н

А вы?

Г р и д н е в

Нет, вы?

Н е р ж и н

Я здесь комбат,

А вы?

За это время вкрадчиво подоспевший Бербенчук уводит Галину.

В глубине — предпиршественное оживление.

Гриднев и Нержин — на авансцене.

Г р и д н е в *(пытаясь настигнуть Галину)*

Алё, алё!

Куда же вы? куда же?

Н е р ж и н *(преграждая путь)*

Так кто же вы?

Г р и д н е в *(пытаясь обойти)*

Не ваше дело.

Н е р ж и н

Не моё?

А девушка — не ваша.

Г р и д н е в

А вы остры на язычок.

Н е р ж и н

Не притворюсь, что простачок.

Г р и д н е в
Свободны в обхожденьи.

Н е р ж и н
Не за́ словом в карман.

Г р и д н е в (*пристально, очень значительно*)
А — кто вы есть, товарищ капитан?

Н е р ж и н
Я вам сказал: комбат.

Г р и д н е в
Да нет, по *соц-происхождению!*

Н е р ж и н
Я не ослышался?

Г р и д н е в
Я думаю, что нет.

Н е р ж и н
Спросили вы...

Г р и д н е в
Кто ваш отец, кто дед?
А вы взглянули как-то косо.

Н е р ж и н
Да. Если добрых десять лет
Не слышал этого вопроса
И думал не услышать впредь,
Так как же мне на вас смотреть?

Г р и д н е в
А раньше, значит, слышали?

Н е р ж и н
Да кто ж его не слышал?
На каждом повороте.
Но ведь теперь уж он из моды вышел.
Мы — просто русские, мы просто — патриоты.

Г р и д н е в

Формулировочка такая нам знакома.

Б е р б е н ч у к

Товарищи, прошу вас, без стеснения, как дома,
К столу! к столу! к столу!

Л и х а р ё в

Сюда вот, Олечка!

О л я

Не надо на углу!

Все рассаживаются за зеркалом.
Майков идёт к Гридневу и Нержину.

Г р и д н е в

Да, всё течёт, всё изменяется на свете.
Мы — снова русские, но русские — не просто.
А в офицерское училище вступая, вы в анкете
Не замечали этого вопроса?

Н е р ж и н

Заметил, да. Но думал — старый отпечаток.

Г р и д н е в

В ОсобОтделах не бывает опечаток.

Майков уводит их и сажает: Гриднева рядом с Глафирой, Нержина
возле себя. В последнюю минуту к столу приходит и П р о к о п о -
в и ч, садится в неудобном месте, без пары и собеседника. Теперь
слышен шум приступа к еде, общие разговоры:

— Позвольте?

— Пожалуйста.

— Кусочек ветчины.

— А это что за невидаль?

— Отбросивши чины...

— Обычай русский воскреся,
Под хреном прусский порося.

О л я

Я не пойму, когда же здесь воют?
С тех пор, как я приехала, всё кушают, всё кушают.

А там-то думают... А там о вас горюют...
И сводки слушают.

- Когда вы замуж выйдете, то мужу...
— Сюда долей!
— Нет, только меньше жиру!
— Кому-то начинать.
— Кому же?
— Кому же, как не командиру?
— Внимание!
— Внимание!

Б е р б е н ч у к (встаёт)

Товарищи! Уже три года мой дивизион,
Ну, не скажу, что в нынешнем составе,
Сметая артиллерии враждебной огневой заслон,
Пусть пушками других частей, но вправе
Мы приписать разведке нашей... во-от...
И всё вперёд... И всё вперёд...
Из-под святой Москвы, из-подо Ржева...
Как вот... волной... как вот... лавиной гнева...
Неся идей советских благородство...
Не зная отдыха... всё время на краю передовом...
Всё время под одним и тем же руководством
(Я — с самого начала был, а заместитель мой уже потом),
Под Старой Руссою... Орёл...
Бобруйск... И Белосток...
И вот сегодня, подводя итог...
Активные участники, не зрители,
В день именин майора, заместителя...
Не кадровик, не строевик... но знает своё место...
А тут — и Пруссия в котле... и было бы уместно...
Язык солдатский мой, он груб и прост...
Короче, я вам предлагаю тост...
Во-от... тост — за армию... за нас... за...

Г р и д н е в

Не пойму.

Традиция советская издавняя
Не в том ли состоит, что первый тост заздравний
Возносится Тому...

В а н и н
(перебивает, вставши с бокалом)

Кто шлёт нам озарение кремлёвских звёзд.
Что значит — „армия”? — Главнокомандующий!
Подполковник предложил нам тост
За Сталина!

Парторг громко аплодирует.

Б е р б е н ч у к (заикаясь)
Да-да-да-да! Конечно! Да, да, да!

Все встают, чокаются, общий гул.

М а й к о в
Был выпить гренадёр! Сюда, Салий, сюда!
(Гридневу)
Мужчина выпить! — вёдрами, по-русски,
Хоть с огурцом, хоть без закуски.
(наливает Гридневу и Нержину)
Теперь нас верных будет три.

Пьют с Гридневым, Нержин едва пригубляет. Майков отлучается.

Г р и д н е в
Что ж вы ответили?

Н е р ж и н

Ответил?..

Г р и д н е в
В анкете.

Н е р ж и н
А-а... Сын служащей.

Г р и д н е в
Как это понимать?

Н е р ж и н
А так, что в учрежденьи служит моя мать.

Г р и д н е в
Ответ неполный. По нему не видно вашего лица.

А кто её отец? А — ваш отец?
И наконец —
Отец отца?

Н е р ж и н

А если мой отец убит
За полгода до моего рожденья, —
Как в этом случае мне быть
С моим происхождением?

Г р и д н е в

Я помогу. Найдём вам вашу полочку.
Кем он убит? Чьей пулей? Чьим осколочком?

Н е р ж и н

Немецким.

Г р и д н е в

В армии?

Н е р ж и н

Да, в русской.

Г р и д н е в

Скажем — в царской.

Н е р ж и н

Нет, в русской армии.

Г р и д н е в

Ну, прямо вот, в кацапской.

Б е р б е н ч у к (*оживлённо Галине*)

А там толпа, несут, кричат!
Он разогнался, чуть назад, —
И танком врезал прямо в склад!
(хохочет)

Г р и д н е в

Кто ж был он? Серенький солдат?
Навряд...

А ваша память чин его могла б ещё... ?

Н е р ж и н
Могла бы. Зауряд-
Прапорщик.

Г р и д н е в
Ах, пра-апорщик!! Как стал им?

Н е р ж и н
Просто. Был студент.

Г р и д н е в
Ага-а, студент! Один момент.
(важно закуривает)
Он — сын... ?

Н е р ж и н
Крестьянский.

Г р и д н е в
Ломоносов?
Вот так из маленьких вопросов
И вам готова западня,
И всё понятно для меня.
Вы — внук, да только не крестьянина. На денежки какие
Отец учиться мог? На трудовые
Шиши?
Кормилица соха?
Нержин взволнован.
Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!
Шучу, комбат. Пока — дыши.

Б е р б е н ч у к
Не тянет танк, мотор рычит —
А там уж госпиталь горит,
Ну, всё растащит бражка!
— На башню танка и кричит:
Да мне ж оставьте, *пехоташка*!

Галина смеётся вслед за Бербенчуком. Глафира нервничает.
Возвращается М а й к о в .

М а й к о в (Гридневу)
А ты курить — недавно научился.

Г р и д н е в

Давно.

М а й к о в

Да брось. Написано ж на лбу.

Г р и д н е в

В училище! Я расскажу тебе! Я раз напился —
И в самоволочку! — за девкой волочился.
А тут — патруль. Да брать нас на губу
Нельзя!

Л и х а р ё в *(Оле)*

Не знаю, как вы будете стрелять,
Но мне под сердце самое установили мушку.

Г л а ф и р а

(Гридневу, указывая на Галину)

Чтоб не сказать, что эта девка — ...

(кончает на ухо)

Скажу, что эта горничная просто потаскушка.
Узнав, не удивлюсь я, что она ...

(на ухо)

Г р и д н е в

Не может быть!?

Г л а ф и р а

Таскалась тут с фашистами. Не дивно.

Г р и д н е в

Такая девочка — больна?

Г л а ф и р а

Какой вы всё ж таки наивный.

Н а ч х и м *(Кате)*

Как угадаешь? С тылом расставаясь,
Я думал: конечно, прокручена моя кинокартина!
Но вот война проходит, возвращаюсь, —

Здесь

(показывает на грудь)

звёздочка, здесь

(на плечо)

три, а здесь

(на карман кителя)

билет партийный.

З а м а л и е в *(подбегая)*

Товарищ капитан... ?

М а й к о в

Неси, неси!

(Замалиев убегает)

Н а ч х и м

Куда свободней дышится, как орденоч прилепишь.

Г р и д н е в

А я чуть-чуть, вы знаете...

Г л а ф и р а

Да боже упаси!

Да от красавицы скорей всего подцепишь.

Н а ч х и м

Ещё б жену сорокалетнюю сменить на две по двадцать,

Карам-бим-бом-були! — и можно жить.

К а т я

Я — подошла бы вам?

Н а ч х и м

Но-но! Женой нельзя бросаться!

Жена — не мяч. Вам — положить?

Л и х а р ё в

Однажды вот, как вы, такие ж молодые,

Пять девушек проходят гордым шагом,

У четверых медали — „за заслуги боевые”,

У пятой — „за отвагу”.

За что в ы четверо медали получили — понимаю.

Но, спрашиваю, в а м как высшая солдатская досталась?

А я, — ответила, головку подымая, —
Сопротивлялась.

Из вёдер, дымящихся паром, Салиев и Замалиев выхватывают
стеклянные банки и, ловко открывая их, выворачивают
на тарелки котлеты.

Г р и д н е в

А наловчились делать немцы, стервы,
В стеклянных банках этих вот домашние консервы.

Н а ч х и м

Когда-то сжарены котлеты были впрок,

Г л а ф и р а

Горячими под пробку их, впритирку, в погребок,

М а й к о в

Бегут, добро бросая, мирные селяне,

Л и х а р ё в

Приходят варвары-славяне,

А н е ч к а

Бросают банку в кипяток,

К а т я

Резиночку оттянут — и

Н е р ж и н

Шипят, как только что со сковородки!

М а й к о в

И златопенного Аи,

П а р т о р г

А то так просто русской водки...

Г а л и н а

ЕЩЁ БОКАЛОВ ЖАЖДА ПРОСИТ
ЗАЛИТЬ ГОРЯЧИЙ ЖИР КОТЛЕТ,

М а й к о в (чокаясь с Гридневым и Нержиным)

И никакохоньких вопросов
Нет!

Н а ч х и м

Нет, есть вопрос: не слышно больше спичей.

Б е р б е н ч у к

Начальник штаба. Это недостаток.

Н е р ж и н (вставая)

Товарищи, я поддержу обычай
И, как военный, буду краток.

Общая тишина.

Окончится вся эта заваруха,
Расстанемся, разъедемся, и те из нас, кто будут живы,
Ещё не раз майора Ванина припомнят дар счастливый
Соединять весёлость грустную и твёрдость духа.
Что был он в жизненных вопросах нас мудрее,
Что был он...

П а р т о р г

Предан ленинской идее.

Н е р ж и н

... От буквы мёртвой отличал живое дело...

П а р т о р г

Не отступал от директив Политотдела!

Н е р ж и н

... Не отступал и выполнял их с жаром.
И человеком был и замполитом...
Товарищи! Подыдем наши чары,
Чтоб дольше жить ему и лучше, чем прожито!

Все встают, пьют. Гул. Как бы передавая следующую ступень
общего опьянения, реплики читаются нараспев:

Б е р б е н ч у к

Ответственным за радио
Кого определим?

Г о л о с а

— Аркадия!

— Аркадия!

— Кому ж тягаться с ним?

Л и х а р ё в

(идёт, пританцовывая, к радиоле)

С коллекцией пластиночек

Теперь воует рус.

(включает радиолу)

Фокстроты для блондиночек,

(переключает)

А для брюнеток блюз.

Тихая танцевальная музыка сопровождает дальнейшую сцену.

Реплики как бы про себя:

Г а л и н а

Люблю тебя, свечение

Изменчивой судьбы!

Н е р ж и н

Люблю тебя, течение

Разымчивой гульбы!

Н а ч х и м

Люблю, когда бокалами

Весёлый стол звенит,

М а й к о в

И крыльями усталыми

Так хочется в зенит!

А н е ч к а

И хочется, и верится

Душе в чаду угарном,

В а н и н

Что всё ещё изменится,

Что прожито бездарно.

Дальше — разговорно:

К а т я

Я умными вопросами
Не мучаю себя.

П а р т о р г

*(с протянутой в сторону Гриднева рукой, с вытянутым
указательным пальцем застывает, как на плакате;
на время его реплики музыка прерывается,
потом выплывает опять)*

Товарищ! А с партвзносами
В порядке у тебя?

Г р и д н е в *(ворчит вполголоса)*

Ты спрашивай, да знай с кого...
Пришлют же ишака.

О л я

Ну, разве что токайского
И то лишь два глотка.

М а й к о в *(Гридневу)*

Парторгов было пятеро.
За дундуком дундук.

Г л а ф и р а *(Оле)*

Отправила я матери
Из Гомеля сундук.

Н а ч х и м

Любезнейший! Бутылочку
Вон ту сообрази!

Г л а ф и р а

Посылку за посылочкой
Я шлю, вообрази.
Так дочке на приданое
Сбираем по крохе.

М а й к о в

Споём же, бражка пьяная,
Ха-ха!

Г р и д н е в

Хо-хо!

Л и х а р ё в

Хэ-хэ!

Б е р б е н ч у к

Ну, Майков!

М а й к о в

А?

Б е р б е н ч у к

Скажи́ чего...

Г о л о с а

— Тост!

— Байку!

— Анекдот!

М а й к о в

(тяжело подымается; с начала его речи музыка замедляется, как на останавливающейся пластинке, и замолкает вовсе)

Что ж, торжеству приличное
Скажу и я, уж если мой черёд.

Тишина.

Сегодня я... я как-то странно взвинчен...
Вы ждёте шуток от меня, игривого экспромта...
Друзья мои! Я ощутил впервые нынче,
Что́ были для меня четыре года фронта.
Победа! Вот она!.. Дай руку! Как мягка!
Благоуханна как и как покорчива...
Но та рука, что нас в окопах корчила, —
О, как она была жестка!
Кто *сорок первый год* забудет — гла́з вон!!

Все вздрагивают.

Кто помянёт его неправдой — два!!
... Мне выпало за тех, кто незван, кто не назван,
Проговорить запеклые слова...
Гонялись „мессеры” над ржаной пожней
За каждою машиною, за человеком каждым...

Мы рыли, рыли бархат пыли придорожной
Губами, пересохшими от жажды.
В скирдах запаленных, в мостах упавших,
В дыму, в слезах я вижу нашу Русь...
Не тем, что я среди победителей,
а тем, что был среди бежавших! —
Вот чем сегодня я горжусь!
Из окружения по двести метров в час
Орудья лямками тянули, вздувши жилы, —
Всех орденов
(проводит по груди)
отдам иконостас
За ту медальку раннюю, нехитрую!
(берётся за нее)
... Еще горжусь, что предок мой служилый
Стрелял из пушки пеплом Первого Лжедмитрия!
Мы русскую историю учили по Покровскому —
Не просто в сжатом очерке, а в самом сжатом:
Молитвослов из Разиных, Халтуриных,
Бакуниных, Домбровских, —
Суворов был *палач*, Кутузов был *лакей*,
Нахимов был *пиратом*.
Сейчас смешно! — но кто писал в анкетах
что-нибудь иное,
Чураясь офицерства, как содомского греха, —
Что молодость провёл откатчиком в забое,
Что — сын и внук крестьянина и правнук пастуха?!
Я тем горжусь, что Доброхотовы
рубились под Полтавой,
Что был один из них казнён Бироном за измену,
Что бились мы под Рымником, под Прёйсише-Эйлау,
Что Майков, прадед мой, похоронён под Балаклавой,
Дед Плевну брал, отец был ранен под Мукденом...

Последние слова его покрывает занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Там же. Те же. На столе добавился самовар и чайная посуда. Прошло сколько-то времени, так что встали из-за стола и танцуют: Н е р ж и н с Г а л и н о й, П а р т о р г с А н е ч к о й, Б е р б е н ч у к с О л е й, Л и х а р ё в с К а т е й, Н а ч х и м с Г л а ф и р о й. Чувствуется общая пьяность. П р о к о п о в и ч в одиночестве с бутылкой. Бербенчук, оставаясь в парадном мундире, на голову надел чёрный поблескивающий цилиндр. От радиолы громкий вальс. Справа, за круглым столиком, В а н и н. За зеркалом, примерно посередине, Г р и д н е в. Ванин улучшает моменты, кто приближается к нему в танце, и задирает.

В а н и н

Серёга! Напишу жене!
Эй, напишу жене! Серёга!..

Н е р ж и н

Та-ащ майор! Танцуют все!.. Так почему же мне?..
Пишите уж... Одна дорога!..

В а н и н

Аркадий!.. *Брата* обманул! На обещанья ты медовник!
Смотри, смотри! Танцует Оля вальс!..

Л и х а р ё в

Но ведь не я... Не я, а подполковник...
Что я могу?.. Против начальств?..

За это время Майков незаметно для танцующих проводит под роялем двух фотографов. Они выползают, один наводит аппарат, другой с магнием. Майков идёт к радиоле и переключает её на радиовещание. Одновременно: обрывается музыка, вспыхивает магний, все замирают в немой сцене и как бы изумлённо слушают голос диктора:

... Вождь всего прогрессивного человечества, величайший из мыслителей, когда-либо живших на земле, гениально-мудрый, могуче-прозорли...

Так же неожиданно Майков снова включает музыку. Все снова вер-
тятся. Громкий смех шутке. Гриднев мрачен. Вальс проходит уско-
ренные последние такты и кончается. Бербенчук в манере народного
танца лихой присядкой проходится по авансцене
и помахивает цилиндром:

Б е р б е н ч у к

Ой, колы ж мы наемся
Варэников з вышнями?
(и — второй раз)

Хохот, аплодисменты. Танцующие гуляют парами.

Л и х а р ё в (*подходя к Нержину*)

Синьор, прошу вас знать и честь.
Галина Павловна мне обещала танец.
(*уводит Галину к радиоле выбирать пластинку*)

Нержин, оставшись один, бредёт к Ванину и садится с ним.
Майков садится около Гриднева.

Н а ч х и м (*проходя с Глафирой*)

Здесь (*показывает на орден*)
есть, здесь (*на погоны*)
есть, здесь
(*высовывая партбилет из кармана*)
есть.

Да на сберкнижке полевой,
Да в чемодане кой-какой
Кафтанец.

Б е р б е н ч у к

Салий, сюда!

В а н и н

Какой же он Салий?
Он — Замалий!

Б е р б е н ч у к

Три года служат, ну, убей,
Никак не различу я этих двух чертей.

Замалиев подбежал с вазой, Бербенчук угощает Олю.

П а р т о р г (проходя с Анечкой)

Так было раньше, доктор, а теперь
Покушаю — и жмёт, вот тут.. вот тут.. вот этак...

А н е ч к а

Куда какой весёлый кавалер!
Зайдёшь, я дам тебе таблеток.

М а й к о в (Гридневу)

Ты что, ты принял всё всерьёз?
Да нет, я скромненький, я малый человечек.
Отец мой, правда, пирожками торговал вразнос,
А остальные все пасли овец.

Н е р ж и н (Ванину)

Откуда взяли вы, ну почему:
„Образование ума не прибавляет”?

В а н и н

Браток, кто это понял — разъяснить не надобно тому.
И не втолкуешь тем, кто этого не знает.

М а й к о в

Да пролетарий я исконный:
Дворовой девки сын я незаконный.
Ты в школе ж прорабатывал — помещички бывали!
Им — попадись на сеновале!
Феодализм проклятый! Право первой ночи!

Г р и д н е в

Но, значит, всё же, кровь твоя полудворянская?

М а й к о в

Что — кровь? Ты на нутро смотри.

Нутро моё — рабоче-
-крестьянское!

Да, я горжусь своим сермяжным родом:
Мы — Доброхотовы: добра хотели мы.

Кому? Естественно — народу!

Танго. Галина и Лихарёв танцуют. Музыка постепенно
становится беззвучной.

В а н и н (Нержину)

Всё на себя беру. Кругом я виноват.
Считай: сдал Луцк. Сдал Львов. Сдал Новоград.
И хоть под Ковелем едва что я не помер, —
Оправился, сдал Коростень. И я же сдал Житомир.
А после, под шумок, при драпе массовом,
На пару сдали Киев с генералом Власовым.

М а й к о в (Гридневу)

Но производственную практику вы всё же проходили?

Г р и д н е в

Конечно, и теорию и практику учили.
Арестовать — уметь! Тут способов миллионы!
Чтоб не шуметь. Чтоб шито-крыто.
Оденься лётчиком, электриком, шофёром, почтальоном...
Ну, скажем, как арестовать архимандрита? —
Заночевать просись.

В а н и н

Полтаву сдал. И Лубны. И Хорол.
А разных там Пирятинных, а Белых там Церквей...
Слышь, счастье, что наш брат до Волги не дошёл, —
И Сталинград мы сдали бы, ей-ей.
Уж как катились — ни заград-отрядами
И ни приказом *двести двадцать семь*...
Бывало: „Братцы! Не Москва ль за на...” Да я! да мы!
Да по рогам! Да ну тебя совсем!

К Ванину и Нержину переходит Анечка. Нержин вскоре отходит, выглядывает в окна под шторы, расстёгивает планшетку с картой, нервно похаживает. Галина после танца разговаривает с Лихарёвым, с Бербенчуком, но тревожно следит за Нержиным.

Нержин уходит в правую дверь.

Г р и д н е в

Христовым странникам архимандрит, конечно, рад.
Сидят чекисты и беседуют про страшный суд, про рай.
Заснула братия — встают: „Ты арестован, гад!”
Не вспоминай!..

Г л а ф и р а
(в группе слева танцует с гитарой и поёт)

НЕ ВСПОМИНАЙТЕ МЕНЯ, ЦЫГАНЕ!
ПРОЩАЙ, МОЙ ТАБОР! — ПОЮ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ!

Н а ч х и м
(сильно пьяный, стоит, почти повиснув грудью на перила
лестницы, и декламирует то ли Кате, сидящей неподалёку
от него, то ли никому)

И ВОТ МНЕ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО СЕРДЦЕ МОЁ НЕ БОЛИТ.
ОНО — КОЛОКОЛЬЧИК ФАРФОРОВЫЙ В ЖЁЛТОМ КИТАЕ...

К а т я
Эт что?

Н а ч х и м
Вертинский, Катенька. Его когда-нибудь
Слыхали вы?

К а т я
Старьё, начхим. Старьё и муть.

Отходит. Начхим ещё стоит, потом опускается на первые ступеньки
лестницы. Тихая музыка, как бы из-за стекла.

А н е ч к а
Ну, ты доволен праздником?

В а н и н
Доволен.

А н е ч к а
А почему ты грустный?

В а н и н
Да разве человек бывает волен
В чувствах?
Окончится война — закатимся подальше, — от гостей,
От книг, газет, от новостей,
От заседаний, должностей,
Куда-нибудь в стороночку крестьянскую,
В Тамбовскую, в Рязанскую...

Ты будешь там врачом —
Лечи, да не калечь.
А я — фруктовый сад стеречь
Да обиходить пчёл.
Утрами — холодок от речки. Гуси. Стадо. Тишь...

А н е ч к а

Фантазия. Ты первый так не усидишь.

Бербенчук выводит Галину под руку из группы, ведёт по авансцене.

Б е р б е н ч у к

Галина Павловна! Я вами очарован!
Галина Павловна! Ещё я не старик!

Г р и д н е в (*следя за ними, Майкову*)

И человек бывает арестован
В тот самый миг,
Когда он менее всего предполагает,
Когда не ждёт, когда не знает, —
Вот это первый сорт!
Чтоб на свидание спешил, чтоб ехал на курорт,
В командировочку...
Когда он вырван из среды, из обстановочки...

М а й к о в (*наливая ему и себе*)

Вино, вино! Кто тот безвестный гений,
В веках потерянный...

Г л а ф и р а

Евгений!

Настороженно следя за Бербенчуком, она выдвинулась из группы.
Бербенчук увлечённо разговаривает с Галиной уже неподалёку от
Ванина, от которого Анечка ушла к танцующим.

М а й к о в

... Кто голой пяткою в чану
Давил впервые виноград?..

Г л а ф и р а (*издали*)

Евгений! Подойди сюда.

Б е р б е н ч у к

Ну что? Ну? Ну?

(Галине)

Я извиняюсь. Виноват.

(идёт к Глафире)

Галина, оставшись одна, неуверенно озирается.

Л и х а р ё в

Любил я пикники. В цветных одеждах птички

По пятьдесят, примерно, килограмм.

В а н и н

Вы побледнели, Галя.

Г а л и н а

С непривычки

К подобным вечерам.

(повинуясь его пригласительному жесту, садится рядом)

Б е р б е н ч у к

Глафирочка! Я буду... я стараюсь...

Г л а ф и р а

С кем хочешь, но не с ней!

Г р и д н е в

Ты думал подпоить меня? А я чем больше накачаюсь,

Тем я трезвей.

Г л а ф и р а

Пойди, покобели вон около тех двух.

(кивает на Катю и Олю)

Я тоже человек советский, есть у меня нюх.

Ты — знаешь, кто она? Проверил документ?

(уводит его в группу налево)

М а й к о в

Я — брудершафт хотел с тобой,

Но ты какой-то сволочной.

Г р и д н е в

Начальник штаба! Час ночной.

Ты освети один момент:
Посты стоят на выходах из замка?

М а й к о в

На входах.

Г р и д н е в

Нет, на выходах?

М а й к о в

Здесь не тюрьма, здесь часть.

Г р и д н е в

Да ну?

(указывая на Галину)

Запомни: если выпустишь вот эту вот гражданку,
Так я тебе на шею мотану.

М а й к о в (вставая, холодно)

Бумажечку.

Г р и д н е в

Какую?

М а й к о в

Бумажёнку.

Г р и д н е в

Гм... Видишь, контрразведке
Не так удобно оставлять излишние пометки.

М а й к о в

А я за каждую проезжую девчёнку
Не собираюсь отвечать.

Г р и д н е в

Ты зря боишься. Нет в работе нашей брака.
Кто арестован — тот и правильно.

М а й к о в

Однако,
Что лоб, что камень, — я служака:

Мне дайте подпись и печать!

(встаёт; зло)

Ты... а!.. Ты радость пира,
Живую радость ты во мне убил, как мотылька.

Г р и д н е в

Там по пути ко мне прислать не можешь командира?

М а й к о в

В твоём погоне, кажется, один просвет пока.
(отходит направо к окнам)

Г а л и н а *(Ванину)*

Я вам признаюсь, многих эмигрантов я видала.

Благополучны и сыты, их дом — в полнё.

Не объяснить — чего им не достало?

Что бросили? что тянет их к недоброй, злой стране?

В богатую гостиную войдёшь —

вдруг видик деревенский:

Овраг, берёзонька и клуня с прясельным забором.

Я знала старика-помещика. В Смоленске

Упал на площади булыжник целовать перед собором.

Тоска по родине! Нельзя её понять,

Ни излечить, ни оправдать.

Одних здесь ждёт петля, других — тюремный срок, —

Летят, летят на жёлтый огонёк!..

Г р и д н е в

(манит проходящего Парторга)

Парторг! Вопрос *оперативный*. Живо

Пришли ко мне комдива.

Парторг идёт его звать.

Г а л и н а

А молодёжь? Там кончили чужие институты,

Прекрасно знают по три европейских языка,

Женились — на своих! Не верят ни минуты,

Что там и жить... *пока* вот всё, пока...

Майков отзывает Ванина направо.

О л я
(в игре, которую затеяли слева)
За это фант! за это фант!

Б е р б е н ч у к
(подходя и склоняясь к Гридневу)
Товарищ старший лейтенант!
Меня хотели вы... ?

Г р и д н е в
Хотел.
Ну, как дела? Течение дел?

Б е р б е н ч у к
Да в общем н-ничего...

Г р и д н е в
Дивизион как?

Б е р б е н ч у к
На полной боевой, вы сами видите...

Г р и д н е в
Как Галя?

Б е р б е н ч у к
Галина Павловна? С изюминкой. А вам?

Г р и д н е в
Она шпионка.

Б е р б е н ч у к (остолбенело)
Она??!

Г р и д н е в
А вы и проморгали?

Галина ёжится под взглядами со всех сторон. Она нервно оборачивается то в сторону Гриднева и Бербенчука, то в сторону Ванина и Майкова.

Вы благодушны, я смотрю, вы просто близоруки.
Вам помахали юбочкой...

Б е р б е н ч у к

Я, знаете, от скуки,
Но я... о! я!..

Г р и д н е в

Конкретно:

Вы — бесхребетны.

В СССР ли, за границею, под всякою личиной

Раскрыть врага имейте зрение.

Кого б ни встретили вы — женщину, мужчину, —

Вот это враг! — в себе будите подозрение.

Майков быстро уходит в коридор. Ванин в задумчивости возвращается к Галине. Образовалась как бы невидимая линия, проходящая через Гриднева и отделяющая Галину и Ванина от остального общества. Начхим, всё время сидевший на первых ступеньках лестницы, уронив лицо в ладони, — поднимает голову, пьяно декламирует:

Н а ч х и м

БУДЬ ОН НОВЫЙ ПРОРОК, ИЛИ НОВЫЙ ОБМАНЩИК,
И В КАКОЙ ТОЛЬКО РАЙ НАС ПОГОНЯТ ТОГДА? —
ЗАМОЛЧИ, ЗАМОЛЧИ, СУМАСШЕДШИЙ ШАРМАНЩИК!
ЭТУ ПЕСНЮ ЗАБЫТЬ Я ХОЧУ НАВСЕГДА...

Вновь опускает голову. Бербенчук, совершенно невменяемый,
отходит от Гриднева.

В а н и н (Галине)

Боюсь, что эти вёрстаньки и вёрстаньки до дому
Вам будут нележки.

Не братья встретят вас, не по-родному,
А пограничные штыки.

Дам вам советец важный:

Снимите вы браслеты эти, сбросьте крепдешин,

Не говорите „каждый”, говорите „кажный”,

Сморкайтесь — на пол, пальчиком большим.

Прибейтесь к партии каких-нибудь крестьянок угнанных,

Затурканных, запуганных,

Зипунчик на плечи, на голову платок,

Да чемодан смените на мешок.

Сальцом не брезгуйте. Колбас

Возьмите про запас.

Да табачку. В дороге нет помощника надёжней.

И неглубок пускай ему схорон:

Погранохрана ли, патруль ли железнодорожный,

Не станут вас пущать в *Советиш Унион*, —

„Закуривай, ребята!” — щедро, вод’эк,

В шершавые ладони им. Скрутят себе цыгарки —

„Откуда, девочка?” — „Орловская!”

Возьмут под подбородок —

Езжай, коза, без контрамарки!

Забудьте всё, что видели, — какие тут правительства,

Обычаи, различия, понятия, платья, воздух, свет, —

Приедете — смените местожительство.

„Была под оккупацией?” — в анкетах. — Нет!

Как бы боясь перейти воображаемую разграничительную черту, Бербенчук на авансцене останавливается и хриплым трагическим шёпотом пытается обратить на себя внимание Ванина и вызвать его к себе.

Б е р б е н ч у к

Майор! Майор!

В а н и н

А?

Б е р б е н ч у к

Ванин!

В а н и н

Что?

Б е р б е н ч у к

Майор!

В а н и н

Да что тебе?

Бербенчук делает знаки.

Иди ты к нам.

Бербенчук отчаянно отказывается.

Нельзя? Беда моя,

Ведь знаешь ты — я на ноги не спор

От лишнего питья.

Тяжело поднявшись, Ванин переступает невидимую черту и окончательно оставляет Галину одну. Левая группа незаметно растаяла: ушли Анечка, Глафира, Парторг, Прокопович. Галина вся сжимается. Гриднев не сводит с неё глаз. Электрический свет начинает неуклонно убавляться. Ванин с Бербенчуком — на авансцене.

Ну, что?

Б е р б е н ч у к

Ой, лышенько, ой, лыхо.

Она — шпионка.

В а н и н

Кто?

Б е р б е н ч у к

Тс! Тихо!

Пропали мы!

В а н и н

Да кто?

Б е р б е н ч у к

Мы! Ты. И я. Ведь ты мой первый за...

В а н и н

Кто „за”? Что „за”...? С тебя начнут, начнут с туза.

(Бербенчук потрясён. Ванин деловито:)

Уполномоченный сказал?

Б е р б е н ч у к

Ага.

В а н и н

Есть ордер на арест?

Б е р б е н ч у к

Та раз вин каже, мабуть ё.

В а н и н

Ты думаешь, что есть?

Но едучи сюда, он мог ли знать о ней?

Б е р б е н ч у к

Так. Это правильно.

В а н и н

Иди и спи. Я завтра разбужу.

Б е р б е н ч у к
(зовёт слабым голосом)

Начальник штаба!

В а н и н

Я ему скажу.

Иди и спи! С женой.

Б е р б е н ч у к

С Глафирочкой моей!

(направляется уйти, но тотчас опять возвращается)

В а н и н

А не уйдёшь, так сам расхлёбывай..

Б е р б е н ч у к

Та я хйба засну? Який то будэ сон?
Ну, я надию маю... Хлопцы оба вы...
(уходя)

Дивизион! Пропал дивизион!

(но в глубине сходится с Катей и возвращается, держа её
за вытянутую руку)

Так ты уладишь, Сеня?

В а н и н

Всё улажу.

Б е р б е н ч у к

Ну, выручил, ну, друг!..

Там если что... так знаешь, даже...

К Глафире не стучи... меня чтоб не искать ей...

Я буду это... с Катей.

Уходят с Катей. Лихарёв с Олей тоже ушли. Свет всё гаснет.

Г а л и н а
(теребя ампулу на шее)

Как сердце сжалось! Боже мой, как страшно!
Ушёл Сергей! И никого из наших!

Отступает. Гриднев встаёт и медленно идёт на неё. Ванин всё так же неподвижен в центре авансцены.

Вдруг на самом верху лестницы — громкий топот, почти мгновенно за ним — пистолетный выстрел и откуда-то с хоров звон разбитого стекла. По лестнице суетливо сбегает: М а й к о в с головой, перевязанной окровавленной повязкой, размахивая обнажённой шпагой, за ним — П а р т о р г, почти ещё в нижнем белье, на ходу одеваясь, и С а л и е в с пистолетом над головой. Сообщая свой испуганный ритм Ванину и Гридневу, они мечутся по сцене, — Ванин нелепо семенит. Выглядывают в окна.

М а й к о в
(урывками, в разных местах сцены)

Прорвались!

Автоматчики!

Я ранен!

Окруженье!

Есть путь неперерезанный!..

Последнее спасенье!

Цепочкой, уже впятером с Ваниным и Гридневым, они убегают налево. Салиев, бегущий последним, ещё раз стреляет в воздух. Галина тревожно-радостно мечется по сцене и убегает наверх. Начхим поднял голову, недоумевающе озирается. Тусклый свет. Справа в шинели и в зимней шапке входит Н е р ж и н. Его медлительность не вяжется со стремительным дрижанием, которое только что было на сцене.

Н е р ж и н

Что, разошлись?

(подойдя к роялю, рассеянно перебирает клавиши)

Н а ч х и м

Кто тут стрелял?

Н е р ж и н

Тебе приснилось с пьяных глаз?

(унылый набор нот)

Начхим, начхим! Где твой противогаз?..

(тот же набор нот)

Вот русский праздник! Начался ребром,
Кончается печален.

Н а ч х и м

Ну, Расскажи о чём-нибудь смешном.

Н е р ж и н

О чём?..

Стоял сегодня я среди развалин

вступает музыка от невидимого источника

Германской славы... Может быть, случайно
Там наша армия не шла. Торчит дощечка „мины”.
Припорошённые снежком недалеке от Хохенштайна,
Застал я свеже-чёрные руины.

Нержин увлекается рассказом и не замечает, как Начхим уходит,
как тихо подкравшийся Салиев что-то кладёт под углы ковра. К
концу монолога свет настолько слабеет, что вступают софиты.

Поставлен памятник был в точке самой крайней,
Куда дошли войска российские на выдохе движенья,
Откуда тридцать лет назад им зародилось окруженье, —
Бойцы, вмурованные в каменную ризу,
Семь мрачных башен по числу вильгельмовских дивизий,
Кольцо стены — кольца обхвата наглый
Окаменевший жест.

Штандарты для подъёма флагов.

Арена для торжеств.

Речей и клятв тевтонских сумрачный алтарь!
Сюда стекалась чернь, сюда съезжались власти.
И вот всё взорвано, и одымила взрывов гарь
Гранит бесплодный, мрамор безучастный.
В кольце стены — пролома грубый зев,
Иные башни взорваны, иных стоят скелеты...

Безумцы, мигом овладев,

Возмерились владеть им леты!..

Солдат враждебный, я стою у гинденбурговского склепа —
Не гордостно, не радостно, — смешно усталым смехом мне:

Как в человеке самолюбие нелепо,

Так отвратительно оно в стране...

Деревьев ветви, вспугнутые взрывом,

Опять под снежным звёздчатым нападом...
Венчанный полководец! На веку своём счастливым
Ты испытал все высшие награды.
Но что алмазы звёзд твоих и бриллианты брошей
Пред этой тихой примиряющей порошей?..

В правой двери появляется лейтенант Я ч м е н н и к о в. Он в шинели, зимней шапке, перепоясан ремнями, молод, строен. Весь белый от снега, он сперва стоит в двери, потом тихо проходит.

Клубок обид, извечный и до вечный! —
Торжествовать, рыдать и вновь торжествовать! —
Хотя бы у земли добросердечной
Мы переняли свойство *забывать*...
Бессчастный враг народа моего!
Как прокричать тебе сквозь глушь непонимания? —
Смóтри, как кончилось, как кончится любое торжество,
Любое злое торжество, Германия!
Сегодня мы подобны Валтасару,
Сегодня мы ликуем, но какую кару?
Но что за гнев мы нашим детям сеем?
Россия неповинная! безумная Расея!..
Ячменников?! Ух, как тебя снежок запорошил!

Я ч м е н н и к о в (*по форме*)

Товарищ капитан, моторов не глушил,
Вся батарея прибыла. Прикажете... ?

Н е р ж и н

Прися-адь!

Где люди?

Я ч м е н н и к о в

В дом завёл.

Н е р ж и н

Сейча-ас. Поедем. Воевать.

Я ч м е н н и к о в

Ой, что это? на зеркале?

Н е р ж и н

Ты Библии не чтец?

Я ч м е н н и к о в

Читала мать, по праздникам отец.
А нам всё больше Краткий Курс бывало подавай.

Н е р ж и н

Жив будешь — почитай.
Сегодня — день рождения майора.

Я ч м е н н и к о в

Да? Что ж, мужик он правильный. Такому мужику...

Н е р ж и н

Так выпьем!

Я ч м е н н и к о в

А... не заглушить моторы?

Н е р ж и н

Пусть тарахтят помалу, обедняли нешто?
У нас теперь одно ль Баку?
У нас теперь Плоешти.
Чего ж налить тебе? Вот тут есть корсиканское винцо,
Такого мы с тобою не пивали.

Ячменников смотрится в зеркало-стол.

Что смотришь?

Я ч м е н н и к о в

Приверяюсь на лицо:
Узнают дома, нет?

Н е р ж и н

Родители. А девки-то едва ли.
С училища, каким тебя я помню, — возмужал.
А что бы, Виктор, в сельсовете Годуновском,
Владимирским своим ты б рассказал,
Как это вот мы шли за Рокоссовским
И кушали с зеркал? —
Ведь не поверили б?

Я ч м е н н и к о в

Да на селе у нас-то
И говорить об этом как-то не гораздо.

Н е р ж и н

За что же выпьем, победитель?
Ну, будешь жив, домой вернёшься, мирный житель,
Оженишься, продолжишь род, — об этом кто! —
Давай-ка что-нибудь особенное трахнем, в новом стиле.
Чего б тебе ещё хотелось, а?

Я ч м е н н и к о в (в раздумьи)

Ещё? Ещё... чтоб как-ни-то
Колхозы распустили.

Н е р ж и н

Кол-хозы распустить?! Ну, вырос ты не прост!
Но тост есть тост.

Подыдем по законам пьянства!

Пьют.

А что ты думаешь? Однажды написал и Маркс,
Что может быть не ворошить богатого крестьянства?
Был коммунизм для них — земля незнаемая, Марс.
Колхозы распустить!.. Всё басни, Виктор, всё лекарства.
Болтают, чтоб не так обидно лезть под танк железный.

Я ч м е н н и к о в

Я тоже так смотрю. Не нам, но — государству
Колхозы очень уж полезны.
Без них бы с нас им ни зернятка не собрать.
Без них ни на́ шаг.

Н е р ж и н

Что, старый замок? Слышал тост? Знай наших!..
Теперь вот этого старинного какого-то налью,
В пыли была... и выскажу тебе мечту мою:
Чтоб на Руси что думаешь — сказать бы можно было вслух.
Нескоро, а?

Я ч м е н н и к о в

Пожалуй, что нескоро.

Н е р ж и н

А вдруг?

Чокаются, пьют.

А, выпей ты какого хочешь за майора,
Я слишком выпил и без этих двух.
Да угощайся! Хоть бери в карман!
(суёт ему; Ячменников отклоняет)

Я ч м е н н и к о в

Товарищ капитан!
Машины полные!

Н е р ж и н

Да, чёрт, забыл. Из голодающей губернии.
До смерти этой жадности не вытравить, наверное.
Ну что же, друг, покатаем дальше по Европе.
Вперёд поставь не газик мой — Блитц-Опель.
Со мною — девушка поедет... Что? Что смотришь так?

Я ч м е н н и к о в

Как я смотрю? Я не смотрю никак.

Н е р ж и н

А думаешь?

Я ч м е н н и к о в

А думаю? — в кабине там три места...

Н е р ж и н

А думаешь — комбат затеял под конец?

Нет, милый мой, она — невеста.

Везу её другому под венец.

Ячменников строго выпрямляется, козыряет и, по-военному повернувшись, уходит. Нержин медленно идёт к лестнице, но, услышав шум, поднимается бегом. Внизу быстро входят озабоченные, по-зимнему одетые В а н и н, густо опоясанный гранатами и автоматными дисками, Г р и д н е в с автоматом, который он не умеет ни держать, ни повесить, то и дело угрожая застрелить себя или спутников, П а р т о р г, неся без ремня винтовку со штыком. Сзади — М а й к о в в парадном кителе, как был, всё с той же повязкой на голове, одной рукой катит за верёвку станковый пулемёт, в другой несёт саблю. Вся сцена идёт тревожно, при перебегающих прожекторах.

В а н и н (курит трубку)

Без паники. Спокойно. Мощь несокрушима.
Начштаба! С нами вы по радио поддерживайте связь.

М а й к о в

Ложись!!

Он, Гриднев и Парторг стремительно приникают к полу. Ванин не возмутимо курит, стоя. Из-под ковра с шипеньем вырывается кверху и рассыпается огненная шутиха.

В а н и н

Ну, что? Ну, что? Ну, адская машина.
Ещё не взорвалась.

Все трое поднимаются. В дальнейшем Гриднев и Парторг ступают с большой осторожностью. Майков обнажает саблю и размахивает ею.

М а й к о в

Ах, сабелька! Парторг!

Рубить их по-будённовски! Возьмёте?

(привязывает саблю к поясу Парторга)

Володенька, отчаянный! Ну, на хоть пулемётик!
(суёт Гридневу в руку верёвку от пулемётного катка)

Г р и д н е в (отталкивает)

Да что с ним делать? Обращаться я... не знаю.

М а й к о в

Ну, дам максимку, хошь? Патрончиков штук триста!

В а н и н

Спокойно, старший лейтенант. Как нас учил Чапаев?
В такой момент — где место коммуниста?

П а р т о р г

Довольно демагогии! Мы — руководство!
Наша жизнь нужна народу!

В а н и н

А я что говорю? Я говорю: в машину! ходу!

Направляются к выходу. Майков, распахнув руки, преграждает им путь.

М а й к о в

Но вы заблудитесь! Но для спасенья жизни
Возьмите карту хоть!

Г р и д н е в *(отталкивая)*

Я не могу по карте!

М а й к о в

Чему ж учили вас?!

Г р и д н е в

Основам ленинизма.

Шпионологии. Истории партии...

(неудачным движением задевает вторую скрытую ракету)

Шипенье, вспышка.

М а й к о в

Ай-я-я-яй, какое упущенье!

Но как я рад, что ты выдержишь первое крещение!

В а н и н

Парторг, без паники. Кого оставим мы для укрепления
Партийной власти здесь?

М а й к о в

Вернётесь вы — похороните наши трупы!

В а н и н

Без паники. Я открываю заседание партгруппы.
*(взлезает на стул, одну ногу выставляет на зеркало
и облакачивается о колено)*

Гриднев и Парторг окружают Ванина. Майков отходит в сторону.

Товарищи! Один вопрос: из нас троих кого,
Хотя бы одного,
Оставим мы в дивизионе как партийную прослойку?
Я предлагаю Гриднева.

Все взоры на Гриднева.

Г р и д н е в *(с живостью)*

Товарищ замполит! Поскольку...
(роется в карманах)

Вот справка медицинская... Моё здоровье слабо...

В а н и н

Тогда кого?

Г р и д н е в

Парторг, пожалуйста!

П а р т о р г

Ху-гу!

Я лично тоже не могу.

Есть предложение — Лихарёв.

В а н и н

Но где он?

М а й к о в

Где-то с бабой.

П а р т о р г

Тогда... Тогда — начальник штаба!

Г р и д н е в

(с неловким движением автомата)

Ах, не торгуйтесь вы! Нас всех захватят в плен!

М а й к о в

(кидаясь к нему, отводит дуло)

Да опусти ты, ради Бога, автомат!

В а н и н

(всё в той же позе, совершенно хладнокровно)

Его *(кивает на Майкова)*

нельзя оставить: он — не член.

Он — кандидат.

Майков виновато опускает голову.

Или доверим? Майков!

Майков поднимает голову и заметно растёт с каждой фразой.

П а р т о р г

Партия!

Г р и д н е в

Тебе!

В а н и н

Всецело!

П а р т о р г

Высокое доверие!

Г р и д н е в

Ответственный участок!

В а н и н

Веди бойцов за правое...

П а р т о р г

За сталинское дело!

Г р и д н е в

И контролируй командира части.

П а р т о р г

Да чтоб росла *организация*! Чтоб шёл приём!

В а н и н

(слезая с пьедестала)

Да где же трубка, чёрт? Ну, в возрасте ль моём
Таскаться по ночам?..

С а л и е в и З а м а л и е в

(вбежав слева, вместе:)

Машина по́дана!!

Гриднев и Парторг устремляются. Ванин подталкивает их в спину.

В а н и н

Вали, вали! За Сталина! За Родину!

Уходят налево. Замалиев по знаку Майкова с грохотом укатывает туда же станковый пулемёт. Майков остаётся один. Весёлое возбуждение его исчезает. Он стоит в раздумьи, потом срывает повязку с головы, отходит к роялю, поникает на него. Вверху на лестнице появляется Н е р ж и н с изящным дамским баулом в руке.

Майков видит.

М а й к о в

И ты? Т ы , Брут, трофейщиком? Кошмар!..

Н е р ж и н
Я еду, Сашка.

М а й к о в
Едь.

Н е р ж и н
Пока!

М а й к о в
О ревуар!

Нержин стоит выше середины лестницы. Неслышными шагами с ним поравнивается Г а л и н а в шубке. Теперь Майков видит и её. Он протяжно свистит. Потом, откинувшись спиной к пюпитру, улыбается и поёт

И ВСХОДЯ НА ТРЕПЕЩУЩИЙ МОСТИК,
ВСПОМИНАЯ ПОКИНУТЫЙ ПОРТ...

Нержин и Галина через ступеньку спускаются под руку,
прожекторы следят за ними.

В с е т р о е
О-ТРЯ-ХА-ЕТ УДАРАМИ ТРОСТИ
КЛОЧЬЯ ПЕНЫ С ВЫСОКИХ БОТФОРТ!

Уходят широкими шагами направо, помахивая
Майкову на прощанье, а он — им.

1951
Экибастуз,
на *общих* работах, устно

ПЛЕННИКИ

ТРАГЕДІЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА :

- Пётр Климов, из военнопленных, сержант Красной армии,
солдат американской, 25 лет
- Кузьма Егорович Кулыбышев, из военнопленных,
солдат штрафной роты, больше 40
- Игорь Болоснин, лейтенант Красной, поручик Русской
Освободительной армии, 28
- Валентин Пряников, из военнопленных, бывший
офицер Красной армии, 28
- Иван Печкуров, из военнопленных, рядовой, 23
- Анатолий Николаевич Елешев, из военнопленных,
бывший офицер Красной армии, 40
- Вася Медников, из военнопленных, 23
- Георгий Михайлович Воротынцев, полковник
русской императорской армии, 69
- Лев Григорьевич Рубин, майор политической службы
Красной армии, 33
- Андрей Холуденев, капитан Красной армии, 26
- Павел Гай, сержант Красной армии, 24
- Темиров, ротмистр русской императорской, капитан королев-
ской югославской армии, около 60
- Евгений Иванович Дивнич, меньше 40
- Мостовщиков, из невозвращенцев, профессор, физик, за 50
- Арестант с голландской бородкой
- Арестант в роговых очках
- Хальберау, оберлётнант Вермахта
- Леон Вжесник, подпоручник Войска Польского
- Давыдов, майор интендантской службы Красной армии
- Джованни Фьяченце, капрал итальянской армии
- Арестант с подбитым глазом
- Сидоров
- Пахомов
- Анастасия Посвянцева, 28-30
- Всеволод, её муж, из эмигрантов, подпоручик Русской Осво-
бодительной армии, 28

Фёдор Иванович Колосовитов, около 40

Александр Иванович Неключимов, старший лейтенант НКГБ, 28

Генерал, начальник фронтового Управления контрразведки
СМЕРШ, молодой, красивый

Рублёв Прохор Данилович, его заместитель, полковник, лет 55

Охрянов Лука Лукич, второй заместитель, полковник

Кривошап, полковник, председатель военного трибунала

Моргослепов, прокурор, подполковник

Кашеваров, казённый адвокат

Капустин, майор НКГБ

Огнида, майор НКГБ

Камчужная Лидия, капитан НКГБ, лет 30

Мымра, капитан НКГБ

Свербёжников, лейтенант НКГБ, начинающий следователь

Софья Львовна, начальник санотдела, подполковник медицинской службы

Филиппов, капитан конвойных войск, из фронтовиков

Нинель, машинистка

1-й оперативник

2-й оперативник

Жоржик, ординарец генерала

1-й заседатель — в трибунале

2-й заседатель

Конвоир Холуденева на суде

Корпусной

Офицеры, сержанты, надзиратели, конвойные солдаты

Заключённые

Официантки, машинистки, секретарши

Действие происходит
в одной из контрразведок СМЕРШ Красной армии
9 июля 1945 года от полуночи до полуночи.

*Вниманию театров — сокращённый вариант спектакля:
опускаются картины 6-я, 8-я и 11-я*

КАРТИНА 1

Откуда-то — унылое вытьё многих собак, похожее на волчье. К началу разговора незаметно стихает.

Задний двор тюрьмы, плохо освещённый, ограниченный стенами трёхэтажного корпуса. Единственный свет — от костра из-под высокого бака посреди сцены. При баке устроен помост с лесенкой. Двое в чёрных одеждах с ушами шапок, поднятыми и торчащими как рога, хлопочут около бака, старший с ухватом залезает время от времени наверх и помешивает. Вокруг костра — дрова.

Ближе костра сидят на торчмя поставленных чурбаках и лежат на земле Е л е ш е в и Х о л у д е н е в, В о р о т ы н ц е в и П е ч к у р о в, К у л ы б ы ш е в, К л и м о в и Г а й. Х а л ь б е р а у занят сучением ниток, Ф ь я ч е н т е не то изготавливает, не то прочищает мундштук. Спиной ко всем лежит Д а в ы д о в, разложил перед собой еду в мешочках и ест.

Две пары непрерывно гуляют: М о с т о в щ и к о в и Д и в н и ч, Т е м и р о в и Р у б и н. Они проходят дугами и восьмёрками, то по авансцене, то в глубине.

Все стрижены и все неодеты, еле-еле прикрывая наготу: один в трусиках, другой надел полотенце набедренной повязкой, Рубин закутан в простыню. На Холуденеве, Давыдове — меховые офицерские жилеты на голое тело. Темиров — в кавказской бурке.

Мостовщиков — в пенсне, Воротынцев — с седой круглой бородкой, Рубин — с длинной чёрной.

Т е м и р о в (выходя с Рубиным)

Есть у вас познания в теории мундира,
Этого оспаривать не стану,
Но сказать, что лейб-гвардейцы кирасиры...

Р у б и н

Да-да-да, носили белые султаны!
(проходят)

М о с т о в щ и к о в (выходя с Дивничем)

Круто ж ваше христианство, круто.
Значит, в мир несёте вы — не мир, но меч?

Д и в н и ч

Что же нам? Под колесницею Джагарнаута
Как рабам расслабленным полечь?
(проходят)

К л и м о в

Нам понять американцев? Винтиков у нас на это нет!

Выдают консервы. С розовой телятиной.

В банке — не пробоина, но маленькая вмятина,

Всё равно — в кювет!

Вот *такие* ящики целёхоньких галет! —

Угол где надбит, чуть в упаковке неисправа —

Всё равно — в канаву!!

(смеётся)

Х а л ь б е р а у *(напевает за работой)*

Унд варст ду кранк, зи пфлегте дихь,

Ден зи мит тифем шмерц геборен.

Унд габен алле дихь шон ауф, —

Ди муттер габ дихь нихт ферлорен.

П е ч к у р о в

Ну, служил бы я в полиции, пошёл бы я в РОА, —

В пленном лагере четыре года, а?!

Старшим не был, с палкой не ходил,

На чужой беде не наживал румянца —

Доходил!

Выносил параши!

Хоть освободили б нас — американцы! —

И в глаза их не видал! Освободили — наши!

В о р о т ы н ц е в

Наши, Ваня, это скользкое словцо.

Что в них наше? Звук фамилий? Русость на лицо?

После всех расстрелов, лагерей, колхозов,

уксуса из чаши —

Отчего б они вдруг стали *н а ш и* ?

Р у б и н *(выходя с Темировым)*

Да, я коммунист, притом ортодоксальный.

И каков бы личный жребий мой печальный...

(проходят)

Г а й

(у него правая рука ранена, подвешена на перевязи)

Наш, советский генерал: „Бойцы! — назад!”

А американский: „Почему?”

Извините, вы у нас в гостях, а наш обряд —

Что садится и простой солдат
С генералом к одному столу”!

К л и м о в

От-торвал!!

Г а й

Рванула на бросок
К угощенью братия!

К л и м о в

Ничего не скажете, — урок
Демократии!

Темиров и Рубин минуют жующего Давыдова. Давыдов ловит
Рубина за край простыни.

Д а в ы д о в

Лев Григорьич! Угощений немудрецких
Сядемте, покушаем, прислали тут друзья...
Некому открыться: истинно-советских
В камере лишь двое — вы да я...

Р у б и н

Леонид Антипыч! Я... повременю
С лёгкостью такой искать себе родню.
(проходит)

Е л е ш е в (Холуденеву)

Юный друг мой! Сединой увенчан,
(поднимает руку к волосам)
... Ах, стрижен я... сказать сегодня смею:
Жизнь свою я прожил ради женщин
И ничуть о том не сожалею.

Д и в н и ч (выходя с Мостовщиковым)

Да, я соучастливо немею
И пред тёмной глубиною неба звёздного,
И пред красками восхода и заката,
И перед рыданием раскаяния позднего
Моего страдающего брата.
Я люблю людей в их брэнной обволоке,
В том грехе, которым души отенетили, —

Завещал Господь любить людей в пороке, —
Кто ж их не полюбит в добродетели?
(проходят)

Р у б и н (Темирову)

Вот упрутся как бараны в инструктивное письмо!
Ну, не вытерпишь, отпустишь остренькое mot.
Я им всем в политотделе как бельмо.
Знай себе, толкут посылочки супруге, —
Не политработники — трофейщики, хапуги!
Но кому? кому я это говорю!? —
Вы злорадствуете, вам смешно!
(проходят)

Д а в ы д о в
(завязав мешочки, через плечо)

Джиованни! На́ сухарь!

Фьяченче поспешно берёт, раскланиваясь; Давыдов, подумав:

На́ к сухарю,
Вылижь пальцем стеночки и дно.

Подаёт баночку. Фьяченче берёт её одной рукой, другую прижимая
к сердцу; кланяется.

Г а й

Сдержанный, толковый, твёрдая рука.
Раньше был он командиром нашего полка.
Видишь сам, он говорит, вот ты войну прошёл, —
За кого мы лили кровь? Когда́ от дурости излечимся?..
Хоть и горько, а выходит: там, где хорошо, —
Только там отечество.
В языке английском был он шибок.
Взял нас утром четверых на джипик
И — на мост!

Р у б и н (выходя с Темировым)

Я — идиот, что начал с вами разговор!

Т е м и р о в

Вы — растлитель душ! Стыдились бы! Позор!

Р у б и н

Колчаковский недоносок! Выкормыш притронный!

Т е м и р о в

Но не коммунист! Не коммунист зловонный!

Р у б и н

Да! Тюрма — благодеяние, когда сажают вот таких!

Т е м и р о в

Я хоть у чужих, а вы вот — у своих!
(круто расходятся)

Г а й

Спрыгнул я, прикладом автомата — по зубам!
Оглянулся: джип — хэллоу! — там!
А меня схватили.

П е ч к у р о в (Воротынцеву)

Да дверями, да ключами,
Да как волки окружают тебя ночами:
Расстреляем, да повесим... Я двужильный, что ли?
Да пиши, что хочешь, в протоколе,
Подпишу, отстаньте, не читая.

В о р о т ы н ц е в

Это вот и есть ошибка роковая!
Нашу слабую, истерзанную, стиснутую волю,
Так устроено, что давит вся громада,
Весь их аппарат, сведённый к острию.
В эти трудные, но считанные ночи — надо! —
Надо, Ваня, удержаться на краю!
Эту скачку дикую до пены и до храпу
Выдержать, чтобы себе не опротиветь самому.

Д и в н и ч (выходя с Мостовщиковым)

Божьей твёрдостью я выстоял в Гестапо
Божьей милостью пройду сквозь ГПУ.
(проходят)

Р у б и н

(обнял за плечи сидящих Елешева и Холуденева)

Не кляните современность, сыновья России!
А когда мы не были восточной деспотией?..
Всё пройдёт, что, маленьким, нам кажется так тяжело.
На счетах Истории мы — жалкие костяшки...

Г а й

А зенитки — без снарядов! Мост, река, —
Я обоих „мессершмиттов” сбил из дэ-ше-ка.
Воевал я им, ребята, за четыре дурака...
(стонет, схватясь за голову)

К у л ы б ы ш е в

Нештó, сынок, о прошлом не плачь.
Не тёрши, не мявши не будет калач.
В голове-то всякая дурь буровится.
Не мутясь и море не становится.

Р у б и н (он уже с Дивничем)

Христианство — да! Как и мужчина каждый,
Дорожу я убеждением, достигнутым однажды.
Но когда-нибудь я в ложности его уверюсь, —
Только, только христианству я бы отдал сердце!
Нет светлей учения от мира римо-греческого
До вершины гения германского.
Я пошёл тропой бы Сына Человеческого!
Я бы выпил чашу сада Гефсиманского!
Я в виду имею, безусловно,
Христианство не в догматике церковной...
(проходят)

М о с т о в щ и к о в

Вот король Норвегии — тот душка,
От безделья бродит улицами Осло,
С подданным в пивнушке выпьет пива кружку,
Иностранца поучёней зазывает в гости.
Не взмутит недобрым словом гнева
Любознательной своей природы дар,
А его супруга королева,
Взяв кухарку, ходит на базар.

В о р о т ы н ц е в (Печкурову)

Мы до судорог цепляемся за жизнь, на этом ловят нас.
Мы — любой, любой ценою жить желаем.
Мы идём на все позорные условия
И — спасаем. Не себя уже. Спасаем — негодяя.
Но — непобедим, неуязвим
Тот, кто жизнью собственной уже не дорожит.

Есть такие. Стань таким! —
И не ты — твой следователь задрожит!

Е л е ш е в (Холуденеву)

Яркость чувств и росплески ума —
Всё для них! Для них мой каждый шаг!
Архитектор, строил я дома,
В обществе блистал я, весельчак, —
Всё для них!..

Х о л у д е н е в

Я слушать не могу без жёлчи!
Чёрт волок меня над книгами всю молодость прогнать!
Я сейчас готов с тоскою волчьей
Серенаду женщинам провыть!

Фьяченце по-итальянски мурлыкает страстную песенку.

А теперь дадут мне десять лет...
Мне тянуть их в заполярном мраке, вдалеке...
Собачёнкой я готов бежать вослед
Ножке женской, отпечатанной в песке.

Холуденев уронил голову. Рубин уже теребит Кулыбышева.

Р у б и н

Сам я, сам я знал богатые колхозы,
У колхозников — коровы, овцы, свиньи, козы...

Из глубины сцены быстро идут и мимо котла выходят вперёд
П р я н ч и к о в и сопровождающий его 1-й н а д з и р а т е л ь
в грязно-белом халате поверх формы. Зритель не сразу может
понять, что неестественно в чрезвычайно элегантном костюме и
в движениях Прянчикова: все до единой пуговицы на его костю-
ме и прочей одежде обрезаны, и одежда кое-как скреплена верё-
вочками. Прянчиков в движениях быстр, но стеснён —
не обронить бы чего.

П р я н ч и к о в (на ходу)

Почему к военным ли, к гражданским
Обращение одно у вас — „давай! давай!” —
А? Товарищ?

1-й н а д з и р а т е л ь

Волк тебе товарищ в лесе Брянском.
Барахло в прожарку скидавай!

П р я н ч и к о в

(снимая левой рукой мягкую шляпу, из-под которой рассыпаются богатые каштановые волосы, правую руку вытягивает на мгновение вверх вперёд)

Хайль Гитлер, господа!

(правую рукою — „рот фронт”)

Да здравствует товарищ Сталин!

(мелко помахивает Фьяченге)

Бива Муссолини!

(отмахивается)

Хай живэ Бандер!

Разрешите вам представиться? Я — Валя

Прянчиков. Я — агитатор против возвращения в эС-эС-эР!

Елешев крадучись приближается и шепчет ему на ухо.

Прянчиков во весь голос:

Я предупреждён! Я знаю! — в контрразведке

Между нами могут быть *наседки*.

Но, как честный человек, скажу вам не тая,

Что я

1-й надзиратель за его спиной продувает машинку для стрижки.

Все разговоры и хождения прекратились,

Прянчиков — в центре внимания.

С мировой буржуазией — в самых тесных рамках,

С мировым рабочим классом — еле-еле-еле.

Оборотный капитал — три сотни тысяч франков.

Особняк, жена, машина, — всё в Брюсселе.

(присаживается на чурбак)

1-й надзиратель

Вши-то есть?

П р я н ч и к о в

Как вы сказали?

1-й надзиратель

Вши.

П р я н ч и к о в

(разражается хохотом, теряет равновесие и упал бы с чурбака, если б не схватился рукою за землю)

Ха-ха-ха! Давно я не смеялся от души!

Где ж им взяться? Людоеды! Дурносопы!
Я ж не из Москвы приехал — из Европы!

1-й надзиратель

Я сказал тебе — скидай в прожарку!

Рабочий (с верха котла)

Гражданин начальник! Тут уж докипает.

1-й надзиратель

Ну, не надо.

Пряников

Гран мерси! Я рад. На родине так ярко
Человек простые радости переживает!
Да! Совсем забыл я, господа, — один вопрос:
Уровень промышленности, что же, — не возрос?
Ай-ай-ай, как до сих пор тут туго всё!
По тому сужу, что эти вот чины
У меня обрезали все пуг'вицы,
И совсем не держатся штаны.

Климов

Металлические были?

Пряников

Что вы! Из кости.

Климов

Значит, шик?

Пряников

Конечно. Цвета крем.

Климов

Так в *посылку* взяли. Паря, не грусти,
Пуг'вицы обрезают всем.

Пряников

Да, но как же быть?

Климов

А сделаем из хлеба.

П р я н ч и к о в
(впервые внимательно оглядывается)

Вообще, что здесь творится?

Т е м и р о в

Баня.

П р я н ч и к о в

Под открытым небом?

Как-то странно...

Х о л у д е н е в

Что вам странно?

П р я н ч и к о в

Где вода? где душ? где ванны?

Е л е ш е в

Душ да ванны — полбеда.

П е ч к у р о в

В том беда...

К л и м о в, К у л ы б ы ш е в (вместе)

... что нет воды!

Прянчиков, совершенно поражённый, перестаёт вертеться, садится на чурбак. Как раз в этот момент надзиратель кончил прочищать машинку, подходит к нему сзади стричь.

П р я н ч и к о в

Так зачем же гонят?

Х о л у д е н е в

На прожарку. График.

П р я н ч и к о в (хватаясь за темя)

Э! кто там?

(вскакивает, отбегает, щупает выстригнутое место)

1-й надзиратель

Ну, что тебя? В наручники, да в бокс?

П р я н ч и к о в

Подождите! в боксе я сидел! ведь это — шкафчик!

И меня — туда живого? Парадокс!
(нащупал плешь)
Что вы сделали? Я буду жаловаться!!

1-й надзиратель

Чёрт тебя,
Сядешь ты, блоха?

Прянчиков

А Атлантическая Хартия?
Вы нарушили!.. А?
(последний вопрос уже к Елешеву)

Елешев (шепчет)

Милый, покоритесь!..
Все острижены давно, вы оглянитесь...

Прянчиков медленно поворачивается, оглядывая головы. Задор его
опадает. Он садится. Начинается стрижка. Перед Прянчиковым на
грудь поленьев садится Рубин.

Рубин

Так, товарищ. Вам хоть не достригли головы,
Но легко знакомятся меж этих стен,
Объявляю вам, что вы
С настоящего момента равноправный член
Арестантскими традициями лучшими богатой
Камеры сто двадцать пятой.
По одной из них, не утаю,
С новичков снимаем интервью.
Приготовьтесь. Вы
Поданный — СССР?

Прянчиков

Увы...

Рубин

Так. О бабушке, о дедушке пока не спросим.
Специальность?

Прянчиков

Инженер.

Рубин

И лет вам?

П р я н ч и к о в

Двадцать восемь.

Р у б и н

Я б не дал.

П р я н ч и к о в

Мерси.

Р у б и н

Были членом партии...

П р я н ч и к о в

Бож-же упаси!

Р у б и н

ВЛКСМ?

П р я н ч и к о в

Имел.

Р у б и н

Не понял.

П р я н ч и к о в

Глупость, говорю, имел.

Р у б и н

Об оценках мы не спорим. Тут водораздел,
Так сказать, мировоззренческий.
Расставаясь со скамьёй студенческой,
Были холосты? женаты?

П р я н ч и к о в

Ах, моя Мадлен!

Р у б и н

Забегаете вперёд, по имени судя.
Дальше — фронт?

П р я н ч и к о в

Да, фронт.

Р у б и н

И — плен?

П р я н ч и к о в

И плен,

Немного погода.

Р у б и н

Лагерь?

П р я н ч и к о в

В Рейн-Вестфальской.

Р у б и н

Род работ?

П р я н ч и к о в

Руда.

Кстати, очень неприятно.

Р у б и н

Доходили?

П р я н ч и к о в

Да.

Р у б и н

И — дошли?

П р я н ч и к о в

Мы убежали.

Р у б и н

Любопытно знать, куда?

П р я н ч и к о в

В Бельгию. В Арденны. Гос-по-да-а!

Это страшно интересно! Там движение

Этого... Сопротивления.

Что за партизаны — видели вы бы!

Мальчики румяные, здоровейшие лбы,

В батальон их маршевый, нах Остен там, нах Вестен, —

Спрятались, нашли поглуше место

И — *сопротивляются*: ни на заводы, ни в дивизии.

Вся Европа в крике, в гике,

А над нами — ветки, птички, и провизию

Носят девушки-бельгийки.

Ах, какие девушки!..

Р у б и н

Мадлен?

П р я н ч и к о в

Не скрою.

Тут Вторжение, тут всё само собою...

Р у б и н

Вы разбогатели, получив приданое?

П р я н ч и к о в

Да, но я...

Я его за десять месяцев утроил!

Давыдов, громко хрюкнув, подходит и слушает с большим вниманием. Стрижка окончена. 1-й надзиратель уходит.

Р у б и н

Не пытайтесь нас уверить!

От Адама Смита, от Давида Рикардó
Все законы политэкономии...

П р я н ч и к о в

Пардон! Пардон!

Вы не делайте такой физиономии!

Знаю, прорабатывал!

Маркс-Энгельс, Лapidус-Островитянов!

Так ведь там же вас не жмут, не гнут, не тянут!

Я за год шутя — и стал негоциантом.

Миллионы наживали некоторые!!

Мы, советские, не знаем собственных талантов.

Там же нет ни ГПУ, ни фининспектора!

Есть у тебя *тэт*, да лишний франк в кармане...

Д а в ы д о в

Можно делать бизнес?

П р я н ч и к о в

Да, *аржан*! Да, *мани*! (*хохочет*)

Господа, смешно!

Привыкшим к тяжести свинцовой на спине,

К тяготенью вниз, к давлению извне,

Нам на Западе, как жителям земным, ну скажем, на Луне,

Не ходить, а прыгать! Нам простор, карьера!

Р у б и н

Чепуху городите, милейший! Рассуждаете как лавочник!
Кто-то должен стоимость прибавочную...

Д и в н и ч

(выйдя вперёд, мягко берёт Рубина за плечи)
Лев Григорьевич, не расширьте прав интервьюера.
(Прянчикову)

Если вы так трезво рассуждали,
Так зачем вернулись?

П р я н ч и к о в

Кто? Меня украли!!

(Г о л о с)

Ка́к украли?

П р я н ч и к о в

Так. Средь бела дня! В Брюсселе.

(Г о л о с а)

Где?

Кого?

Когда?

Нет, в самом деле?

П р я н ч и к о в

Господа! Не делайте мне больно!
Что я — ненормальный, чтоб вернуться добровольно?

К у л ы б ы ш е в

Есть такие...

Е л е ш е в

Всю войну на Западе прошедшие...

П е ч к у р о в

Всё перепытавшие...

К л и м о в

Все огни прошедшие...

П р я н ч и к о в

И — вернулись??

К л и м о в
И вернулись.

П р я н ч и к о в

Значит, сумасшедшие!!

В о р о т ы н ц е в

Как сказать? — что ближе к естеству:
Верить ли всему? не верить ничему?

П р я н ч и к о в

Кончилась война — в гражданском, элегантными,
С золотыми росписями, бабочками-бантами,
Понаехали *товарищи* — и ходят просто бандами! —
(скороговоркой)

Чуть посол, посольство, — бах!

И в дыру ползут уже
Сто поверенных в делах,
Двести двадцать атташе,
Триста сорок один штаб —
Русских Ванек цап-царап, —
Неудобно ж отказать союзной нации! —
Представители репатриации!
Ждут вас матери, ждут сёстры в разорённых городах!
Даже кто с оружием в руках
Против Ёськи выступал,
Кровь младенцев проливал, —
Родина простила! Родина зовёт!
Я смотрю — клюёт!
Едут, верят...

М о с т о в щ и к о в

До чего ж доверчив и беспечен
Русский человек!

П р я н ч и к о в

Кого ни встречу,
Убеждаю, умоляю, — как их от чумы?? —
Денег мало? — на тебе займы!
Не найдёшь работы? — на тебе записку!
Мне бы шут бы с ними! — жалко земляков...
Ну, и *продали*. И кто же продал? Самый близкий
Друг, с которым мы из лагеря бежали!..

Х о л у д е н е в (Мостовщикову)

Вот каков

Наш советский человек...

П р я н ч и к о в

Встретились. Помочь? Выписываю чек...

Ничего не надо, говорит, решился, — еду.

Помнишь, как на Рейне?.. как у партизан?..

На прощанье что же? — пообедать!

Назначаю ресторан

Самый фешенебельный...

Вы в Брюсселе не были?..

Там меня и показал, Иуда...

Расплатился, выхожу оттуда, —

Только дверь зеркальную за мною повернуло —

Вот сюда меня как шибануло!

Эт-то был удар! —

Через тротуар —

И — в машину головой!

(Г о л о с а)

Прохожие?..

Полиция?..

П р я н ч и к о в

Не помню я!

Это же мгновение, это же как молния!

Ну, лежу в посольстве, — буду отбиваться!

Так-то просто я не дамся вам из Бельгии...

Д а в ы д о в

Но кому ж? кому могли достаться

Ваши деньги, а?

П р я н ч и к о в

Рот заткнули, обернули этаким кулём —

„Груз дипломатический”,

без обыска, граница, Амстердам...

(Г о л о с)

Ну, а там?

П р я н ч и к о в

А там?

На аэродром.

На Берлин из Лондона летели лётчики советские.
С визита доброй воли.
Или дружбы, чёрт их разберёт.
Олухи голландские тюк мой не вспороли
И — на самолёт.
Опустились мы в советской зоне.
И ещё не понял я. А вот когда я понял:
Двум солдатам меня сдали. Перед ними — котелок.
Суп едят, верхом усевшись на колодину.
Ложку мне: „Садись. Хороший суп, браток.”
Я попробовал...
(жест бросания ложки наземь; стонет)
ты, матушка! ты, Родина!!...

Все понижают. Тишина.

Д и в н и ч

Родина соломенная, с бытом нашим смрадным,
С дикими понятиями, бесправьем безотрадным...

Р у б и н

Рабством убеждённым, рабством внутренним...

Д и в н и ч

В дни, когда померкла яркая война, —
О! какою страшной в сумраке предутреннем
С рубежей ты кажешься, родная сторона! —
Бездыханна, бессловесна, обволочена
Мутновидящим, бесчувственным, тупым
Своевольем князя Джугашвили!..

Г а й

Да пусти нас из Европы — мы бы в пыль и в дым
Сталина разворошили!

Р у б и н

Ах, безумцы! Ах, слепцы! Истории хотите колесо
Повернуть вы вспять!..

Х о л у д е н е в

Нет, мы будем ждать, пока ОСО
Станет нам клепать по тридцать пять!

Р у б и н

Да, друзья мои, не первым нам

Из Европы чистенькой в немытую Россию возвращаться.
И столетие назад, другим полкам,
Это тоже тошно было, братцы.
И тогда на нашей скудости и нестали
Распустилось дивное цветение —
Муравьёвы, Трубецкие, Пестели.
А сегодня — наше поколение.
Но они дошли до площади Сенатской,
Мятежом свой замысел обвершили, —
Вас схватили на границе азиатской
И сидите в СМЕРШе вы...

В о р о т ы н ц е в

Нет, простите, случай ваш — не тот.
Если ожидает нас переворот, —
Дай-то Бог! — то не шипучая дворянская игра
От шампанского, от устриц с серебра,
Не заёмные мечтанья, что там было, где, —
Но вот этот кряжистый народ,
Настрадавшийся на баланде.

Е л е ш е в

Всё это красиво, то, что декабристы мы.
Но зачем так мрачно? Будет же амнистия!

П р я н ч и к о в (живо)

Ожидается амнистия?

Е л е ш е в

Ну да, мы не доедем до Сибири!

П р я н ч и к о в

Скоро?

Е л е ш е в

Ну, вот-вот, дня три-четыре.

П р я н ч и к о в

И — отпустят?

Х о л у д е н е в

Да-да-да, к жене и к деткам.

П р я н ч и к о в (к нему)

Скоро?

Х о л у д е н е в
Через три-четыре... пятилетки.

Е л е ш е в
Ах, Андрей Степанович, какой вы зубоскал!
Следователь точно мне сказал!

Д а в ы д о в (*придвигаясь*)
Говорил и мне.

К л и м о в
А вы не лезьте!

Д а в ы д о в
Почему?

К л и м о в (*с кулаками*)
Вы говорили, что вы здесь —
со сволочью фашистской... ?

Т е м и р о в
(*ступая между ними*)
Вас помилуют: вы — вор. Украсили тысяч двести, —
Вы советской власти „социально-близкий”.

Р а б о ч и й (*сверху*)
Эй! А ну! Готово. Разбирай!

Начинает ухватом выбрасывать из бака дымящуюся паром одежду.
Общее поспешное движение. Разбор вещей. Путаница.

Р у б и н
Гады! Сволочи! Спалили гимнастёрку!

Е л е ш е в

Ай-яй-яй!

Общий гул и суета. Фьяченге, ещё не одевшись сам, принёс все вещи
Давыдова и ухаживает за ним. Единственный одетый Пряничков
с интересом наблюдает за всем.

Р у б и н
Лишних брюк военных нет ни у кого?

(Г о л о с а)

Тихо!

Тише!

Р у б и н

Брюк немецких, порванных!

(К т о - т о)

Не эти ли?

Р у б и н

Во-во!

Передаёт их оберлейтенанту, это его брюки. Гул снова усиливается.

Х а л ь б е р а у (*Рубину*)

Данке зеер! данке зеер!

(Г о л о с)

В чём это измазали, собаки?

П р я н ч и к о в

Интересно, а кого возьмут во фраке,
Как же фрак?

Х о л у д е н е в

Что — фрак?

К л и м о в

Что — как? В жарилку!

П р я н ч и к о в

Эт-то невозможно!

К л и м о в

Невозможно знаешь что? Вот это самое — в бутылку.
Остальное — всё возможно, брат...

Пришли 1-й и 2-й надзиратели.

1-й надзиратель

Р-разобраться по два! Р-руки взять назад!

Заключённые разбираются в колонну по два, кое-кто доодевается
на ходу. С жалобой выходит Рубин.

Р у б и н

Гражданин начальник! Мне дыру прожгли!

1-й надзиратель

За-латаешь в камере. Па-шли!

Р у б и н (не отступая)

Буду жаловаться! Есть тут старший, отвечающий... ?

2-й надзиратель

(толкает его в строй)

Марш, направляющий!!

Колонна скрывается в глубине двора.

КАРТИНА 2

Небольшая камера. Нар нет, пол устлан соломой, на соломе тесно спят вповалку арестанты, головами к стенам, ногами в середину. Дверь с „кормушкой” и глазком, близ неё деревянная непокрытая бочка-параша. Единственный оконный проём заложен свежим неоштукатуренным кирпичём, оставлено лишь крохотное обрешеченное окошко вверху. В камере бледный свет, в течении картины заметно расцветёт.

Под окошком Д и в н и ч молится. Лёжа разговаривают тихо В о р о т ы н ц е в и Х о л у д е н е в. У двери стоят К у л ы б ы ш е в и В ж е с н и к, прислушиваясь, что в коридоре. Близ параша, как последний прибывший, спит П р я н ч и к о в, его можно узнать по шляпе, которой он накрыл голову. Головою к нам, близко лежит К л и м о в. Он не спит, а, подпершись локтями, поёт чистым сильным голосом негромко.

К л и м о в

Где ты, где ты?..

Скажи мне, где ты?..

Куда тебя забросила война?..

Четыре года

Кружишь по свету, —

Какие заслужил ты ордена?..

С грохотом открывается дверь, пропускает А р е с т а н т а с п о д б и т ы м г л а з о м, огромным синяком на скуле, и запирается с таким же грохотом. Все спящие вздрагивают, но не просыпаются.

Руки вошедшего заложены за спину. Оказавшись в камере, он освобождает их. Климов, как бы ударяя себя по скуле:

Следователь?

А р е с т а н т с подбитым глазом
Зубы-то дороже, Петя. Подписал,
Где и был, где вовсе не бывал.
(втискивается между спящими, ложится)

К л и м о в (поёт)
Снимаешь мины?
Ползёшь под танки?
С катюшей едешь или водишь ИЛ?
По тропам ходишь
По партизанским?
Иль тиф сыпной в плену тебя свалил?..
С семьёю новой
Живёшь за морем?
И-ли в сырой земле похоронён?
Вот-вот вернёшься
Домой героем?
И-ли в тюрьму посажен как шпио-он?

В ж е с н и к
Нэх че лихо вэзьме! На моём примере
Изучайте языки! Нас губит их незнание!
Мог я быть шпионом — в Великобритании!
А пришлось? В са-бащем эс-эс-эре!
Незнаком с английским! — хау ду ю ду?
Иф ю плиз...
Ну, не хочешь в Тауэр, дурак, —
иди к большевикам на баланду,
Строить коммунизм.
Это что — тюрьма? Солома, гниль, такую вашу мать!
Вот за Польшею тюрьма была: две простыни, кровать,
Книги, тумбочка, прогулка.
Мясо на обед!! На завтрак — беленькая булка!

К л и м о в
Ты за что ж сидел?

В ж е с н и к
Я коммунистом был, пся крев!
Всё поймёшь, сюда вот только сев...

Дивнич по-прежнему истово молится. Климов начинает выжимать стойку. Он в одних трусах, тело его прекрасно развито.

К л и м о в *(из стойки)*

А потом?

В ж е с н и к

Потом права ищи!

Дали землю! дали жару нам *товарищи!*

В Красной армии служил.

Вдруг — бах! — инструкция Политотдела:

Еще Польша не сгинела!

Даже кто партиец в доску —

Тот католик, Матка Боска!

Леон Вжесник — подпоручник Войска Польска!

К л и м о в

(он уже лёг; в прежней позе поёт)

Напрасно утром

В холодный ветер

Выходит на крыльцо твоя жена:

„Где ты, где ты?

Скажи мне, где ты?

Куда тебя забросила война?”...

(опускает голову, замирает)

В о р о т ы н ц е в *(Холуденеву)*

Был немилостив алтарь, где головы мы клали,

Мы в своей стране своих не узнавали.

Встала в людях злоба, жадность, тьма, —

Будто наш народ сошёл тогда с ума,

Кинул душу чёрту в исступленьи.

Не ошибка лозунгов, не генеральские промашки:

Никому, ничем не задержать круговращения, —

Так вот повернула, покатила — и пошла!..

Мне пришлось изведать самых тяжких,

Самых изнурительных российских отступлений

От Мукдена, Найденбурга и к Ростову от Орла

Ход необоримый, —

Никогда мне эта чаша горше не была,

Чем из Крыма.

Я стоял в разноречивой, истеричной тесноте

О потерях плачущей, спасенью веселящейся кормы,

И не первый раз уже подумал: „мы”, всё „мы”, —

А „они”? А — т е ?

Великодержавному мне, может, москалю
То, что *им*, не видно с высоты господской?
Может, не жил я в России и России не люблю?
Но позвольте! — но не Ленин!! Но не Троцкий!!
Думал: наши жалобы и вопли — а не вздорны?
Русь отдав! — не Мекленбургское какое-нибудь графство,
Может проглядели мы источник новотворный
В том обещанном народоправстве?
Херсонесский воспалённый промелькнул маяк.
Скрылся в темноте.
Родина моя! Увидимся ли мы ещё? И как?
И когда? И где?..

Х о л у д е н е в

Свиделись.

В о р о т ы н ц е в

Не думал так зажить,
В отдалённость. Время, люди — всё сменилось.
Но однако ждали мы, что нам пошлётся милость
Перед смертью — Родину освободить!
Нет!! И двадцать пять прошло — и снова нет!!
И теперь ещё — на сколько лет?
И опять — союзников предательский отшат.
И опять — у красных наш солдат.
Надо было на соломку эту мне сюда добресть,
С вами вместе неразваренные зёрна эти есть,
Да послушать, посмотреть, какие вы! —
Да куда вы выросли, да как вы стали знать их, —
Я благодарю Тебя, Создатель,
Что большевики — уже мертвы.
Раньше наших.

Х о л у д е н е в

Маркс и Ленин! Отхватили вы по ломтю
Молодости нашей! Не побыв на фронте,
Да Европы не видав, да не развидев солнца
Чудно-новым через эти ржавые пруты, —
Так и были б мы барано-оборонцы! —
Были — что мы? были — кто мы?
Громоздили ваши томы
Сундуками пустоты!..

Дивнич перешёл к двери и там беседует с Кулыбышевым,
сидя на соломе.

Д и в н и ч (вещим голосом)

Скоро! скоро пред народом богомольным
В клубах ладана восстанут алтари,
Русь наполнят звоном колокольным
Церкви и монастыри.
Мой народ измученный! Надейся!
Над тобою Божье осияние.
Удививши мир своим злодейством,
Удивишь его ты покаянием.
Проторится новая тропа
К запустению святынь поруганных,
Повалит спасённая толпа
За священниками, за хоругвями!

К у л ы б ы ш е в (ковыряя в носу)

Эт' да, эт' верно. Но только, вишь, церквѣ
Я сам закрывал.

Дивнич изумлённо откидывается.

Двадцатипятитысячник мне: не будь опечален!
Думает за вас партия, правительство
и лично товарищ Сталин!
Церковь закрыть — вот вам ссыпной пункт!
Что ты, говорю, — да все бабы в бунт!
Темнота, говорит, наплевать!
И вправь, отперлась деревня чуть не вся, —
А мы, актив, — за них подписѣ, подписѣ.
Штук по десять каждый.

Д и в н и ч

И ты?

К у л ы б ы ш е в

Да-к, делай что хошь! —
Без меня, вон, полотнища. Уж где рубь, там и грош.

Х о л у д е н е в

Как-то мы росли, не чувствуя Лубянки,
На щеках носили жар беспечного румянца...
Вот ирония! — сражались Вы — у Франко,
Я ж мечтал — бежать к республиканцам!..

В о р о т ы н ц е в

Раз единственный я там вкусил победу!

Кажется, мы там неплохо подрались,
За Москву и за Орёл — в Мадриде и в Толедо
Хоть на пару сотых разочлись!

Гром замка. Входит, шатаясь, бледный М е д н и к о в и, натыкаясь, как слепой, идёт к своему месту. Все спящие, как и в первый раз, вздрагивают, поднимают головы и тотчас же вновь их опускают.

Х о л у д е н е в

Вася, как?

М е д н и к о в

Шестые суточка, браты!
Ой, поспать! поспать бы хоть немного!
(падает на солому и засыпает)

Д и в н и ч

Но тогда скажи, старик, но ты —
Веришь ли ты в Бога?!

К у л ы б ы ш е в

А?

Д и в н и ч

Ты в Бога веришь ли?

К у л ы б ы ш е в

Я?

Д и в н и ч

Да!

К у л ы б ы ш е в

В Бога?

Д и в н и ч

В Господа, в Спасителя!

К у л ы б ы ш е в

М-молчать беда,

Говорить — другая. Как эт' ты хочешь — да ли, нет ли?..
Жизни нашей — вон они, петли...

Возьмёт, как кота

Поперёк живота, —

По полу катаешься, всех святых вспомняешь.
А стелется жизнь скатёрочкой —

на иконы те бабьи не глянешь.

Сейчас мы все тут — изменники родины, —
Руби малину, коси смородину!
Но я сперва не за то попал,
А что ведомость раздаточную порвал,
Да колхозницам хлебушка ещё по разу раздал,
Куды! Без этого б до весны перемерли.
Мне не корысть была — у меня-то в доме полно.
Вот оно, тут стоит, вот подходит к горлу, —
Как называется? Что — оно?

Как бы задумываются или дремлют. Воротынцев и Холуденев тоже спят.

Вступает музыка, тягостной мелодией тюремного пробуждения. Люди тяжело мечутся на своих местах, борясь между сном и бодрствованием. Подают реплики, как в бреду, и снова роняют головы.

Е л е ш е в

Что со мной? Я сплю или мечтаю?
Дивный сон! Как быстро ты померк!..
Снова снилась мне головка золотая —
Эльза Кронеберг!
Боже мой! В тюрьме так страшно пробужденье!
Тяжкий миг! Всю ночь тебя гоню.

(Д р у г о й г о л о с)

Воли нет для жизни...

(Т р е т и й)

Силы — для движенья...

(Ч е т в ё р т ы й)

Смысла — наступающему дню...

(Е щ ё к т о - т о)

Мутный свет меж прутьев еле брезжит...

Громкий поворот ключа в двери. Все вздрагивают, разом поднимают головы. Но дверь не открывается, головы падают.

(Е щ ё о д и н)

Как кинжалом в сердце — поворот ключа.

Х о л у д е н е в

Краткий век мой! Что ты — отжит? вовсе нежит?
Родине на займы отдан сгоряча?
Два хрустящих новеньких червонца...

(Г о л о с)

И за них — один измызганный взамен...

(Е щ ё)

Не для нас сегодня всходит солнце!

П е ч к у р о в

Плен немецкий, а теперь — советский плен...

(Е щ ё о д и н)

Днём обтерпишься — послушно цепь волочишь.

(Е щ ё)

Тупо смотришь на решётку, на замок.

(Е щ ё)

Но вот этот вот из краткой милосердной ночи
В день раба безжалостный швырок!

(Е щ ё)

Днём обвыкнешься — как будто так и надо...
Но вот эта каменная глыбная громада,
Утром привалившая беспомощную грудь!

(Е щ ё г о л о с а)

— Десять лет!

— Легко сказать!

— На пальчиках загнуть!..

— Ни жены...

— Ни матери...

— Ни дочери...

— Ни дома...

— Не увидеть...

— Не вернуть...

— И не в силах голову поднять с соломы!..

— И не в силах веки разомкнуть...

Все снова спят. Последние такты стихающей мелодии прерываются
громом ключа и открытием двери.

4-й н а д з и р а т е л ь (кричит)

На опр-равку! Быстро!

Т е м и р о в

(поднявшись чуть раньше других)

На опр-равочку! Парашютисты!

Все, кроме Медникова, поднимаются, вскакивают. Общая суматоха.
Вжесник пытается первым выйти в дверь.

4-й надзиратель (*Вжеснику*)
Сто-ой! Что прёшься? Проходи с парашей!

Холуденев
(уже держась за одну ручку параша)
Лев Григорьевич!

(Г о л о с а)
— Вы с кем несёте?
— С Лёвой.

Рубин
(торопливо собираясь, всё что-то забывает; полотенце свешивается с его шеи, путается в бороде, мешает)

Разве очередь моя? Да что вы?
(быстро подхватывая вторую ручку параша)
Тысячу пардон! Забыл безбожно!

(Х о р)
Не пролейте!.. Не пролейте!.. Осторожно!..

Рубин и Холуденев выносят. Остальные выходят следом. Видно, как они берут руки за спину, строятся попарно.

Климов (*над Медниковым*)
Вася! Встань, голубчик. Ведь поднимет, гад.

4-й надзиратель (*за дверьми*)
Р-разобраться по два! Руки взять назад!

Климов
Вася!

Медников
М-м-м...

4-й надзиратель (*вбегая*)
Ну, кто ещё тут? Встать!!
(бьёт носком сапога в подошвы Медникову)

Медников
Не хочу я на оправку. Дайте мне поспать.

4-й надзиратель
Что ты мне? Права качать?

Медников
На допросы ночью, на допросы днём...

4-й надзиратель
Рас-порядочек! Бе-гом!

Вышли все.

Марш!

Строй уходит. Входит 5-й надзиратель.

Давай. Я — эту, ты — вон ту.
(показывает ему на две стороны камеры,
на два ряда соломы)

5-й надзиратель
Зна'шь, Валерик, на мою овечью простоту
Эти обыски мне, ну... серпом по... животу.

4-й надзиратель
Что за „обыск”? Тут зовётся — шмон.
Фронт забудь. По тюрьмам свой закон.
Лейтенант нас учит: ничего хоть не найди,
Но — расшуруди!!

Начинают ворошить солому, раскидывая вещи. Ничего не найдя,
выходят. А р е с т а н т ы возвращаются.

(Г о л о с а)

— Шмон опять!
— Шмонали, грёб твою в ГБ!
— Сволочи!
— Пораскидали!
— Не могу привыкнуть!
— Эт-то меня бесит!

Подгребают солому, ищут свои вещи, расстилают их. Климов стоит
среди камеры неподвижно, скрестив руки на груди.

Климов
Доживём, братья! И Сталина увидим на столбе!
Будет и над ним когда-нибудь процессик!

Кулыбышев
Жди, милок, чего иного.
Утопят мыши кота, да неживого.

Фьяченче подходит к Давыдову.

Д а в ы д о в

Постелил?

Ф ь я ч е н т е

О да, синьор!

Д а в ы д о в

Смотри теперь, что шить.
Русского не учишь, — как ты будешь жить?
(обсуждают кройку тапочек)

Е л е ш е в (Холуденеву)

Вот до этого на стенке отколупа
Никогда вы не лежали.

Х о л у д е н е в

Отвяжитесь.

Е л е ш е в

Грубо. Глупо.
Вы — не европеец. Не умеете идти на компромисс.

Х о л у д е н е в

Компромисс — Европа? Это мысль!
(уступает, подвигается)

П е ч к у р о в (Кулыбышеву)

Что бы сон мой значил — не пойму:
Церковь.

К у л ы б ы ш е в

К перемене жизни. Вольному — в тюрьму,
Нам — на волю. Это хорошо,
когда в тюрьме приснится церковь.

4-й н а д з и р а т е л ь (отхлопывая кормушку)

На проверку!

В ж е с н и к

На проверку!

Т е м и р о в

Становись!

Все быстро выстраиваются вдоль камеры по два в затылок. Рубин — с краю, ближе к зрителю. Темиров в бурке идёт перед строем.

Вопросы?

Р у б и н

У меня.

Т е м и р о в

Вы — комик.

Сколько можно спрашивать? Кто кроме?

П р я н ч и к о в

У меня! — не кормят! Что за обращение?
Почему остригли?..

Т е м и р о в

Я прошу прощенья, —

Корпусной промчится как комета.

Если вы желаете ответа,
Станьте тут (*показывает рядом с Рубиным*),
загородите двери.

Р у б и н

Болтовня!

Первый я спрошу. Важнее — у меня.

Прянчиков перебегает на фланг, Темиров заступает его место в строю. Всё с тем же грохотом отпирается дверь. К о р п у с н о й стремительно входит, 6-й н а д з и р а т е л ь стоит в дверях. Идя мимо строя, корпусной просчитывает пары в прямом направлении, потом в обратном, при полной тишине, и тотчас делает рывок к выходу, но сперва Рубин, а потом Прянчиков заступают ему путь.

Р у б и н

Гражданин начальник!

П р я н ч и к о в

Гражданин... !

Р у б и н

Согласно

Правилам, висящим...

П р я н ч и к о в

Гражданин... !

Р у б и н

Заклѹчѣнным разрешается...

П р я н ч и к о в

Ведь это же ужасно!..

Р у б и н

...жаловаться!

П р я н ч и к о в

...кушать!

К о р п у с н о й (видя, что не уйти)

Кто-нибудь один.

Р у б и н

(решительно повышая голос, отталкивая Пряничкова, очень торопится, боясь, что корпусной не дослушает)

Я являюсь жертвой клеветы. Я арестован
Совершенно незаконно.

К о р п у с н о й (удивлѣнно)

Ну, так что вам?

Р у б и н

Следствие проводится необъективно...

П р я н ч и к о в

... Трухлая солома! Спать противно!

Р у б и н

... Жалобу писать на имя Берия...

П р я н ч и к о в

... На параше крышки нет! Бактерии!

Р у б и н

Перестаньте чепуху нести!..

... В Генеральную Прокуратуру, в наркомат юсти...

П р я н ч и к о в

Мы не печенег! Мы не эфиопы!
Дайте нам условия Европы!

Р у б и н

Дайте мне бумагу! Я неоднократно
Обращался — не дают.

К о р п у с н о й

И не дадим!

Ловко обходит их и выскакивает за дверь. Рубин бросается вслед.

Р у б и н

По какому праву... ?

Дверь захлопывается, вталкивая Рубина назад. Гремит замок.
Ряды смешиваются.

Т е м и р о в

Вам понятно?

Жалуйтесь в Осоавиахим!

Р у б и н (с кулаками)

Ваша эта мне дурацкая ирония!..

Их разводят.

П р я н ч и к о в

(хватаясь за голову, совершенно серьёзно)

Господа, где мы живём? Ведь это — беззаконие!!

Климов хохочет. Распахивается кормушка. В ней — голова
6-го надзирателя и белый халат раздатчика.

6-й надзиратель

Восемнадцать!

В кормушку начинают выдавать по две хлебных пайки сразу. Их
подхватывают и раскладывают на шинели, расстеленной посреди
камеры.

(Г о л о с а)

— Паечка!

— Святой костыль!

Темиров стоит у кормушки и ведёт счёт пайкам. В конце он ещё
получает сахар в носовой платок. Кормушка захлопывается.

Т е м и р о в

Фриц Иванович! Делите сахарок.

Хальберау берёт сахар, садится поудобнее, все дают ему свои бу-
мажки, тряпочки, и он при помощи лопатки из поломанной спичеч-

ной коробки начинает священнодействие дележа. С грохотом открывается дверь. П р и с л у ж н и к в тёмном халате вносит деревянную бадейку с кипятком и несколько пустых литровых консервных банок из-под американской тушёнки. Уходит. Дверь закрывается.

(Г о л о с)

Кипяток!

(К т о - т о, надпив)

Простыл.

Пойло, а не кипяток.

Почти все сидят по своим местам. Темиров и Арестант с подбитым глазом раздают. Медников снова спит.

А р е с т а н т с подбитым глазом
Кто вчера горбушку... ?

Т е м и р о в

Вот, дошли досюда.

(показывает и, начиная с этого места, раздаёт по кругу
одни горбушки)

Так... так...

Очередь дошла до Пряникова, тот протягивает руку.

Погодите, сударь (минует его) .

Круг один пропустите, вы новичок.

(окончив горбушки, раздаёт серединки)

Тут традиция...

П р я н ч и к о в (горестно)

Не получу?

Т е м и р о в

Получите, однако ж

...мякиш.

Вручает ему последнюю пайку. Все уже занялись хлебом. Одни пилят его ниткой на кусочки, другие отщипывают, третьи отгрызают маленькими укусами, четвёртые уже доедают, остервенело жуя.

К у л ы б ы ш е в

(ворчит, как бы про себя)

Арестанту четыреста пятьдесят грамм на день,
Куда хошь, туда их и день.

В ж е с н и к

Пейте воду! Пейте воду!

Т е м и р о в

Кипятка ведро
Сто грамм масла заменяет по новейшим теориям.

Е л е ш е в

Говорят, доклад был на Политбюро.
Высочайше одобрен.

М о с т о в щ и к о в

Из какого же расчёта?

Х о л у д е н е в

По калориям:
Ведь вода-то горяча, а масло холодно.

К л и м о в

Сильно́!

Д и в н и ч (*выступая на середину*)

Господа! А у меня такое предложение:

Сахар — не делить!

Наши скудные крупиночки сегодня, в день рожденья,
Льву Григорьевичу подарить!

Смешанный шум. Подходят поздравлять. И ропот.

А р е с т а н т с подбитым глазом
Пайку кровную дарить?

П е ч к у р о в

Такого нет закону.

В ж е с н и к

Тут самым жрать нечего.

Отпадает кормушка. В неё:

6-й н а д з и р а т е л ь

На „му”!

Д и в н и ч (*решительно*)

Нету!

6-й надзиратель (*недоверчиво*)

Нету?

(медленно закрывает кормушку)

Р у б и н (*он встал*)

Я благодарю, товарищи, я очень тронут,
Но, конечно, сахара я не возьму.

Е л е ш е в (*Дивничу*)

Есть же М-едников, М-остовщиков, а вы нас ставите
В положение... зачем их раздражать?

Д и в н и ч

(ему никак не удаётся начать речь)

Психология раба! Пусть разбираются в алфавите,
Если русскими себя осмелились назвать!

М е д н и к о в

(приподнялся, торопливо ест пайку)

Спать ушёл ночной, пытаться пришёл дневной...
Ох, ребята, чувствую — за мной.

Д и в н и ч

Господа! Пора подняться нам
От корысти мелочной...

Отпадает кормушка.

6-й надзиратель

Так кто на „ам”?

Д и в н и ч (*резко*)

Буквы нет такой!.. Подняться до сознания,
Что подачка эта, эти крохи, эти восемь грамм...

Кормушка закрывается.

Нам не осластят существования.

Нас свели до нужд биологических.

Нас лишили даже званья политических,

Чем единственно гордиться можем мы в тюрьме.

Званье это освятили долгие века.

Званья этого, друзья, не отдадим ЧК!

Отпадает кормушка.

6-й надзиратель

Кто на „ме”, я спрашиваю? Кто на „ме”?

Медников

Медников.

6-й надзиратель

Так что тут крутите? *Слегка...*

Захлопывает кормушку. Медников подходит к двери. Хальберау, пожав плечами, опять ссыпает сахар вместе и выносит на шинель, где делился хлеб.

Рубин (всем)

Глубоко признателен. Беру. Но раз уж сахар мой,
(зачерпывает понемногу кипятка в две банки, сыпет
туда сахар, мешает палочкой-приколкой хлеба)

В двух... бокалах размешаю и один бокал
Дам тому, кто шесть ночей не спал,
(передает Медникову)

А другой — пущу по круговой.
(мешает)

(Г о л о с а)

— Правильно!

— Вот это понимаю!

— Браво!

Рубин (отпив)

Не вода — напиток небожителей. Нектар!

Медников (жадно пьет)

Ну, спасибо, братцы. Ах, и сладко! Право,
Сразу покрепчал я. А в башке уга-ар!..

Рубин (хлопает его по плечу)

Твёрже, Вася! Пусть твоё сознание не определяет битие...

Банка — по кругу. Гремит, открываясь, дверь.

6-й надзиратель

Выходи!

Медников, взяв руки назад, выходит. Надзиратель смотрит в список.

А кто на „е”?

Е л е ш е в (испуганно)

Елешев...

6-й надзиратель

С вещами!

Е л е ш е в

Мне? С вещами?!

Дверь захлопывается.

Ну, пропал. Ну, всё. Ну, всё...

Т е м и р о в (Прянчикову)

Каждый день берут из камеры утрами.

Кто на трибунал. Кто на ОСО.

П р я н ч и к о в

На... куда?

Х о л у д е н е в

На Совещание ОСОбое. Вот если нет улик,
Ни свидетелей, ни фактов, дело несуразно...

Е л е ш е в (нервно собираясь)

Сколько могут дать? Ведь я уже старик...

Т е м и р о в

В сорок лет? Стыдитесь!

Х о л у д е н е в

Так суют заглазно.

П р я н ч и к о в

Как? Заочно?!

Х о л у д е н е в

Миллионы едут из Европы. Чтобы поскорее
Провернуть их, — быстренькая лотерея,
Но без проигрыша! На любом билете...

П р я н ч и к о в (берётся за голову)

Бред!

Х о л у д е н е в

Распишитесь. Десять лет. Привет!

Гремит отпираемая дверь. Елешев уже собрался. Он судорожно запихивает в мешок недоеденную пайку, поспешно обнимается с товарищами, иным только жмёт руку.

Е л е ш е в

Ну, друзья!.. Ну, братцы!.. Лихом не вспоминайте!..
Был неправ... обидел я...

Д и в н и ч

Ни пуха, ни пера!
Тех друзей, с кем вместе жили на баланде,
Помоги нам встретить, лучшая пора!
(целует его)

Елешев волочит мешок к двери, только теперь растворяемой. Все стоят полукругом, провожая его, но в дверь заходит новичок, надзиратель машет Елешеву пока остаться. Дверь запирается. Новичок — Б о л о с н и н, высок, очень худ, очень бледен, одет по-военному, но не сразу понятно, в форму чьей армии. В руке он держит маленький узелочек, это и все его вещи. Выпрямившись, с какой-то дикой торжественностью, Болоснин смотрит на всех.

(Г о л о с а)

— Новичок...

— Откуда?..

— Вы не с воли?..

Е л е ш е в

Там амнистия, не слышали?..

(Г о л о с а)

— Молчит.

— Не русский, что ли?..

— Шпрехен зи... ?

— Парле ву... ?

— Ду ю спик... ?

Болоснин с улыбкой счастливого изнеможения откидывается головой к стене. Он говорит медленно, со слабостью, которая потом проходит, и явно наслаждаясь блаженством речи.

Б о л о с н и н

Вы... Не все... Вы... я... отвык
От такого общества блистательного, братцы!
Двадцать суток... двадцать суток... карцер...
И ещё... шестнадцать... одиночки...
Кто курить желает — в этом узелочке...

Слегка выставляет руку с узелочком из носового платка. Арестант с подбитым глазом живо подхватывает узелок, с ним — Вжесник и Печкуров. Начинается свёртывание нескольких папирос. Жестами идут по камере переговоры о количестве и кто с кем курит.

Тридцать лет я прожил — никогда не думал,
Что такое счастье — быть с людьми...

Е л е ш е в *(изнемогая)*

Там... — амнистия... ? не слышали?

(К т о - т о)

Из трюма

Человек! из карцера, пойми!

Климов на авансцене стоит на коленях. Нарвав из телогрейки ваты, он свернул жгут. С приёмами мастера начинает быстро катать жгут досочкой по полу. Болоснин следит за ним с задумчиво-зачарованной улыбкой.

Б о л о с н и н

Древний способ добывания огня...

Две дощечки... трут...

Е л е ш е в

Успокойте, успокойте вы меня!

Ведь меня там ждут!..

Т е м и р о в

Да не знает он.

Б о л о с н и н *(равнодушно)*

Как раз... я знаю.

Р у б и н *(напрягаясь)*

Знаете? Вы шутите?

Б о л о с н и н *(очень спокойно)*

Была бы слишком злая

Шутка.

Р у б и н

Есть?!

Е л е ш е в

Амнистия!!

Х о л у д е н е в

Не может быть!?

Д а в ы д о в

Ура-а-а!

Б о л о с н и н *(медленно)*

Я у следователя по радио сам слышал в кабинете.

Все сгрудились, жадно слушают.

В честь победы над Германией амнистия объявлена вчера,
Небывалая ещё на свете.

Д а в ы д о в *(потрясая кулаками)*

Я же говорил! Я говорил!

Е л е ш е в *(убеждая всех сразу)*

Все эти приговоры

Для острастки!

Р у б и н

Ведь победа же в масштабах мира!

Б о л о с н и н

Независимо от срока амнистированы: воры,
Спекулянты, жулики, бандиты, дезертиры,
Расхитители гражданские, военные, обмер, обвес,
Малолетних девочек растление, —

Словом, весь

Цвет советской нации.

Не помилованы *только*: бывшие военно-пленные,

Начинают расходиться в молчании.

Только мужички, кто был под оккупацией,

Только кто при немцах с фабрик не ушёл,

Да учителя, кто не бросали школ,

(теряя сдержанность, голос Болоснина начинает звенеть)

Только кто на поле боя сворой генералов продан.

Только кто в Германию насильно угнан.

Только кто не так оструган,

Думает не так, кому не так взглянулось, —

Так что кроме разве русского народа,

Остальных — всемилостивейше коснулась

Сталинская длань.

Д а в ы д о в *(ликуя)*

Я свободен! Я помилован!!

К л и м о в

Коричневая рвань!
Ну, скачите, ну, кричите „гип”!

Е л е ш е в

Всё пропало. Боже! Я погиб...
(опускается на свой мешок)

М о с т о в щ и к о в

Небывалая, действительно...

Х о л у д е н е в

По-сталинскому глумный
Манифестик.

Г а й

А кричат, наверно, до надседу.

В о р о т ы н ц е в

Чья победа? И над кем? Народ, народ безумный!
Над самим собой твоя победа...

Все неподвижны. Только в бесшумно раскрывшуюся дверь уходит
с мешком понурый Елешев.

В о р о т ы н ц е в. Будем знакомы (*представляется по-военному*). Полковник русской императорской армии Воротынцев!

Б о л о с н и н (*так же*). Поручик русской Освободительной армии Болоснин! (*рукопожатие*)

По мере того как Воротынцев называет, арестанты проходят мимо Болоснина и знакомятся с ним.

В о р о т ы н ц е в.

- Капитан Красной армии Холуденев!
- Солдат американской армии Климов!
- Капитан королевской югославской армии Темиров!
- Оберлётант Вермахта Хальберау!
- Подпоручник Войска Польского Вжесник!
- Капрал итальянской армии Фьяченце!
- Борец бельгийского движения Сопротивления

Прянчиков!

- Профессор Мостовщиков!
- Кузьма Кулыбышев, председатель колхоза „Ивана Сусанина”!.....

КАРТИНА 3

Небольшая комната, солнце через окно. Большой портрет Сталина. За столом сидят рядом майор О г н и д а и машинистка Н и н е л ь.

О г н и д а (диктует). „Постановление. Я, майор Огнида, рассматривая и изучая преступную антисоветскую деятельность военнослужащего, гвардии подполковника Иванова Александра Анисимовича, выразившуюся:

а) в период 41-42 годов в клевете на планомерный характер отхода Красной армии и на готовность советского государства к войне;

б) в период 44 года — в восхвалении американской военной техники и доли участия союзников в разгроме гитлеровской Германии;

в) в установлении личного контакта под видом приятельских отношений с лётчиками американской военной авиации Джорджем Флетчером... Джорджем Флетчером... и Вильямом... Вильямом... Ригби... , — нашёл необходимым предотвратить уклонение от следствия и выбрал меру пресечения — арест.” Подпись — майор Огнида. Точка. Дальше.

Н и н е л ь. Дайте передохнуть, у меня руки отваливаются!

О г н и д а. Слушайте, Нинель, вы же считаетесь лучшей машинисткой отдела.

Н и н е л ь. Лучшей машинисткой, но не верблюдом! Смотрите, смотрите, сколько с утра напечатали...

О г н и д а. Вот и прекрасно. Как полсотни — перекур.

Н и н е л ь. Но у меня пальцы онемели! (Протягивает.) Попробуйте, онемели!

О г н и д а (морщась, скороговоркой). Нинель Борисовна! Партия, правительство и лично товарищ Сталин требуют от нас *работы*, понятно? Пишите... „Утверждаю. (Нинель печатает.) Заместитель народного комиссара государственной безопасности генерал-лейтенант многоточие. Заместитель верховного прокурора РСФСР генерал-майор многоточие. Постановление. Я, майор Огнида, рассматривая и изучая преступную антисоветскую деятельность военнослужащего Героя Советского Союза старшего лейтенанта Петрова Ильи Михайловича, выразившуюся:

в клеветническом извращении гуманной сталинской

национальной политики в Поволжье, в Крыму и на Кавказе,

— нашёл необходимым предотвратить уклонение от следствия и избрал меру пресечения — арест”. Майор Огнида. Точка. Дальше.

Н и н е л ь. Я удивляюсь, когда вы их успеваете столько написать?

О г н и д а. Ночами, Нинель, ночами.

Н и н е л ь. Кому-нибудь другому расскажите. Как это патриотично! — не успели ворваться в Польшу — полячки, полячки, не успели в Германию — немки, немки.

О г н и д а. Старинный закон войны, Нинель: девушки побеждённого народа принадлежат победителям.

Н и н е л ь. Но Хильда ещё школьница, ей шестнадцать!

О г н и д а. Семнадцать. И потом — на добровольных началах, мать получает мой паёк.

Н и н е л ь. Вам тоже можно припать „личный контакт под видом”... Я вспоминаю Северо-Западный фронт... Леса, болота, местных жителей нет, вы ходили за нами стоями! Тогда я говорила: Эдик! У меня нет настроения, печатай сам. Вы садились и выстукивали: я, старший лейтенант Огнида...

О г н и д а. „Утверждаю. Заместитель народного комиссара госбе...”

Н и н е л ь (печатая). Меня все спрашивали: Нинель! Нинель? Откуда такое чудесное имя? Вы не француженка? А Н-и-н-е-л-ь это Л-е-н-и-н наоборот...

О г н и д а. „Постановление. Я, майор Огнида...”

Н и н е л ь. Ну, давайте для разнообразия на какую-нибудь женщину!..

О г н и д а. Что за капризы, что? Будут и женщины, дойдём.

Н и н е л ь. Помните, анекдот под Орлом? — прижила ребёнка от немецкого фельдфебеля, а наши пришли — повесила его и написала: „Смерть немецким оккупантам!” (По нетерпеливому жесту Огниды печатает.) ... Изучая и рассматривая... я обожаю, когда сажают женщин... преступную антисоветскую деятельность... почему всё мужчин, да мужчин? У вас нет государственного подхода.

О г н и д а. ... военнослужащего... Успокойтесь, вас после фронта и так никто не возьмёт...

Входит майор К а п у с т и н, полный, цветущий, с пачкой бумаг.
В двери — С е р ж а н т.

Капустин. Слушай, Эдик!

Огнида. Ну?

Капустин. На пару часов я тебя выселю отсюда?

Огнида. Это почему, это?

Капустин. А вот, постановления ОСО буду читать.

Огнида. Иди к Миронову.

Капустин. Там допрос.

Огнида. Ну к Ваське.

Капустин. Тоже допрос. Да все кабинеты обошёл, везде допросы.

Огнида. Ну, а мне тоже некогда. Мне к семнадцати ноль-ноль надо всё на подпись.

Капустин. Ну, а я тоже ничего не знаю, мне Рублёв сказал — здесь. Ты шутишь — не успеваем приговоры объявлять, не успеваем на этап отправлять, а сегодня генерал вернётся — знаешь, что за это будет?

Огнида. Большое дело! Сгоните в камеру не по двадцать человек, а по сорок. Моих быстрее надо, мои по воле ходят.

Капустин. Иди в машинное бюро.

Огнида. Да там десять машинок, как пулемёты! Разве там мыслимо, разве?

Капустин. Ну в башню иди, башня свободна.

Огнида. Там крысами воняет, сам иди.

Капустин. По всей лестнице заключённых водить? А лестница без предохранительной сетки? Иди, иди.

Огнида. А, чёрт, только устроились.

Нинель. Я машинку не понесу на верхотуру!

Огнида. Ну и не я же вам понесу!

Капустин. Бойца дам, не спорьте. *(Знак сержанту.)*

Входит боец.

Да я быстро *(перелистывает толстую пачку)*. Через полтора часа можете приходить.

Боец берёт машинку.

Нинель. Все нервничают, все бегают, все бумажки перепутаются, — терпеть не могу этих переездов! *(Спешит вслед бойцу, подхватывая бумаги.)* Боец! Осторожней! Там буква выскакивает!

Уходят с Огнидой.

Капустин. Ну, гони по списку, да побыстрей. Пока один здесь, а ты следующего из бокса. Так у нас и пойдёт.

Сержант уходит. Капустин разворачивает стол по-своему, раскладывает на столе бумаги, распахивает окно.

Э-эх, погодка, мать твоя родина!.. На речку с удочкой да заночевать. Так немцы подстрелят, пожалуй... Да куда к чёрту, и под воскресенье не вырвешься. Говорят, даже в тридцать седьмом году такой загрузки не было.

Идёт к столу, зевает. Входит Сидоров, похожий на фабричного. У него исподлобный взгляд. Капустин, через зевоту:

Фамилие-имя-отчество?

Сидоров. Сидоров Митрофан Поликарпович.

Капустин. Год рождения?

Сидоров. Я неграмотный, господин начальник.

Капустин. Какой тебе господин? *(Роясь в бумагах.)* Господ с революции нет, не знаешь? Восемьсот девяносто пятого, что ли?

Сидоров. Пишусь так.

Капустин *(с жестом)*. Садитесь. *(Скороговоркой.)* „Постановлением ОСО НКВД от пятнадцатого шестого сорок пятого Сидорова Митрофана Поликарповича, 1895 года рождения, за измену родине подвергнуть заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет.” Распишитесь.

Сидоров *(вставая с кончика стула)*. Гражданин майор! Силком немец угнал. За что?..

Капустин. Я же вам прочёл — за измену родине. Расписывайтесь. Вот тут.

Сидоров. Десять лет. Вот это так... Да что подсуваешь?.. Я неграмотный, сказал.

Капустин. Ну, крест поставьте.

Сидоров. Не именно я. Ты и ставь.

Капустин *(пишет)*. За неграмотного...

Сидоров. Звезду пятиконечную...

Капустин. Ну, поговори у меня! Ты, я вижу, шибко грамотный! Алё! Следующий!

Сержант впускает Елешева.

Фамилие-имя-отчество-год рождения?

Сидоров нехотя уходит, оглядываясь. Сержант торопит его.

Елешев. Я — московский архитектор, довольно известный, ученик Щусева...

Капустин. Как? Щуков?

Елешев. Моя? Нет, Елешев, Анатолий Николаевич. Я строил... *(Садится.)*

Капустин. Год рождения?

Елешев. Мой?

Капустин. Да свой-то я знаю.

Елешев. Мне сорок лет. С девятьсот четвёртого. Если вам приходилось бывать, вы может видели моё здание...

Капустин. Садитесь. *(Читает скороговоркой.)* „Постановлением ОСО НКВД от пятнадцатого шестого сорок пятого бывшего военнослужащего младшего лейтенанта Красной армии Елешева Анатолия Николаевича, 1904 года рождения, за измену родине подвергнуть заключению в исправтрудлагерях сроком на десять лет.” Распишитесь.

Елешев. Позвольте! С точки зрения подлинной юриспруденции...

Капустин. Об этом вы напишете из лагеря. Распишитесь. Вот тут.

Елешев. Выслушайте меня, умоляю вас! Я уступил на следствии, но ждал суда, чтобы в процессе судебного разбирательства...

Капустин. Вот на говорение у нас как раз не остаётся времени. Расписывайтесь.

Елешев. Не стану я расписываться! Это чудовищно! Кто меня судит? Где суд? Вы — суд?

Капустин. Я вам кажется прочёл ясно: Особое Сопровождающее.

Елешев. Но где оно?

Капустин. В Москве.

Елешев. Как же оно может меня судить, если оно меня в глаза не видело?!

Капустин. Заключённый Елешев! Этого... не я буду вам объяснять! Распишитесь!

Елешев *(горячо)*. В материалах следствия нет ничего от истины! Это какой-то фантастический роман! Следователь писал всё, что вздумается, и вынуждал мою подпись под угрозой цементного карцера и расправы с семьёй!

Капустин. Ах, вот как! Вы ещё клеветеете на советское следствие? на Органы госбезопасности? Вам мало дали?

Елешев. Нет, что вы!.. Но — приговор...

Капустин. Это не приговор. Это — постановление. Распишитесь только в том, что вы его читали.

Елешев *(с живостью)*. Я не читал!

Капустин. Так так и скажите! Нате, читайте, шут с вами! *(Швыряет ему постановление. Закуривает.)* Да побыстрее. Ну?..

Елешев *(прочтя)*. Десять лет! Боже мой! Я попал

в плен тридцати шести лет отроду. Я выйду из лагеря пятидесятилетним стариком. За что? За то, что в сорок первом году офицеры блукали, как слепые щенята, — без карт, без компаса, без пистолета?

Капустин (скороговоркой). Вы должны были умереть на поле боя. Расписывайтесь.

Елешев. Нет!! Это чудовищно!!

Капустин. Смотрите, не пришлось бы вам раскаиваться. (*Берёт перо.*) Та-ак... Отказался от подписи и высказывал...

Елешев. Нет! Я ничего не высказывал! Я не отказался!

Капустин. Так расписывайтесь, чёрт вас побери, вы у меня десять минут...!

Елешев. Что я действительно прочёл?

Капустин. Ну да, да, да!

Елешев. А это не будет значить, что я согласен с правильностью приговора или что я признаю себя виновным?

Капустин. Нет, нет, конечно, нет.

Елешев. Скажите, а... амнистия?

Капустин. Конечно, конечно, будет амнистия.

Елешев (*робко*). Уже была...?

Капустин. И была, и вторая будет, всех распустят.

Елешев. Ну, вы меня успокоили. (*Подписывает. Как король, отрекшийся от престола, в изнеможении роняет перо.*) Боже мой! Цена человеческой личности!..

Капустин. Алё! Следующий!

На пороге, со снятой меховой шапчёнкой, — Пахомов, маленький мужичок лубочной наружности.

Фамилие-имя-отчество?

Елешев (*не вставая от стола*). В камерах бумаги для жалоб и заявлений не дают, а если дают, то какой-то клочок промокательной бумажки, на котором даже расписаться негде. Я прошу вас дать мне возможность тут же, не выходя из кабинета, написать кассацию по моему делу.

Капустин (*нетерпеливо подзывая Пахомова*). Не положено! (*Пахомову.*) Фамилие-имя-отчество?

Елешев. Как не положено? А что же положено?

Сержант (*срывает его за плечи со стула, выталкивает*). Тебе положено, что в котёл заложено! Иди!

Пахомов (*кланяясь*). Пахомов Фёдор Никишин.

Капустин (*в раздражении*). Год рождения?

Пахомов. Девятьсот первый.

Капустин. Распишитесь! (*Пахомов расписывается.*)

Идите! (*Пахомов отходит.*) Алё, следующий! Алё! Вы! Я вам прочёл или нет?

П а х о м о в. Чего это?

К а п у с т и н. Ат, дурной! В чём же ты расписался? Идите сюда, садитесь. „Постановлением ОСО НКВД от пятнадцатого шестого сорок пятого Пахомова Фёдора Никитича за измену родине, подготовку вооружённого восстания, работу на врага, связь с мировой буржуазией, вредительство в промышленности, сельском хозяйстве и на транспорте, террористические намерения, диверсию, анти-советскую агитацию, экономическую контрреволюцию, доноительство, а также за связи, ведущие к подозрению в шпионаже, — подвергнуть заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на десять лет.” Распишитесь. (*Пахомов берёт перо.*) Ку-да второй раз? (*Отбирает перо.*) Ясно всё?

П а х о м о в (*глядя с завистью на окурок в губах майора*). Нельзя ли докурить, гражданин начальник? (*Капустин передаёт окурок. Пахомов низко кланяется.*) Дай Бог здоровья, гражданин начальник! (*Пятясь и кланяясь, затягивается.*)

К а п у с т и н. На, на, папаша. (*Поспешно достаёт и даёт ему еще пару папирос. Пахомов кланяется.*) Алё, следующий!

КАРТИНА 4

Попеременно — четыре следственных кабинета, доточно одинаковых по величине, по расположению двери и обрешеченного окна, столов следователя и подследственного, портретов Сталина. Только следователь и подследственный сменяются при полном выключении света, под мотив „сталинской мельницы”.

Мотив сталинской мельницы. Свет.

ЯВЛЕНИЕ 1

М ы м р а и К л и м о в

М ы м р а. Вопрос второй. В каком звании вы были и какую должность занимали к моменту сдачи в плен?

К л и м о в. Сержант. Командир стрелкового отделения.

М ы м р а (*записывая*). ... стрелкового отделения. Во-

прос третий. *(Совершенно без выражения.)* Какую цель вы имели, сдаваясь в плен? Почему вы не застрелились?

К л и м о в. Сильно! А вы бы застрелились?

М ы м р а *(так же бесстрастно)*. Подследственный Климов. Вы здесь находитесь для того, чтобы отвечать, а не спрашивать. За нежелание отвечать на вопросы вы будете водворены в карцер. Мы лично готовы умереть за нашего вождя. Вопрос третий. Какую цель вы имели, сдаваясь в плен? Почему вы не застрелились?

К л и м о в. Я ждал — командир дивизии сперва застрелится. А он из окружения улетел на самолёте в Москву и там повышение получил.

М ы м р а *(записывая)*. Ответ. Я сдался в плен, имея цель изменить социалистической Родине...

К л и м о в. Ну-ну, и так можно...

Свет гаснет. Мотив сталинской мельницы. Свет.

ЯВЛЕНИЕ 2

С в е р б ё ж н и к о в и П е ч к у р о в.

С в е р б ё ж н и к о в. Вопрос второй. В каком звании вы были и какую должность занимали к моменту сдачи в плен?

П е ч к у р о в. Какое звание! Я — Иван. Бронебойку таскал. Первым номером.

С в е р б ё ж н и к о в *(вскакивает)*. Ты не прикидывайся, сволочь! Советскому следствию всё известно! Я под тобой на три аршина в землю вижу! Командир отделения? Треугольники снял?

П е ч к у р о в. Не-е, секелей не было.

С в е р б ё ж н и к о в. Плохо служил! Как волка ни корми, он в лес смотрит. Из кулацких сынков?

П е ч к у р о в. И отец батрак, и дед батрак.

С в е р б ё ж н и к о в. Советскому следствию всё известно! *(Садится, записывает.)* Вопрос третий. Какую цель вы имели, сдаваясь в плен? Почему вы не застрелились?

П е ч к у р о в. А вы бронебойку видали когда? Как из ей стреляться-то?

С в е р б ё ж н и к о в *(кипятся)*. Да ты начинаешь наглеть, вражина? Оружия не было? У советской власти не было оружия?

П е ч к у р о в. У советской власти — не знаю, а я бронебойку неделю без патронов таскал.

С в е р б ё ж н и к о в (вскакивая). Ух ты, гад! Ух ты, гадина!! Кр-ровью расплатишься за клевету!! Найдём для тебя патрон, выпишем *девять грамм* дырку во лбу просверлить! (Возвращается к столу, читает с другого листа.) „Я сдался в плен, имея цель изменить социалистической Родине”, — вот как надо отвечать!

Свет гаснет. Мотив сталинской мельницы. Свет.

ЯВЛЕНИЕ 3

Н е к л ю ч и м о в и К у л ы б ы ш е в

Н е к л ю ч и м о в. Вопрос второй. В каком звании вы были и какую должность занимали к моменту сдачи в плен?

К у л ы б ы ш е в

В штрафной-то роте? А так, для числа.

На конюшне служил за козла.

Н е к л ю ч и м о в (смеётся). Вот старик!.. Но писать-то надо.

К у л ы б ы ш е в

А требуют звание —

Пиши: председатель колхоза „Ивана Сусанина”.

Н е к л ю ч и м о в. Сусанина? Погоди-погоди. Ты сам — откуда, сказал?

К у л ы б ы ш е в

Как я те отвечу?

За Костромой не удалече.

Н е к л ю ч и м о в. Вот оно что! Так Иван Сусанин тебе земляк?

К у л ы б ы ш е в

И ты его зна'шь? Во, люди пронырливы какі!

Иван, Михайло, Фёдор и Глеб — все земляки.

Да'ть только вишь, что неудобно, — они кулаки.

Н е к л ю ч и м о в. То есть как?

К у л ы б ы ш е в

Очень просто, как! —

При царе им пенсию платили, будешь кулак.

Н е к л ю ч и м о в. Пенсию?

К у л ы б ы ш е в

Да. Чем-то угодили, скажи!

Вот. А в тридцатом их раскулачили, сослали в тайгу,

Шесть лет про них ни гу-гу,

Мы свой колхоз сгоряча

Назови — „Путь Ильича”, —

А в тридцать шестым бумажка:

де, ваш почётный односельчанин,

Переименовать в „Иван Сусанин”.

Мы, конечно, не против, начальству лучше видно,

Однако, пойми — от соседей стыдно:

Ну бы в Михайлу, в Фёдора, его братьёв,

А Иван-то был изо всех куда непутёв —

Запивал, буян, озорник, —

Нешто́ ему! Видать, высоко проник...

Во время его рассказа Неключимов достал из своего стола тарелку с бутербродами.

Н е к л ю ч и м о в. Ах, Егорыч, хорош ты человек! Нелёгкая тебя угораздила в плен попасть. На вот, покушай.

Кулыбышев берёт бутерброд, нюхает, кладёт обратно на тарелку.

Что не ешь? Неужели не голоден?

К у л ы б ы ш е в. Почему...

Н е к л ю ч и м о в. Так ешь! Ешь, сколько влезет! В камеру я дать тебе не могу, а здесь ешь! (*Пристально вглядывается в Кулыбышева.*) Подожди-подожди, ты почему не ешь?

К у л ы б ы ш е в

Да'ть вот... и вас... не хочу обидеть, право...

А может — отрава?

Н е к л ю ч и м о в (*задетый*). Кузьма, Кузьма! Неужели я похож на отравителя? (*Смотрится в отворенную оконную раму как в зеркало.*) А что? Пожалуй... Ну, давай, какой тебя смущает, я съем.

Кулыбышев показывает бутерброд. Неключимов ест и идёт к своему столу. Кулыбышев тоже начинает есть.

Так прошлый раз ты рассказал... О переправе штрафной роты на брёвнах через Днепр. Как тонули убитые и живые, а кучка вас переправилась под крутой берег, но взяты были в плен... Так вот, вопрос третий: какую цель вы

имели, сдаваясь в плен? Почему вы не застрелились?

Кулыбышев уплетает бутерброды. Неключимов пишет:

Ответ. Я сдался в плен, имея цель изменить социалистической Родине.

Свет гаснет. Мотив мельницы. Свет.

ЯВЛЕНИЕ 4

К а м ч у ж н а я и П о с в я н ц е в а

К а м ч у ж н а я. Вот, Анастасии Андреевне Посвянцевой... Это письмо было найдено на убитом в кармане его френча.

П о с в я н ц е в а. Дайте! Дайте!

К а м ч у ж н а я. Как будете себя вести... (*Проглядывает.*) „Светик мой Настенька... Что бы я ни делал, мысли мои...” Ну, тут нежностей три страницы.

П о с в я н ц е в а. Слушайте, капитан Камчужная!..

К а м ч у ж н а я. „Земля Орловщины уходит из-под наших ног...” Тут довольно объективно. „Мы отступаем, чтобы занять оборону под самым Орлом. О! эта голубая зелень пшеничных стеблей в чёрной гари бомбовых разрывов...” Языкатый какой... „Нет, город не будет сдан...” А по развитию он у вас юнкер... „Но в десяти километрах от передовой вам уже не жизнь. Я умоляю тебя ехать к нашим в Саксонию...” Напрасно умолял, вы и сами догадались... Кстати, тут вот приписка другим почерком, чей это, а?

П о с в я н ц е в а. Я не вижу.

К а м ч у ж н а я (*подходит, показывает*). Вот.

П о с в я н ц е в а. Я не могу из чужих рук. Дайте мне в руки.

К а м ч у ж н а я (*усмехаясь*). Конспиратор! Дура! Капитана Фёдора Колосовитова почерк! Бывал в вашем доме?

П о с в я н ц е в а. Нет.

К а м ч у ж н а я. А поручик Игорь Болоснин?

П о с в я н ц е в а. Не припоминаю.

К а м ч у ж н а я (*держит письмо перед лицом Посвянцевой*). Сейчас будете читать всё письмо. Это последнее письмо вашего мужа! Тут восемь страниц. Восемь нежных страниц. Что вы знаете об Игоре Болоснине?

П о с в я н ц е в а. Болоснин? Не помню.

Свет гаснет.

ВСТАВНАЯ КАРТИНА (5)

В лучах закатного солнца — небольшой сад, в него вступил одноэтажный домик с летней террасой. Врытый стол, скамейки.

Равномерный колокольный звон, колокол — не полногласный, заменный.

Н а с т е н ь к а стелет скатерть, расставляет чайную посуду. Б о л о с н и н — в немецкой форме, но с нашивкой РОА на рукаве.

Б о л о с н и н. Звонят... К вечерне звонят... Неужели это ещё может воскреснуть?.. Неужели ты — будешь, Россия?.. Двадцать шесть лет я жил на твоей земле, говорил по-русски, слушал по-русски, а и не знал, что ты есть, родина!..

Н а с т е н ь к а. Вы откуда сами, Игорь Дмитриевич?

Б о л о с н и н (*выгружает провизию из корзинки*). Я — уроженец и обитатель города, который так люблю, что затрудняюсь назвать достойно. Санкт-? — уже потеряно давно, да и город этот заведомо не от апостола, уже видно. Петербург? — по-немецки. Петроград? — не вижу права на честь за то, что „вздёрнул на дыбы”... И не Пушкина это город, и не Достоевского, и нет единого имени, которое покрывало бы его сполна. Сам с собой я теперь зову его... сказать?..

Н а с т е н ь к а. Как?..

Б о л о с н и н. Нёвгород. Невгорóдец я.

Н а с т е н ь к а. Невгород? Напоминает наш несбывшийся Новгород? И очень по-русски звучит. Знаете, эти ароматнейшие русские слова с ударением на приставке: нёвпору, при́порох, йзлюба.

Б о л о с н и н. И потом совершенно точно. Второго большого города на Неве нет.

Пауза.

Отец мой там в больших чинах, генерал. Меня баловали, перед войной уже легковую дарить хотели... Боже мой, как это тяжело — в двадцать пять лет увидеть, что ты был слеп, слеп и ничтожен! Во вшивых пленных лагерях, отверженному родиной, ужаснуться своей постыдной комсомольской юности!..

Н а с т е н ь к а. А у меня, Игорь Дмитрич, под Ленинградом брат... По ту сторону... Тоже артиллерист, молодой. Последнее письмо из Пулкова было, и оборва-

лось. А муж вот теперь здесь... Где правда? И чем всё кончится?..

Пауза. Колокольный звон учащённо кончается.

Всеволод говорил — вы с ним очень хороши, только мрачно смотрите на многое.

Б о л о с н и н. Кто же с ним плох? Насказали ему за границей всяких розовых невозможностей о России. (*Открывает консервы, вино.*) Вот и тверди, что белогвардейцы — это помещики! Мой отец — дворянин старинной фамилии, потащился служить большевикам. А Всеволода отец — простой телеграфист, не именитый, не денежный, всю гражданскую — в Добровольческой армии! — увёз жену, увёз детей, и до Галлиполи отступал, но в красной Совдепии не остался... Кстати, у них в доме, в Саксонии, мне сказали, что старшая сестра Всеволода училась в гимназии у...

Н а с т е н ь к а. Да, у моей мамы. Они ведь тоже орловские.

Б о л о с н и н. Значит, и ваша мама учительница, и вы? И тоже — русский язык и литературу?..

Настенька кивает.

Сколько хороших людей перевстречал я за эти два года, что я не советский, и так все с открытым сердцем, и так всё взаимно понятно...

К о л о с о в и т о в (*в такой же форме, великанской наружности, в очках, с книгой сходит с террасы; напевает*).

Настенька, ты тут цвела и пела.

Мне, жениху, ковёр ткала...

Где же теперь...

Н а с т е н ь к а. Федя, не надевайте при мне очки. Как-то образ ваш разрушается.

К о л о с о в и т о в. Что делать, Настенька, в двадцатом веке и богатыри выродились. Поставил я Алексей Констиныча, взял „Былое и Думы”, если можно. (*Снимает очки.*)

Б о л о с н и н. Что это вы — Герцена? Не в масть.

К о л о с о в и т о в. Отчего не в масть? Герцен умнейший был мужик. Герцен Маркса и иже с ним, знаете, как называл? *Серная банда!* Герцен большевикам не принадлежит, запомните! Ещё, может, и нам придётся „Колокол” выпускать.

Н а с т е н ь к а. Ах, Федя, у вас сто планов! И чего вы только навезли! (*Хлопоча, уходит в дом.*)

К о л о с о в и т о в. Самого-то главного плана я не выполнил — Сталина не придавил.

Б о л о с н и н (*поражён*). Собирались??!

К о л о с о в и т о в. А что ж на него смотреть?.. Видите, Игорь, жизнь моя была перекатная, излазил я матушку-Русь: Алдан, да Енисей, да Чукотка, да Колыма, да Норильск, да куда медведи не забраживают — и там бывал. С девятьсот двадцать шестого года кружил, сам я геолог-разведчик. Но вот что дивно: первый раз в какое место придёшь — глушь, второй раз — лагерь. Лагеря, лагеря, лагеря, континенты целые за колючей проволокой, страна ГУЛАГ, России нет ничего! Все дороги мне перегородили, грудь мне всю оплели этой проволокой чёртовой, так бы шёл напрямик и рвал бы, и рвал. С кем работать приходилось? Или зэк законвоированный, или зэк бесконвойный, или бывший зэк, или будущий, — в лоб тебя драть, что же делать? Политическую партию? Подпольную организацию? Да ведь народа не осталось, стадо мычащее, пастух-гепеушник щёлкнет кнутом — все как один на передние ноги падают... А что, думаю, я этого рябого кретина с а м стукну? Как раз тиснул я книжечку по геологии, перевёлся в Москву, был замечен, взяли в аппарат Академии, тут ВОКС, приёмчики около Кремля, — отец народов! корифей наук! слава тебе, тетереву, что ноги мохнаты! В Кремле бы гулче — резонанс! — но и вокруг дач я гулял.

Б о л о с н и н. Но какое же в Кремль оружие проне-сёшь? Там же сто обысков! Мудрено.

К о л о с о в и т о в. То мудрено, что на льду сваренó. На хрена мне оружие? Вот моё оружие! (*Протягивает руки.*) Мне б только к нему на десять шагов подойти — и место холодное, в один прыжок... Опять беда, говорят, двойников у него человек шесть...

Б о л о с н и н. Подумать! И может быть, не вы один, может полдюжины вас таких вокруг него кружилось, друг друга не знали, — и никто не дотянулся!

К о л о с о в и т о в. Я бы дотянулся. Я четырнадцатилетним гимназистом в Ярославле порохом копчён, и газом душен, — они химическими снарядами били. И в ЧеКа расстрелян, да уцелел. Я бы академиком лысым стал, но дотянулся! — война началась... Сталин из Москвы на восток дёрнул, я подумал-подумал и решил на запад пока махнуть. Как раз из Академии народное ополчение набирали...

Б о л о с н и н. Из Академии Наук — брали в ополчение?

К о л о с о в и т о в. Хо-го! Полным ходом! Каждый же выкобенивается, никто отстать не хочет. Подписались все. А потом партийных начальничков в тыл отозвали как перспективный научный фонд, а кто поплоче — катать! Свалили нас под Вязьмой, как кучу... Кулик, знаете, тунгусский метеорит, со мной в одной роте был, умер в плену, сын Качалова, да всех не переберёшь... Плен!.. Ждал я, Игорь, от большевистской власти всякой подлости, любой гнусности, но чтобы так своих же советских военнопленных предать — не ждал!

Б о л о с н и н (очень взволнованно). Мне, Фёдор Иванович, вы можете об этом не говорить! Двести лет пройдёт — я из гроба буду хрипеть о русских пленниках! Я пережил там тиф, голод, смерть, у меня умерла там революция, любовь к отцу, и едва не умерла вера в человека! За суп этот несчастный, за баланду эту мутную — палками, котелками друг другу головы проламывают, десять тысяч в очереди с полуночи. Кору с деревьев обглодали начисто! И ещё мы же — изменники родине! — ах, сволочи! вас бы туда посадить! Англичане, французы, сербы, норвежцы — тоже военнопленные, за проволокой рядом. Жалованье им за годы плена идёт, награды за выслугу лет идут, повышения в чинах, письма, посылки из дому, из Красного Креста. К немецкому котлу и дороги они не знают, швыряют нам через забор шоколадки да сигаретки.

В о г и б д о м а В с е в о л о д в такой же форме несёт перед собой самовар с наставленным чайником.

Один Иван во всём мире никому не нужен, один Иван никому не свой. Как это можно Сталину простить?

К о л о с о в и т о в. Все они, все они, Игорь, такие же были, все эти Ленины и Томские, Троцкие и Щацкие, какая им разница — Россия ли, Мексика, крой да песни пой, кафтан не им носить!

В с е в о л о д. А вы думаете, господа, вожди наши эмигрантские — были очень подвижны умом? Русский народ спрашивать? Как бы не так! Каждый только и долдонил, что он был раньше прав. Какое им дело, что пятнадцать, двадцать лет прошло, что народ за это время страдал, думал, рос? Но мы с ними спорили! Мы — от них ушли! Среди нас, молодёжи, родилось такое течение: *не-пред-решенцы*! Мы — не предрешаем! Мы идём освобождать народ! Но не на нашей спине всё это вынесено, не нам ре-

шать! Вплоть до того: нравятся русскому крестьянину колхозы — пусть колхозы! Украина хочет отделяться — пусть отделяется! А Грузия? — и подавно, скатертью дорожка! По крайней мере управлять и торговать у нас не грузины будут! Вот наш девиз был: лучше меньше, да лучше! Территория ли нам нужна, братцы? Землицы у нас Бог дал! Правители нам нужны любящие, законы устойчивые... (Задыхается.)

На веранде появляется переодевшаяся Н а с т е н ь к а.

Н а с т е н ь к а. Товарищи... э... господа! Как чудесно, что вы приехали! Это лучший вид праздника — не по календарю. Садитесь, самовар остынет.

Рассаживаются.

К о л о с о в и т о в. Самоварчик! Пузатенький! Сколько тебе досталось от всяких мещаноборцев — от Чеховых, от Горьких, от Куприных. Ломаются по три часа на сцене: мы дачники! мы дачники! — а что плохого? Господа! Я — за мещан!

Б о л о с н и н. Я тоже. Объявили еду, питьё, любовь, домашнее воспитание детей — позорными занятиями. Бедлам, а не просвещение. Их бы на строечку коммунизма, в общежитие.

К о л о с о в и т о в. В лагерь! На вагонку четверную! На верхние нары! (С бутылкой в руках.) Думаю, Настенька, вы не запретите мне одного только тоста. Одного, потому что здесь чистый женский мир, будем пить в дальнейшем чай с молоком. Настенька! Разрешите выразить моё восхищение вашим подвигом. В русской школе, повисшей на ниточке между Россией советской и Россией неизвестно какой, вы вот уже два года развёртываете перед детьми могучий язык нашего народа, его великую художественную литературу, его безрадостную историю, и не по казённым учебникам, а руководствуясь голосом совести и правды. Мы убиваем русских людей, пока не известно, для чего, вы воспитываете их — для будущего. Спасибо вам, дорогая Настенька! Здоровье ваше и подобных вам!

Пьют.

Н а с т е н ь к а. Спасибо вам... спасибо, Федя. Вы очень поддерживаете меня. Сейчас такое странное, висящее время. Там, за Хотынцом, ближе к Брянску, партизаны школы жгут, а тут нам в Орле письма подмётные присылают:

не сметь преподавать при немцах, за всё расплатимся. Какие пьяные морды это пишут? — боятся, что дети не такие вырастут, — а у детей не месяцы уходят — годы! в чём они виноваты? Кто от парты отстанет, за неё уже не сядет потом... Если бы вы знали, как мне тяжело!.. (Поникла.)

К о л о с о в и т о в (напевает).

Как ты томилась в своей светлице!..
Я же, с напудренной косой,
Шёл представляться императрице
И не увиделся больше с тобой...

Н а с т е н ь к а. Грубые, бесчувственные дикари! Разве я могу бросить школу? Я прихожу домой после целого дня работы — освежённая, возбуждённая, счастливая, так что долго заснуть не могу. До 41-го года эти непрерывные *основоположники*, это чавканье о каком-то классовом субъекте, взбесившемся мелком буржуа, педализирование обличительных моментов, против полонцины, против воронцины, Дон-Кихота в мусорную яму истории, ограниченный певец дворянской культуры недопонимал... Лев Толстой у них недопонимал, а какой-нибудь Кирпотин всё понимает!.. Зато было сознание хоть душной, но определённости, хоть дурного, но постоянства. А теперь всё наоборот. Официальная иерархия цитат пала, всё смешалось, что с чем подавать — никто не знает, учи как хочешь, и запрещённый Достоевский открыт, сердцем учи! — крылья у меня выросли! а воздуха — отталкиваться — нет. Да и земли-то твёрдой нет — что будет?.. как будет?..

В с е в о л о д (щурясь на закат). Посмотрите, господа, что за огнезарные облака! А сейчас солнце зайдёт, и будет как там, на передовой: запад светлый, тёплый, восток — хмурый, угрожающий. (Настеньке.) Из наших блиндажей все просмотры прямо на восток. Как он суровеет после заката! — никогда я раньше не замечал, ведь мы смотрим всегда на закат... И есть какое-то особенное горькое очарование именно в этой весне, весне Сорок Третьего года. Огромным вопросительным знаком улёгся на карте Орловско-Курский изгиб. Застыл, как спящая змея, и не знаешь, куда ударит хвостом. У нас, три версты от передовой, — рожь, огороды, деревни людны, у них на двадцать вёрст всех выгнали, никто не живёт, ничего не растёт, только травы степные, цветы да чертополохи, как во времена Батыя. Но одна и та же среднерусская земля у них и у нас: холмы, весёлые овраги, колышистая зелень рощ, и

соловьи, соловьи по ночам... Орловский край! Мечта моего детства! Честное слово, на этой земле не жалко и умереть!..

Н а с т е н ь к а. Ты не думай так! От мыслей исполняется!

В с е в о л о д. Потом осмеркнется, короткое время ещё нет ракет, нет пулемётов, *кофейные мельницы* не тахтят, не гудят одинокие ночные „хеншели“, пахнут травы степные над фронтом... Ах, Настенька, съездим с нами на денёк! Это стоит посмотреть!..

Н а с т е н ь к а. Я правда, я правда поеду с вами! Можно, Федя?

К о л о с о в и т о в. Лучше не надо, Настенька. Тут мы кажемся вам какими-то рыцарями, приезжаем насвеже, говорим красивые вещи, а там пьём-пьём-пьём, глаза оловянные, в карты играем... лучше не надо!

Н а с т е н ь к а. Но почему так, господа? Ведь в нашем доме вы не такие.

В с е в о л о д. Я не знаю, почему они так. Я вовсе не пью.

Б о л о с н и н. А что же делать? — рассудите. Остановился я в Становом Колодезе в одной избе, разговорился с крестьянкой. Она говорит: Бог вас знает, кто вы такие получаете, — и не русские, и не немцы. Вот в чём ужас — что в ходе этой войны в глазах простого народа право называться русскими захватили большевики. Да и действительно, взглянуть на нас со стороны — какие-то подозрительные роты, вкрапленные в вермахт. Где наши отдельные, сплошь русские полки, дивизии? участки фронта?

В с е в о л о д. Как бы мы пошли! ах как бы мы пошли! — как лавина снежная, обрастая, обрастая... Триста вёрст до Москвы — по улицам городов и деревень — цветы, подкинутае шапки, расписные полотенца!

К о л о с о в и т о в. Полотенца теперь, Всеволод, вафельные, а шапками люди дорожат.

Б о л о с н и н. Во что мы одеты? За что мы воюем? Меня жжёт этот мундир! Мне так же стыдно этого немецкого орла, как стыдился бы я теперь звезды пятиконечной!.. Что мы делаем? Вместе с немцами убиваем русских — чтоб освободить русских! Вот как нас загнали! Был я сейчас, в эту поездку, представлен генералу Власову, он спросил меня о настроении на фронте. Я ему и открыл: русского правительства не видим, в душе считаем союзниками англосаксов, а загребаем жар для Гитлера так, что эсэсовцы диву даются...

К о л о с о в и т о в. С англичанами, Игорь, чёрт пиво варил, и тот от солоду отказался.

Н а с т е н ь к а. Что же Власов?

Б о л о с н и н. Скривился. У меня такое ощущение, что он сам растерялся — по плечу ли дуб заломил?

К о л о с о в и т о в. Да и никакой вождь в положении Власова ни черта бы сделать не мог!

В с е в о л о д. А тогда зачем начинал? И зачем тянет эту неясность, обнадеживает, обманывает столько молодых горячих жизней?

К о л о с о в и т о в. А что им делать, вашим молодым горячим? В лагерях военнопленных подыхать? Правильно делает — или шея напрочь, или петля пополам!

Б о л о с н и н. Одна надежда: соединиться с союзниками хотя бы над гробом Гитлера!

В с е в о л о д. Так выставить Гитлеру ультиматум! добиться...

К о л о с о в и т о в. ...от каменного попа железной про-
свиры! Разве т а к надо было с большевиками воевать? Совсем не трудно догадаться: высаживать десанты подле лагерей! Сбить — только лагерную жалкую охрану, и за оружием тянутся голодные руки, и 12-миллионная армия готова! да где! — в тылу! Но Гитлер, этот заносчивый идиот, мнит завоевать Россию без русских и вопреки русским. Колхозы он почти сохранил, деревни жжёт, полки наши отдельные сформировать боится, — да ведь Усатый в Кремле руки потирает: нашлось-таки ничтожество тупее его! Гитлер умирать будет — не поймёт, что Русская Освободительная армия была точкой опоры опрокинуть...

Н а с т е н ь к а (*пристально*). Почему — б ы л а, Федя? Почему — б ы л а?

Уже густые сумерки.

Б о л о с н и н. Если Россию создаст нам Гитлер — на чёрта такая и Россия?

Полная темнота. Мотив сталинской мельницы. Свет.
Прежний кабинет.

К а м ч у ж н а я. Ты думаешь, твой поэтический садик не просматривался, не прослушивался честными советскими патриотами? Болоснин! Поручик Игорь Болоснин!

П о с в я н ц е в а. Не помню.

К а м ч у ж н а я. Не помнишь, стерва? А если я его сейчас заведу?

П о с в я н ц е в а. Заводите.

К а м ч у ж н а я. И Колосовитова?

П о с в я н ц е в а. Руки короткие! Руки короткие у вашего НКВД!

К а м ч у ж н а я. На колени, сволочь! на колени! (*Толкает в угол, ставит на колени.*)

Свет гаснет. Мотив мельницы. Свет.

ЯВЛЕНИЕ 5

М ы м р а и К л и м о в

М ы м р а. Вопрос шестой. От кого вы получили задание на развёртывание шпионской деятельности в Советском Союзе?

К л и м о в. Это что-то новое. Я шпионской школы не кончал.

М ы м р а (*равномерным голосом*). Не пытайтесь запутать следствие. Ведь вы служили с 44-го года в американской армии?

К л и м о в. У союзников. Да.

М ы м р а. Это неважно, что у союзников. Так неужели вас не завербовали?

К л и м о в. Как? Значит, если я только служил... ?

М ы м р а. Хорошо. Как американский военнослужащий вы могли получить паспорт в Соединённые Штаты, или в Канаду, или...

К л и м о в. Куда угодно.

М ы м р а. Вот вы и запутались. Чем же вы в таком случае объясняете своё добровольное возвращение на родину?

К л и м о в. Чем... объясняю... своё добровольное... ?

М ы м р а (*кивает злорадно, пишет*). Ответ. Смешавшись... Я показал неправду. Я получил задание от американской разведки.

Свет гаснет. Мотив мельницы. Свет.

ЯВЛЕНИЕ 6

С в е р б ё ж н и к о в и П е ч к у р о в

С в е р б ё ж н и к о в (*пишет*). Ствет. Я получил задание от американской разведки.

П е ч к у р о в. Гражданин следователь! Да я американ-

цев в глаза не видел. Меня — наши освободили.

С в е р б ё ж н и к о в. Кто это *наши*? Кто это *ваши*? *Ваши* в Красноярской тайге на четырёх лапах бегают.

Пауза.

Ну, хорошо, от американской разведки, скажем, через офицера немецкой службы... как его звали?

П е ч к у р о в. Кого?

С в е р б ё ж н и к о в (*пишет*). Рихарда Байера. (*Потирает руки.*) Вот и готов протокольчик! (*Разбирая бумаги, напевает.*)

„И тот, кто с песней по жизни шагает...”

Как там тебе — жратвы хватает?

П е ч к у р о в. Где же хватит? Хлеба во кусочек, да баланды две банки в день неполных...

С в е р б ё ж н и к о в (*несёт к столу Печкурова лист протокола и обмакнутое перо*). Выпишу тебе дополнительное — кашу будешь получать и сто грамм хлеба. На, подпишись.

П е ч к у р о в. Не буду. Наскрозь брехня.

С в е р б ё ж н и к о в. Ух ты, падло. Кто тебя научил так отвечать?

П е ч к у р о в. Я теперь сам учёный.

С в е р б ё ж н и к о в. Нет, ты ещё не учёный. Ты ещё на стального ежа не садился. (*Постепенно наступая.*) Ты ещё пшеницу отварную жрёшь, ночи спокойно спишь. Я тебе ещё божьего дара в яичницу не давил. А хочешь?

П е ч к у р о в (*понуриясь*). Мне, начальник, так подыхать и так подыхать. Надоела эта волынка. Жить я больше не хочу.

С в е р б ё ж н и к о в (*останавливаясь, поражённый*). Дерьмо собачье, — как не хочешь?

П е ч к у р о в (*мирно*). А так. Вы вот на тёпленьком месте сидите, по бабам клюёте, вам жить хочется, — и всем, думаете, хочется? Нет. Пять лет я промучился, ещё десятку получу — зачем мне жить?

С в е р б ё ж н и к о в (*растерянно*). Гм. Психология упадочничества. Ну как ты можешь не хотеть жить? (*Оживляясь.*) Это не твой голосок! Советскому следствию всё известно! Рано я тебя из одиночки взял. Не хотел, но придётся твоих старичков из Смоленской в Сибирь шурнуть...

П е ч к у р о в (*спокойно*). Только спасибо скажем. Может, там-то колхозов нет?

С в е р б ё ж н и к о в (*потерянно*). Вот гадина... вот чурка... что же мне с тобой делать?

Свет гаснет. Мотив мельницы, прерываемый, как если б что заело.
Свет.

ЯВЛЕНИЕ 7

Н е к л ю ч и м о в и К у л ы б ы ш е в

Н е к л ю ч и м о в. Вопрос шестой. От кого вы получили задание на развёртывание шпионской деятельности в Советском Союзе? А? Старик, а? (*Смеётся.*) От кого получал задание? (*Смеётся громче. Кулыбышев вторит ему. Смех разрастается.*) А? Резидент? (*Смеются.*) Ответ. Я был завербован американской разведкой. Что не ешь? До-едай.

К у л ы б ы ш е в

Наелся как бык,
Не знаю, как быть...
Дай Бог отлежаться,

Никогда так не буду наедаться.

Н е к л ю ч и м о в. Ты всё шутишь. Всё бы ты шутил. Весёлый у тебя нрав.

К у л ы б ы ш е в

Да ка'б на хмель не мороз,
Он бы тын перерос.

Н е к л ю ч и м о в (*интимно пересаживаясь поближе к Кулыбышеву*). Ладно, Кузьма Егорыч, всё это в сторону, расскажи-ка мне лучше, как тебе у бауэра в работниках жилось?

К у л ы б ы ш е в

И-и, милый, где через край льётся,
Там и живётся.

Эт' название — *бауэры*, вроде бы мужики,
А в подвалы к ним сойди, а залезь-ка на чердаки!
От лета до лета яблоки лежат вó-каки!

Винограду этого, этого вина...

И мне литруху в день, хошь-не хошь, пей! на!
Сам рассуди: что за деревня,

если в два этажа кирпичные дома?

Очнёшься на перине — тужишь: попал в рабство Кузьма.
Птицы, скота всякого на дворе...

Как старики говорили — хоть в Орде, да в добре.
Погнали за Рейн на окопы —

к американцам попал. Рус! рус!

Огляделся и там, — вошёл во вкус.

Хлёстко немцы живут, ну, американцы хлеще,

Дороги у них люди, нипочём у них вещи.

Но русский человек, видно, дурным словом околдован:

И все кузни обойдёт, а воротится некован.

По родным, вишь, истомились. Так увидим их, неш'?

Манят „козанька, козанька!”,

а приманят, — „волк тебя съешь!”

Н е к л ю ч и м о в. Вот видишь, старик, вот видишь, — это ты мне — мне! — следователю государственной безопасности! Апусти тебя в костромскую сторонушку? — что ты там расскажешь? Кто захочет после твоих рассказов в колхозах работать? Ну, скажи по-честному, ведь верно?

К у л ы б ы ш е в. Да оно конечно...

Н е к л ю ч и м о в. Вот какие дела, сам понимай. Выпускать тебя, старик, н е л ь з я! Не за то тебя сажают, виновен ты там, не виновен, изменил ты, не изменил, — ты в и д е л, понимаешь? в и д е л! А что тут напишут в протоколе — разницы нет. (Пауза.) Вот и выбирай. Подпишешь сейчас — поедешь в лагерь, будешь работать, пайку получать кило, — смотришь и дотянул десятку, и вернулся к старухе. А не подпишешь — мне выговор, да у меня уж их хватает, я привык, а тебя передадут другому следователю, заморят тебя в карцере, да на трёхсотке, да без горячего, — на четвереньках приползёшь: дайте протокол, подпишусь!.. Так пожалей ты сам себя (*несёт ему протокол и ручку*), царапай, старик, царапай. „Я был завербован американской разведкой.”

Кулыбышев трёт голову. Подписывает, шевеля губами.

Свет гаснет. Мотив мельницы. Свет.

ЯВЛЕНИЕ 8

К а м ч у ж н а я и П о с в я н ц е в а

П о с в я н ц е в а в углу на коленях. К а м ч у ж н а я на диванчике.

К а м ч у ж н а я. Не пойму я, ваше высокоблагородие, светик, что ты убиваешься? Да пока ты баба сочная, жизнь — твоя, где бы ты ни была. Мужчин ты можешь в лагере

— каких твоя душа желает, попадёшь на мужской лагпункт — ковры тебе под ноги стелить будут, дура! Я тебе даже отчасти завидую, не поверишь? Встань с колен, дело говорю.

П о с в я н ц е в а (*вставая с колен*). Я об одном прошу: отдайте ребёнка бабушке. Как это несчастно, что меня в пути арестовали, могли бы ведь дома?

К а м ч у ж н а я. Может и отдадим. Хотя вообще дочку твою лучше воспитает государство: вырастет она подлинной патриоткой, замуж за первого прохожего белобандита не выскочит, и в Саксонию не уедет.

П о с в я н ц е в а. У нас в доме не только я — и брат мой воспитан, он — офицер Красной армии.

К а м ч у ж н а я. А кто его знает, может он уже изменник? Это ещё надо справки навести. (*Резко меняя тон.*) Убит! Убит твой брат в Восточной Пруссии, убит друзьями твоего мужа, власовцами убит!

П о с в я н ц е в а. Жив!

К а м ч у ж н а я (*вскакивает, ищет на столе*). На, читай, на, читай! Попал в окружение, убит в деревне Орендорф, геройски расстреляв все снаряды в неравном бою.

Посвянцева прочла, плачет.

К а м ч у ж н а я (*стоя около неё, очень мягко*). С кем вы связались, Настя? В какую клоаку вы опустились? Все эти Колосовитовы, Болоснины! — опустошённые, аморальные люди, у которых ничего за душой, кроме ненависти. Вы это теперь понимаете?

П о с в я н ц е в а (*поднимая голову, уже не плача*). Да, я понимаю теперь. В этих стенах я поняла, что если бы брат мой не был убит, если б он вышел из окружения, — вы б не поверили ему, вы б спросили его — как он мог добровольно вернуться на родину, сорвали погоны и дали бы десять лет!

К а м ч у ж н а я (*скороговоркой*). Это откуда ты такая мудрая? Это откуда ты такая мудрая? (*Наступает и щиплет её.*)

П о с в я н ц е в а (*вырываясь*). Не троньте!

К а м ч у ж н а я. Чурка с глазами! На Колосовитова будешь давать показания?

П о с в я н ц е в а. Нет!

К а м ч у ж н а я. Болоснина не вспомнишь?

П о с в я н ц е в а. Нет!

К а м ч у ж н а я. Я убью твоего ребёнка, сама его задушу.

П о с в я н ц е в а. С вас станет!

К а м ч у ж н а я. Станет? Станет? (*Бьёт её по голове.*)

П о с в я н ц е в а (*шатаясь*). А-а-ай!!

К а м ч у ж н а я. Молчи, проститутка! Молчи, мерзость! (*Дёргает её за волосы.*)

П о с в я н ц е в а. Ай, ай! Помогите!

К а м ч у ж н а я (*бьёт в рот*). Замолчи, падаль! Замолчи!

П о с в я н ц е в а (*вырывается, бежит к окну, вскакивает на подоконник, разбивает стекло и, хватаясь за прутья решётки, кричит наружу:*) Спасите! Спасите! Убивают! Убивают!!

Вбегают два дюжих надзирателя, стаскивают Посвянцеву с окна. В дверях — мрачный полковник Р у б л ё в, с отёками под глазами, с проседью в чёрных волосах.

Р у б л ё в. Что здесь?

К а м ч у ж н а я (*дрожит от возбуждения*). Вот эта недобитая белогвардейская подстилка...

П о с в я н ц е в а (*у неё окровавлены лицо и руки*). Сажайте! Душите! Я ненавижу вас! Вы несчастного русского пленника... ! Вы русских девушек...

Надзиратели мешают ей говорить.

Вы русским школьникам... ! Придёт и ваш час, палачи!!

Рублёв знаком велит убрать её.

КАРТИНА 6

Обширный двор помещичьего имения, занятого контрразведкой СМЕРШ. Справа — фронтон большого здания, верх его не виден. Ступени к широкому входу. Окна второго этажа обрешечены редкими прутьями. В глубине вдоль сцены ещё большее длинное кирпичное здание, без украшений, верх его не виден, с полуподвальным этажом, — то самое здание, которое с задней стороны мы уже видели в 1-й картине. Оно превращено в тюрьму: на тёмно-коричневом общем фоне все окна его заложены до слепышей ярко-розовым свежим кирпичом. Слева поперёк сцены — чугунные решётчатые ворота, около них — сторожка, обращённая в вахту. Пара цветочных клумб, бездействующий фонтан. Сеть цементированных дорожек, соединяющих двери правого здания и несколько дверей заднего, около одной дорожки — тесовая грубая будочка, на развилке дорожек, почти в центре сцены — солдат-регулирующий с цветными флажками, всю картину красиво, отработанно руководящий движением по двору. Ему подчиняются все входы и выходы.

На вахте — радио-репродуктор.
Ослепительный июльский полдень.

Вся картина, долгою не больше 8-10 минут, — ПАНТОМИМА, наполненная непрерывным напряжённым движением во дворе — налаженной службой большого размаха.

По задним дорожкам выводные то и дело выводят подследственных из тюрьмы в правое здание и назад, в частности проводят с допроса Печурова, Кулыбышева, Климова. Заявляя о себе и предупреждая встречи подследственных друг с другом, выводные щёлкают языком, стучат ключами о пряжки поясов, проводят следственных быстро, иногда заталкивая своего в будочку для разминки: они не должны видеть друг друга.

На время приёма и отправления этапов регулировщик останавливает движение следственных. В течении картины принимается один-два мелких этапа и отправляются два больших, один — пеший, через ворота строем по пять человек, другой — на открытом грузовике (он подаётся задом к воротам), где арестанты садятся на дно кузова, конвой стоит спиной к кабине.

В составе этапов — молодые, европейски одетые женщины, и русские бабы в платках и с мешками; юноши в майках, мужики в тулупах; много военных в шинелях, большей частью русского сукна, иные с белыми метками „SU” на спинах, но встречаются одеяния всех армий мира. В одном из этапов — женщины с детьми. Одни арестанты с тяжёлым багажом, другие — налегке. Отправляемые выходят из дверей тюрьмы, держа в руках хлеб и селёдку. Этапы, большей частью „немо” для зрителя перекликаются по делам, прибывшие быстро сортируются и отводятся в тюрьму. В одном из отправляемых этапов — Елешев, Сидоров, Пахомов.

Многочисленные надзиратели снуют по двору, сопровождая арестантов или неся кипы папок дел. Конвойные солдаты приходят и уходят, их сержанты сдают и принимают этапы.

Сопровождается пантомима — разучиванием по радио песни для детей: её исполняют сперва хором всю, потом диктуют и исполняют соло по куплетам, в конце исполняют опять целиком, и под её припев задвигается занавес.

Победа! Победа! В оконце
Смотри, как сверкает салют.
То светит кремлёвское солнце,
То Сталин зовёт нас на труд.

Припев: Работа всенародная,
Кипуче-торопливая!
Страна моя свободная,
Ты самая счастливая!

Но в трепете красочных радуг
Враги ещё дышат и есть, —
Пора большевистский порядок
Железной метлою навесть.

Припев:

Трудиться, трудиться и дальше,
Чтоб свет тех салютов не блек.
Давай же! Давай же! Шагай же,
Советский простой человек!

Припев:

Пантомима прерывается:

— становящейся время от времени слышимой перекличкой арестантов по делам, например:

С е р ж а н т к о н в о я. Соловьёва!

О т в е т. Октябрина Александровна, 24-го года рождения, уроженка города Гомеля, 58-один-А, 10 лет.

С е р ж а н т к о н в о я. Макарова!

О т в е т. Владилена Потаповна, 21-го года, Ленинград, 58-один-А, 10 лет.

В другой раз:

С е р ж а н т к о н в о я. Чугреев!

О т в е т. Иван Иванович, 18-го, село Лугари Тамбовской области, 58-один-Б, 10 лет.

С е р ж а н т к о н в о я. Некурепов!

О т в е т. Гаврила Севастьяныч, 912-го, село Межигорье, 58-один-Б, 10 лет.

Ответивший переходит с вещами из группы невызванных в группу вызванных.

— наставлением конвойного начальника („молитвой”):

„Внимание, заключённые! В пути следования не разговаривать, не нагибаться, с земли ничего не поднимать, не оборачиваться, из пятёрки в пятёрку не переходить, не отставать, не растягиваться, выполнять все требования конвоя. Шаг вправо, шаг влево считается побег, конвой открывает огонь без предупреждения!”

— его же командой:

— Марш, направляющий!

— приездом генерала на легковой машине. Движение по дорожкам на это время прекращается. Конвойные у вахты вскакивают в положение „смирно”. Надзиратели, попавшиеся генералу по дороге, неумело приветствуют; кто подальше — стараются исчезнуть.

Низенький толстый рябой полковник О х р е я н о в бежит из двери правого здания и успевает встретить молодого рослого генерала при его выходе из автомобиля.

О х р е я н о в (*рапортуя*). Товарищ генерал-майор! За

время вашего отсутствия во вверенном вам Управлении контрразведки СМЕРШ всё в порядке!

Со звоном разбиваются стёкла в одном из окон второго этажа правого здания. В окне *П о с в я н ц е в а*.

П о с в я н ц е в а. Спасите! Спасите! Убивают! Убивают!!

Ведомый по дорожке *Б о л о с н и н* вскидывает голову и застывает. Выводной толкает его. Болоснин, напротив, пятится и не сводит глаз с окна. Подбегает второй выводной, и они за руки волочат его бегом. Тем временем Посвянцеву стаскивают с окна.

Г е н е р а л (*морщась*). Что это за работа? И всё время у вас так?

О х р е я н о в. Товарищ генерал...

Г е н е р а л. Не оправдывайтесь. Разобрать, доложить. Едешь к вам в хорошем настроении, — вы только портить умеете. А почему цветы не политы?

О х р е я н о в. Товарищ генерал-майор! Каждое утро, каждый вечер поливаем!..

Г е н е р а л. Где ж вы поливаете? Земля сухая. Смотрите (*подносит ему щепотку*). Сухая? (*Вытирает руку платком. Взмахом платка отпускает машину.*) Неужели я должен во всё входить сам? Сегодня на восемь вечера соберёте у меня совещание от начальников отделов, приравненных и выше.

О х р е я н о в. Есть собрать совещание!

Идут к правому зданию.

После закрытия занавеса видимо заедает пластинку, и она гремит на весь зал:

„Ты самая, ты самая, ты самая...”, —

так неприятно, чтобы зрители спешили уйти из зала.

КАРТИНА 7

Камера. День. Кусочек яркого неба над намордником слепыша. Общее освещение серое. В с е т е ж е, кроме Елешева, Давыдова, Вжесника и арестанта с подбитым глазом. Кончается „обед”: выпили жижу из „тушёточных” консервных банок и теперь едят зерно — ложек нет, и кто стряхивает его из опрокинутой банки в рот, кто выбирает пальцами. Особой методичностью в поедании зерна выделяется *Х а л ь б е р а у*, который невозмутимо занят едой до самого конца картины. Около мест Медникова и Болоснина — нетронутые банки, их нет.

Ещё занавес не полностью раздвинут, а уже несётся ожесточённый спор, отвлекающий арестантов даже от драгоценного обеда. Спорят не просто с азартом, но с душевной болью. Кроме отмеченных реплик, следующих со стремительностью стрельбы — ещё и гудят друг с другом. Обороняясь от всех, как загнанный волк, Рубин сидит в углу, механически пытается есть. Но ему не до еды.

Из-за спора остаётся незамеченным впуск в дверь Болоснина. Он порывается сперва поделиться впечатлениями, потом вслушивается в спор и разъяряется.

Сначала все сидят, потом постепенно встают и вскакивают, и только немец и итальянец снизу наблюдают поражённо русский спор.

Печкуров. Да Лев Григорьич, вы в колхозе отродясь не были!

Рубин. Был!

Темиров. В качестве корреспондента?

Климов (*подходя к Рубину всё ближе*). Что вы думали? Нет, что вы думали, когда уничтожали крестьян?

Рубин (*кому-то другому*). Зато у нас метро — лучшее в мире!

Темиров. Показуха! Во всём показуха, „подпорки деревянные, железные мосты”!

Дивнич. Да советские люди нищие! В Европу приедут — готовы с прилавка стащить!

Печкуров. Что получает на трудовень колхозник? На трудовень?

Рубин. Значит, организация труда плохая!

Печкуров (*кричит*). На фуя мне ваша организация? Вы мне землю дайте, я без вашей организации!..

Дивнич (*наступает*). У вас разруха! у вас развал! себестоимость безумная! магазины пустые!..

Рубин. Жизнь только стала налаживаться, война помешала!

Кулыбышев. Вали волку на холку! Война!

Климов. Где налаживаться? В тридцать девятом по всей стране за хлебом тысячные очереди — тоже война помешала?

Гай. Вы зачем Украину голодом задушили? Тоже война?

Рубин. Вы сами себя задушили! Хлеб по ямам гноили!

Гай. Да не сеяли!

Рубин. Так надо было сеять!

Гай. Для кого?! А блокаду зачем делали? (*Кричит камере:*) Тише! Друзья! Кто знает блокаду на Украине в тридцать первом году? Приходит в дом комсомольский пост и не даёт воды набрать из собственного колодца!

Скотина непоенная подохла! Сестрёнка маленькая умерла!

Д и в н и ч. В двадцатом веке вернулись к рабскому труду!

Р у б и н. Я не могу всем сразу отвечать! Дайте мне сказать! (*Вырывается на середину камеры, говорит во все стороны, ибо кругом враги.*) Какая страна нам досталась в наследство?!..

В о р о т ы н ц е в (*встаёт*). А какая?

Б о л о с н и н (*от двери, яростно*). Так надо было клопов сперва уничтожить, а потом революцию делать!

Р у б и н (*мечась серединою камеры*). Безумные люди! Когда — потом? Когда — потом? Десять тысяч лет насчитывает человеческая история, и никогда в ней не было справедливости!! Рабы, доведенные до отчаяния, поднимались за Спартаком и Уотом Тайлером, в медных бунтах или в соляных, то штурмом Бастилии, то восстанием таборитов, то в коммунах Мюнстера и Парижа. Чаше они погибали, ещё не выпрямившись с колен, редко дотягивались до власти, ещё реже удерживали её, — но *никогда* им не удавалось воплотить великую мечту о земной справедливости! Потому что были слишком доверчивы ко вчерашним угнетателям! слишком милосердны к своим врагам! Потому что с сомнением и робостью они вступали на путь террора и диктатуры. И вот, когда, наконец, впервые за много тысяч лет выбилась и вызрела непобедимая *наука революции*! когда выработана неуклонная тактика диктатуры! когда учтены *все* ошибки *всех* революций истории, и эта тактика впервые победила! когда новый мир, вырастающий на десятки столетий...

Д и в н и ч. ... на миллионах костей...

Р у б и н. ... прожил ничтожный для себя отрезок в двадцать пять лет...

Б о л о с н и н. ... пол человеческой жизни!..

Р у б и н (*одну ногу поставив на верхний обрез парашу*)...вы, несчастные, жалкие людишки, маленькую жизнь которых, ущемила революция, — искажаете самое её существо, клевете на её великое светлое шествие, обливаете помоями пурпурные ризы высочайшей мечты человечества!! Вот! (*Проворно взбирается на парашу, садится как положено, и, приставив руки трубочками к глазам как бинокль, озирает окружающий мир.*) Вот! Вот ваша обсерватория — параша! Вот с какой точки зрения вы наблюдаете и познаёте мир!

П р я н ч и к о в (*как флагом колышет чьей-то рваной*

одеждой). Лев Григорьич! Пурпурные ризы! Ха-ха! Смешно!

Б о л о с н и н (бросается к Рубину, но его держат). Я вас на воле уничтожал, заразы, не для того, чтобы в камере терпеть!!

Р у б и н (соскакивая с параши). Шкура власовская! (Бросается к Болоснину, но его тоже держат.)

Т е м и р о в. Мало им дают по десять лет, их расстреливать, трубадуров!

Г а й. Кого, кого?

Т е м и р о в. Ну, когда в трубу дурак дует — вот это трубадур!

Кормушка отпадает. Все замолкают как обрубленные.

7-й надзиратель. На „хэ“.

Х о л у д е н е в. Холуденев.

7-й надзиратель. На „дэ“.

Д и в н и ч. Дивнич.

7-й надзиратель. С вещами.

Кормушка захлопывается. Уже никто не рвётся друг к другу и никого не держат. Неподвижность.

Х о л у д е н е в (тянет). Та-а-ак... Значит, заседание продолжается.

Он и Дивнич идут собирать вещи. Все молча наблюдают за их сборами.

Д и в н и ч (собираясь). И по десять лет дают — и всё поспорить не успеваешь.

Б о л о с н и н (пересыпая Холуденеву из кармана в карман). Там сейчас нервничать будете, покурите.

Х о л у д е н е в. Ах, не успели мы с вами поговорить! Игорь! С такой ясной головой — как вы могли вернуться в Союз? Зачем? И жена осталась!

Б о л о с н и н. О, только про Галку мне не говорите. На этот вопрос вам мог бы ответить мистер Черчилль! Как я верил в англичан! Меня предупреждали, а я верил. Необъяснимо, чудовищно, но, роя могилу своей собственной империи, они обманом обезоруживали нас и — отдавали большевикам! Сотни офицеров! Десятки тысяч солдат!

В о р о т ы н ц е в. Евгений Иванович! Обещали вы и не рассказали о разнице между Гестапо и ГПУ.

Д и в н и ч. С идейной точки зрения, как и в звучании, разницы никакой нет, это понятно. А практически: в Гестапо со средневековой прямолинейностью хотят добиться

истины, поэтому зверски бьют, мучают, вниз головой подвешивают. Но если по их законам вы окажетесь невиновны, — выпустят, как вот меня. А в НКГБ истины не добиваются, разве когда *организацию* ищут, — потому что им глубоко безразлично — виновны вы, невиновны, — всё равно каждому десять лет.

В о р о т ы н ц е в. Если не расстрел. Благодарю. Ясно.

Дивнич и Холуденев сносят свои мешки к двери.

Б о л о с н и н (*сопровождая Холуденеву*). Представьте, сейчас встреча: ведут меня по двору, звенит стекло, и в окне — женщина, уцепилась за решётку: „Спасите! Убивают!” — и я узнаю в ней жену моего убитого фронтового друга. Милая, славная женщина, её тут рядом истязают, и нельзя защитить, и (*жест в сторону Рубина*) доказывают мне, что это всё закономерно.

Д и в н и ч. Ну что ж, друзья, ваших песен ещё нет, споём нашу. (*Обнимает за плечи двоих.*)

(В несколько голосов)

Молись, кунак, в земле чужой.
Молись, кунак, за край родной.
Молись за тех, кто сердцу мил,
Чтобы Господь их сохранил!

Стук в дверь — прекратить пение. Но, напротив, теперь уже все, включая Рубина и Фьяченге, обнявшись за плечи, сплываются лицом к зрителю и поют.

Молись за то, чтобы Господь
Послал нам сил всё побороть,
Чтоб мы могли увидеть вновь
В краю родном мир и любовь!

Грохот распахиваемой двери. Безмолвные объятия и поцелуи. Дивнич и Холуденев уходят, дверь запирается, немец всё так же методично ест пшеничные зёрна. Оставшиеся теснее обнимаются за плечи.

Пускай теперь мы лишены
Родной земли, родной страны,
Но, верим мы, наступит час, —
И солнца луч блеснёт для нас!”

КАРТИНА 8

Слева — летний павильон, фасад которого обращён к нам тремя окнами и крыльцом, швейцар то и дело отворяет и затворяет дверь. Вывеска:

„СПЕЦТОРГ. РЕСТОРАН № 2”

Направо, вглубь сцены, — аллея. На переднем плане — две садовых скамьи, боковая полукольцом густых кустов скрыта от аллеи и ресторана. Перед рестораном — газон с цветно-травной надписью „Слава Сталину!” Окна распахнуты, за каждым окном — сразу столик, и глубже видно оживлённое ресторанное снование, слышна весёлая музыка. По аллее в ресторан приходят и уходят офицеры контрразведки, иногда — вольнонаёмные женщины.

Солнечно. После полудня.

Сразу после открытия занавеса — общее движение, музыка, говор.

За одним окном:

— Слушайте, барышня, я вам заказал шато-икем одну, и рейнского одну.

— Виновата, виновата.

— Так надо слушать.

На аллее:

— Вы про Мымру знаете?

— Что такое?

— Назначен начальником отделения.

— Лука Лукич его любит.

— Так он же и работает, как часы. Учитесь у Мымры.

Подходят Неключиков и Филиппов.

Филиппов. Кончал я стрелковое училище, командиром пулемётного взвода, чуть не всю войну на фронте да по госпиталям, — чудно́ мне в конвойных войсках, душа не лежит.

Неключиков. Да, каждая работа, капитан, гнёт людей по своему подобию. Ни с кем не пью, с тобой выпью. Пойдём.

За другим окном:

— Мы, рядовые следователи, — ишаки. Мы всю телегу тянем, а они ордена получают. Скажешь нет?

На аллее:

— Так велел Лука Лукич! (Проходят.)

— Товарищ майор! Политучёба будет?

— Раз понедельник — что спрашивать? В семь часов.
(Проходят.)

Капустин (3-му офицеру). Про ельца я тебе скажу: во-первых, он безвкусный, во-вторых не жирный, в-третьих озорник. А у язя...

4-й офицер (навстречу им). Капустин, займи двадцать рублей!

Капустин (охлопывая карманы). Слушай, ты мне уже двадцать должен.

4-й офицер. Десять.

Капустин. А не двадцать?

4-й офицер. Не, не. Я взял и сразу отдал. Ещё такая помятая бумажка была.

Капустин (открывая бумажник). Сам знаешь, перед получкой. Когда отдашь?

4-й офицер (вырывая бумажку). Отдам-отдам-отдам! (Быстро уходит.)

Капустин. Ползарплаты вот так расхватают... Да, так у язя...

3-й офицер. Займи уж и мне тридцать.

Капустин. Когда отдашь? (Даёт.)

3-й офицер. Отда-ам...

Проходят в ресторан. За одним из окон освободился столик, сели Филиппов и Неключимов. На аллее:

1-я машинистка. Знаю я, и брата видела — брюки в полоску, клёш двадцать семь, примитивно.

5-й офицер. А она как?

1-я машинистка. Да как? — вырез углом, аппликации розовые, хлястик аж вот тут прицепила и ходит, как дура.

5-й офицер. Нет, я спрашиваю — с работой как? Её ж уволили, в дело записали...

1-я машинистка. А-а, не спросила, не спросила.
(Проходят.)

За окном:

1-й офицер. Ты живёшь, дышишь, ничего не знаешь, а на тебя характеристики тайные пишут. Каждый год! Он тебя с дерьмом смешает, а как ты оправдаешься? Прочесть не дадут.

На аллее:

Нинель (виснет на руке у Мымры). Мымра! У вас

никакой совести! Получил повышение и не хочет угостить.

М ы м р а (так же бесстрастно, как ведёт допрос). Ну, пойдёмте, пирожков куплю.

Н и н е л ь. Мымра? Пирожков? Это вульгарно!

С в е р б ё ж н и к о в (навстречу им). Товарищ Мымра! Поздравляю!

6-й о ф и ц е р. Товарищ Мымра! С новым назначением!

М ы м р а. Служу Советскому Союзу. Благодарю, товарищи. (Заходят в ресторан.)

2-я м а ш и н и с т к а. Ой, жара! Ой, жара! А эта лахудра уже к Мымре прилепилась.

3-я м а ш и н и с т к а (басом). Интересно, пиво холодное есть? (Заходят.)

К а м ч у ж н а я (7-му офицеру). А я цветные фотографии собираю. Моя страсть — цветные фотографии.

8-й о ф и ц е р (9-му). Лука Лукич, думаешь, э т и м местом (показывает на голову) берёт? Вот э т и м (показывает ниже спины). Двадцать пять лет назад он начал с рядового надзирателя.

9-й о ф и ц е р. Тихо, тихо, вот он сам.

Охреянов ещё где-то на невидимой части аллеи, но уже вдоль аллеи все сторонятся и, по мере его подхода, приветствуют. Последним по аллее успевают пройти 1-й и 2-й о п е р а т и в н и к и. Камчужная встречает их перед крыльцом.

1-й о п е р а т и в н и к. Лида, привет!

К а м ч у ж н а я. Алё! Ты что, выходной?

1-й о п е р а т и в н и к. Нет, на работе.

К а м ч у ж н а я. Здесь?! (Порывисто влечёт его на скамью в центре. 2-й оперативник садится рядом.) Мальчики! К о г о? К о г о?

1-й о п е р а т и в н и к. Зачем тебе знать? Сейчас увидишь.

К а м ч у ж н а я. Мишка! Скажи! Я тоже с вами! Мне ещё ни разу не приходилось самой...

Шествие, возглавляемое О х р е я н о в ы м и К р и в о щ а п о м, — на подходе к крыльцу. Охреянов движется очень медленно, он несёт своё тело как монумент. Какой-то встречный задержанный им майор оправдывается в чём-то. Движение по аллее прекращается: задние, наткнувшись на группу, прогуливаются, передние возвращаются к ресторану.

Ф и л и п п о в. А за что тебя прозвали астрономом? Ты правда астроном?

Н е к л ю ч и м о в. Люди всегда и везде не терпят, когда кто-нибудь на них не похож. Я когда-то х о т е л быть астрономом, поступил в Московский университет, но меня со второго курса по комсомольской мобилизации взяли в училище НКВД, и никак нельзя было отбиться, никак.

О х р е я н о в (*перед крыльцом*). Неужели я во всё должен входить сам? Идёшь к вам в хорошем настроении, а вы только портить умеете. Напишите объяснительную записку. (*Майор козыряет, поспешно уходит. Адъютанту:*) А здесь деревья подстригают или не подстригают? Где начхоз?

А д ъ ю т а н т. В командировке, Лука Лукич.

О х р е я н о в. Объявить выговор в приказе.

А д ъ ю т а н т. Есть! (*Записывает.*)

О х р е я н о в (*мягче*). Ну что, Кривошап? Раз уж дошли — зайдём? Тут из графского погребка пузатенькие...

К р и в о щ а п. Нырнём, Лука Лукич.

Входят в ресторан. Движение по аллее восстанавливается. За окном:

1-й о ф и ц е р. Кто говорил — ишаки? Кто говорил — ишаки?

2-й о ф и ц е р (*сильно пьян*). Т-ты с-сказал! И к-к-критиковал х-характеристики!..

1-й о ф и ц е р. Ты с ума сошёл! Как я мог это сказать? Аня, ещё бутылочку, быстро!

На аллее:

— Бефстроган — это вещь!

— Я пишущую машинку послал домой. Тысяч пять возьму?

— А шрифт русский?

— немецкий.

— За переделку тысячу отдашь.

К а м ч у ж н а я (*кивая на укрытую скамью*). Вон там, ладно? (*Медленно идёт к окну.*)

2-й о п е р а т и в н и к (*на скамье в центре*). Напрасно ты ей сказал.

1-й о п е р а т и в н и к. Ничего, баба в доску.

К а м ч у ж н а я (*снизу в окно*). Астроном, ты пьёшь? Что случилось?

Н е к л ю ч и м о в. Капитан Камчужная! Фамилия моя Неключимов, зовут Александр Иванович.

К а м ч у ж н а я (*напевает*). Саша! Ты помнишь наши встречи!..

Н е к л ю ч и м о в. Не припоминаю.

К а м ч у ж н а я (сорвавшимся голосом). Слушай, какой ты... ах, какой ты... (Не отходит.)

На аллее:

10-й о ф и ц е р. Я восхищаюсь вашей работой, товарищ подполковник. Вы сумели стать незаменимым специалистом.

М о р г о с л е п о в. Мой отец говорил так: я буду учить тебя столько лет, чтобы не ты работы искал, а тебя работа искала.

11-й о ф и ц е р. И сколько же лет вы учились? (Выходят перед крыльцо.)

М о р г о с л е п о в. Школа семь лет, рабфак шесть лет, потом очно, потом заочно, — вы уже обедали? Я пошёл. У меня перерывы короткие. (Входит в ресторан.)

10-й о ф и ц е р. Это тот халтурщик! Но скажи, трёх прокуроров выжил, за четверых работает.

11-й о ф и ц е р. Да он от жадности лопнет скоро, с официантки пять копеек сдачи требует. (Отходит.)

12-й о ф и ц е р (указывая на него вслед, 10-му). А сам? Самому на месяц двадцать пачек папирос дают — подследственных вознаграждать, так он за одну папиросу удушится, и сам не курит, и продать некому, — посылками домой отсылает! — брат у него дома курит! — в лоб тебя драть с таким офицером!

Ф и л и п п о в. Я своими глазами на плацдарме видел, как один сержант подбил два „мессершмитта“. А теперь конвоируем, смотрю — ведём его...

К а м ч у ж н а я. Александр Иванович, допей и выйди на минутку, ты мне очень нужен.

Н е к л ю ч и м о в. Лидия Васильевна, сейчас перерыв, какие дела?

К а м ч у ж н а я. Саша! Так нужен! Я бы не звала...

Н е к л ю ч и м о в. Ну, посиди, капитан, я сейчас. (Встаёт.)

13-й о ф и ц е р (гуляя с 14-м перед клумбой). Одно-го, Юра, я не понимаю: зачем американцы выдали нам власовцев, англичане — казаков, — зачем? Какая у них цель?

14-й о ф и ц е р. Хочешь знать моё мнение? личное?.. Мы за это с Японией будем воевать. Это — плата. Точно! (Проходят.)

1-й о п е р а т и в н и к (идя со 2-м в ресторан). Лида, мы пока... (Щёлкает себя по шее в знак выпивки.)

На крыльце оперативники сталкиваются с Неключимовым.

1-й оперативник. Здорово, Астроном. Как звёзды? На местах?

Неключимов (*неприязненно*). Не все.

2-й оперативник. Падают?

Неключимов. У-гм.

1-й оперативник. Это бывает.

Входят в ресторан. Неключимов вслед за Камчужной идёт к укромной скамье. Камчужная садится лицом к ресторану, Неключимов спиной. Ресторанный оркестр играет медленный вальс.

Камчужная. Саша! Я тебе... хоть немножечко... когда-нибудь нравилась?

Неключимов. Неужели вы позвали меня...? (*Хочет встать.*)

Камчужная (*удерживает его*). Саша! Очень важно! Ответь!

Неключимов. Я ненавижу тебя!

Камчужная. За что?!

Неключимов. Хочешь знать? (*Пауза.*) За то, что в прекрасную вазу... не наливают...

Камчужная (*торжествующе*). Значит, всё-таки...!

Неключимов. Но я — женат, всё это пустые разговоры. Ты что — больна?

Камчужная. На жену ты не очень надейся. Впрочем, проверишь, какая она. Саша! Мы не увидимся больше!

Неключимов. Ты уезжаешь?

Камчужная. А... может быть, увидимся... Если позовёшь. Когда тебе будет плохо, очень плохо, — знай и помни: я тебя — любила!.. (*Целует его, головой ему на грудь.*)

1-й и 2-й оперативники выходят из ресторана, направляются в их сторону, ещё не видимые им.

Неключимов. О чём ты начала?

Камчужная (*быстро*). У тебя есть что-нибудь, что нужно уничтожить? Адреса? Записки?

Неключимов. Да что такое...?

Камчужная (*теребит его*). Милый, скорей!

Неключимов (*мгновение думает; передаёт ей записную книжку*). А что?

Камчужная (*прячет у себя*). А в столе? А дома?

Неключимов. Ничего. Всё.

Камчужная обнимает его за шею. Почти тотчас из-за куста показываются оперативники. Камчужная видит их и обращает объятья в резкий рывок за погоны обеими руками. Неключимов вскакивает, озираясь. Музыка в ресторане прервалась. 1-й оперативник на вытянутой руке показывает Неключимову бумажку.

1-й оперативник. Вы арестованы!!

Неключимов. Я-а??

Ещё пытается вчитаться в ордер, но оба оперативника уже быстро рвут с него пояс, портупею, звёздочку с фуражки, выворачивают его карманы в четыре руки. 2-й оперативник берёт всё отобранное и проходит вперёд.

1-й оперативник (вынимая пистолет). Кру-гом! Руки назад! Не разговаривать! Марш!

Оркестр всплескивается румбой. Так выходят на середину и сквозь сгущённую, но сторонящуюся толпу чекистов поворачивают на аллею вправо: 2-й оперативник впереди, за ним Неключимов, потупив голову, с руками за спиной; сзади — 1-й оперативник с обнажённым пистолетом.

Столпились на крыльце, высунулись из окон, там и Филиппов с выражением ужаса. Камчужная, никому не видная за кустами, прижав к щекам погоны Неключимова, неподвижна. Румба.

Просторное помещение, вроде зала. Портьеры, электрический свет. В глубине — помост, на нём — большая скульптура Сталина в рост, с поднятой рукой, в форме генералиссимуса. На помосте — стол суда и трибуна прокурора, ниже — столик секретарши, ещё ниже и ближе — место адвоката и стул подсудимого. На переднем плане — два ряда скреплённых палками пустых запylённых стульев, спинками к зрителю. Две двери с помоста, направо и налево, и ещё дверь, ближе к нам.

При открытии занавеса через эту дверь в пустой зал Разводящий и 1-й конвоир вводят Холуденев, держащего руки назад. Ему указывают место.

Разводящий. Оружие к бою!

Автоматчик берёт на изготовку, разводящий уходит. Пауза. Конвоир постепенно ослабляет стойку. Холуденев достаёт из кармана бумажку. Поколебавшись, насыпает в неё табак.

Конвоир. Что это крутишь?

Холуденев. Видишь сам, цыгарку.

К о н в о и р. Бумажку какую?

Х о л у д е н е в. А... квитанцию тут... на ордена, на часы.

К о н в о и р. А как же получать будешь?

Х о л у д е н е в. Ордена? Зачем они мне?

К о н в о и р (*подумав*). Часы.

Х о л у д е н е в. За десять лет заржавеют.

К о н в о и р. Всё же побереги, на газетку.

Х о л у д е н е в (*беря газетный обрывок и пряча квитанцию*). Не тут, так в этапе, всё равно.

К о н в о и р. Возьми махорки. (*Протягивает горсть.*)

Х о л у д е н е в. Давай, если не шутишь. (*Пересыпает в карман, добавляет и в цыгарку.*) Спички есть?

К о н в о и р (*давая прикурить*). И много орденов?

Х о л у д е н е в. Да три было.

К о н в о и р. Офицер?

Х о л у д е н е в. Капитан.

К о н в о и р. За что ж посадили?

Х о л у д е н е в. А видишь...

Раскрывается та же дверь. Конвоир резко берёт на изготовку и отступает от Холуденева. Входит К а ш е в а р о в танцующей походкой, в белых брюках, белой шёлковой рубашке с короткими рукавами. По мере приближения к Холуденеву он вытягивает указующую на него руку.

К а ш е в а р о в. Вы... вы... как ваша фамилия? (*Сверяется с записной книжкой.*)

Х о л у д е н е в (*курит, развалясь*). А вы тут в каком амплуа?

К а ш е в а р о в. Я ваш государственный защитник.

Х о л у д е н е в. Вон что! А я думал — капитан волейбольной команды.

К а ш е в а р о в. Так как ваша фамилия?

Х о л у д е н е в. Слушайте, идите вы своей дорогой, я вас не нанимал.

К а ш е в а р о в. Да, но государство не может оставить вас без защиты.

Х о л у д е н е в. А я на всё ваше государство... Я ваше государство — на ночной горшок охотно обменяю и ещё приплачу.

К а ш е в а р о в. То есть... ?

Х о л у д е н е в. То есть, чтобы удобней пользоваться.

К а ш е в а р о в (*оживляясь*). Слушайте, вы, может быть, ненормальный? Вы экспертизу не проходили? Я могу потребовать экспертизу.

Х о л у д е н е в *(весело смеётся; примирительно)*. Вот что, парниша, я вас не трогаю, и вы меня не трогайте, я б вам дал на чай, но — нету.

К а ш е в а р о в. Нет, вы-таки ненормальный! Вы просто не знаете порядка. Если не будет защитника, так не будет и прокурора.

Х о л у д е н е в. Прекрасный порядок.

К а ш е в а р о в. Но как же вы будете защищаться?.. Если вас беспокоит оплата моего труда, так это каких-нибудь сто рублей, их спишут с вашей квитанции.

Х о л у д е н е в. Что?? С моей квитанции? *(Приподымаясь.)* Иди отсюда, гад!

К а ш е в а р о в *(отбегая, визгливо)*. Автоматчик! Что ты смотришь?!

Х о л у д е н е в. Гражданин конвоир! Убери его от меня, а то я за себя не ручаюсь.

К о н в о и р *(мирно)*. Ну, будет, будет.

В правую дверь помоста быстро входит к о м е н д а н т суда. Дверь остаётся открытой и сквозь неё из соседнего зала слышен голос Кривошапа: „Суд удаляется на совещание”.

К о м е н д а н т. Встать, суд идёт!

Холуденев ещё и не сажился. Справа на помост входят К р и в о щ а п, два з а с е д а т е л я, секретарша. Все сразу садятся.

К р и в о щ а п *(быстро, озабоченно)*. Судебное заседание военного трибунала считаю открытым. Подсудимый, отвечайте на вопросы. Фамилия, имя, отчество?

Х о л у д е н е в *(мрачно)*. Холуденев.

К р и в о щ а п. Имя-отчество-год рождения?

Х о л у д е н е в. Всё записано сто раз.

К р и в о щ а п. Отводов к составу трибунала нет?

Х о л у д е н е в. Отвод защите. Не нужно мне...

К р и в о щ а п. Порядок раз и навсегда установлен, мы не можем судить беззащитного человека. Государство предоставляет вам квалифицированную защиту. Стороны! Прошу занять места. *(Члену суда:)* Читайте!

Косясь на подзащитного, защитник садится.

Х о л у д е н е в *(сидясь)*. Ч-чиновники...

1-й з а с е д а т е л ь *(быстро бормочет, выделяя громко и раздельно иногда важное, иногда неважное)*. „Утверждаю, начальник 2-го управления фронтовой контрразведки СМЕРШ Центральной группы войск генерал-майор... Об-

винительное заключение, по следственному делу № 01544/Ш-31 по обвинению Холуденева Андрея Степановича.

Органами фронтовой контрразведки СМЕРШ арестован и привлечён в качестве обвиняемого по настоящему делу Холуденев А. С. Расследованием установлено, что Холуденев, являясь офицером Красной армии, последнее воинское звание „капитан”, в должности командира сапёрной роты, вёл активную подрывную антисоветскую деятельность. Эта подрывная деятельность выражалась, как установлено показаниями парторга батальона Тырлыкова У. В. и замполита батальона Визгунова Г. М., прежде всего в том, что Холуденев совершенно пустил на самотёк партийно-политическую и массово-воспитательную работу во вверенном ему подразделении (следственное дело, листы 25, 26). Весной 1943 года своего заместителя по политической части старшего политрука Хухнобротова Холуденев обозвал оскорбительным прозвищем „дурак” и грозился „переломать ему ноги, если он будет проводить политбеседы не вовремя” (следственное дело, листы 45, 47, показания майора Хухнобротова). Тем самым Холуденев выявил свои злобно-террористические замыслы по отношению к партийному руководству.

С лета 1943 года, после упразднения института заместителей командиров рот по политчасти, когда вся партийно-политическая работа в роте была возложена на самого Холуденева, обвиняемый открыто пренебрегал ею, заявив даже при солдатах, что „самая лучшая политбеседа — это крутая каша” (лист 74). В тех же немногих случаях, когда Холуденев не имел возможности уклониться от проведения политбесед, обвиняемый наполнял их извращённо-клеветнической трактовкой событий и безудержным восхвалением англо-американской военной помощи. Когда перед вступлением на территорию Германии политотдел дивизии поручил Холуденеву выступить на общем батальонном красноармейском собрании на тему: „Смерть за смерть и кровь за кровь”, Холуденев наотрез отказался и выявил своё звериное антисоветское нутро следующей фразой: „немцы тоже люди” (лист 95).

Особое место в цепи злодеяний Холуденева занимает его преступная близость со старшим воентехником того же батальона Иваном Новотёловым, буржуазным перерожденцем, лютым врагом прогресса и социализма, ушедшим от справедливой кары советского правосудия из-за своей смерти на поле боя. В нескольких своих разговорах в отдельной палатке, ставших известными работникам СМЕРШ,

Холуденев и Новотёлов изливали грязную ненависть к гениальному вождю партии и советского народа, осыпая его светлую личность и особенно его полководческий талант насмешками, нападками, оскорбительными прозвищами и самой безудержной похабной руганью (листы 9, 18, 101-103)."

2-й заседатель (*молитвенно приподымаясь в сторону скульптуры Сталина*). И вы — осмелились?..

Холуденев. Осмелился.

1-й заседатель. „Но обвиняемый вместе с убитым Новотёловым не ограничились только оклеветанием гениальной сталинской стратегической мысли. В одном из своих разговоров, извращённо трактуя революционные преобразования в деревне в 29-30 годах, они фактически объективизировались как защитники кулачества и как противники сплошной добровольной коллективизации.

Всё это разрешает считать, что Холуденев и Новотёлов представляли собой зачаток подпольной террористической банды, состава которой им не удалось расширить из-за смерти одного и ареста другого.

На основании изложенного обвиняется Холуденев Андрей Степанович, 1919 года рождения, уроженец города Тамбова, русский, беспартийный, ранее не судимый, гражданин СССР, по специальности инженер-строитель, служивший командиром сапёрной роты в звании капитана, награждённый орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени и Красной Звезды, в том, что

он вёл гнусную антисоветскую агитацию среди себя и своего убитого однодельца Новотёлова, готовился к активной подрывной деятельности и проявлял террористические намерения, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-десять-часть вторая, 58-восемь через двенадцатую и 58-одиннадцать УК РСФСР.

В предъявленных обвинениях Холуденев виновным себя признал и изобличается показаниями свидетелей.

Руководствуясь статьёй 208 УПК РСФСР, настоящее дело направлено прокурору Моргослепову для предания обвиняемого суду.

Обвинительное заключение составлено... подпись... согласен..." (*Садится, переводит дух.*)

Кривошап. Переходим к судебному следствию. Подсудимый Холуденев, признаёте ли вы себя виновным в предъявленных обвинениях?

Холуденев. Да какая разница, всё равно...

Кривошап. Таким образом, вы признаёте, что...

Х о л у д е н е в. Ага.

К р и в о щ а п. И вы остаётесь при этих убеждениях?

Х о л у д е н е в. Нет.

К р и в о щ а п. Искренне ли это? До конца ли вы искренни?

Х о л у д е н е в. Искренне, искренне, до конца.

2-й з а с е д а т е л ь. И вы думаете, что суд поверит вашему раскаянию?

Х о л у д е н е в. А почему бы и нет? Теперь, когда я разобрался, я вижу, что не Сталин один, а все вы такие, и не с 29-го года, а с 17-го.

В левую дверь помоста поспешно вбегает М о р г о с л е п о в, становится на трибуну, перебирает бумажки.

К р и в о щ а п. У прокурора будут вопросы?

М о р г о с л е п о в. Нет, нет, всё ясно.

К р и в о щ а п. У защиты?

К а ш е в а р о в. Нет.

К р и в о щ а п. Переходим к прениям сторон. Слово имеет государственный обвинитель товарищ Моргослепов.

М о р г о с л е п о в (*очень быстро*). Товарищи судьи! Кого мы видим перед собой? Мы видим перед собой человека, которого взрастила и вскормила наша родная советская власть, наш родной комсомол. И что же мы имеем в благодарность? Этот выродок, этот ублюдок, я не нахожу для него лучших слов, в первые же дни войны сдался в плен лютым врагам нашего дорогого отечества, чтобы потом с оружием в руках примкнуть к белобандитским...

Кривошап кашляет значительно, Моргослепов взглядывает на него.
Кривошап мотает головой.

(*Читая с бумажки, вполголоса.*) Тепляков?

К р и в о щ а п (*так же*). Холуденев.

М о р г о с л е п о в (*ещё быстрее перебирая бумажки*). Товарищи судьи! Кого мы видим перед собой? Мы видим перед собой человека, которого взрастила и вскормила наша родная советская власть, наш родной комсомол. И что же мы имеем в благодарность? Этот выродок, этот ублюдок, я не нахожу для него лучших слов, занялся изощрённым оклеветанием нашего гениально-мудрого вождя, не остановился перед открытым террором по отношению к партийному руководству и подготовлял вооружённое восстание... э-э... э-э... мирное вращение кулака в социализм. Товарищи судьи! Есть предел нашему терпению. Вы являетесь карающей десницей коммунистического общества,

великодержавного советского народа. Я требую для данного обвиняемого (уже убегая в свою дверь) десяти лет лишения свободы плюс пять лишения прав! (Убежал.)

К р и в о щ а п. Слово имеет государственный защитник товарищ Кашеваров.

К а ш е в а р о в. Товарищи! Как честный советский гражданин, как верный сын социалистической родины, я только по необходимости беру на себя неблагодарную задачу защищать этого заклятого врага, этого вполне изобличённого преступника. Доводы обвинения неопровержимы, и за такой тягчайший комплекс преступлений прокурор с полным правом мог бы потребовать и расстрела. Как прекрасно сказал в своё время товарищ Вышинский: „всех расстрелять как бешеных собак!” Кончая свою защитительную речь, я прошу проявить снисхождение к моему подзащитному и ограничить наказание десятью годами плюс пять поражения в правах. (Быстро уходит.)

К р и в о щ а п. Подсудимый! Вам предоставляется последнее слово.

Х о л у д е н е в. Возьмите его себе.

Комендант открывает правую дверь и выходит. Слышно, как в соседнем зале он кричит: „Встать! Суд идёт!”

К р и в о щ а п. Суд удаляется на совещание.

Выходят. Холуденев прижигает не докуренную перед судом папиросу. Долгая пауза.

К о н в о и р. Это, товарищ капитан, вы правильно заметили насчёт каши. Кормят газетами... (задумчиво) да и про немцев...

Гаснет свет. Зажигается.

Второй такой же зал, но обставленный зеркально-симметрично первому: трибуна прокурора — с другой стороны, у скульптуры Сталина поднята другая рука. Судебное заседание — в разгаре.

Подсудимый — Д и в н и ч, адвокат — К а ш е в а р о в.

М о р г о с л е п о в (кончая). ... Даже на следствии он имел наглость так это объяснить (читает): „Благоговевать — необходимая обязанность моя, и горе мне, если я не благоговевую.” Каково, товарищи? Кажется ясно. Характерный штрих: будучи арестован Гестапо, его оттуда освободили. Об чём это говорит? Об том, что он нашёл общий язык с фашистскими палачами. С н а м и он не найдёт его, товарищи! Подсудимый ехал в Советский Союз с целью продолжать свою подрывную антисоветскую

работу, прикрываясь флагом прогрессивной религии и даже выводами современной медицинской науки, что „не здоровые нуждаются во врачах, но больные”. Товарищи судьи! Есть предел нашему терпению! Вы являетесь карающей десницей великодержавного советского народа! Я требую для обвиняемого Дивнича: по статье 58-10 — десять лет, по статье 58-4 — пятнадцать лет, по статье 58-один-А — двадцать лет, по статье 58-6 — двадцать пять лет лишения свободы! А по совокупности... (секретарю) там сосчитайте!

Быстро бежит, спутав, в левую с помоста дверь, потом, вспомнив, назад в правую. От его беготни статуя Сталина начинает раскачиваться.

К а ш е в а р о в (*сразу же поднявшись по знаку Кривошана*). Товарищи! Как честный советский гражданин, как верный сын социалистической Родины, я только по печальной необходимости...

Статуя Сталина с грохотом падает. Все испуганно вскакивают и замирают.

Д и в н и ч (*голосом, вызывающим дрожь*). Слепые вожди слепых! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Истинно-истинно говорю вам: как молния сверкает от края неба до края...

Богатая гостиная, обращённая в кабинет начальника контрразведки. Венецианские окна. Справа и слева дубовые двустворчатые двери. Длинный стол заседаний под красной скатертью и поперёк ему — письменный стол генерала. Огромный портрет Сталина, немного поменьше — Бёрии. Остальное — как было у помещика.

В окна косо бьют лучи заходящего солнца, оживляющие бронзу.

Близко на стуле сидит Г е н е р а л без кителя, в нижней рубашке, с мохнатым полотенцем на коленях. Расторопный молодой ординарец Ж о р ж и к в изящно-пригнанной военной форме без погон кончает туалет генерала, массируя ему шею и щёки. Полковник О х р е я н о в в парадной форме при многих орденах — радостно стоит; он подвижен, лёгок.

Г е н е р а л. Вы знаете, Лука Лукич, в самолёте меня никогда не укачивает, и сегодня не укачало.

О х р е я н о в. У вас очень здоровый организм.

Г е н е р а л. А вот после — какая-то такая сла-абость, такая сла-абость...

О х р е я н о в. Переутомление.

Г е н е р а л. Ну да, всю прошлую ночь мы были у Берии... Крепче, Жоржик, крепче!

Стук в левую дверь и сразу же входит Р у б л ё в.

Он мрачен, немного сгорблен.

Р у б л ё в. Разрешите? Здравия желаю, товарищ генерал.

Г е н е р а л. Здравствуйте, Прохор Данилыч. Что это вы, как будто, почернели?

Р у б л ё в. Болею, товарищ генерал, очень болею.

Г е н е р а л (с беззаботностью). Неужели так плохо? Вылечим! Пошлём лечиться. Старые кадры надо беречь. Да, между прочим, я вами недоволен.

Р у б л ё в. Что именно?

Г е н е р а л. Ну, слушайте, этот сегодняшний случай, вот Лука Лукич свидетель: на весь двор орёт, стёкла звенят, „помогите, убивают“. Если убивать, так уж в закрытом помещении, во дворе тысячная толпа, а что конвойные солдаты подумают? да что у нас, фашистский застенок, что ли? Нельзя допускать. Это Камчужная? Накажу.

Р у б л ё в. Она очень способный следователь, товарищ генерал, немного увлекается по молодости, я принял меры и...

Г е н е р а л. Для вас я бы простил, но тут надо наказывать! Да, так о чём я?..

О х р е я н о в. Прошлую ночь были у Берии...

Г е н е р а л. Да, у Берии до трёх часов утра, а на аэродром к семи...

Р у б л ё в. Товарищ генерал, разрешите, я сяду.

Г е н е р а л. Можно, Прохор Данилыч, можно будет сесть.

Рублёв садится.

Летел же я, представляете, с Сергеевым-Артёмом, приёмным сыном Ворошилова, да он и Светланы Сталиной приятель.

Рублёв угрюм, почти не слушает.

А д ь ю т а н т (входя слева). Разрешите доложить, товарищ генерал? Участники совещания по вашему приказанию собраны.

Г е н е р а л. Ладно, пусть подождут.

Адъютант выходит.

Чудесный парень, моих лет, двадцать четыре года, тоже генерал-майор, но артиллерии. Да неужели вы не знаете? Тот самый Сергеев, у которого с Рокоссовским был знаменитый анекдот.

О х р е я н о в. Что-то не помню, товарищ генерал.

Г е н е р а л. Ну-у, слушайте, этого нельзя не знать, как он отомстил Рокоссовскому! — весь Первый Белорусский фронт хохотал! Артём в Москве получил назначение командиром артиллерийской бригады, но в ней трактора плохие, и он через Ворошилова достал полный комплект новых тракторов. Трактора идут себе поездом, Артём приезжает вперёд в штаб фронта — и вдруг узнаёт, что тут командиром бригады назначен не он, а какой-то старпёр. Ладно, он сразу звонит в Москву, из Москвы звонят Рокоссовскому, а этот, представьте, отвечает: сожалею, но не могу отменить, уже приказ подписан. *(Туалет окончен.)* Ах, так! Сейчас команда: паровоз — наоборот! И поехали трактора с фронта назад в Москву! Ну, весь Белорусский фронт хохотал!

О х р е я н о в *(хохочет)*. Паровоз — наоборот! Замечательно!

Г е н е р а л. Но каков Рокоссовский! Он сожалеет! Говнюк! Забыл, как его... Выйди, Жоржик.

Жоржик собирает туалетный набор и мешкает.

Забыл, как его в 38-м году два раза ночью в лес вывозили на расстрел, пугали. И вот, кстати, что сказал Лаврентий Палыч, — это я только вам двоим говорю...

Жоржик быстро выходит направо.

„Если нужно будет — в третий раз вывезем, и назад не привезём, кончать надо жуковские замашки!”

О х р е я н о в. Кончать жуковские замашки! Правильно! Распоясался генералитет!

Г е н е р а л. Сечь запорожская! Партизанщина!.. Да... Но тогда, знаете, фронт ещё на Днепре стоял, и это было неактуально. Ладно, Лука Лукич, запускайте. *(Уходит направо.)*

Охреянов заходит за стол генерала, звонит.

А д ь ю т а н т *(входит)*. Слушаю вас, товарищ полковник!

О х р е я н о в *(совершенно переменился, стал выше ростом, что-то железное в его малоподвижности)*. Пусть там... заходят...

Адъютант, рука к козырьку, принял приказание, вышел.
Охреянов показывает на более почётное место.

Пересядь, Прохор.

Р у б л ё в (*сидит влоботорота в низком кресле впереди стола заседаний*). Ладно, я здесь.

Охреянов садится сбоку стола генерала. В левые двери начинают входить участники совещания. Они держатся тихо. Всего их человек более двадцати, от майора и выше. Здесь — М о р г о - с л е п о в, К р и в о щ а п, высокая седая С о ф ь я Л ь в о в н а; О г н и д а, К а п у с т и н и другие. Слышно неестественное покашливание, тихий гулок разговоров. Рассаживаются вокруг длинного стола и на диванах у стен.

О х р е я н о в. Капустин! Почему приговоры ОСО не все объявлены?

К а п у с т и н. Лука Лукич! Я думал... Я просто физически не успел.

О х р е я н о в. Астронома посадили, физик нашёлся!

Смех.

Меньше думайте. Индюк думал и сдох. (*Идёт к правой двери. По мере подхода старается ступать на цыпочках. Заглядывает туда. Поспешно отскакивает.*) Внимание!

Все встают. Входит Г е н е р а л.

Товарищ генерал! Участники совещания по вашему приказанию... !

Г е н е р а л. Хорошо, можно будет садиться.

Все садятся. Генерал энергично идёт к своему столу, стоя перебирает бумаги. Гробовое молчание. Охреянов тоже садится, совершенно беззвучно переставив стул.

Да... Так я собрал вас, товарищи, собрал я вас, руководящих работников нашей контрразведки, для того чтобы со всей чёткостью, со всей остротой заострить перед вами основные вопросы, что мы имеем на сегодняшний день. Совещание, с которого я сейчас вернулся, совещание начальников фронтовых управлений контрразведки СМЕРШ и областных управлений НКГБ, три дня заседавшее под руководством Лаврентия Павловича Берия, вчера удостоилось величайшего счастья на земле — быть принятым лично товарищем Сталиным!

Дружные аплодисменты, все встают, Рублёв с трудом, и первый садится.

Товарищи! Я не стану говорить вам о том величайшем волнении, которое обуревало меня, когда я увидел так

близко дорогое нам всем лицо лучшего друга контрразведчиков, борца за мир во всём мире, нашего великого Отца, Друга, Учителя и Вождя. Товарищ Сталин высоко оценил, товарищи, заслуги Органов перед страной во время войны. Я дословно повторяю вам безусловно исторические слова, сказанные вчера товарищем Сталиным. Он сказал: „Теперь каждому ясно, что без ЧК мы не победили бы в гражданской войне, а без НКВД мы не победили бы в Отечественной войне”. Но, товарищи, свойственно ли большевикам упиваться успехами? Нет, и ещё раз нет! Самая большая опасность сейчас — это чтобы мы, чекисты, самоуспокоились, что вот, мол, война закончилась, что теперь можно сбавить темпы работы и так и далее. Иосиф Виссарионович так вчера выразился в шутку: „А что, Лаврентий Павлович, всю войну твои ребята провели в третьем эшелоне, а теперь выдвигаются на передовую.” Вот это положение, товарищи, каждый из нас должен понять со всей отчётливостью, на что оно нас нацеливает.

Р у б л ё в. Товарищ генерал, разрешите выйти.

Г е н е р а л. Что такое? Нет. Война окончена для армии, а для нас сейчас — Сталинградская битва, генеральное сражение, разгар войны. И бой неравный, товарищи: наше управление СМЕРШ по своей численности может быть приравнено, ну, скажем, отборному офицерскому батальону (я не считаю надзорсостава и конвойных войск), — а перемолоть нам надо целые дивизии врага, — посмотрите, они целыми дивизиями толпятся на нашем тюремном дворе, — вы не считайте их соотечественниками, вы забудьте, что они русские, — это лютое отребье, надышавшееся отравленным воздухом капиталистической Европы. В эти ответственные дни мы, чекисты, должны быть как никогда беспощадны, как никогда суровы, чтобы достойно, чтобы с честью выполнить задание великого Сталина по обработке репатрируемых. Ещё и ещё раз, товарищи, прочтите вчерашнюю амнистию, которая есть ознаменование и плод нашей славной Победы: всех поголовно дезертиров войны милует советская власть. Почему это, товарищи? Потому что дезертир — это только трус, это только шкурник, но это — глубоко наш человек, это социально-близкий элемент, товарищи. А вот кто не побоялся идти на передовую, вот кто не побоялся пикирующих „Юнкерсов”, кто не побоялся „Тигров” — тот не побоится повернуть оружие и против нас, и так и далее.

Но в эти решающие дни что мы видим в наших рядах, товарищи? С одной стороны мы отмечаем, мы вывешиваем

ваем на доску почёта лучших из лучших наших работников: председателя военного трибунала полковника Кривошапа, прокурора подполковника Моргослепова, майора Огниду, капитана Мымру и так и далее. Но, товарищи, мы не можем и не должны замазывать наших недостатков. Я уж не говорю о таком позорном случае, как мы в собственных своих рядах проглядели махрового империалистического агента, буржуазного перерожденца Неключимова. Ответственность за это ложится на весь наш коллектив, но в первую голову на вас, товарищ Рублёв, и на вас, товарищ Охреянов. Пусть это для всех послужит уроком, что железная рука ЧК умеет безжалостно выкорчёвывать и в собственном огороде. Но, товарищи, товарищ Сталин дал нам гениальное указание, что наши методы следствия и суда всё ещё слишком либеральны, всё ещё находятся в плену гнилой юриспруденции, и с этими методами задач сегодняшнего дня мы не разрешим, и того огромного людского потока, который льётся к нам с Запада, мы не обработаем в срок. Как всегда, товарищ Сталин диалектично вытягивает самое важное звено цепи: **п о р а п о к о н ч и т ь !** Пора покончить, товарищи! Взгляните на опыт лучших передовиков — на товарища Кривошапа, на товарища Моргослепова. Как вы думаете? Ведь им труднее! Ведь вас целая орава, следователей, а они одни, и их давят разные просоциальные нормы и формы, и они как раз могли бы стать узким местом, — но они не стали им! Люди высокого социалистического сознания, они сумели так организовать свой труд, чтобы вдвое и вчетверо повысить эффективность работы трибунала. Давно ли осуждение сорока человек в день нам казалось пределом? — а вот мы уже осуждаем по сто двадцать и только давай! Что здесь принципиально нового? Во-первых, уничтожение по инициативе товарища Кривошапа комнаты так называемых „совещаний” — действительно, покурить можно и после работы. В первом зале заслушали — во втором приговор, в первом приговор, во втором — заслушали. Потом чёткую работу приговорного отдела, который безошибочно и не позже как накануне суда поставляет все приговоры. Наконец, инициативу товарища Моргослепова, взявшегося поточным методом обслуживать одновременно заседания двух составов трибунала. Но почему же подобные смелые новаторские приёмы, заимствованные с производства, не рождаются у следователей?

Р у б л ё в (встаёт; всё время видно было, что он мучается болями). Я... должен выйти... (Идёт к выходу.)

Г е н е р а л (смерив его недоумённо). ... По чь ей вине следователи всё ещё плетутся в хвосте? По вине руководителей отделов, да!

Рублёв, не дойдя до двери, опускается на паркет. Смятение.

(Г о л о с а)

- Что с ним?
- Софья Львовна!
- Да поднимайте же...
- Надо в санчасть!
- Кто там в дежурке?

Дверь распахнули, какие-то два лейтенанта и два сержанта неумело выносят Рублёва. Софья Львовна выходит за ними. Участники совещания усаживаются вновь. Ещё слышно:

- С ним давно уже...
- Рак печени или что-то такое.
- У меня тоже вот тут болит, болит...

Г е н е р а л. Да... Сдал старик... Сгорел на чекистской работе. Я продолжаю. А кто виноват? Вы, вы, руководители отделов. Вы распустили своих работников, вы не контролируете темпов следствия, вы всё ещё допускаете, чтобы следствия тянулись по месяцу и даже больше! Да ведь это же не лезет ни в какие ворота! Ваши следователи как в парикмахерской разваливаются в своих креслах, — Лука Лукич! Сменить на жёсткие стулья...

О х р е я н о в. ... Есть сменить на жёсткие! (Записывает со рвением.)

Г е н е р а л. ... и о чём они там с заключёнными чирикают часами, — не знаю, но иногда проходишь по коридору и не слышишь ни повышенного голоса, ни женского визга, ни даже матерного слова, как будто по санаторию идёшь, а не по контрразведке СМЕРШ. За прошлый месяц мне была подана на утверждение только семьдесят одна заявка на применение повышенного физического воздействия, что составляет около полтора процента от общего числа следственных дел, — а остальные что же? Обходятся и т а к ? Но где же результаты? Много ли следствий заканчивается в одну неделю? А должны заканчиваться в с е ! Вот наш лозунг: арестованный в понедельник — судится в субботу, всё! (Пьёт воду.)

Потом, — жаль вот, Софья Львовна ушла, — санотдел нам палки в колёса вставляет: из семидесяти одной заявки три опротестовано санотделом по причине, видите ли,

крайней слабости здоровья подследственных, — и потребовалась моя вторая виза. Но это же задержка! И вот не случайно, что по мягкотелым, по бездарно составленным материалам трибунал не имеет возможности судить, а ОСО вместо десяти лет даёт восемь, и даже — мне было стыдно перед Лаврентием Палычем, — даже есть несколько случаев по пять лет! До чего ж мы докатились, товарищи?! Нет, от этой гнилой практики пора отрешиться! Вы же не используете той блестящей передовой техники, которую вам предоставляет советская власть! Например, в какие карцеры вы сажаете? В обыкновенные, с деревянными полами — дедовская техника, крыловские времена! — Лука Лукич, сорвать деревянные полы, где не сорваны.

О х р е я н о в. ... Есть сорвать полы! (*Записывает рьяно.*)

Г е н е р а л. Ну, большинство сажает в мокрые с цементными полами, это ещё так-сяк. А я привёз разрешение устроить у нас десять с т о я ч и х карцеров. Человек придавливается дверью и так остаётся. Он хочет сесть, но колени упираются, он повисает на коленях и на спине. Ну, отчаяние, ну, вообще не знает, может его замуровали навсегда... Ещё можно позвать штукатура и разговоры такие в коридоре вести, что, мол, замазывай... И только на четыре часа в сутки сквозь все карцеры просовывается жердь, на которую он может опереться. Там очень оригинальная конструкция, я привёз типовые чертежи. Кроме того для самых заядлых категорий товарищ Берия дал нам право применять старый испытанный метод давления на половые органы! (*Аплодисменты.*) Это — тот рычаг, которым можно... я не знаю! А мы чем заняты? Принуд-питанием через кишку?..

КАРТИНА 11

Пышный мрачный кабинет. На задней стене — крупная карта Европы, где красным шнурком отмечена демаркационная линия 1945 года, и большой портрет Сталина. Все окна зашторены. Старинный большой письменный стол, перед ним поперёк другой. Неподалёку от двери — голый маленький столик подследственного и табуретка. Середина кабинета почти пуста. Полутьма.

На диване лежит Р у б л ё в. С лютым стоном он приподымается, спускает ноги на пол. Он одет. Без стука входит С о ф ь я Л ь в о в н а. На ней — халат поверх формы.

С о ф ь я Л ь в о в н а. Прохор Данилыч! Лягте. Скоро мы вам повторим укол.

Р у б л ё в. Слушайте, Софья Львовна, не стройте из себя сестру милосердия, вы же старый тюремный врач.

С о ф ь я Л ь в о в н а. Врач — всегда врач.

Р у б л ё в. Но не тюремный! Помочь вы мне не можете, спасти вы меня не можете, уходите и дайте мне око-
леть. *(Софья Львовна берёт его руку, щупает пульс.)* Что вы щупаете? Пульса нет, не знаете? *(Вырывает руку.)*

С о ф ь я Л ь в о в н а. Есть у вас пульс, но слабый.

Р у б л ё в. Не у меня! Вообще никакого пульса нет! Для дураков выдумали.

С о ф ь я Л ь в о в н а *(тревожно)*. Вам надо лежать. Пейте вот. Ночью будет самолёт, отправим вас в берлин-скую клинику.

Р у б л ё в. Чего ж не в московскую? Немец обезьяну выдумал? *(Пьёт лекарство.)* Скажите, — живые отчего так боятся умирающих? Почему лгут? Час назад вы сами сказали: несколько дней в мучениях и верная смерть. Ска-зали?

С о ф ь я Л ь в о в н а. Кому-у?

Р у б л ё в. Столько лет вы в Органах и спрашиваете — кому? При ком! Ладно, придёт самолёт — позвоните. *(Набирает номер на настольном телефоне.)* Из сто двад-цать пятой Воротынцева ко мне!

С о ф ь я Л ь в о в н а. Прохор Данилыч! После присту-па... *(как бы хочет помешать звонить по телефону)*.

Стук.

К а м ч у ж н а я *(на пороге)*. Разрешите, товарищ пол-ковник?

С о ф ь я Л ь в о в н а. Капитан Камчужная! Полков-ник Рублёв болен и принимать не может.

К а м ч у ж н а я. Тогда простите... *(Рублёву.)* Вы назна-чали мне в девять... Но раз вы больны...

Р у б л ё в. Зайдите.

К а м ч у ж н а я вошла. Софья Львовна, пожав плечами, уходит.

К а м ч у ж н а я. Товарищ полковник! Только два не-больших вопроса! Подследственный Рубин...

Р у б л ё в. Да?

К а м ч у ж н а я. По донесениям осведомителей как 117-й камеры, где мы его держали раньше, так и теперь 125-й, в камерных спорах ведёт себя очень лояльно, за-щищает марксизм, советский режим и даже политику ор-

ганов госбезопасности, хоть и не в применении к себе лично. На следствии по-прежнему упорствует, что дело его со-стряпано искусственно и является результатом склоки в политотделе армии. Мне кажется, так и есть. Командующий дивизии, узнав об аресте Рубина, прислал на него наилучшую деловую характеристику, противоречащую характеристике политотдела. Кроме того получены личные боевые характеристики от офицеров-членов партии, воевавших с Рубиным.

Р у б л ё в. Включить в картотеку наблюдения.

К а м ч у ж н а я. Этих офицеров? Само собой, я включила. Но...

Р у б л ё в. И командира дивизии.

К а м ч у ж н а я (удивлённо). И командующего дивизией?

Р у б л ё в. Лозунг такой: жуковское время кончается.

К а м ч у ж н а я. По-нят-но. Но я о Рубине. Искренно преданный коммунистической идее, два ордена, два ранения...

Р у б л ё в. Так что?

К а м ч у ж н а я. Ну, я понимаю, освободить — невозможно, это нужно визу министра... Но если освободить с вербовкой? Сделать его осведомителем! По тонким делам, по идеологическим, он образованный человек, преподаватель марксизма-ленинизма. А это важно! Среди студентов после войны...

Р у б л ё в. Сложный тип, не будет он осведомителем. Да и что вам так беспокоиться?.. Второй?

К а м ч у ж н а я. Профессор Мостовщиков. Научная экспертиза подтвердила — крупный специалист в области атомной физики. В Европе он работал у...

Р у б л ё в. Короче.

К а м ч у ж н а я. Может быть, не следовало бы его — в общем потоке? Такой человек пригодится и даже срочно.

Р у б л ё в (говорит с затруднением, с перерывами). Никаких „срочно“. Только в общем потоке! Даже поручаю вам проследить, чтоб он был отправлен на этап со спец-указанием: в Заполярье, с использованием исключительно на тяжёлых физических работах. Но умереть мы ему не дадим. Когда он основательно дойдёт, его выхватят, доставят на Лубянку, какой-нибудь солидный генерал выразит глубочайшее соболезнование, что ничего не знал об аресте и не мог своевременно защитить маститого учёного, и с величайшим почтением *попросит* профессора вернуться к научным занятиям, мирясь со стеснениями колючей про-

волоки вокруг лаборатории. И Мостовщиков, которого незадолго любой последний конвойный солдат бил по шее, будет испытывать блаженство, второе рождение. За право не долбать землю тундры, за кубик сливочного масла к завтраку — он сделает нам больше, чем за золотое море американцам.

К а м ч у ж н а я (*поражена*). Как это глубоко!

Р у б л ё в. Опыт уже имеется. Подобные учреждения работают уже лет пятнадцать — и с большим успехом. Так созданы лучшие машины нашей авиации. Мы небогаты, Камчужная, у нас мало средств. Взамен этого мы должны изучать человеческую душу. У вас всё?

К а м ч у ж н а я. Так точно.

Р у б л ё в (*подходит к ней*). Вот что, Лида. (*Берёт её за затылок.*) Могла бы ты быть толковым следователем, большого масштаба оперативником. Но ты слишком вкладываешь душу. Ты слишком увлекаешься.

К а м ч у ж н а я. И это — плохо?

Р у б л ё в. Это никому теперь не нужно. Это когда-то было нужно, давно, когда колесо только раскручивали. А теперь оно разошлось и надо лишь спокойненько смазывать. А душу оставить при себе... Вот сегодня этот случай с разбитым окном. Ведь я продвигал тебя в начотделения, а теперь назначен Мымра. У Мымры никогда не получилось бы такой публичности, тем не менее все протоколы были бы подписаны. Слушай, стань такой, как Мымра. Или вообще брось Органы, а?

К а м ч у ж н а я. Но я не хочу быть Мымрой!

Р у б л ё в. Ну, так брось! Неужели тебе такая сладкая эта работа? Как ты пришла в Органы, я не помню?.. Ах да, через мужа, сперва Расскажи, потом пусти на следствие, за занавеской посижу, потом на курсы...

К а м ч у ж н а я (*горячо*). Прохор Данилыч! Эта работа для меня! У меня талант! — я проникаю в людей, я всё быстро угадываю, я держу в памяти... И вы, вы говорите мне — бросай...? (*Очень сочувственно.*) Что с вами, Прохор Данилович? Вы никогда со мной так... Вы всегда... к вам подойти страшно.

Р у б л ё в (*думая о своём*). Бросай, Лидка... Бросай и беги!..

К а м ч у ж н а я. У меня как раз сегодня — горе, большое горе. Можно вам рассказать?..

В ы в о д н о й (*заглядывая*). Разрешите, товарищ полковник?

Р у б л ё в. Да, да.

Входит Воротынцев, с руками за спиной, в кабинете высвобождая их. Рублёв отпускает выводного кивком головы. Камчужная с досадой минует Воротынцева, окидывая его свысока. Уходит.

Рублёв. Ну, как вы себя чувствуете, Георгий Михайлович? *(Зажигает верхний свет.)*

Воротынцев. Лучше, чем вам бы хотелось.

Рублёв. Не ожидали вызова?

Воротынцев. Я подписал 206-ю, о чём нам ещё?

Рублёв. Да знаете, я просто... совершенно частным образом... хотел сообщить вам, что дело ваше назначено к слушанию в военном трибунале — завтра.

Воротынцев. Из-за этого — стоило ли трудиться?

Рублёв. Кроме того... *(Острый приступ боли. Запрокинув голову, Рублёв пятится через всю середину кабинета. Натыкаясь, садится в кресло. Овладев собой:)* Кроме того я собирался предупредить вас, что ваша судьба...

Воротынцев. Решена до суда? Я это понимал. Как и у всех...

Рублёв. Но решена — не как у всех.

Воротынцев. Понимаю и это. Расстрел.

Рублёв *(пристально)*. Ошибаетесь. *Через повешение.*

Воротынцев *(выстоял)*. И, конечно, тайком? В за-коулке?

Рублёв. Это будет послезавтра.

Воротынцев. Я уже подсчитал. Всё?

Рублёв. Чего же вам ещё?

Воротынцев. Чего я ещё могу требовать от большевистской власти? Верно, край. Я могу идти?

Рублёв. Неужели вам там лучше, чем здесь? Здесь чистый воздух, мягкие кресла, там смрад, параша, солома.

Воротынцев. Там — люди чистые.

Рублёв. Сейчас вы поймёте, зачем я вас вызывал. Присядьте. Да не туда, на диван!

Воротынцев садится, однако, за голый столик подследственного. Рублёв идёт к нему, волоча за собой стул. Садится почти вплоть к тому же столику.

Скажите, полковник, — откуда у вас эти сияющие глаза? Почему не согнуты ваши плечи? Почему не опущена ваша голова? Ведь вы давно знаете, что мы вас казним. Ведь вы умрёте, умрёте послезавтра! Неужели вам не страшно расстаться с жизнью, а, полковник? Может вы... знаете... что-нибудь? Секрет какой-то? *(Пристально смотрят друг на друга.)* Я спрашиваю вас не из любопытства. Я тоже приговорён. Мне тоже нет спасения. У меня страшная болезнь.

Сегодня 9-е июля. К пятнадцатому меня не будет. Забудьте, кто я был. Сегодня я вам уже не враг. Я вызвал вас из расположения. Сейчас вы мне уже не враг.

Воротынцев. Если бы вы были враг! По русской поговорке, люблю молодца и в татарине. Но вы — не враг. Вы — палач.

Рублёв. А у вас их не было? Или не будет?

Воротынцев. Ни в таком количестве, ни в таком качестве.

Рублёв. В каждой партии на одного трубадура держат трёх палачей. Без палачей — зачем и партия?

Воротынцев. А у нас — не партия. К счастью или к несчастью, никогда не было партии. А то, может, мы бы и не сдали.

Рублёв. Вот сейчас я лежал на этом диване в ознобе, в болях, и понял, что я — один как волк, что всем им я нужен был, пока держал их в руках, пока толкал в спину, а сейчас я их уже тягощу, они торопятся поскорей скачать меня, они уже приготовили мне заместителя... И я просто с радостью вспомнил о вас, идущем туда же... Забудьте, что я — полковник НКГБ. Между нами на днях не будет этой разницы. Как человек человеку, как путник путнику — вы можете мне помочь?

Воротынцев. Честно сказать, придя из камеры и накануне повешения — трудно хотеть вам помочь.

Рублёв. Я понимаю, я знаю! Но если стать выше этого? Я никогда не был трус — но как мне сейчас страшно! Я был как камень — почему же я рассыпаюсь? Я хочу встретить смерть с такими же нагло-сияющими глазами, как ваши. Научите меня тайне вашей твёрдости!

Воротынцев. Да нет никакой тайны. Мне уже 69 лет, и я вижу, что шёл правильным путём. С чего же мне упасть духом?

Рублёв. Как правильным? Как правильным? Вы — кадровый военный. В скольких войнах вы участвовали?

Воротынцев. В пяти.

Рублёв. В русско-японской? И вы её проиграли. В русско-германской? И вы её проиграли.

Воротынцев. Не мы! Из-за вас.

Рублёв. В гражданской? И опять проиграли. Во второй мировой? И снова биты.

Воротынцев. Испанскую пропустили.

Рублёв. Двадцать восемь лет мы били вас везде и во всём, мы окончательно вас разгромили сегодня — и вам не из чего упасть духом? Весь путь вашей жизни есть

путь сплошных поражений — и этот путь вы считаете правильным?

В о р о т ы н ц е в. В том правильным, что я не ошибся, на чьей мне быть стороне. Всегда был на верной стороне: *против вас*. Никогда не пошатнувшись, никогда не усумнясь: а вдруг правота за вами? может, надо было идти к вам?.. В любую минуту любого вашего торжества — против вас. Единственно верно. Не допустить, не предположить, что даже доля истины — у вас, вот верно! Да, мы проиграли. Но не выиграли и вы! Потому сияют мои глаза, что они дожили и увидели: не выиграли и вы!

Р у б л ё в. Сегодня? Сегодня вам кажется так? Да вы трезвый?

В о р о т ы н ц е в. Да, сегодня, в час вашей высшей внешней победы, именно в вашей тюрьме и перед смертью послано мне увидеть, что вы — окончательно проиграли! что вы — обречены!! Травили нашу монархию, а установили — какую мерзость? Обещали рай на земле, а дали контрразведку. И особенно радостно, что чем больше иссякают ваши идеи, чем явней для всех крахает ваша идеология, тем судорожней вы за неё цепляетесь, — значит, вы погибли. Без этой ублюдочной идеологии вы, может быть, ещё бы спаслись. Но с ней — вы погибли! Никогда ещё за двадцать восемь лет Россия не была так далека от большевизма! В камере контрразведки я понял отчётливо: Россия — не ваша, товарищи! О, в этой камере совсем не те люди, которых вы хватали в Восемнадцатом! У них нет перстней на белых пальцах, а на их пилотках — ещё не выгоревший пятиконечный след. Всё это молодёжь, воспитанная в *ваших* школах, не в наших, по вашим книгам, не по нашим, в вашей вере, не в нашей, а выросли-то они...

Р у б л ё в (*кивая*). Не наши. Но и не ваши.

В о р о т ы н ц е в. Довольно было одного дуновения свободы, чтобы с русской молодёжи спало ваше чёрное колдовство! Вы поносили первую русскую эмиграцию, что она корыстна, что она не хочет понять передовых идей. Пусть так. Но откуда же теперь *вторая* русская эмиграция — миллионы простых ребят, отведавших двадцать четыре года нового общества и не желающих вернуться на родину?

Р у б л ё в. Как не желающих? А где вы с ними встретились? В камере? Так они возвращаются. Вполне добровольно. Они — возвращаются, вот что самое удивительное! Поедут в лагеря — и нет вашей „второй эмиграции”!

В о р о т ы н ц е в. Но отчего, всё-таки, о н и не поня-

ли ваших передовых идей? Я замечаю — плевать им на ваших основоположников!

Р у б л ё в. И на ваших святых тоже! Зачем им наши идеи? — у них свои идеи: подработать *по левой*, хопнуть, что плохо лежит, — и всё это пропить и с бабой проспать.

В о р о т ы н ц е в. В конце концов — естественное желание: они хотят просто — жить, наконец.

Р у б л ё в. Ну, вот это трезво, вот мы и договорились. А то...

В о р о т ы н ц е в. А вы — не даёте им жить!

Р у б л ё в. А то у вас какая-то голубая восторженность. Не даём жить? А почему мы растём и крепнем? Различайте *вещи*, полковник. Вот вещь: ста лет не исполнилось ещё марксизму, а мы оторвали уже во-ка материчок! (*Показывает в сторону карты.*) И всё растём. (*Обес-силенный садится.*)

В о р о т ы н ц е в. Да, были годы, когда можно было потерять мужество. Поражался я не раз: сколько лучших стараний и сил ни прилагай — всё как в прорву! Как будто и ошибок не было иной раз, — а поражение за поражением, почему? Не знаю, какой-то есть необъятный Божий план с Россией, он слишком медленно разворачивается, жизни наши короткие, и в момент событий даже мистический ужас охватывает: да почему же так всё бесполезно?! Но на победы — не ссылайтесь. Оглянувшись — любую зашу победу как орешек можно расщёлкнуть, объяснить. Гражданскую войну? (*Встаёт. В дальнейшем вольно расхаживает по комнате.*) Вообразите себя — английским министром в Семнадцатом году и взгляните на Россию — *о т т у д а*! Страна! Океан жемчужного зерна! Кондовые леса в несколько поверхностей Европы! Недра, избывающие всем, чего только ищет человек в планете. Сотни судоходных многорыбных рек, впадающих в дюжину тёплых и холодных, солёных и пресных морей. За каких-нибудь двадцать лет — нефтяные прииски, рудники, шахты, заводы, железные дороги. За каких-нибудь десять лет — столыпинские хутора повсюду. Дай им волю — заколосится второй материк американских фермеров. Сибирь, страшная глухая Сибирь, скиталище медведей и бродяг, вот-вот распустится в четыре русских Канады...

Р у б л ё в. Далеко! далеко! Опять восторги! Не присваивайте себе наших заслуг.

В о р о т ы н ц е в. А что вы сделали в Сибири? Загатили болота вместо чтоб брёвнами — трупами? Енисейскую тайгу обтянули колючей проволокой? Частокол ла-

герных вышек выставили вдоль Ледовитого океана? Одна из наглейших басен — будто вы развили русское хозяйство! Вы искалечили его начинавшийся ход! Где завод — не на месте, где подъездные пути — не с того боку, где новостройка — капитальный ремонт через три месяца. Все эти годы я следил за вами с вниманием ненависти, я ничего не пропустил!

Р у б л ё в. Магнитогорск, Турксиб, перечислять даже лень, Кузбасский угольный...

В о р о т ы н ц е в. Да ведь и век не каменный!

Р у б л ё в. Балхашский медеплавильный...

В о р о т ы н ц е в. А медь для него? За тысячу вёрст?.. Ещё скажите — в России без вас радиовещания не было, электропоездов? Не выдавайте общий прогресс за прогресс вашей системы. Тянетесь за веком, куда же вы денетесь, вам воевать надо, да только всё делаете через задницу... А каков был народ? Трудолюбивый...

Р у б л ё в. ... на помещиков...

В о р о т ы н ц е в. ... простодушный...

Р у б л ё в. ... перед полицией...

В о р о т ы н ц е в. ... переимчивый, разносторонний, исключительно одарённый...

Р у б л ё в. ... только в гимназии не принимали...

В о р о т ы н ц е в. Ещё одна басня! А — кого вы по „промпартии” судили, перечитайте свою стряпню! Все до одного — из народных низов. Народ, который только начинал осознавать себя, от которого не знаешь, какой неизмеримой мощи ждать, 170-миллионный народ отважных солдат держит собою Восточный фронт Европы...

Р у б л ё в. ... Только снарядов у него нет...

В о р о т ы н ц е в. ... Есть снаряды! Ещё одна легенда! Я-то был в окопах, знаю. К Семнадцатому году мы были вооружены с верденской густотой. Сделайте в Америке в девятьсот сорок первом году революцию — и смело можете утверждать, что у них „не было авиации”, — конечно, во время войны построили!

Р у б л ё в. Где же были ваши снаряды?

В о р о т ы н ц е в. На фронте! — и вы их отдали по Брестскому миру немцам! В тылу! — и вы три года бросали их на нас же, а потом семь лет учили на них армию. ... И этому народу отдать проливы? В Средиземном море встречать его флот? Сто лет семь поколений английских политиков, двадцать пять правительственных кабинетов только и копали, рыли, городили, чтобы не пустить, а теперь отдай? Воевала Англия против Германии, а России

боялась — не меньше. И вдруг словно из какой-то бездны возникает кучка никому не известных проходимцев из числа так называемых „профессиональных революционеров” — то есть людей, избравших разрушение своей профессией, никогда отроду ничего не создававших и не могущих создать, людей не имеющих ни национальности, ни равномерного опыта практической жизни, безответственных болтунов, проводших полсуществования в третьесортных эмигрантских кафе...

Р у б л ё в. Самокритично. Вы это по белой эмиграции восстановили?

В о р о т ы н ц е в. Отчасти — да... И эта кучка проходимцев разлагает десятимиллионную армию, пьяными матросскими штыками захватывает безоружный Петроград, — и вот поля не засеваются, заводы смолкают, шахты глохнут, и русские уничтожают русских, ломая копья уже не о Константинополе, а о Новочеркасске. Скажите вы, сэр, английский министр, — как вам нравится такая партия? Не правда ли, это очень удобная партия? Не правда ли, это замечательная партия? Никакой полковник Лоуренс, никакая Интеллидженс Сервис не могла бы выдумать умней!! Так зачем же душить её?

Пауза.

Р у б л ё в. Что ж, английская точка зрения...

В о р о т ы н ц е в. Да и французская тоже! Вот это вас и спасло! А совсем не Марти и не международный пролетариат! „Интервенция”, „поход четырнадцати государств” — выдумали чушь! Две роты в Одессе, да батальон в Архангельске, да десанты без движения на Дальнем Востоке, они и не воевали, — никакого „похода четырнадцати” не было, одна Польша! Запомните: с тех пор как вы живы, никто и нигде за границей ещё не боялся вас и не принимал всерьёз, считая — безосновательно, к сожалению, — всё ваше предприятие балаганом.

Р у б л ё в. И — Гитлер? Забавляясь, отступал в Германию? Шутки ради сдавал Берлин?

В о р о т ы н ц е в. И Гитлер — больше других! Ошибка на ошибке. А чем вы хвастаете в войне против Гитлера? Разорённой страной? Блокированным Петроградом? Может быть пятнадцатью миллионами убитых? Хоть рыло в крови, а наша взяла? Ведь вы же двадцать четыре года кричали, что — не допустите, что — против любой комбинации, что на чужой территории, что малой кровью, а Гитлер один бил вас где хотел и как хотел, с перерывами на

обед, на отдых и на воскресенье. Да разве мы — отступали так? Мы — и десятой доли того не отдали, не то что Кавказа да Волги, мы не сдавали ни Киева, ни Минска.

Р у б л ё в. Вот и — против себя. Значит, сила в другом. Ни Киева, ни Минска, а войну пропёрли.

В о р о т ы н ц е в. И это теперь видно легко: *давить своих* не умели, не знали, как вы. Не видели цели в этом. Не ссылали народов. Содержали разные Земгоры — они нам всё и пронесли, кадеты.

Р у б л ё в. А мы — до Волги, и победили? Значит, хребет покрепче?

В о р о т ы н ц е в. Вон они, победители, в камерах сегодня! Не жёг бы им Гитлер деревень, они б ему имперской канцелярии не громили. Поработали на вас и западные социалисты, и Черчилль, и Рузвельт особенно. И сейчас: первоклассных воинов отдали вам в Баварии и в Австрии, на уничтожение, это что? не слепота? Не потому ли только, что всё никак не оценят вашего злодейства? Но когда-нибудь же очнутся и обложат вашу банду вкрутую? впервые! И этого первого настоящего испытания...

Р у б л ё в (*смеётся*). Да никогда, полковник! Да это мы обложим их банду вкрутую, и они только хрюкнуть успеют, слабаки, как Керенский в Зимнем дворце!

В о р о т ы н ц е в. Не может быть! Ещё найдутся, найдутся на шаткой земле и места сгущения мужества. О, вы ещё не знаете, как внезапно приходит к державе слабость, как в расцвете мощи она постигает внезапно! Это — мы испытали, изумлённо.

Р у б л ё в. Ничего не найдутся! Вы отсюда не выйдете, так я вам скажу по секрету: вот так (*подходит, показывает на карте*) кусок за куском мы их и слопаем потихоньку! Все — будут наши! Да вы по своим примерьте, по своим! В а ш и где были молодчики, правящие? ... Молчите? Так я вам скажу! Вы были — п о к о л е н и е б а н к р о т о в! Банкроты были ваши министры и военачальники. И банкроты были все вожди ваших партий. И сами партии ваши были банкроты.

В о р о т ы н ц е в. Только за *партии* — я не отвечаю!

Р у б л ё в. Ладно. Разве вас была — малая шайка? Вас ведь тоже были миллионы, ну сотни тысяч, — состоятельных благополучных сволочей и дворянчиков, раздражавших народ фейерверками, лихачами, английскими пальто, презрительными манерами. Но когда мы вышли с винтовками на мостовые — куда подевались эти миллионы господ? Они бежали к Деникину? Нет! Они стреляли в нас

с чердаков? Нет! Они стояли в очереди сдать тёплое бельё для Красной армии, такой был приказ на стенах. Да на толкучке выменивали сало. Да заперевши ставенки, играли в преферанс. И ждали, что бородатый добрый Иван с кокардой приплетётся с Дону их освободить. А приходила к ним — ЧК! (Хохочет.) Что? Не так? (Хохочет.) Я только потому и разговариваю с вами, что вы дрались, как человек. (Пауза. Садится.) Не надо разгадку русской революции искать в Лондоне. Так не бывает: процветающая благословенная империя, а кучка проходимцев дунула — и империи нет. Разложена такая могучая армия. Увлечён такой трудолюбивый, добродушный народ! Какою же силой? Не силой ли наших идей?

В о р о т ы н ц е в. Прежде всего — силой ваших методов. А потом — да, и силой ваших идей.

Р у б л ё в. Вот то-то и оно! Побейтесь лбом об эту стеночку.

В о р о т ы н ц е в. О силе ваших методов. Хваткая наглость, последовательная жестокость — вот что с самого начала составило ваш арсенал. Своего молочного социал-демократического братца вы норовили задушить ещё лёжа с ним в одной колыбели. У своей увешанной бомбами эсеровской кузины вы, вальсируя, выкрали из кармашка земельную программу. Кто вы были и что вы значили весной Семнадцатого года на вылазе из подполья? Куклы Временного правительства, не будь они куклами, могли раздавить вас легко и беззвучно, как сухого бескровного клопа, — и ни следа и ни запаха вы не оставили бы в русской летописи. Но как же можно! В том весеннем угаре все хотели быть европейцами! Всякое мнение имеет право быть выслушанным! А вы — не стали миндальничать. И меньше всего вы спрашивали чьих-то мнений. Вы кинулись в ночи. Вы кривою татарской саблей нарубили капусту инакомыслящих голов, и осталось одно только мнение — ваше.

Р у б л ё в. А мы не скрывали. Мы и на знамени написали — „диктатура”.

В о р о т ы н ц е в. Вот именно, что вы не скрывали, а мы никто до конца не понимали, ослы. Да разве можно было вообразить себе всю пропасть ваших душ? Ах, жандармскому корпусу поучиться бы у вашего ГПУ! Разве вас преследовали в старой России, разве с вами боролись? Вас нежно холили, вас заботливо выращивали! Представим себе случай: какой-нибудь сопливый мальчишка наклеил на заборе противоправительственную листовку, и

его поймали. По законам Российской империи самое строгое, что полагалось за это, — три месяца тюрьмы. Поправляя золотое пенсне на носу, жандармский подполковник вежливо осведомится: „Кто были ваши сообщники? где была явочная квартира? типография?“ — „Я не желаю отвечать!“ — „Не желаете? пожалуйста, пожалуйста, ваше право.“ Через три месяца мальчишка выходит из тюрьмы, и вокруг его головы — революционный нимб, ореол святого мученичества. Пожилые рабочие величают его по имени-отчеству, девушки гордятся пройти с ним под руку, сверстники следуют за ним почтительной толпой. И все ждут от него дальнейших подвигов, к которым открыто призывает и разрешённая российская литература. И он их делает. А у вас? Избиениями, голодом, бессонницей из него выдавят список в пятьдесят человек, которые сном и духом не ведают о листовке, которые и по улице той не проходили никогда, — и всех их загребут, и им дадут по десять лет, а ему — двадцать пять, и пошлют умирать в Норильск, уцелевшие сверстники оцепенеют перед бесследным исчезновением товарища, сестру вызовут в райком комсомола подписать отречение от брата, а отец и мать, притворно бодрясь, будут уверять соседей, что сын уехал на заработки в Казахстан. А то ведь и их с квартиры сживут, и с работы выгонят. Вот так бы вас травили — где б вы сейчас были?

Р у б л ё в. Чтобы так травить — надо иметь железную веру, а вас всегда мучала совесть, что вы украли что-то у народа.

В о р о т ы н ц е в. Это верно. Зато уж вас — не мучает. Двадцать тысяч политзаключённых держала прежняя Россия. Они привередливо не ели своих трёх фунтов хлеба и устраивали в камерах университеты. Двадцать миллионов политзаключённых под солнцем сталинской конституции. Они лазают за селёдочной чешуёй в помойных ямах лагерей, а что такое книги, — им суждено забыть. Такова сила ваших методов!!

Р у б л ё в. Да, нас заботливо выращивали!.. Когда мне было четырнадцать лет, в 1905 году, мой отец, Даниил Рублёв, сцепщик Московско-Казанской железной дороги, был убит гуманным карательным отрядом справедливого царского правительства.

В о р о т ы н ц е в. Ну, и сколько в ту революцию расстреляли? Всего? Где-то я читал — в Коломне человек двадцать.

Р у б л ё в. Это мало? Вам — мало? Но среди них был — мой отец!

В о р о т ы н ц е в. Но то была революция! бунт! А вы по всей стране без всякой революции многими тысячами стреляли! — и не знает никто! Это — сила методов! Теперь — о силе идей. Да, когда-то ваши идеи были очень сильны. Эти идеи были: н а ! б е р и ! Вы же ничего не требовали, вы только давали: мир, землю, фабрики, дома. Это была идея удобная и неразорительная: вы раздавали чужое...

Р у б л ё в. ... руками нашими сделанное, а не чужое!

В о р о т ы н ц е в. Чьими сделанное, а кто и из Женевы налетел. В десятках миллионов русских душ вы пробудили дремлющий инстинкт лёгкого стяжания. И на мгновение вы обратились из кучки в массу. Но очень скоро вы раскружили матушкино наследие, и идея ваша стала: д а - ё ш ь ! д а й ! — вам дай. Вот уже двадцать пять лет, как вы ничего не даёте, вы только требуете, вы только берёте: мускулы, нервы, сон, семейное счастье, жизнь. И опять вы обернулись из массы в кучку. Почему теперь вы не суёте — на! на!?

Р у б л ё в *(выходя из боли, медленно)*. А я, признаться, звал вас и думал, что вы будете говорить мне... *(пауза)* о чём-нибудь другом... *(пауза)* Ну, там... *(пауза; Воротынцев внимательно смотрит на Рублёва)* о переселении душ... о Боге...

В о р о т ы н ц е в. Как смерть подопрёт — почему все за Бога хватаетесь?

Р у б л ё в. Потому что, наверно... Потому что... *(Не нашёлся. Встряхивается.)* Вообще, слабо, полковник, слабо! Вам 69 лет, а вы наивны, как юноша. Ни сокрушающей мощи нашей армии, ни живучести нашего централизованного аппарата вы не кладёте на весы. Кучка! Народ! Всё это давно срослось, всё это вот так *(сплетает пальцы)* проросло — и нет человеческих сил разделить это, оставив живым. Страхнуть большевизм уже нельзя, — можно только вырвать его с половиной народа. *(Берёт телефонную трубку, набирает.)* Вы всё ещё верите в пульс?.. Алё. Ужин первой категории ко мне в кабинет.

В о р о т ы н ц е в. Какой пульс?

Р у б л ё в. У Чехова, не то у кого? — доктор из города приехал, выстукал больного и вызвал тамошнего фельдшера в другую комнату, вроде не обидеть, на консилиум. Так, мол, и так, коллега, беспокоит меня — пульс очень слабый. А фельдшер оглянулся на дверь: доктор, ведь мы одни, со мной-то вы можете быть откровенны, мы-то с вами знаем, что никакого „пульса“ нет... Я коллективиза-

цию делал, скажу, не хвастаясь: к толпе с кольями выходил безоружный. Звонко крикну: хоть растерзайте меня, а будет по-нашему!.. Но шли годы, и какое-то странное ощущение нарастало — мечемся по району, стараемся как лучше, а из Москвы как будто какая-то тупая неразумеющая, но очень жёсткая сила толкает нас делать как больней, как хуже. В тридцать третьем году такой шарахнули нам план хлебозаготовок, что мы через ГПУ собрали сорок процентов и остановились — нельзя! Соберёшь ещё двадцать — все мужики передохнут. ПредРИКа и секретарь райкома написали бумажку в область, ну и... Через месяц их расстреляли как *правых*.

В о р о т ы н ц е в. Это я послушаю.

Р у б л ё в. И в те же дни приходит в райисполком приглашенный билет: прислать в область представителя на празднование 15-летия Н-ской стрелковой дивизии, формировалась она в гражданскую войну в наших местах. Привелось поехать мне. Две гостиницы для гостей. Ковры и бронза. На каждом повороте — дежурные с кубиками, шпорами щёлкают, ремнями хрустят. Дверь на банкет распахнули — „Прошу пожаловать...!“ — только что не „... господа офицеры!“ Из Москвы приехали — с четырьмя ромбами. Хрусталь. Серебро. Невиданные вина. Невесомые печенья. Бесшумные лакеи. Хо-хо-хо, думаю... Это только пятинадцатилетие. А — когда будем тридцать?

В о р о т ы н ц е в. Очень забавно.

Р у б л ё в. После ужина — бал в зале бывшего благородного собрания. Строго по пропускам, конечно. К подъезду — автомобили, чернь глазеет, милиционеры разгоняют. (*Вздыхает.*) Вот тут-то и понял я, что фельдшер прав, п у л ь с а н е т никакого... Где же враг? Мы привыкли считать, что враги — вы. А — они кто ж, директивы нам пишут, а?? Сижу в этом блеске, вспоминаю деревеньки наши голодные, заготовок не сдавшие, — Черепениху, Квасниковку...

В о р о т ы н ц е в (*мягче*). И почему же с той ночи не вступились вы за Квасниковку?

Р у б л ё в. А — как? В ЦК писать? — то есть сесть в тюрьму и расстреляться? Я ж говорю, наши написали, пустили их в расход... С той-то ночи и решил я из деревни — бежать.

В о р о т ы н ц е в. В „органы“?

Р у б л ё в. Да подвернулись Органы. (*Пауза.*) Я не апостол, за всех руками не намахаешься.

В о р о т ы н ц е в. Очень жаль. Вот и я, вот и все мы в

благополучии так рассуждали, и пока мы так рассуждаем — отнимает Бог у нас душу! Вы хотели секрет? — получите его. Перестаньте быть палачом, потеряйте в с ё — и за-
сверкают у вас глаза.

Р у б л ё в. И это — всё?

В о р о т ы н ц е в. Всё.

Р у б л ё в. Применять поздновато, пожалуй. И не очень убеждает...

В о р о т ы н ц е в. А может быть и не поздно?

Р у б л ё в. Ну-ну, вы тут меня сейчас поповщиной заматаете, отдай нательную рубашку, подставь правую щеку... (Оживляясь.) Да неужели я вам уступлю, что люди, которые делали революцию, были проходимцы?! Вы их не видели, этих людей, а я их лично знал. Кто дал вам право так их называть?.. В Тимирязевской академии был у нас секретарём парткома знаменитый Муралов. В вождях ходил. Был я у него на квартире. Десять лет прошло после революции, жил он на девяти квадратных метрах. Партмаксимум — и ниоткуда ни копейки!

В о р о т ы н ц е в. Ну, распределители были? Раз-то в десять больше рабочего, а?

Р у б л ё в. Стираная скатерть домашняя в заплатках, а на ужин — картофель в кожуре. Что скажете — были у вашего Николашки министры подобной моральной чистоты? На партийной дискуссии выступал он с речью от троцкистской оппозиции. Мы имели инструкцию райкома: сорвать выступление, не дать ему говорить. Нас было большинство. И два часа мы слушали молча: от сочувствия лично к нему, от разрывающей боли за него. Ох, и строгаи ж нас за это потом!.. Уходя в ссылку, он не взял с собой ничего, потому что и не было у него ничего, только ружьё охотничье да собаку. Скажу вам, чего не знает никто: я приходил к нему прощаться. „Выше голову, Прохор! Лес по дереву не тужит. Если такие, как ты, понурятся, — кто ж у вас останется? Мы начинали — вам кончать. Берегите партию! Берегите революцию!”

В о р о т ы н ц е в. О! революцию вы славно сберегли, спасибо! Вы разметали её так, как не удалось бы за двадцать лет так называемой реакции. Кто-то сказал: революция нужна, чтобы уничтожить революционеров.

Р у б л ё в. Сейчас-то вы поумнели, а раньше? Если не революцией, — чем было пронять ваши лбы черносотенные? Чем другим было втолковать Родзянке и Терещенке, что — надо поступиться!!

Стук в дверь.

О ф и ц и а н т к а (в дверях). Разрешите, товарищ полковник?

Рублёв кивает. Входят несколько девушек в передниках. Первая расстилает белую скатерть, принимает из рук других подносы. Вино. В течении последующей реплики Воротынцева они беззвучно уходят. Заметно, что Рублёву неприятны запахи еды.

В о р о т ы н ц е в. Да с Терещенко, такой дрянью, я не больше родня, чем вы. Вы по советским представлениям всех в одну кучу валите, кто только не большевик. Можно бы поразвитей. Но *поступиться* — в этом вы правы. Да вся мировая история была бы другая, если б люди только вот это одно умели — поступиться иногда. Хотите больше, я произнесу надгробную похвалу вашей революции? Совершенно серьёзно. Она была о ч е н ь полезна почти всему человечеству. Людям правящим, людям богатым свойственно забываться. Она напомнила им, что существует *бездна*! И на Западе поняли. Посмотрите, сколько социализмов развелось: социал-фашизм, национал-социализм, социал-фалангизм, радикал-социализм, социал-католицизм, язык поломаешь. Посмотрите, во всём мире одна только партия Черчилля осмеливается называть себя консервативной, всё множество остальных наперебой распинаятся только за прогресс, только за демократию, только за права простого человека. Что можно было смягчить — смягчено, что можно было уступить — уступлено. Выиграли французы и американцы, греки и итальянцы, индусы и зулусы, — радуйтесь! — выиграли все, кроме русского народа. Один раз оштитив своим телом Европу от монгольского вихря, он и второй раз заслонил её от урагана коммунизма. Радуйтесь, полковник Рублёв, что же вы не радуетесь?

Р у б л ё в. Я радуюсь. Я очень рад, неужели вы не видите? Разве не я пригласил вас на этот весёлый ужин мертвецов? А сейчас мы раскупорим бутылку и подыдем несколько беззаботных тостов.

В о р о т ы н ц е в. Ужас в том, что вас огорчает судьба нескольких сотен партийных начётчиков, — а двенадцати миллионов мужиков, разорённых и сосланных в тундру, вам не жаль. А цвет и дух уничтоженной нации не реет проклятьем над вашей совестью. А ненависть, распалённая вами к русскому имени на Балтике и на Одере, на Висле и на Дунае, вас не лишает сна!

Р у б л ё в. Ах, какой прокурор бы из вас получился! Сейчас бросаю всё и сажусь — пишу для вас кассацию. Чем чёрт не шутит, может и помилуют? *(Скорчивается в приступе боли. Постепенно распрямляется.)* А посмотрел бы я на вас, если б вы дожили до этого кабинета, до этой проклятой должности, до этих надчеловеческих прав. Героя и тюремщика разделяет один волосок. Сегодня вы сверкаете глазами и идёте красивенько умирать за обречённую идею, а обернись история иначе, — и сверкал бы глазами я, и справедливо обозвал бы вас палачом, а вы позвонили бы и сказали: в карцер на пятнадцать суток. Что? Нет?

В о р о т ы н ц е в. Вы ослеплены собственными легендами. Наша власть никогда не имела ничего подобного вашей контрразведке.

Р у б л ё в *(наливает бокалы)*. Ну ладно. Не откажитесь со мной поужинать.

В о р о т ы н ц е в *(отстраняясь)*. Ни за что!

Р у б л ё в. Какая восточная дикость! А ещё обвиняют в партийной узости — нас! Чем виновата эта утка, что её изжарил наш повар, а не ваш? Ведь вы полгода голодали. Садитесь!

В о р о т ы н ц е в. Я голодал не один.

Р у б л ё в. Всех не накормишь.

В о р о т ы н ц е в. Это ваш старый вывод. Отпустите меня в камеру.

Р у б л ё в. Да вы сядьте!! *(Протягивает ему ампулу.)* По латыни немного читаете?

В о р о т ы н ц е в *(читает)*. В е н ё н у м. Яд. *(Возвращает.)*

Р у б л ё в. Смерть через повешение! — мучительная штука! Вам не приходилось наблюдать? Повешенный долго корчится, пляшет, отдельно руками, отдельно ногами, потом каждый мускул, каждый тяж сокращается сам по себе. А вы — солдат. На хрена вам это? *(Льёт яд в оба бокала с вином.)* Разделим, тут на обоих.

Воротынцев колеблется.

Айда на пару. Т у д а. *(Пододвигает ему и себе.)*

Воротынцев сел за стол, взялся за бокал. Молчит.

(Очень просто.) Честное слово, одному и мне страшно. Страшно. А вдвоём ничего. Будем друг на друга смотреть и глотать. Огонь внутри несколько минут и... Чего тянуть? *(Пытается чокнуться. Воротынцев молчит.)* Чокнемся и

под стол на карачках. Боитесь тоже? Или думаете — вас помилуют?

В о р о т ы н ц е в. Нет. Этого не думаю.

Р у б л ё в. Так оцените. Неужели лучше, чтоб вас всовывали в петлю?.. Смерть равняет нас с вами. Ну, храбрей! Ваше здоровье, полковник! (*Поднимает бокал.*)

В о р о т ы н ц е в. Вот странно. Вы меня застали врасплох. Ко всему готов был, а не к этому... Помилуют? Нет, я не жду. Я знаю, что казнь.

Р у б л ё в. Или, может, думаете — за два дня у нас что перевернётся? Скинут нас?

В о р о т ы н ц е в. Увы, нет. Теперь это надолго стало. Единственную возможность Второй мировой войны упустили — теперь это надолго всем на шею, ещё на двадцать пять лет. Европа так упала — теперь нескоро встанет. Да она была к вам расслаблена ещё и с Девятнадцатого. (*Пауза.*) Я и сам понять не могу: почему ж я — готов и не готов?.. Когда меня брали в плен, если бы было оружие со мной, — англичане обманом отобрали, — ведь я же мог бы кончить? И кончил бы без колебаний. Почему же сейчас? (*Свободно ходит по комнате. Больше с собой:*) С кем же я ещё не простился? Со своими? Давно. С камерой? Ещё чего-то там не сказал? А от этого может... для кого-то потом... Как будто от тюрьмы появились новые обязанности. (*Громче.*) Вы знаете, каждый лишний день, который я могу служить... силам добра...

Р у б л ё в (*всё время на месте*). А-пять заладил, гимназист! Добро! Зло! Белое, чёрное. Серо-буро-малиновое. Кто их щупал? Видел их — кто? Всё это смешалось и уже никогда не распутается. Трусите, да? Так и скажите. Значит, я всё-таки — смелее вас?

В о р о т ы н ц е в (*снова в нерешительности*). Н-не знаю...

Р у б л ё в. А ведь я — моложе, мне горше умирать. Но не хочу больше мучаться... А как хорошо бы кончили? А, полковник?

В о р о т ы н ц е в (*с новым удивлением — на него, на стол, на яд*). Вот странный оттенок, да. Не скажу, что из соображений религиозных — ведь я же бы застрелился. И если уж смерть всё равно вот она... Ну, чуть раньше... В чём же оттенок? Нет, не могу. Отказываюсь. (*Пауза.*) Или вот: вы украли Кутепова — и что с ним сделали? Может и повесили. А Кутепов был мой друг. Так вешайте и меня. Подождите, и до ваших шей доберутся.

Р у б л ё в (*дотягиваясь до трубки*). Алё. В сто двад-

цать пятую от меня возьмите. *(Кладёт трубку.)* Были в ы, были м ы, и третьи придут, — и так же будут недовольные, и так же будут репрессированные, и нич-чего хорошего не будет никогда!

В о р о т ы н ц е в. Знаете, давно-давно, ещё в Манчжурии, старый китаец так мне и предсказал: что я умру военной смертью в 1945 году. Я это всё время помнил. Это помогало мне быть смелее, в прошлых войнах. Но вот э т а кончалась, уж каждый день готов был, — не убивают. И — кончилась. А вот она: смерть от врага *после* войны — тоже военная смерть. Но — от врага. А — от себя? Некрасиво. Не военная. Вот именно трусость. И зачем же снимать с ваших рук хоть одно убийство? брать на себя? Нет, пусть будет и это — на вас!

В дверях в ы в о д н о й. Взмахом руки Рублёв показывает ему убрать Воротынцева. Офицерски подтянувшись, взяв руки за спину, он уходит. Рублёв задумчиво держится за рюмку яда и пытается хрипло напевать „Интернационал”.

Р у б л ё в. ... Над нами так же солнце станет
Светить огнём своих лучей...

КАРТИНА 12

Ещё до открытия занавеса со сцены слышно мягкое пение в четыре голоса:

„Динь-дон, динь-дон, слышен звон кандалный,
Динь-дон, динь-дон, путь сибирский дальний...”

Занавес раздвигается. В камере — вечер. Окошко — черно. На полочке у стены догорает коптилка. У параши спит М е д н и к о в. Рядом с ним беседуют Г а й и Б о л о с н и н. В глубине М о с т о в щ и к о в что-то рассказывает, его слушают усевшись кружком П р я н ч и к о в и новички — А р е с т а н т в роговых очках и А р е с т а н т с голландской бородкой. Справа близко, поджав ноги, под дирижёрство Р у б и н а сидят и поют К у л ы б ы ш е в, К л и м о в и П е ч к у р о в. Больше в камере нет никого.

Г р у п п а Р у б и н а *(поют)*

Динь-дон, динь-дон, слышишь там идут, —
Нашего товарища на каторгу ведут.
(И ещё поют, но беззвучно.)

Мостовщиков

Сочетанием ли лёгких элементов,
Расщепленьем ли тяжёлого урана, —
Скоро взбросят бомбы толщу континентов
В десятикилометровые фонтаны.
Но и тут ещё не переступим меры,
Если, как дракона сказочной пещеры,
Мы с цепи не выпустим реакцию цепную.
Поздно будет, — когда тронем — атмосферу
И кору земную.

Лишь коснись мы вездесущего азота,
Лишь нарушь покой застывший кремния, —
И, как „подмастерье чародея” Гёте,
Мы не остановим силищу всеземную.

Пряников (вскакивает)

Ах, о чём печётесь, господа!
Мы взорвали б! — не успеем мы взорвать планету! —
Наше Солнце — „новая звезда”,
Знаете ли вы об этом?
Это значит, что в мгновение ока
Может разорваться Солнца жёлтый шар,
И свободу Запада и лагеря Востока —
Всё спалит стотысячградусный пожар!

Мостовщиков

Основать Правительство Всемирное не нам ли,
Не учёным ли подходит срок?
Посмотрите — как Лаэрт и Гамлет,
Обменяли шпаги Запад и Восток:
Человечеству на высоте веков
Жить в лачугах наций не пристало, —
Белый Дом разит большевиков
Шпагою отравленной Интернационала.
Но, зовя в Средневековье, в шкуры, в лес,
Бурши одичалые Советов
Тянутся, цепляются за сломленный эфес
Суверенитета.
Так, в десятилетия, увенчавшие века...

Отхлопывается кормушка.

8-й надзиратель
Медников! Слегка!

В камере мгновенное молчание. Медников вздрагивает, поднимает голову, бессмысленно озирается. Движение в камере, как бы ему на помощь. Уже открыта и дверь. Медников неверными движениями становится на колени; опираясь на Болоснина и Гая, поднимается на ноги и, взяв руки за спину, покорно выходит в коридор.

Г р у п п а Р у б и н а (поют)

Динь-дон, динь-дон, слышишь звон кандалный?
Динь-дон, динь-дон, путь сибирский дальний...
Динь-дон, динь-дон, слышишь, там идут?
На-ше-го то-ва-рища на ка-торгу ве-дут?!..

Дверь за Медниковым закрылась. Группа в глубине разошлась. Мостовщиков и Арестант с голландской бородкой, встав во весь рост, пытаются гулять по камере.

М о с т о в щ и к о в

Утром вялый просыпаешься — солома, тупость, вонь,
Сковывает мозг безрадостная сонность.
А под вечер — мыслей заплески, воображения огонь,
Лёгкость, взвешенность, всем телом невесомость,
Этакая, знаете, нирвана...
Странно?

А р е с т а н т с голландской бородкой

Странно вам? Отнюдь.
Разве дух наш можно телом обомкнуть?
Дней по девяносту голодал Махатма Ганди!
Мы же, сидя здесь на пайке, на баланде! —
Унываем, опускаемся подчас,
И не верим сами и не знаем —
Сил духовных, сил, крылящих нас,
Жизненный запас
Как неисчерпаем!!
От тщеславья, от самовлюбленья
Жил я взбудоражен, словно на подгуле, —
Лишь тюремные ночные тени
Стержень жизни мне припахнули.
Мы на воле слишком сытые живём,
Слишком жадны, слишком быстры, слишком громки... —
Жизни вкус впервые узнаём
На пустой баланде, на гнилой соломке.

Б о л о с н и н (Гаю)

Нас единственных, кто мог бы постоять
За Европу их усталую, засранцы, —

В тьме безумия, ни за хрен, ни за твою мать
Сталину угодливо нас подали сожрать,
Продали в Баварии американцы.
Так и англичане в этом мае
Торопились, предавали наших на Дунае.
Были — от РОА не худшие рубаки,
Русский корпус — и казаки, и казаки...
Всех траншей прошедшие, листовок всех искуc —
За черту последнюю, последней веры меру,
И готовые хоть к дьяволу, в Сахару, на Венеру!
В Каледонию! гребцами на галеры! —
Только не в Советский бы Союз!!!
... И свободные британцы не забыли нас:
Выманив оружие, прислали нам приказ:
Офицерам быть на совеща́ньи в Юденбурге —
В зоне англичан.
Кажется, и оттоманские бы турки
Псам на мясо пожалели христиан!
Мы доверчиво поехали, не зная ни о чём, —
Англичане ж ночью отошли тайком!..

Р у б и н

(напевает как бы про себя)

„Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна...”

П е ч к у р о в

Что ещё за песня? Ну-к, давайте жахнем!

Р у б и н

Мутно, братцы. Завтра... Гаснет и мигалка...

Коптилка судорожно подрагивает. Освещение сцены переходит к
скупым софитам.

К л и м о в

(хлопая Рубина по плечу)

Лев Григорьич! Просто слушать жалко —
Затвердили: коммунист вы! — да какой вы на хрен?!
С вертухаями ругаетесь, а с нами веселы...

Р у б и н

Петя, Петя, не здоровится от этой похвалы...
(вытягивается на соломе, замирает)

Б о л о с н и н

Дачные предместия... акаций белых пена...
Мост над улицей. Мы въехали — полуокружием —
Автоматчики! И звёзды на пилотках!...

— Господа! Измена!!...

Дайте нам оружие! Верните нам оружие!
Русский рок! Каким проклятьем ты отмечен?
Застрелиться! — даже застрелиться — нечем!!..
Всё готово... Пятятся навстречу воронками.
Выкликают по фамилиям с листа...
И с перил в отчаяньи на камни
Кто-то прыгает с моста...

Грохот отворяемой двери. Входит В о р о т ы н ц е в, держась очень
ровно, торжественно.

К л и м о в

О! Георгь' Михалыч!

П е ч к у р о в

Кто ж вас вызывал?

В о р о т ы н ц е в (*не сразу*)

Ну, сынки, последний вечер. Завтра — трибунал.
(*Пауза. Обнимает подошедших к нему
Климова и Печкурова.*)

Дни бегут — и всем нам череда.
Жили плотно — а просторно разбрасают...
Затолкают новеньких сюда...

А р е с т а н т в роговых очках
Свято место пусто не бывает.

Коптилка окончательно погасает. Углы камеры вовсе чёрные.
Освещение людей скупое.

В о р о т ы н ц е в

И кому куда доехать до зимы?..
От мятелей ледяных — в какие жаться норы?..
Кряжевать ли сосны у Печоры?
Отвозить породу Колымы?

Б о л о с н и н (*вставая*)

Но не верю я, что нам осталось в мире
Только гордое терпение да скорбный труд

В глубине сибирских руд!
Если прадеды кончали путь в Сибири, —
Может, правнуки в Сибири свой *начнут*?!

В о р о т ы н ц е в

Этой верою вам крепнуть — надо б, да!
И, друзья, — не ждите помощи от Запада:
Силы нет и воли нет в благополучных странах,
Ни сознания, ни понятия, ни — перед бедой открытых глаз.
Вся надежда мира — вся на каторжанах!
Вся теперь — на вас!!!
Что Россия в эти годы на себе перенесла —
Может быть таких, как вы, она ждала.

Свет софитов, собранный на фигурах арестантов, становится постепенно бронзовым. Каждый, произнеся свою последнюю реплику или молча, подходит и как бы включается в групповую скульптуру. Рубин лёжа, облокотясь, Мостовщиков ослонясь о стену — тоже неподвижны.

К у л ы б ы ш е в

Десять лет! пятнадцать! двадцать пять!
А р е с т а н т с голландской бородкой
Наша сила в том, что нечего терять!

П е ч к у р о в

Что и так и этак подыхать.

Г а й

А подыдемся — петля! уже нельзя назад!

К л и м о в

И не будет в мире злей на Сталина солдат!

В о р о т ы н ц е в

Не влачить униженно позора,

Б о л о с н и н

Лагерного рабьего клейма!

К л и м о в

Эй, дохни-ка, снежная Печора!

Г а й

Тряхани плечами, Колыма!

Бронзовый свет постепенно меркнет. Скульптурная группа
неподвижна.

Где-то близко, за окном, — унылый вой сторожевых собак,
сопровождавший и начало пьесы.

На сцене и в зале всё темнеет.

(Г о л о с П е ч к у р о в а)

Что ни полночь, воют, воют псы... — кому?

(Г о л о с В о р о т ы н ц е в а)

Дому сему!

Нарастающее несогласное вытьё собак.

1952 — 1953

Экибастуз, Кок-Терек
на *общих*,
устно

РЕСПУБЛИКА ТРУДА

ДРАМА

в 4-х действиях

*Посвящаю
Ане Бреславской*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА :

ЗЭКИ:

Г л е б Н е р ж и н, недавний фронтовик

П а в е л Г а й, тоже; бригадир каменщиков

Л ю б а Н е г н е в и ц к а я

Г р а н я (Аграфена) З ы б и н а

Б о р и с К у к о ч

Т и м о ф е й М е р е щ у н, врач зоны

Н и к о л а й Я х и м ч у к

М а к а р М у н и ц а

Г р и ш к а Ч е г е н ё в

Д и м к а, 14 лет

литейщики

Ш а р ы п о, бригадир штукатуров

К о с т я, нарядчик

П о с о ш к о в, комендант зоны

С о л о м о н, старший бухгалтер зоны

Б е л о б о т н и к о в, бухгалтер

Д о р о ф е е в, нормировщик на производстве

З и н а, машинистка там же, лагерная жена Посошкова

К а м и л л Г о н т у а р, бельгиец

Ш у р о ч к а С о й м и н а

Б э л л а

1-я студентка

2-я студентка

Ф и к с а т ы й

Ж о р и к

Л ё н ь ч и к

блатные

Ж е н ь к а, тенор

В и т ь к а, конференсье

А г а - М и р з а, фельдшер зоны

А н г е л, дневальный

З а в б а н е й

С т а р ш и й п о в а р зоны

1-я, 2-я, 3-я, 4-я женщины из нового этапа

1-й, 2-й, 3-й, 4-й каменщики

1-й, 2-й, 3-й бригады

1-й доходяга

2-й доходяга

Работяга из бригады Шарыпо

ВОЛЬНЫЕ:

Каплюжников, главный инженер треста

Гурвич, старший прораб строительно-монтажного объекта

Фролов, начальник литейного цеха

Горшков, десятник

1-й и 2-й десятники

Мастер мехцеха

Председатель торжественного собрания

Докладчик

Председатель месткома

ОХРАНА:

Овчухов, лейтенант, начальник лагерного пункта

Колодей, младший сержант, старший надзиратель

Надзирательница с буйными кудрями

Приезжий надзиратель с лесной подкомандировки

Сержант конвоя

Работяги. Бригады. Придурки. Артисты КВЧ

Служащие треста

Надзиратели. Вахтёры. Конвоиры. Попки на вышках

Время действия — октябрь 1945 года.

Промежутки между актами — по несколько дней.

Из освещённого фойе зрители входят в тёмный зрительный зал, где жёлто неярко светятся только фонари под жестяными колпаками, посаженные как бы на верхушки столбов по всему полукругу барьера оркестра. Столбы выдаются невысоко, чтобы не мешать видеть действие. Они оплетены колючей проволокой, уходящей в оркестровую яму. Охранные лагерные вышки приставлены справа и слева к portalу сцены. На вышках весь спектакль стоят часовые.

Занавес: ткань, грубо разрисованная в плакатный оптимистически-индустриальный пейзаж с мускулистыми румяными весёлыми мужчинами и женщинами, трудящимися безо всякого напряжения. В одном из углов его — радостное шествие с цветами и детьми, с портретом Сталина.

Где-то высоко гремит динамик: мощный хор молодых голосов с энтузиазмом поёт:

„Мы поднимаем знамя!
Товарищи! — сюда!
Идите строить с нами
РЕСПУБЛИКУ ТРУДА!“

Из-за занавеса — резкие удары ломом о рельс.

Фонари „зоны“ гаснут на время всего спектакля, до последней картины.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА 1

Утро. Скоро взойдёт солнце. На крышах бараков белеет иней осеннего заморозка.

Часть зоны лагеря. В глубине колючая изгородь с предзонником. В ней — двойные ворота: высокие в заборе зоны, низенькие в заборе предзонника. Правее ворот — тесовая будка вахты. Ещё глубже, за изгородью — рабочая зона, там — высокое строящееся кирпичное здание, кран, кое-где леса. Видна дымящая литейка и другие подсобные постройки.

Слева, наискосок к вахте, ведёт линейка развода, густо заполненная з а к л ю ч ё н н ы м и, мужчинами и женщинами, в грязных изорванных телогрейках и ватных брюках, у некоторых женщин поверх брюк — юбка. У самых ворот развод походит на строй, — там в а х т ё р и румяный, похожий на боксёра нарядчик К о с т я пропускают пятёрки, хлопая счётными дощечками крайних по спинам. Дальше от ворот строя нет, беспорядок, разговоры. Общая вялость, понурость, только Ч е г е н ё в в шутку возится с Д и м к о й. Один увязывает обувь, другой доминает утреннюю пайку хлеба, третий зябнет, жмётся. В самом хвосте развода выделяется несколько почище одетых производственных придурков, среди них „шикарно“ одетая машинистка З и н а и низенький толстый нормировщик

Д о р о ф е е в. У ворот сидит на табуретке г а р м о н и с т и лениво, не всё время, наигрывает марш из „Весёлых ребят”. Обок развода стоит в белом халате чёрный фельдшер А г а - М и р з а, у ног его сидит на земле 1-й д о х о д я г а.

Столб, на проволоке — рельс. Около стоят низенький надзиратель К о л о д е й и высокий Н е р ж и н в долгой, ещё новой офицерской шинели без знаков различия и в сапогах. Оба следят за разводом.

Слева близко выступает угол стандартного лагерного барака, тут маленькая дверь с парой ступенек в нашу сторону. Ещё ближе — тщательно окрашенный дощаной ящик с крышкой и надписью: „Для отбросов”.

На стенах бараков и на отдельных щитах в разных местах зоны — плакаты:

„ТРУД ОБЛАГОРАЖИВАЕТ ЧЕЛОВЕКА”

„ТРУД ИЗ ЗАЗОРНОГО БРЕМЕНИ, КАКИМ ОН БЫЛ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ,
СТАЛ ДЕЛОМ ЧЕСТИ, ДЕЛОМ СЛАВЫ, ДЕЛОМ ДОБЛЕСТИ
И ГЕРОЙСТВА” /СТАЛИН/

„КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ!”

Видно, как бригады в рабочей зоне тотчас разбредаются и к концу картины начинают работать.

В а х т ё р. Взяться под руки! Первая! Вторая! Третья!..

К о с т я (громко). А ну, пятый барак, не фитили! Что, с дрыном давно не заходил? Зайду!

К линейке спешат новые р а б о т я г и.

Я х и м ч у к (от вахты). Чегенёв. Шпана!

Ч е г е н ё в (у него фуражка надета по-шпански). Я шпана! (Догоняет бригаду.)

Я х и м ч у к. Малолетка!

Д и м к а. Я малолетка! (Догоняет.)

Д о р о ф е е в (вышел из строя, подходит к Нержину). Глеб Викентийч, дельце одно...

К о л о д е й. В армии служил?

Д о р о ф е е в. Но ведь здесь не армия, гражданин начальник...

К о л о д е й. Раз-говорчики! Здесь почище армии! Шапку!

Д о р о ф е е в (обнажает лысую голову). Гражданин старший надзиратель младший сержант Колодей! Дозвольте обратиться к завпроизводством заключённому Нержину!

К о л о д е й. Во-от, давно бы так... Не позволяю!

Дорофеев отходит. Нержин идёт за ним к строю, там разговаривают.

А г а - М и р з а. Давай градусник!

1-й д о х о д я г а. Доктор, десять минут надо мерить.

А г а - М и р з а. Ты давно такой умный стал? Права качать? *(Берёт градусник.)* Нормальная, иди!

1-й д о х о д я г а *(не вставая с земли)*. Гусейн Байрамович! В уборную сколько раз бегал...

А г а - М и р з а. На кухне работал? Слабинку щупаешь, падло? *(Намеревается ударить, тот встаёт поспешно.)* Гражданин надзиратель! Тут — отказчик, куда его?

К о л о д е й. В шизо, куда.

Ага-Мирза бьёт доходягу ногой, тот уковыливает вслед своей бригаде. Другой в а х т ё р вызывает Колодея, он уходит. От ворот ленивые вздохи гармошки. Из ленты развода слышится:

— Зинка, шлюха, юбку новую надела.

— А юбка-то Маруськина. Комендант с Маруськи снял, как её на этап отправляли.

— Житьё, девочки, с комендантом! *(Поёт.)*

Я любила бригадира,
Коменданту угодила
И с нарядчиком спала, —
Так стахановкой была!

— Ну всё, с паечкой рассчитался.

— С карантинкой чего не рассчитаться! Вон как бригадир себе и своей гумознице по килу взял!..

— Бригадир! Развалились лапти! Смотри, лапти развалились, в чём пойду?

— Завтра подкую, ЧТЗ получишь.

Развод подходит к концу. Из двери ближнего барака на ступеньки вышел, потягиваясь, М е р е щ у н, полный, солидный человек, ещё полуодетый. К нему подходит Ага-Мирза.

А г а - М и р з а. Доброе утро, Тимофей Кириллыч!

М е р е щ у н. Ох, что-то я рано сегодня встал. Без бабы не спится.

А г а - М и р з а. Сами прогнали, Тимофей Кириллыч.

М е р е щ у н. Надоела, поносница. Ну, чего там, в больнице? Полы драили?

А г а - М и р з а. Драили всю ночь, правильно драили.

М е р е щ у н. Смотри!.. И ещё: в какую тумбочку загляну, если крошки найду — не обижайся.

А г а - М и р з а. Валька умрёт, наверно, сегодня.

М е р е щ у н. А Матвеев?

А г а - М и р з а. С копыт. Уже в морге.

М е р е щ у н. Ну ещё б, с такой высоты!.. Потом это, Ага-Мирза! — простыни чтобы подвёрнуты были. Терпеть не могу, когда простыни не подвёрнуты. (*Смотрит направо.*) Что это? Этап, что ли?

За их спиной слева к ящику с отбросами прокрадывается 2-й доходяга. Он — в шинельном бушлате, перепоясанном верёвкой, под которую на спине подпущен дужкой немецкий солдатский котелок без крышки. Доходяга открывает ящик, роется там, выбирает пищу и складывает в котелок.

Развод окончился, ворота закрыты. На верхних кирпичах стройки играет первое солнце. Нарядчик с вахтёром ведут подсчёт, каждый по своей дощечке, нарядчик растолковывает вахтёру. Входит Колодей с парой бумажёнок. Следом фырчит автомашина, подаваемая сюда.

Колодей. А ну, кто там? Завпроизводством! Ко мне. (*Кому-то.*) Коменданта сюда! И этого... банщика! (*Тот убегает.*) Сейчас та-ак... На вот, прочти. (*Даёт Нержину бумаги.*) Этап привезли.

Нержин. Много? (*Читает.*)

Колодей. Четыре машины будет, пока одна пришла.

Медленно задом входит справа трёхтонка с высокими бортами, по видимости пустая, только в передней части кузова стоят, отделённые решёткой, два автоматчика. Они соскакивают и уходят.

Нержин. Продаттестат. Удовлетворены по восемнадцатое включительно.

Колодей. По сегодня? Порядок, не кормим. Ещё чего?

Нержин. Ну, баланды-то бы можно...

Колодей. Как это — баланды? Баланда денег стоит. Вот на работу ты их выведи.

Нержин. Сегодня?

Колодей. Неужто завтра? Пусть проценты несут.

Шофёр открывает задний борт кузова. Из кабины выходит сержант конвоя с пачкой тюремных дел.

Нержин. Да ведь надо по специальностям разобрать, по бригадам раздать, гражданин начальник... Списки составить.

Колодей. Ты — человек или чурка с глазами? С утра они у нас, а вечером, может, на лесоповальный участок? Так пусть поработают. У меня — не как у других надзирателей, простоев не бывает. Отмеришь двадцать человек, старшего — и шагом арш! А то начальник лагеря воротит-

ся — знаешь, взгрёбка будет? (*Подходит к грузовику.*)
Сла-азь!!

Из кузова начинают подниматься зэки, до сих пор сидевшие на дне его и не видимые за высокими бортами. Они спрыгивают с вещами, разминают затекшие ноги.

Не ходи! Садись!

Ш у р о ч к а, молодая дамочка в яркой городской шляпке, садится по этой команде не на землю, как все, а на чемодан, и возвышается. Колодей с неожиданным проворством подбегает и носком сапога пробивает чемодан.

Ся-адь!!

Шурочка садится на землю. Появляется краснорожий отъевшийся банщик.

Банщик. Гражданин начальник! По вашему вызову завбаней явился!

Колодей. Ты... вот что... Белья нет?

Банщик. Откуда бельё?!

Колодей. А мыло?

Банщик. Не подвезли.

Колодей. Вода-то есть?

Банщик. Где есть! Перекрыли...

Колодей. Гм-м...

Ага-Мирза. Ещё лучше, гражданин начальник, быстрей вымоем.

Колодей. И то правда. Прожарку топи, прожарку. Как, доктор, ничего, что без воды?

Мерещун. Ничего-о. (*Этапу.*) Сколько дней в дороге?

Голос. Вторую неделю.

Мерещун. Ничего.

Банщик убежал. С грузовика сошло человек тридцать, грузовик уходит.

Нержин (*внимательно оглядывая прибывших*). Ваша фамилия — как?

Кукоч (*встаёт; он в ярко-красном джемпере*). Инженер Кукоч.

Нержин. Вот и угадал. Будете старшим мужской двадцатки. Список составите, мне дадите.

Кукоч. Есть! (*Садится.*)

Нержин (*так же внимательно оглядывает женщин*). А — ваша?

Г р а н я (*приподымаясь*). Зыбина.

Н е р ж и н. Вы — среди женщин старшая!

Гул среди женщин.

Что такое?

О д н а и з ж е н щ и н. Как в воду смотрел.

Д р у г а я. Она бригадиршей и была.

Н е р ж и н. Вы что — все из одного лагеря?

К у к о ч. Из подмосковного. Фрицев военнопленных привезли, а нас расформировали.

Входит маленький, очень подвижный П о с о ш к о в в большом картузе.

П о с о ш к о в (*отдавая приветствие*). Посошков, шесть вершков!

К о л о д е й (*смеётся*). Хвастаешь при бабах... Сейчас, комендант, вот что: мы их — выкликать по делам, а вы с нарядчиком сразу шмонайте, я вам доверяю. Только правильно шмонайте!

П о с о ш к о в (*кричит*). Женщинам — от пояса раздеться!

В этапе смех.

С е р ж а н т к о н в о я. На, вычитай!

К о л о д е й. Я не читатель. Ты вычитай.

Мерещун наблюдает от своей двери. Нарядчик и комендант становятся к нему спиной, лицом к этапу. Сзади их всех 2-й доходяга продолжает ковыряться в отбросах. Нержин — около Колодея. По мере того как сержант выкликает, этапники проходят обыск и переходят налево.

С е р ж а н т. Не.. гне...

Л ю б а. Негневицкая.

С е р ж а н т. Понавыдумывают фамилиев.

Л ю б а. Негневицкая, Любовь Стефановна, 23-го года, пятьдесят восемь-десять, восемь лет.

К о л о д е й (*враждебно*). Агитация?

Л ю б а (*Посошкову, который при обыске берёт её за грудь*). Не лапай, не купишь.

С е р ж а н т. Сойкина.

Ш у р о ч к а. Соймина Алексан-на Пал-л-на! 1917-го, пятьдесят восемь-двенадцать, десять лет!

К о л о д е й (*угрюмо*). Недоносительство?

С е р ж а н т. Зыбина.

Г р а н я. Аграфена Михална, 20-го года, сто тридцать шестая, десять лет.

К о л о д е й (*кивая*). Убийство.

С е р ж а н т. К... К... К...

К у к о ч. Кукоч Борис Александрович, 10-го года, закон семь восьмых, десять лет.

К о л о д е й (*широко улыбаясь*). Сколько хапанул?

К у к о ч (*уже со шмона*). На передачи хватает, гражданин начальник!

К о л о д е й. Моло-одчик.

П о с о ш к о в (*берёт Граню за грудь*). А здесь чего насовала?

Граня резко ударяет его локтем, заставив пошатнуться. Проходит.
Выкликание продолжается беззвучно.

М е р е щ у н (*Любе, которая села на вещах неподалёку*). Девочка!

Л ю б а. А?

М е р е щ у н. Давно сидишь?

Л ю б а. Хватает.

М е р е щ у н. Подженимся?

Л ю б а. Так и сразу?

М е р е щ у н. А что теряться?

Л ю б а. Я не дешёвка.

М е р е щ у н. Я не дешёво и дам. Вот здесь я живу. Кабинка моя. Чтоб ты знала.

Л ю б а. Ну и живите.

М е р е щ у н. Скучно.

Л ю б а. Санитарок мало? (*Отворачивается.*)

Мерещун некоторое время смотрит на неё, потом замечает Кукоча.

С е р ж а н т (*силясь прочесть*). Тьфу, будь ты проклят, где вас берут!.. Гоп... Гоп...

Г о н т у а р (*широкоплечий старик с серебряной седой, стриженный*). Гонтуар Камилл Леопольдович, 1890 года рождения, статья пятьдесят восемь-один „А”, через девятнадцатую, десять лет.

М е р е щ у н (*Кукочу*). Свитер у вас хороший. Цвет мне нравится.

К у к о ч (*ещё не одевшись после обыска*). И вообразите — не линяет. Попробуйте матерьяльчик! (*Даёт пощупать.*) Заграничный! Знаете, кто его носил? Сын шведского миллионера!

М е р е щ у н. Да что вы?!

К у к о ч. Представляете, такой интересный номер: сидим на куйбышевской пересылке, жара, сто человек в ка-

мере, я — в одних трусах, он — в свитере и шерстяных брюках, говорит: изнемогаю, где бы мне в Советском Союзе достать трусы? Я говорю: для сына миллионера у меня есть запасные, немножко рваные, махнём на свитер, не глядя? Махнули. А вот попробуйте, оденьте. Тепло, мягко.

М е р е щ у н. Давайте примерю, интересно, сын миллионера... *(Надевает.)*

С е р ж а н т. Семёнов! Семёнов!!

Молчание.

Ф и к с а т ы й *(одетый пестро, франтовато, без вещей, встаёт, подходит с медленной раскачкой)*. Наверно буду я.

С е р ж а н т. Он же?!

Ф и к с а т ы й. Макаров.

С е р ж а н т. Он же?!

Ф и к с а т ы й. Балтрушайтис.

С е р ж а н т. Он же?!

Ф и к с а т ы й. Прибыленко.

С е р ж а н т. Статьи!

Ф и к с а т ы й. 162-я, 165-я, 136-я, пятьдесят девять-три.

С е р ж а н т. Срок?

Ф и к с а т ы й. Пять лет.

К о л о д е й. Работать будешь?

Ф и к с а т ы й *(нараспев)*. В посылочной — могу... Сам знаешь, начальничек, по субботам мы не ходим на работу, а у нас суббота — каждый день.

Н е р ж и н *(командно)*. И спрашивать нечего — будет! Куда он денется?

Фиксатый обёртывается к Нержину, смотрит молча, проходит к нарядчику.

П о с о ш к о в *(вытряхивая на землю чемодан Гонтуара)*. Смотри, гражданин начальник, книг понапихано, бумаги. Его — работать прислали, или что?

Колодей идёт на зов, оглядывает книги.

Ф и к с а т ы й *(нарядчику)*. А ты кто? Сука?

К о с т я. В законе? *(Даёт ему знак пройти без обыска.)*

К у к о ч. Вообще этот сын миллионера имел на пересылке бледный вид. Такой интересный номер: написал какую-то статью в защиту социализма. Наши по этой статье

решили его хапен-гевейзен, чтобы здесь, в СССР, он до конца осознал, перековался, отмежевался от западного мира вообще и от отца-кровопийцы в частности.

К о л о д е й. И буквы какие-то не наши. Ты не шпион?

Г о н т у а р. Я — ветеран и инвалид двух мировых войн!

К о л о д е й. Немец?

Г о н т у а р. Я?? Я даже такого слова не знаю — „немец“. Мой родной город сожгли б о ш и !!

К о л о д е й (не дослышав). Наши? Значит, надо было, раз сожгли... (Погружается в раздумье.)

К у к о ч. Нет-нет, не снимайте, возьмите себе. У меня барахла хватает.

К о л о д е й. Ты к чему это сказал, что — инвалид? Чтоб не работать? Я в Спасском лагере был, так там четверых одноруких соберут, чтоб у двоих правая рука, у двоих — левая, и — носилки им с камнями. Ничего, носят...

М е р е щ у н. Ну, спасибо, хороший свитер. Вас как зовут, не спросил.

К у к о ч. Борис.

М е р е щ у н. Вы вечерком зайдите ко мне в кабину, поговорим. Надо вам устраиваться.

К у к о ч (легко). Очень благодарен. Но я трагедии не делаю. Талантливый человек нигде не пропадёт!

Ф и к с а т ы й (2-му доходяге). Ты!

Доходяга по-прежнему роется в мусорном ящике.

Т ы !

Доходяга роется.

Ч е л о в е к !

Доходяга оборачивается.

Этот в шинели — что за Рокоссовский?

2-й доходяга. Новый. Неделя, как приехал.

Ф и к с а т ы й. Вольняга?

2-й доходяга. Какой вольняга! Зэк. (Продолжает копаться.)

Ф и к с а т ы й (глядя на Нержина). Зэ-эк? (С угрожающими жестами, видными Нержину.) У, фашистская морда, глаза выколю!

Ш а р ы п о (кричит с той стороны ворот). Завпроизводством! Опять фронта работ нету! Опять люди сидят!

Нержин спешит в производственную зону.

З а в б а н е й (входит перед баракон, бьёт доходягу ногой). Опять копаешься, зараза?

Доходяга падает от удара, ухрамывает.

Товарищи бытовики и господа фашисты! Прожарка готова! Пошли!

Движение, начинают уходить налево с вещами.

Г о н т у а р. Кому мешают мои книги? Книги не запрещены.

К о л о д е й. Ка-ак это книги не запрещены? Кто-о это тебе сказал, что книги не запрещены?..

Разрисованный занавес.

КАРТИНА 2

Высокое помещение литейки. Часть плаца — в грудях обгорелой земли, часть в опоках. Сизо, курится лёгкий дым от отливок. Гудит труба вентилятора.

В глубине — круглая рыже-железная вагранка, уходящая в прорезь железного потолка; ближе — кирпичная неоштукатуренная сушиллка с железной дверью в сторону зрителя. На плоской крыше сушилки набросан хлам, проволочная арматура, старые опоки, худые вёдра, дырявые валенки. Перед сушилкой — дверь во внутреннее помещение. Ещё двери: наружный вход и в задней стене.

На низенькой скамеечке у сушилки сидит Ф р о л о в и непрерывно курит цыгарки. На нём синеватый форменный сюртук и затасканная зимняя шапка. Литейщики — крупный лысый Я х и м ч у к, толстый низенький М у н и ц а, юркий гибкий Ч е г е н ё в и мальчишка Д и м к а, работают быстро, слаженно, понимая друг друга без слов. Бегают без суеты. Лопаты, ломы и счищальки как будто разбросаны, но они — на нужных местах. Все в изорванных брезентовых брюках, голы до пояса, на Чегенёве — лихо надетая рваная фуражка. При раскрытии занавеса Яхимчук большим ломом, как пикой, пробивает заткнутую лётку вагранки. Чугун струёй огня выливается по жёлобу из вагранки в ковш. Когда ковш полон, Яхимчук другой пикой затыкает лётку. Чегенёв снимает счищалькой шлак. Они подхватывают ковш за ручки длинного рога-ча, несут к опокам. Муница выбивает готовое литьё из опок, Димка относит опоки, штабелюет. Одна из опок, заливаемых после поднятия занавеса, „закипает”: металл выбрызгивает. Муница заслоняет лопатой лицо Яхимчука, Димка — лицо Чегенёва. Фролов кричит не слышное при гуле, машет руками, встаёт, пошатываясь.

В развевающемся плаще быстро входит Г у р в и ч, стройный, чёрный; за ним усталым шагом — Н е р ж и н. Металл перестаёт выбрызгивать, опоку заливают до конца, уносят ковш.

Муница (на опоку). А, проститутка! Закыпила!

Яхимчук (перекрывая гул). Я вам казав, шо шишка сырая!

Муница. Ни, нэ сыра! Ни, нэ сыра!

Яхимчук. Так от чо́го? от чо́го?

Муница. То мэни вэдóмо, от чого.

По знаку Гурвича вентилятор выключают.

Яхимчук. Вам богато вэдóмо! Чекайте, нáвить и дру́гы обыдве закиплять.

Чегенёв. Макар, не спорь, сам виноват. Батя говорил — ещё сутки посушим.

Фролов. Ну, Чегень, ну с кем ты заводишься? Макар и не прав, так прав.

Муница (запальчиво). А я вам казав: на ци долги балки мýсим выпорóв бильш давать и воздух!

Гурвич. Так почему не дали? Почему не дали? Что тут, старшего нет? Ты, Фролов, тут что? — для мебели?

Фролов. Я, Арнольд Ефимыч, свою линию веду, я — руководитель.

Гурвич. Ай, ты сегодня норму перехватил, вторые поллитра дербанул.

Фролов. Не на ваши деньги.

Гурвич (зорко оглядывая плац). Та-а-ак. Швейную машину опять отлили? Утюгов сколько?

Муница (с запалом). А ни ж áдного! А ни ж áдного!

Гурвич. Макар! Проверю! Здесь — что? (Показывает на залитую, но не выбитую опоку.)

Муница. Ролики.

Гурвич. А здесь?

Муница. Плиты.

Гурвич (энергично). А ну-ка выбей! Выбей! (Нержину.) Слушайте, как вас там, завпроизводством! Вы, чем в нарядах копать да по пятам у меня ходить, — вот смотрите: литейщиков прикрутить надо, это те халтурщики, заелись, каждую плавку из государственного чугуна налево отливают!

Нержин (сдержанно). Хорошо, выясню.

Фролов. А ты поймал хоть раз? Хоть раз поймал? Эх, Арнольд Ефимыч! Кабы на твою хитрость да не наша простота!

Муница, осторожно выбив опоки, вытягивает кочерёжкой из земли ещё краснеющие детали: ролики и тонкие плиты.

Фролов. Ну что? Взял?

Гурвич молчит.

Зря литейщиков не хай! Не хай! Тут я смотрю! Я не допущу!

Гурвич. Да ты смотришь! Месяц пьян, день на ногах. А если не твои литейщики льют, так откуда утюги во всём посёлке, в какой дом ни зайди?

Фролов. Что ж, снабжение улучшается. Может, ОРС завёз. Или потребкооперация...

Гурвич. Потребкооперация завезёт, жди!

Заключённый (в дверях). Арнольд Ефимыч! Вас к телефону! Из треста.

Гурвич стремительно уходит, развевая плащом. Яхимчук снова выбивает лётку вагранки. Но чугун течёт чуть-чуть и прекращается.

Яхимчук. Э-э, плавка вся. На те опоки не стало. *(Выбивает подпорку из-под дна вагранки. Сыпется огненное.)*

Фролов (вслед Гурвичу). Мальчишка! Указывать он мне будет! Моя кляча, куда хочу, туда и пячу. Вишь ты, завпроизводством, на литейщиков какая худая слава! Чтоб я, Фролов, позволил ребятам налево лить? Да ни в жисть! Это ж подсудное дело.

Яхимчук. А пойдёмте, завпроизводством, я вам покажу, какая тут техника безопасности. Тонны чугуна на высоту пять метров поднимаем ведром, от руки. Кому-то голову пробьёт, это точно. *(Уводит Нержина в заднюю дверь.)*

Фролов (едва они вышли, живо). Макар! Вó Арнольд — волкодав! Вó нюх у него! Точно кинулся! Под землёй чует.

Муница (смеётся). Ще вин молодой мэнэ схопыть! Димка! На стрёму! Чегень!

Димка выбегает в левую дверь, Чегенёв с лязгом открывает дверь сушилки, и они с Муницей в том самом месте, где показывал Гурвич, яростно выкапывают из земли второй скрытый слой опок, вытаскивают из них узорчатые детали станка ножной швейной машины, два паровых утюга, несколько простых и быстро сносят всё на крючках и кочерёжках в сушилку, чернеющую глубиной. Захлопывают её. По свисту Чегенёва возвращается Димка. Он хлопочет около кастрюли, в которой что-то варится у него на отлитой детали. Муница подсаживается к Фролову.

Муница. Ще такая людýна нэ родылась, шоб Макара тутаки в литейке попутать.

Фролов. Машина швейная — хорошая?

Муница. Перший кляс! Макар формував!

Фролов. Сегодня ночью ту, окрашенную, заберут, а эту вы приготовьте к субботе. Сколько ж я вам должен? Сорок, да за три утюга...

Чегенёв. Вы, Аксентийч, масла нам купите и крупы.

Фролов. Масло, ребята, сейчас только конопляное. Вы думаете, в посёлке как? Тоже сосаловка. В магазинах водка да спички. И спички-то такие, что не горят. Из чего их делают?

Чегенёв. Ну, крупы, крупы!

Фролов. Как выбросят, так бабу в очередь пошлю, сделаем... Что этот завпроизводством ваш — гордо себя ставит?

Димка. На всю дорогу не хватит!

Включает вентилятор. Чегенёв моется из бочки в глубине. Из заднего помещения возвращаются Нержин и Яхимчук, снаружи всё так же стремительно входит Гурвич. Собираются у сушилки, но разговор слышен лишь, когда Димка по знаку выключает вентилятор.

Фролов. Бронзу, Арнольд Ефимыч, плавить нам не в чем. Графитовые тигли, какие от английской концессии остались, прохудились, а сварные все текут.

Гурвич. Но выход должен быть? Экскаваторы на разрезе стоят, бронзовые втулки полопались!

Фролов. А я что вам тигли — рожу, что ли? Давайте командировку на Урал, толкачом поеду.

Гурвич. Какую тебе командировку? Тебе пять рублей дать нельзя, ты пропьёшь.

Фролов. Ну, *пишите!* Отношения пишите! Пришлют вам тигли на тот год в эту пору...

Нержин. Гражданин прораб! Я решительно...

Гурвич (*отводя Фролова*). Слушай, Фролов, ты же — паразит, понимаешь, гнусный паразит! Ты получаешь полторы тысячи за руководство цехом, ты сверх того две с половиной тысячи отгребашь за литьё, — за что?

Фролов. Позавидовала кошка собачьему житью!..

Гурвич. Ты не формуешь, не льёшь, всё ребята делают, — неужели ты за это время не мог заранее позаботиться? Душа у тебя не болит за производство!

Фролов. У меня не то что душа, Арнольд Ефимыч, — все печёнки уже болят... Вот сон мне давеча нехороший приснился...

Г у р в и ч. Да пошёл ты вон со своим сном! Ты...

Н е р ж и н (*приступая*). Гражданин прораб! Я решительно обращаю ваше внимание на средневековую технику подъёма чугуна. Разбитое ведро, из которого куски чугуна прямо вываливаются, — да вы считаете, что заключённые — это не люди?

Г у р в и ч. Слушайте, вы! — не занимайтесь агитацией! Не читайте мне морали! Я здесь на производстве три года...

Н е р ж и н. Тем хуже!

Г у р в и ч. ... а вы — три дня, и не суйтесь указывать! Вы должны по-мо-гать работать, а вы мешаете! Вы пойдите проверьте строительные бригады, вы поднимитесь на крышу — лежат, сукины дети, не работают! Вот кровное дело! А здесь без вас обойдётся.

Н е р ж и н. На крышу я пойду...

Г у р в и ч. Вот и идите!

Н е р ж и н. Но и здесь не оставлю! Напишем акт и закроем литейку.

М у н и ц а (*взрываясь*). А нам — шо? З лопатами — траншеи копать? А хто мэни пайку кило двести выпишэ?

Ч е г е н ё в (*откатываясь от бочки*). Фамилия! Килодвести. Имя-отчество? Два Дополнительных.

Ф р о л о в (*Нержину*). А ты кто за птица литейку закрывать?

Г у р в и ч. Чёрт возьми! Да я до вашего акта напишу записку в лагерь — вас з а в т р а на лесоповал пошлют! Тут экскаваторы стоят, а вы про ведро! Так что́ будем делать, литейщики?

Нержин растерян дружным отпором. Некоторое время он стоит молча. Потом нерешительно идёт к выходу. Передумав, уходит опять в заднюю дверь.

М у н и ц а. У нас за Румынией на заводи була пичь для бронзы, робыла на солярке. Сто килограмм за яких два часа плавила.

Г у р в и ч. Ну вот! Ну вот! Значит, можно сделать? Чтоб Макар да не смог! Макар! Сложишь печку?

М у н и ц а. Чому нэ сложить. Складу.

Г у р в и ч. Макар! Премию получишь! Большую премию!

Ф р о л о в. Ох, Макар, берёшься! За всё берёшься. Сколько литейками руковожу, ещё никогда такой печи не видел.

Г у р в и ч. Ты — кто? Ты начальник цеха или кто? Ты

что у людей инициативу убиваешь? Давай, Макар, а? Макар?

Муница. Ну, добре, складу вам пичку! Складу!

Гурвич. В каком месте поставим? Вон там. *(Показывает.)*

Входит Гай. Он не высок, но могуч. Он, как и Нержин, в военном ещё обмундировании, но потёртом и перепачканном, в брюках галифе и сапогах.

Гай. Арнольд Ефимыч! Растворомешалка опять стоит. Не могу ж я...

Гурвич. Как стоит? Почему стоит? *(Устремляется к выходу.)* Давай, Макар, давай! Премия будет!

Гай направляется за Гурвичем, но Чегенёв останавливает его свистом. Они выходят вперёд.

Чегенёв. С Игорьком — связь.

Гай. Он — в шизо?

Чегенёв. Да. В одиночке. Сегодня мой дружок дневалил там...

Гай. Надо ему хлебца подбросить.

Чегенёв. Уже. И бумагу с карандашом, как он просил.

Гай. Мотают? Второй срок?

Чегенёв. Мотают.

Гай. Кто его заложил — ты узнал?

Чегенёв. Фельдшер, Ага-Мирза. В больнице из-под подушки что-то у него вытащил — куму отнёс.

Гай. И из больницы, туберкулёзника — в подвал?!

Чегенёв. Ещё и Посошков показания даёт.

Гай. Сколько сволочей, Гришка! Сколько сволочей!

Чегенёв. Не выживет Игорёк. Письмо написал домой. Прощается. Сестре. Жены ещё не было. Отца в тридцать седьмом расстреляли. Мать в лагере умерла... Ну, за горло берут. Что ж делать, Пашка?

Гай. А что мы можем делать? Запоминать...

Чегенёв. Сейчас письмо отправлю.

Гай уходит. Чегенёв ловко взбирается на сушилку, роется.

Муница *(Яхимчуку)*. Як, Николай, складэм? Ходко складэм! *(Хлопает себя по ляжкам.)*

Яхимчук. Та то вы тёмите, вы и класть. Я нэ хтив браться. Мэни прэмия нэ потрибна.

Чегенёв на сушилке достаёт запрятанный конверт, спрыгивает.

Фролов. Я не знаю, что ты за человек, Макар? Вот уж говорят: сдуру, как с дубу. Ребята! Ну неужели мы плохо живём? Нормы я вам отхлопотал божеские. Пятнадцать лет я по лагерях работаю, одиннадцать новых литеек поставил, и всегда с заключёнными хорошо жил. Ну, чего вам не хватает? Пайка у вас в лагере первая, каши — две, двести один процент, утюги налево гоним, шмотки казённые загнать на волю? — я никогда заключённым не откажу. Письмо бросить? — давай хоть сейчас.

Чегенёв подаёт конверт, Фролов прячет в карман.

Вы работаете — и мне хватает. Нос помочить.

Чегенёв. Макар в сталинские лауреаты метит.

Фролов. Не, правда, ребята: на Игарке я литейку ставил, в Тайшете ставил... Ведь как хорошо: нет тиглей — и спросу нет. Пока кокос есть, чугуны есть, льём себе помалу, и вам хватает, и мне. Лёжа кнута не добудешь. А поставь ты печь, да пойдёшь бронза, — так Арнольд со спины не слезет: давай да давай! Ведь я-то знаю, ребята! Я-то знаю! На неделю будешь пять раз лить, закружишься — то втулки, то хвосты, а процента не будет...

Димка устанавливает посреди литейки подставку вроде столика и вокруг неё — опоки как стулья.

Чегенёв. Какой процент! Заплатят по весу, как за чугуны, это ясно. Так балка — полтонны, а втулка — полкило. Попухнем мы, Макар, на твоей печке. Брось.

Фролов. Да никто такой печи!.. А какие мастера были! Бабушкин был, ай, формовщик, царство ему небесное! Уж теперь таких... В двадцать третьем году поучил меня с неделю — „поди, Васька, сюда! ты что, сукин сын, я слышал, — комсомолец?“ Я говорю — в пятницу приняли. Как освирипел, усами зашевелит: „Пошёл вон с моих глаз, паценок, в Бога не веруешь!“ И выгнал из литейки, а? Потомственный пролетарий, ничего не боялся. Так я и бросил комсомол, а то б литейщиком не был. *(Закашлялся сильно.)* Вот сон мне, ребята, худой приснился...

Яхимчук. А вы, Аксентийч, пойдите поспите, может, хороший увидите.

Фролов. Пойду, правда. *(Поднимается.)*

Яхимчук. Так насчёт масла, Аксентийч!

Фролов. Будет! Сказал — будет! У Фролова — свято слово. Спросит меня Арнольд — скажите, в Первое СМУ пошёл... Или во Второе...

Я х и м ч у к. Скажу — по профсоюзным делам вызвали.

Фролов уходит.

Сегодняшнюю швейную машину, друзья, не обрабатываем, подзадержим. Что-то Фролов с деньгами резину тянет.

Д и м к а. Крупу принёс вонялую, наверно — для свиней держал.

Сзади входит Н е р ж и н. Он подавлен. Нерешительно идёт в сторону выхода. Димка выносит чугунок на середину.

Я х и м ч у к. Что, завпроизводством, вы приуныли?

Н е р ж и н. Да что-то я, товарищ Яхимчук... *(Берётся за голову.)* Что-то я... Честное слово, на фронте, оказывается... легче.

Д и м к а. Ну, семейство! Каша готова!

Н е р ж и н. Семейство?

Д и м к а. Это — мой батя, это *(на Муницу)* — моя мамка, а это *(на Чегенёва)* — братуха. Житуха!

Я х и м ч у к. Садитесь с нами кашки поесть.

Н е р ж и н. Да нет. Спасибо...

Я х и м ч у к. Чего спасибо? Кто в лагере есть не хочет? *(Берёт за плечо.)* Садитесь, не обидите. Мы себе живём потихоньку, перебиваемся.

Нержин по ошибке едва не садится на горячую деталь.

Д и м к а *(кричит)*. Э! Прожжётесь!!

Все садятся, кроме Муницы, разглядывающего место будущей печи.

Я х и м ч у к. Ну, Макар! Сидайте. Желтэнька магара, як мамалыга.

М у н и ц а *(не идёт)*. Нибы вы добру мамалыгу колы йилы...

Ч е г е н ё в *(Нержину)*. Ты — с фронта прямо?

Н е р ж и н. Да.

Ч е г е н ё в. Балалаечник?

Н е р ж и н. Называют.

Ч е г е н ё в. Трень-брень, антисоветская агитация?

Н е р ж и н. Посчитали так.

Я х и м ч у к. Ну, Макар, начинаем без вас.

М у н и ц а *(идёт)*. Як то без мэнэ? Як то без мэнэ? *(Садится.)*

Начинают мерно черпать кашу. Нержин ест с трудом.

Я х и м ч у к. Вы — ешьте, ешьте! Кто в лагере *задумываться* начинает, тот срока не доживёт.

Н е р ж и н (*роняя ложку*). А — к а к тут дожить? Как вообще тут можно — жить?! (*Застывает.*)

Литейщики мерно черпают кашу.

Разрисованный занавес.

КАРТИНА 3

Строительная зона. Строящееся кирпичное здание, из глубины его иногда — мигающие вспышки электросварки. Позади сцены — столбы, колючка зоны и предзонника, безобразная тесовая вышка с часовым, дальше, сквозь все проволоки, — голая степь. Где-то далеко работает экскаватор — сюда доносится его характерное по-визгивание.

Куча строймусора, на невысоком штабеле горбыля сидит около десятка женщин нового этапа, уже переодевшихся в грубые рабочие одежды. На штабеле брёвен — десятка два мужчин, все — в изнеможённых телоположениях.

Разогретый солнечный октябрьский день после полудня.

Л ю б а (*тоскливо поёт при раскрытии занавеса*).

А через дорогу, за рекой широкой,
Тоже одинокий дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине, к дубу перебраться?
Я б тогда не стала гнуться и качаться.

Ж е н щ и н ы (*не поднимаясь, не шевелясь, подхватывают*).

Тонкими ветвями я б к нему прижалась
И с его листьями день и ночь шепталась.

Но нельзя рябине к дубу перебраться,
Знать ей, сиротине, век одной качаться.

1-я ж е н щ и н а. Мне почудилось — журавли улетают, а это экскаваторы курлычат.

2-я ж е н щ и н а. А и нехитрое дело, если журавли. Зима, девоньки, зима, припасайте потеплее.

Ш у р о ч к а (*ни к кому*). В третий лагерь я приезжаю, и вот этот первый день — самый страшный. Не день, а год... Двигаться — нет сил...

3-я ж е н щ и н а. Вот завезли... Вот завезли...

2-я ж е н щ и н а. Это ещё — не завезли. Где картошка в поле растёт — это ещё лагерь считается б л и ж н и й. Тут железная дорога близко, сюда — посылки круглый год и на свидания приезжают. Подожди, в Норильск отправят — там навигация полгода, закон.

Г р а н я (Любе, продолжая). Я ведь даже семи классов не кончила, а он об-ра-зо-ван-ный! доцент! И какая-то наука у него — египетские вазы разные, кувшины... У нас и дома много стояло. Такой он был нежный, а я что? — баба рязанская.

Л ю б а. А, брось. Нежных мужчин не бывает. Им только это нужно, больше ничего.

Г р а н я. Не говори, Люба, это тебе попадались такие... Ну, война началась, всё у нас наыворот: мужа не взяли на фронт, а меня по комсомольской линии да по авиахимовской, — я стрелок ужасный. За два года он мне писем написал — тысячу!

Л ю б а. Ты кем же была?

Г р а н я. Снайпером, потом командиром взвода, младшим лейтенантом.

Л ю б а. Фу, так ты на фронте...

Г р а н я. Нет! Именно нет! Поверишь?

Л ю б а. Никогда не поверю!

Г р а н я. Ведь я же понимала, что такого счастья второй раз мне не будет!.. И вдруг соседка пишет, что он связался с какой-то шлюхой опереточной. Меня как обожгло! — да не поверила я! У комдива отпросилась, на самолёт, в Москву! Рано-рано, только солнце всходило, прямо вышибла дверь и вошла в комнату. И на м о е й постели он с ней лежит. Я даже подумать не успела, только выхватила ТТ и — трах его на подушке!

Л ю б а. Насмерть?

Г р а н я. Пять минут жил.

Л ю б а. А я бы — её! её!

Г р а н я. Нет, именно е г о, раз понимать не может!.. А сейчас жалею... Плохим-то я его не знала, только в то утро...

Л ю б а. Вот я и говорю, что им только это нужно.

Г р а н я. Не может быть! не может быть!

Входят: стремительный Г у р в и ч, развевая плащом; десятник Г о р ш к о в — низенький старик с большими усами; и К у к о ч. За ними — Н е р ж и н, в шинели.

Г у р в и ч. Горшков! Почему люди сидят? Что, у нас работы нет? Я сказал — дать работу!

Г о р ш к о в. Какую я им работу?..

Г у р в и ч. Ну, хоть... траншеи копать.

Г о р ш к о в. Поставил десять человек, больше лопат нет.

Г у р в и ч. Почему ж нет? Странно.

Г о р ш к о в. Странно было б, если б были! Сейчас черенки насадят — ещё пять будет.

Н е р ж и н (*подавлен, говорит через силу*). Товарищ прораб. Как же мне людей процентовать? Я тогда акт просто составляю.

Г у р в и ч (*резко*). Ну, и пойдёте с ним в уборную, я не подпишу! Мы заявки на дополнительных людей не давали?

Н е р ж и н. Но люди приехали...

Г у р в и ч. Да какое мне дело? Мы их не просили. Вообще слушайте... Учтите — такие законники, как вы, — долго в лагере не живут!.. Горшков! Вот эту кучу мусора перенести... (*озирается*) вон туда! (*Показывает вглубь.*) Вот этих женщин поставишь.

Г о р ш к о в. Да носилки все у каменщиков!

Г у р в и ч. Почему запасных нет?

Г о р ш к о в. А вы мне тёсу расход подписали? Трясётесь над каждой доской.

Г у р в и ч. Бухгалтерия жмёт, что я могу сделать? Возьми у каменщиков четверо носилок.

Г о р ш к о в. А кирпичи чем подносить?

Гурвич отмахивается. Горшков, Граня и ещё две женщины уходят.

Г у р в и ч. Мужской бригады кто старший — вы?

К у к о ч. Инженер Кукоч.

Г у р в и ч. Вы инженер?

К у к о ч. Строитель.

Г у р в и ч. Это хорошо. Впрочем, у меня инженеры тоже землю копают, что поделаешь. Даже академик тут один был. Заболел.

Н е р ж и н. Я слышал — умер.

Г у р в и ч. Не знаю. Забирайте своих мужчин и вон туда (*показывает*) идите. Найдём сейчас работу, найдём, расставим.

К у к о ч (*резко командно*). Ар-тисты!! Кон-чай Ташкент! Пошли вкалывать!

Мужчины тяжело поднимаются. Голоса:

- Три дня должны в карантине держать!
- Не доложны на работу гнать!

Уходят все мужчины и Нержин.

Г у р в и ч (*описал круг, всё зорко оглядывая*). Алё! Девушка! Подойдите!

Люба подходит.

Вы из нового этапа?

Л ю б а. Сегодня привезли.

Г у р в и ч. У вас как... ноги... хорошие?

Л ю б а. А... в каком смысле?

Г у р в и ч. Мне нужна посыльная в контору. Будете бегать по всем этажам, по всему двору. Кабинет мне убереёте. Обед сготовите. Я в перерыв не успеваю домой. Сумеете?

Л ю б а. Я — всё умею!

Г у р в и ч. Вы мне нравитесь. Пошли сразу, в курс дела введу.

Быстро входят Ш а р ы п о и Г о р ш к о в.

Ш а р ы п о (*кричит*). Я по новой штукатурить не буду! За два раза отштукатурили с перетиркой!..

Г о р ш к о в. Ну, не загибай, Шарыпо, — без перетирки.

Ш а р ы п о (*громче*). Как без перетирки?! Давайте комиссию по качеству!!

Г у р в и ч. Да что случилось? Замолчи ты, Шарыпо!

Ш а р ы п о (*ещё громче*). Никогда я не замолчу!! Я — горой за работягу! (*Тихо, спокойно.*) Дай закурить, десятник.

Г о р ш к о в (*даёт*). Что прораб по электромонтажным смотрит? Скрытой проводки не сделали в срок, теперь электрики пришли и в штукатурке канавки рубят для проводки, панели дверные поцарапали, а они окрашены...

Ш а р ы п о (*опять горячась*). ... за два раза!

Г о р ш к о в (*отмахиваясь*). ... за один раз!

Ш а р ы п о (*кричит*). Всю дорогу бардак! Ещё сантехники придут батареи переставлять, шлямбурами стенку долбать, точно!!

Г у р в и ч (*Любе*). Ищите, ищите Кузнецова!

Л ю б а (*мгновенно входя в роль, громко кричит, убегая*). Кузнецо-ов! Кузнецо-ов!!

Г у р в и ч. Разболтай! Халтурщики! Пьяницы!

Стремительно уходит, за ним Горшков.

3-я ж е н щ и н а (*вскочив проворно*). Бригадир! Дай докурить!

Шарыпо ещё затягивается, отдаёт, шлёпает её, уходит.

Ш у р о ч к а. Спаси нас, Боже, от такого бригадира! „Горой за работягу” — а сегодня, видели? — свалил работягу и ногами бил.

2-я ж е н щ и н а. А почему, думаешь, бригадиры по пятнадцать лет в лагерях выживают? На нас они и выживают.

1-я ж е н щ и н а. Вот Любке повезло! И — филонить, и будет чего пожрать.

3-я ж е н щ и н а. Повезло! Чего ж тебе не повезло?

4-я ж е н щ и н а. С её жизнью — ещё год-два, на неё уж и смотреть не будут.

3-я ж е н щ и н а. А ей два и осталось: зима-лето, зима-лето.

4-я ж е н щ и н а. Ну, а на волю выйдет?

1-я ж е н щ и н а. Катенька! До воли дожить надо.

3-я ж е н щ и н а. Она и на воле не пропадёт. Это всегда так. Как после войны мужиков ни мало, у одной всегда будет в ó (*показывает по горлу*), у другой — ни одного.

Возвращаются Г р а н я с двумя женщинами, тремя носилками, двумя лопатами.

Г р а н я. Ну, девчата, день до вечера, давайте ковыряться. Шестеро носят, двое нагружают... А кого нет?

4-я ж е н щ и н а. Любку прораб в контору забрал.

Г р а н я. Чего делать?

2-я ж е н щ и н а. Не понимаешь?..

Женщины разбираются и начинают носить мусор помалу, похоронно-медленными движениями, подолгу останавливаясь у мест загрузки и разгрузки. Сперва ещё слышны разговоры.

О д н а и з ж е н щ и н. Ну что этой лопатой делать, что? Она в кучу не лезет.

Г р а н я (*сидясь у ковша*). Да как-нибудь, чёрт с ней, меняться будете. Уголком цепляй.

1-я ж е н щ и н а. Девчата! Неужели ужинать не дадут?

Ш у р о ч к а. Конечно, нет. Ты слышала, óхра сказала,

что конвой оформил нам, будто мы удовлетворены по сегодня.

1-я женщина. Но как это можно? Мы ж не получали!

2-я женщина. Посидишь — узнаешь.

3-я женщина. В лагере — всё можно!

4-я женщина. Подавились бы они этим селёдочным хвостом, гады!

Входит К у к о ч, идёт к задумавшейся Гране, садится неподалёку от неё.

К у к о ч. Ну, Граня, как тебе лагерёк?

Граня молчит.

Доходиловка подходящая. Хотя, как говорится, если работяга в ложке нуждается — это ещё лагерь хороший. Доходиловка — когда миску пьют через бортик.

Граня молчит.

Попухли мы на этом этапе. Всё производство обошёл — ничего не могу выдумать. Придётся там, в зоне, покомбинировать. Уже врач у меня на крючке.

Г р а н я. Зачем ты мне всё это говоришь?

К у к о ч. А кому мне говорить? *(Пауза.)* Четыре года я в лагерях сижу — дня на общих не работал и не буду! По трупам пройду — но устроюсь.

Г р а н я. Я знаю.

К у к о ч. Ты таким тоном, будто меня упрекаешь. На твоей совести, наверно, побольше.

Г р а н я. Может, и больше. Но на войне как-то н-не так. Я не могу объяснить, но н-не так...

К у к о ч. Да то же самое! Подлый предрассудок! Десятки людей ты подстрелила — тебе за это ордена на грудь, и ты фасонишься. А первого лично хлопнула — тебе десять лет. *(Не давая возразить, горячо.)* Оставь эту дурацкую честность! Ещё никто честный срока не досидел. Ты — первый год, ты ещё не поняла. Сегодня же вечером я начну действовать. Я сделаю всё — для двоих!

Г р а н я. Делай — для одного...

К у к о ч. Я выстелю тебе лагерь так — ты не заметишь, что здесь проволока! Тебе ещё десять лет сидеть, Граня, подумай! Ты на воле б только рот разинула, когда б я мимо тебя на машине пронёсся. Я инженер, я талантливый человек, я концентрированная энергия, блестя-

щий собеседник, ты не понимаешь этого, — кем бы я был, если бы не сел!

Г р а н я. На что мне твой ум?

К у к о ч. Ты фронт забудь! И волю забудь! здесь — свои законы жизни. Здесь — ГУЛАГ, незримая страна, которой нет в географиях, психологиях и историях, та знаменитая страна, в которой девяносто девять плачут — один смеётся!! Я предпочитаю — смеяться!

Г р а н я. А мне — не смешно.

К у к о ч (гладя её руки). Мне будет жаль тебя впустить. Но — обойдусь. А ты? Ты пока бригадиршей была, ты ещё не отведала общих работ! Ты скоро-скоро потеряешь эту гордость, этот румянец и за пятьсот грамм слипшегося хлеба ляжешь в постель к такому ничтожеству... Граня!

Г р а н я (отнимая руку). Ладно. Сдохну под сосной. Я запуталась. Я сама не могу понять... Уйди, пожалуйста... Уйди!

Кукоч подымается, некоторое время стоит, потом медленно уходит.
Женщины похоронно-медленно носят носилки с мусором.

Разрисованный занавес.

КАРТИНА 4

Маленькая голая комната в здании барачной постройки. На единственном окне — марлевая занавеска. Дверь из свежей неокрашенной фанеры. Один стол — наискось в углу (на стене — дощечка: „Зав. производством”), другой — у задней стены (дощечка: „Нарядчик”). Две-три табуретки да нелепая скамейка посреди комнаты, на дороге.

Электрический свет, за окном темно.

Сидят: за главным столом — Н е р ж и н в шерстяной гимнастёрке, сбоку стола п р и е з ж и й н а д з и р а т е л ь, старик в истёртой шинели с голубыми погонами и лычками сержанта; за другим столом — К о с т я, тоже в новой офицерской гимнастёрке с широким офицерским ремнем. Он не выпускает изо рта папиросы и похож на Маяковского.

Н а д з и р а т е л ь. Ну, поищи, поищи! С малыми сроками. Понимаешь... Не положено тебе об этом говорить, да вы и сами всё знаете... Командировка у нас лесная, глушь, охрана слабая, всё инвалиды вроде меня, демобилизации не дождёмся... Десятилетников я не могу брать.

Н е р ж и н (*раздражённо*). Откуда я вам, сержант, наберусь малосрочников? Я виноват, что трибуналы меньше десяти не дают? Ну вот, пожалуйста, восемь лет. Берёте? (*Просматривает список.*)

Н а д з и р а т е л ь. Восемь? Ладно, давай.

Н е р ж и н (*записывает*). Калашникова Акулина Демьяновна.

Н а д з и р а т е л ь. Специальность какая?

Н е р ж и н. Никакая. Домохозяйка. Лес валить — какая специальность!

Н а д з и р а т е л ь (*вздыхает*). Старуха, наверно.

Н е р ж и н. Тысяча девятисотого года, сорок пять лет. (*Пишет.*) Статья... пятьдесят восемь-восемь...

Н а д з и р а т е л ь (*живо*). Чего-чего? Террор?

Н е р ж и н. Террор. Да через девятнадцатую — намеревалась только... Наверно, на базаре чего сболтнула.

Н а д з и р а т е л ь (*пальцем не даёт Нержину писать*). Не-не, террору не могу. Вычёркивай.

Н е р ж и н. Ну, сержант, я тоже так не могу. Мне надо сейчас ночью весь новый этап по бригадам разбить, в прод-стол — разнарядку, утром — на работу. Когда мне с вами возиться? Выбирайте сами! (*Суёт ему список.*)

Н а д з и р а т е л ь. Слушай, я без очков не вижу. И вообще неграмотный. Ну, я тогда с нарядчиком...

Н е р ж и н. И нарядчик занят, не трогайте.

Н а д з и р а т е л ь. Да, вот ещё что! Ты мне парикмахера обязательно дай. Был у нас хороший парикмахер, грузин, дезертир, дай Бог ему здоровья, ну — по амнистии освободился. Теперь третий месяц лохматые все ходим — и зэки, и охрана.

К о с т я. Парикмахера? Подожди-ка. (*Подходит, берёт список.*) Вот что, старина, ты уваливай на вахту, тут сейчас с работы придут, шум, бригадиры, я к тебе на вахту приду — за полчаса отберём. Лапа будет? Две пачки „Беломору”.

Н а д з и р а т е л ь. „Прибоя”.

К о с т я. За шестьдесят работяг — две пачки „Прибоя”?

Н а д з и р а т е л ь. А парикмахер будет?

К о с т я. Ещё „Катюши” пачку прибавишь. Не темни! Из посылок берёшь.

Н а д з и р а т е л ь. Ну, лады, только приходи побыстрей, машины вот-вот... (*Уходит.*)

Н е р ж и н. Костя! Тут и так работы с новым этапом, на хрена ты связался?

К о с т я. Вот ты ещё... олень! Ты ещё ничего не понимаешь. Я ему доходяг спихну, и из нового этапа, и из своих. Зима подойдёт — все в санчасть, *косить*, дрыном не отгонишь. Я знаю! Пусть едут. *(Хлопает в ладоши.)* Ангел!

В дверях появляется А н г е л — молодой однорукий дневальный.

Н е р ж и н. За что его Ангелом зовут?

К о с т я. А он по лагерю летает и рукавом пустым махает, как крылом. Ангел! Из нового этапа вызови ты мне... *(Смотрит в список.)* Негневицкую. Любка зовут. На цырлах!

А н г е л. Есть Негневицкую Любку на цырлах! *(Убегает.)*

К о с т я. Вот она — парикмахер. Я пошёл. *(Из дверей, подмигивая.)* Курить — будем!

Соткнувшись с ним в дверях, входит бригадир Б е л о б о т н и -
к о в, хромой старик в валенках. Ещё не прикрыв за собой двери,
он громко говорит.

Б е л о б о т н и к о в. Тут стрóевку подписать, Глеб Викентийч! *(Закрыв дверь, хромает к столу. Оглядываясь, тихо.)* Против вас заговор, Глеб Викентийч! Соломон, Титок, потом Рубен-кладовщик, Посошков-комендант и этот... Ка-Вэ-Че. Я инвалид, меня на общие не погонят, только сердце горит, Глеб Викентийч! В бухгалтерии сижу — всё слышу. Начальника лагеря ждут, чтоб на вас накапать. Книгу приказов у Соломона отберите, отберите книгу приказов! И нарядчику не доверяйте, он и нашим и вашим. Аморальный человек!

Н е р ж и н *(оживляясь)*. Спасибо, папаша! Я их — огневым налётом! Ста-пятидесяти-двух!

Б е л о б о т н и к о в. Но — осторожней. Они и срок пришить мастера. В нашем лагере вторые срока клепают — у-у!

Нержин угасает. Входит пышная Б э л л а.

Б э л л а. Вы разрешите?

Белоботников ухрамывает.

Будем знакомы. *(Протягивает руку, Нержин пожимает; Бэлла плавно садится.)*

Н е р ж и н *(над бумагами, нервно)*. Быстренько — что?

Б э л л а *(ничуть не торопясь)*. Вы не представляете,

как приятно видеть за этим столом не какого-нибудь лагерного хама, а образованного интеллигентного человека. Все лучшие люди нашего лагеря просто восторгались при вашем назначении.

Н е р ж и н. Какой я интеллигент! Четыре года — солдат, теперь — арестант.

Б э л л а. Ах, оставьте, ведь я же вижу человека! Я сама из хорошей семьи.

Н е р ж и н. Очень прошу вас, ближе к...

Б э л л а. Вам на первых порах необходимо поставить на все ключевые посты своих людей. Без этого у вас не будет реальной силы. В частности, речь идёт о хлеборезке. Я раньше уже там работала. Меня сняли на общие работы по ложному обвинению, будто я не довешиваю пайки. Вы можете полностью на меня рассчитывать. Если я буду работать в хлеборезке, то минимум три килограмма в день всегда ваши.

Н е р ж и н. Слушайте, мне лично...

Б э л л а. Н е в а м, не вам лично! Конечно, вы не станете кушать чёрного хлеба! Но — продать, но поменять на водку, но кого-то, так сказать, премировать, — ведь вам же надо будет расплачиваться с преданными вам людьми. А как же? Вы ещё молодой лагерник, вы поймёте это потом.

Н е р ж и н. Простите, вы — по какой статье?

Б э л л а. Какое это имеет значение? По сто седьмой.

Н е р ж и н. Спекуляция?

Б э л л а. Боже мой, какая спекуляция! Пенициллин, патефонные иголки. Очень выгодно, чистенько. *(Кладёт на стол Нержина что-то в бумажке.)*

Н е р ж и н. А это что?

Б э л л а. Это так... вам... На начало жизни. *Полкуска.*

Н е р ж и н *(не разворачивая)*. Какого куска?

Б э л л а. Боже мой, ну, кусок — значит тысяча.

Н е р ж и н. Ни в коем случае! Ни в коем случае! Возьмите сию минуту! *(Силой отдаёт.)*

Стук.

Да-да!

Робко входят 1-я и 2-я студентки, ещё прилично одетые.

О б е. Разрешите, товарищ начальник?

1-я. У нас к вам большая просьба...

2-я. Нас только сегодня привезли...

1-я. И уже ходят слухи, что отправят дальше.

Н е р ж и н. Да, отправят.

1-я. У нас к вам очень большая просьба — оставьте нас здесь!

2-я. И главное — не разлучайте!

Бэлла уходит с достоинством.

Н е р ж и н. Статья?

2-я. Пятьдесят восьмая, конечно.

Н е р ж и н. Пятьдесят восьмая? Хорошо, оставлю. Вы — кто, девочки, будете?

1-я. Студентки.

Н е р ж и н. Какого института?

1-я. Бывшего Историко-Философско-Литературного, потом влился...

Н е р ж и н. Ах, МИФЛИ! Запорожская сечь свободной мысли?! Германа Никитича Медноборова знали?

1-я. Ой, как же! Он у нас читал.

2-я. Какая встреча! А вы... ?

1-я. Среди студентов после войны такие аресты!

Н е р ж и н. Тш-ш! Вы не думайте, что здесь — можно говорить свободно. У вас — по десятке?

О б е (вместе). Нет, по пять лет!

Н е р ж и н. Так тем более берегитесь! Лагерный срок навесят — не оглянетесь.

Л ю б а (быстро входит). Вы меня звали?

Н е р ж и н. Фамилия?

Л ю б а. Негневицкая.

Н е р ж и н. Звал. Ну, хорошо, девочки, мы ещё поговорим.

1-я и 2-я студентки (вместе). Большое, большое спасибо! (Уходят.)

Н е р ж и н. Вы... (Потерял мысль.)

Л ю б а. Я...

Н е р ж и н. Парикмахер?

Л ю б а. Часовой мастер.

Н е р ж и н. Как так? А в списках... (Роемся.) Да, чёрт, списки забрали. А в списке написано, что вы — парикмахер?

Л ю б а (пытливо, стараясь угадать). Я... и парикмахер.

Н е р ж и н. Ай да молодец! На все руки?

Л ю б а. Но здесь, я слышала, парикмахер есть?..

Н е р ж и н. Не здесь, на лесную подкомандировку.

Л ю б а (живо). Так я не такой парикмахер, я — театральный, парики делаю.

Н е р ж и н. Театральный? Да вы сами-то кто? Негневицкая. Вы полька, что ли?

Л ю б а. Нет, почти русская. Это прадед мой был польский ссыльный в Сибирь, за восстание. Нет, не посылайте меня, пожалуйста!

Н е р ж и н. Милая, да я бы никого не посылал, всех жалко, но кого-то надо?

Ш а р ы п о (*врываясь и ведя за собой р а б о т я г у*). Слушай, начальник производства!! Что за порядки?! Надоело это гадство! Падлы сидят, задницы греют!

Н е р ж и н. Тихо, тихо, в чём дело?

Ш а р ы п о (*всё так же кричит*). Ботинки привезли, зажимают в каптёрке! Во работяги ходят, во, покажи!

Работяга поднимает по очереди ноги и хлюпает почти нацело оторванными подошвами чуней. Люба тем временем скрывается.

Сволочь бухгалтерская! Счёты ему об морду изобью! Для придурков ботинки заначили! И ты — с ними, завпроизводством?

Н е р ж и н (*повелительно*). Сядь, Шарыпо! (*Хлопает в ладоши.*) Ангел!

А н г е л в дверях.

Старшего бухгалтера — быстро ко мне!

Ангел исчезает. Шарыпо садится.

Сколько ботинок получили, точно знаешь?

Ш а р ы п о (*уже не кричит*). Пятнадцать пар.

Дверь приоткрывается и колеблется. Крики:

— Очередь! Куда без очереди?

К у к о ч. Ти-ха! (*Закрывает за собой дверь, развязно входит.*) Что ж у вас кабинет такой скромный, завпроизводством? Свои строители, отделали б шик-блеск-траляля! (*Садится.*) Знакомиться пришёл. Угощайтесь, — „Казбек”.

Нержин берёт, закуривает. Кукоч, не вставая, издали едва протягивает коробку в сторону Шарыпо.

Кури, бригадир.

Ш а р ы п о (*не шевельнувшись*). Иван, подай папиросу.

Работяга подходит к Кукочу, берёт одну папиросу и несёт своему бригадиру.

А н г е л *(входит)*. Товарищ начальник! Старший бухгалтер занят.

Н е р ж и н *(переклоняясь вперёд, гневно-командно)*. Я сказал — вызвать старшего бухгалтера!!

Ангел исчезает.

К у к о ч. И давно вы в лагере?

Н е р ж и н. В этом — пятый день. А вы?

К у к о ч. Вообще — пятый год. А вы?

Н е р ж и н. Этим летом осуждён.

К у к о ч. Были в плену?

Н е р ж и н. Нет, с фронта... А вы?

К у к о ч. Хуже фронта. В наркомате работал. Москва, сорок первый год, бомбёжки, кошмар. И — в каком звании?

Н е р ж и н. Капитан. И — по какой статье?

К у к о ч. Семь восьмых. Машина сахара.

Н е р ж и н. Броню имели?

К у к о ч. Да, бронь. Понимаете, такой интересный номер: жену сослали в Нарымский край, а я остался в Москве. Если к ней поеду — бронь ломается, возьмут на фронт, всё равно не вместе. Так и не поехал.

Н е р ж и н. Она что же? — по пятьдесят восьмой?

К у к о ч. Собственно, семь-тридцать пять, социально-опасный элемент. Она — дочь служащего с КВЖД, воспитывалась за границей. Меня НКВД предупреждало: молодой человек! вы её очень любите? У вас биография кристальная, не советуем жениться. Надо было послушаться, но знаете, что делает с джентльменом хорошенькая женщина! Теперь она там с ребёнком, ребёнка порвали эскимосские собаки, кругом тундра, врачей нет...

Ш а р ы п о *(вновь повышая голос)*. Слушай, завпроизводством, ты у себя хозяин или нет?

Нержин порывается выбежать, но тут же входит с большим достоинством С о л о м о н. Он в новенькой хлопчатобумажной спецовке, по-лагерному франтовской.

С о л о м о н. Что случилось? Земля перевернулась?

Н е р ж и н. Во-первых, случилось то, что если вы хотите остаться старшим бухгалтером, то надо являться на вызов. Во-вторых, сколько пар ботинок вы получили и почему не доложили?

С о л о м о н *(очень медленно)*. Мы их ещё не заприходовали.

Ш а р ы п о. Соломон Давыдыч, не раскидай чернуху! Завбаней одел — раз, зубтехник одел — два.

Н е р ж и н. Сколько пар вы получили?

С о л о м о н. Двенадцать.

Н е р ж и н (*резко*). Пятнадцать! Я с вами не в бирюльки играю. Розданные пары немедленно с придурков снять! Через десять минут получите от меня разнарядку, раздадите по ней.

С о л о м о н. Вы не имеете права так... Вы отрываете от людей!

Ш а р ы п о. От придурков, а не от людей!

С о л о м о н. То пайки дополнительные сняли с бухгалтерии, то — пятнадцать пар на пятьсот человек! Капля в море! Начальник лагеря сам будет распределять, когда приедет.

Н е р ж и н. Начальник лагеря оставил своим заместителем — меня!

С о л о м о н (*сдержанно*). Товарищ Нержин. Но вы же не глупый человек! На завбаней они не порвутся, а на работаге в три дня порвутся.

Ш а р ы п о (*кричит*). Для того и ботинки, чтоб их рвать!

С о л о м о н (*указывая на обувь работаги*). Вот так рвать, как ты порвал? Когда сюда шёл — сам порвал?

Ш а р ы п о (*остывая*). Не будь слишком умный, Соломон Давыдыч.

С о л о м о н (*Нержину*). Зима ещё не наступила. Когда снег — тогда и ботинки.

Н е р ж и н. Когда работаги уже простудятся? Восемнадцатое октября. Не лето. У меня всё.

С о л о м о н (*спокойно*). За это самоуправство вы будете отвечать перед начальником лагеря! Люди тут годами живут, а вы — неделю и всё переворачиваете.

Н е р ж и н (*кричит*). Да я вас завтра же выгоню на общие!

С о л о м о н (*невозмутимо Кукочу*). У вас — „Казбек“?

К у к о ч (*подымаясь и предлагая*). Да, да, пожалуйста, Соломон Давыдыч.

Соломон закуривает и степенно уходит.

Соломон Давыдыч, один вопросик! (*Нагоняя, уходит за ним.*)

Н е р ж и н (*некоторое время смотрит им вслед; потом отрывает бумажку, пишет*). Тебе, Шарыпо, — две пары.

Входит степенный Я х и м ч у к, сверкая лысиной.

Ш а р ы п о (враждебно). Завпроизводством!..

Н е р ж и н. А блатных возмёшь в бригаду?

Ш а р ы п о. На фуя мне твои блатные? Своих кормить нечем.

Н е р ж и н. Ботинок две пары. Всё. Можешь идти.

Ш а р ы п о. Смотри, круто гнёшь, обломишься! Пошли, Иван. Две пары! На тридцать пять человек! (Уходит с работагой.)

Н е р ж и н. Яхимчук! Ты — старый лагерный волк. Ты четырнадцать лет сидишь. Значит, все годы, что мы воевали, защищали, — а здесь было так?

Я х и м ч у к (сидит). Хуже было гораздо. Вместо хлеба зерно выдавали. Смешаешь со снегом — вот и суп. Отказчиков на разводе расстреливали. Сейчас — курорт.

Пауза.

Н е р ж и н. Хоть одного блатаря — возьмите.

Я х и м ч у к. Сколько лагеря стоят — никогда блатаря не работали. Бригадиров, нарядчиков — убивали...

Н е р ж и н. Сегодня обещали и мне...

Я х и м ч у к. Советская власть блатных любит. Они — „социально-близкие”.

Н е р ж и н (в волнении). Великолепно получается! Кто убежал с фронта, дезертир, — теперь по сталинской амнистии прощён! Кто не бежал, а дрался и в плен попал, — враг. Я на фронте фашистов четыре года бил — значит, я здесь фашист! А кто в тылу воровал и убивал — тот „социально-близкий”! (Отмечает.) Ботинок вам одна пара. Бригада мала.

Я х и м ч у к. Глеб Викентийч, вы не смотрите, что Шарыпо — на горло, а я тихий. То главное — горят ботинки, горят. Чугун жидкий летит — прожигает, на деталь горячую станет — подошва горит. Процент у нас двести, стахановцы. На литейку и кузню — четыре пары дайте.

Н е р ж и н. Да что вы? — четыре! Шарыпе дал две! Две и вам, ладно. (Записывает.)

Я х и м ч у к. Добро, не пожалеете. (Идёт к двери, потом возвращается.) В общем, так: сидите здесь — хорошо, погорите — возьму в литейку, ничего не бойтесь.

Н е р ж и н. Спасибо, Николай... Захарович. Пока — сижу.

Яхимчук уходит. Нержин один.

Пока... Что с моей головой? Я в каком-то злом сне... Зачем я полез в начальники? Я думал, это как в армии: офицер! приказ... хо-го!.. Какой-то гадливый ужас — чтобы только самому не попасть на общие. Общие — это смерть! (Пауза.) Но начальником здесь быть — ещё хуже смерти...

Несколько раз в дверь стучат. Наконец Нержин слышит.

Да!

Входит Ш у р о ч к а. Она в модной шляпке, цветном пальто.

Ш у р о ч к а. Разрешите? Здравствуйте. Простите, что я вас беспокою...

Н е р ж и н. Да. Что вам? Остаться?

Ш у р о ч к а. Как! А ещё будут увозить?

Н е р ж и н. Конечно. Куда нам столько.

Ш у р о ч к а. Тогда — остаться! остаться! И так завезли!.. Я всю жизнь прожила в Москве.

Н е р ж и н. Какая статья?

Ш у р о ч к а. *Общедоступная*, какая!

Н е р ж и н. И в ы занимались политикой!

Ш у р о ч к а. Что вы, что вы! — я театралка! я поклонница всего изящного! Просто слышала разговор и не донесла... Как мне устроиться на какую-нибудь... канцелярскую работу?

Н е р ж и н. Нич-чего нет.

Ш у р о ч к а. Я работала секретарём. Немножко машинисткой. Немножко бухгалтером. Меня зовут Шурочка.

Н е р ж и н (*кивая*). Я представляю... Вы на премьерах выбегали к рампе и, надев сумочку на локоть, кричали „браво“ Остужеву. Этот билет, обязательно на премьеру, вы на долгие сбережения покупали у перекупщиков, да? Увы, я сам тут без году неделя и ничего не могу вам... Зайдите в КВЧ, в бухгалтерию. Может быть, сумеете понравиться.

Ш у р о ч к а. *Понравиться?..* Вы хотите сказать...

Н е р ж и н. Я не это хотел сказать. Но получается...

Ш у р о ч к а (*с порывом*). Скажите! Почему в лагере люди становятся такими ужасными?! Неужели они и на воле были такими, только скрывались?..

Входит приезжий надзиратель.

Н а д з и р а т е л ь. Ну, слушай, завпроизводством! Парикмахера нашёл?

Н е р ж и н. Парикмахерша, только театральная.

Надзиратель. Баба? Вот эта?

Шурочка вспыхивает и уходит.

Ничего, лишь бы ножницы из рук не вываливались.

Нержин. Где ж она есть? (Хлопает.) Ангел!

Ангел в дверях.

Вот эту первую девушку, что ты звал, резвую такую, — давай её сюда!

Ангел исчезает.

Ну, подобрали этап?

В дверь стук. Входят 1-я и 2-я студентки.

Надзиратель. Подобрали. Кота в мешке купил, не знаю, кого. Оглядеть некогда, уж машины на вахте.

1-я студентка. Товарищ начальник!

2-я студентка. Простите нас!

Нержин. Что такое?

1-я студентка. Мы хотели бы уехать. Говорят, этап хороший.

Надзиратель. Это мой этап? Конечно, хороший. В лесу. Летом смолой пахнет. Как на даче.

Нержин. Но сейчас к зиме.

Надзиратель. И зимой хорошо: конвоем не хватает, на работу зэков не выводим, ле-е-жат себе на нарах. Пиши их, пиши! (Суёт Нержину список.)

Нержин. Жалеть будете, девочки!

Обе. Не будем, не будем, пишите!

Нержин вписывает.

Надзиратель. За вещами и — на вахту, быстро!

Студентки с возгласами убегают.

Вот дурочки! Болота, комары, лесоповал — на что они годятся? Ну, может, какая лейтенанту понравится, он у нас на баб разбойник. Баб нет у нас, мужики одни, тоже-ть изголодались. И парикмахершу возьму. Вот радость будет!

Входит Люба.

Нержин. Ну, куда ж вы убежали? Тут и так голова затуркана. (Надзирателю.) Вот она!

Люба. Да, но я не знаю, го-жу-сь ли я?

Надзиратель. Годишься-годишься. Такая девка-коза!

Люба подходит ближе и протягивает руки. Её пальцы — в чёрных волдырях.

Н е р ж и н. Что у вас с руками?

Л ю б а. Не знаю, не говорят. Лечат. Может, заразное...

Н а д з и р а т е л ь. А может, пройдёт?

Л ю б а. Да уж больше года мучаюсь.

Н а д з и р а т е л ь. Ай, беда, такая девка славная... Как же нам?.. Ещё чуток волосы отпустим — шерсть валять будем, валенки катать. Ну, иди, что ж. У нас там и санчасти нет.

Люба уходит.

Н е р ж и н. Как же без санчасти?

Н а д з и р а т е л ь. А ничего, обходимся. У нас без врача как-то и не болеют. Жив-жив, потом смотришь — помер. Без хлопот. (Уходит.)

Входит Г а й. Нержин подымается и здоровается с ним за руку.
Гай садится.

Н е р ж и н. Павел Тарасович! Четверо блатных. Куда девать?

Г а й. Четверо — много. А двоих давай, что ж делать.

Н е р ж и н. Работать — не хотят.

Г а й. У меня — будут.

Н е р ж и н (записывая). Геройский ты парень, Павел Тарасович. Ты кем был на фронте?

Г а й. Спроси, кем не был. Наводчиком зенитки был. В штрафной был. Командиром взвода сорокапятков был. Своими руками двух мессершмиттов сбил. Жалею.

Н е р ж и н. Жалею, Павел Тарасович, и я. За какой бардак воевали?

Звон отбоя во дворе.

Ах, и поговорить некогда, разобраться...

Г а й. У меня вот здесь — бурлит всё! Сидел я во фронтовой контрразведке СМЕРШ — орлы были в камере, ну просто орлы! Когда нам рассказывали про лагерь, мы думали — это Пятьдесят Восьмая стала такая затруханная, рахитики, мы поедem — всё повернём. А приехали сюда — как топор в тесто. Всех пораскидали. Мало нас. Давайте думать, что делать будем? Оружие добывать? В побег уйдём?

Н е р ж и н. А дальше что? К медведям в тайгу?

Г а й. Я четыре года как дурак за них воевал. Где голова была?

Н е р ж и н. Надо как-то учиться — не бежать. Надо как-то... чтоб *они* от нас побежали...

К о с т я (в дверях). Р-разойдись, приёма нет! Атбой был! Завпроизводством занят.

Слышен ропот голосов.

Ангел! Никого не пускать! (Входит.) Ну, порядочек, от-правили, спихнул фитилей десятка два.

Н е р ж и н. Двух блатных Гаю отдаю.

Гай прощается с обоими за руку.

К о с т я. Как закон!

Гай уходит. Костя кладёт перед Нержиным пачку папирос.

Твой „Беломор”. (Хлопает.) Ангел!

А н г е л появляется.

Беги на кухню, чтобы быстро котлетки или мясо поджари-ли, на двоих.

Н е р ж и н. Стой, стой, Костя! Это — для нас?

К о с т я. Ну, а для кого же?

Н е р ж и н. Иди, Ангел, не надо.

Ангел уходит недовольный.

Костя! Парень ты симпатичный, но — никогда и ни в ко-ем случае!

К о с т я. Ты — тот ещё керя! Фраер зелёный! Как же ты жить будешь в лагере? Баланду лопать?

Н е р ж и н. Как все — так и я.

К о с т я. Ну, и подохнешь через неделю.

Н е р ж и н. Люди ж недохнут...

К о с т я. Дохнут! Ещё как дохнут! Или в центральную больницу или в братскую яму сразу. Один процент в день как норма военного времени. Я строёвки писал, знаю. Нет уж, попал на это место — так слушай меня. Иначе на об-щие слетишь в момент.

Н е р ж и н. Нет, ну их к чёрту, общие!

К о с т я. То-то. (Достаёт из кармана поллитра и, спи-ной к двери, наливает в глиняную кружку.) Тут я принёс по десять капель на зуб, пей! Чем теперь закусывать бу-дем?

Н е р ж и н (пьёт). Ну что за человек? Откуда? (Пьёт.) В лагере ж она запрещена... Я думал...

К о с т я. Тут-то её и пьют, тюря! (Выпивает осталь-ное, прячет в свой стол пустую бутылку.) О! Сала шма-точек! Я и забыл. Закусывай. (Режет.) Это один латыш

принёс за то, что я его в другую бригаду перевёл.

Н е р ж и н. И ведь ты скажи, на фронте у меня бочка его была, трофейного спирта, ребятам каждый день выдавал, — сам не пил. А здесь приятно.

К о с т я. Вообще ты — тяжёлый тип.

Н е р ж и н. Слушай, когда ж мы новый этап по бригадам разобьём?

К о с т я. Успеем, ночь большая.

Н е р ж и н (хмелея). Я блатарей двух Гаю отдал... Или говорил? Костя! Ты прости меня... А ты сам немножко не из блатных?

К о с т я. А что? Похож?

Н е р ж и н. Да есть чуть-чуть.

К о с т я. Я — сука.

Н е р ж и н. Как-как?

К о с т я. Сука, говорю, сука.

Н е р ж и н. Это что ж значит?

К о с т я. А это значит — от блатных откололись, ссучились, нарядчиками работают, бригадирами, комендантами, то есть псам помогают, — а блатным не положено. Живём так: трое сук, один блатной — зарежем; трое блатных, один сука — зарежут.

Н е р ж и н. Ну, а я по-лагерному — кто?

К о с т я. Ты? Я ж тебе говорю — олень. Сидор Поликарпович, вот ты кто. Как человека я тебя не одобряю. Но рубишь ты их правильно, за это я тебя полюбил. Тут придурки — кубло́, во́ кубло. (*Показывает переплетение.*) И я тоже из того кубла, учти. Только мы с Рубеном-кладовщиком бабы не поделили. Так или я его на лесоповал, или он меня на лесоповал. Поэтому я с тобой могу. Могу вместе. Учти, я надёжный парень, выручка в бою, порядок морской. Сейчас нам — что?

Н е р ж и н (совсем опьянев). Да, — что?

К о с т я. Кухня: старший повар — мой человек, порядок. Раз. (*Загибает палец.*) Хлебореза своего поставить — два. Вещкаптёра своего — три... (*Загибает.*)

Разрисованный занавес.

В а н т р а к т е, не тотчас, — смена часовых на вышках у сценического портала. Сменив одного часового, р а з в о д военным шагом спускается, проходит перед первым рядом партера (если там толпятся зрители, р а з в о д я щ и й грубо кричит: „Ат-тайди от зоны! Р-разойдись!“) и сменяет часового другой вышки.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА 5

Просторный кабинет начальника лагпункта. Середина комнаты вся пуста, устлана красной дорожкой. У одной стены — десяток рядом стоящих стульев, дверь, большая скульптура Сталина на подставке. Сзади — досчатая перегородка, в ней — проём с расходящимися занавесками и видна кровать. В другой стене — два окна, за ними пасмурно, это единственное освещение. Там же — письменный стол с высоким чернильным прибором в виде кремлёвской башни, этажерка с приёмником, диван.

В тишине хорошо слышен бой дождя в водосточные трубы.

За перегородкой — тяжёлое кряхтение, спускаются с кровати сапоги. Держа в руках ещё не надетый китель, выходит лейтенант О в ч у х о в. Бродит.

О в ч у х о в. Где я мог... ? Где?... Вот неприятность!.. И на хрена его нам дают — что мы, на фронте, что ли? Я его и не чистил три года... Доложить — пропал. Не доложить — ещё больше пропал. *(У окна.)* Это ж вторые сутки без передыху льёт и льёт. Кто там работает!.. *(У стола. Не сядясь, перебирает бумажки.)* О, не успел от них сам, а уж почта здесь. Что они её, по воздуху, что ли, перекидывают? Насажали в управлении сто машинисток — им же надо хлеб отрабатывать. *(Зажигает настольную лампу, разрывает конверт.)* Пожалуйста. Постановление развёрнутого совещания... Пункт тридцать четвёртый: „Предупредить лейтенанта товарища Овчухова, что если он не добьётся крутого подъёма производительности труда, он будет переведен в дальние северные лагеря.” В ссылку значит. На Колыму куда-нибудь. Ой, мама, вот жмут! вот жмут! *(Опускается за стол.)* Один выход: доложить, что личное оружие потерял, пускай из органов грёбанных выгоняют, что я себе — работы не найду?.. А где их найдёшь, эти тысячи? Да продукты со склада?.. А ещё ну-ка за потерю оружия под суд?.. Не, не выгонят. Тягать, прорабатывать, а не выгонят. *(Звонит в колокольчик.)*

В дверях — А н г е л.

А н г е л. С приездом, гражданин начальник! Прикажете завтрак подать?

О в ч у х о в. Да. Давай. И этого... завпроизводством.

А н г е л. Он там, на строительстве, гражданин начальник.

О в ч у х о в. Вот и вызови.

А н г е л. Есть! *(Исчезает.)*

Овчухов с подпёртой головой сидит за столом. Стук.

О в ч у х о в. Да.

Входит С о л о м о н. Выглядит очень аккуратно.

С о л о м о н. Разрешите? С добрым утром, гражданин начальник! С приездом!

Овчухов мычит.

Гражданин начальник! К завтраку вам. *(Ставит на стол в свет лампы поллитра.)*

О в ч у х о в. И откуда ты, Соломон, всё достнёшь? Откуда ты достнёшь?

С о л о м о н. Живём потихоньку, гражданин начальник.

О в ч у х о в *(показывая за перегородку)*. Там стакан, налей.

Соломон заходит за перегородку.

Свет зажги.

Зажигается яркий свет. Стук. С т а р ш и й п о в а р в белом вносит поднос, накрытый кисейй, и ловко закрывает дверь ногой.

П о в а р *(ставя поднос на стол)*. С приездом, гражданин начальник!

О в ч у х о в. Тьфу, чтоб ты пропал, сговорились вы, что ли? Хоть бы новое что сказал.

П о в а р *(откидывая кисею)*. Антрекот, гражданин начальник!

О в ч у х о в. А вон то?

П о в а р. Котлетки рисовые. Соус плюм.

О в ч у х о в. Плюм — это хорошо. Ты всё ж таки готовить умеешь. Не то б я тебя да-а-вно на общие послал.

П о в а р. За что, гражданин начальник?!

О в ч у х о в. Вали, вали, сам знаешь.

Повар уходит. Соломон, крадучись, подносит стакан. Овчухов пьёт, начинает завтракать.

Смотри, хорошее мясо. Неужели с общего котла? Здо́рово мы вас кормим! Какая у нас норма мяса заключённым?

С о л о м о н. Вообще-то — пятнадцать грамм, но если субпродуктами третьей категории — лёгкими пикальными, мясокостными хвостами, пищеводом обработанным, то выходит больше. А то заменяем мясо — рыбой или горохом.

О в ч у х о в. Просто хорошее мясо! Налей ещё, что ли.

Соломон подносит.

Ну, что тут нового, докладай. Завпроизводством как? Справляется? Чего улыбишься?

С о л о м о н. Гражданин начальник! Вы его сами выбрали, назначили, — значит, он хороший.

О в ч у х о в. Раз я назначил — конечно, хороший. Я в людях разбираюсь. А — чего, всё-таки?

С о л о м о н. Гражданин начальник! Он себя тут ведёт, как будто он бог и царь — ваш заместитель!

О в ч у х о в. Правильно ведёт. Я ему так и велел, он за меня остался.

С о л о м о н. Ну, совершенно верно. Но остаться за вас — это не значит нарушать вашу волю, отменять ваши приказания.

О в ч у х о в. Мои приказания?!

С о л о м о н. Ну, например, на днях перераспределил дополнительные пайки, вообще распоясался. Зубтехника послал на общие. Прижимает службу лагеря...

О в ч у х о в. Службу лагеря не только прижать, а в с е х пошлю на общие! Довольно мне процент снижать! Тебя одного в бухгалтерии оставляю, да повара одного, а всех каптёров, парикмахеров, помкомендантов — всех на работу! Я из-за вас в северные лагеря не поеду.

С о л о м о н. Гражданин начальник! Так если вы мне скажете: Соломон! днём работай в бухгалтерии, а ночью иди землю копай, — я первый побегу кирку захватывать. Но — он? Потом ботинки без вас самочинно раздал.

О в ч у х о в. Ботинки — это зря.

С о л о м о н. Я ему говорил, чтобы вас подождать. Потом — взятки берёт с нового этапа: кого послать на лесоповал, кого оставить.

О в ч у х о в. Лапу берёт? Молодчик! Дурак бы был, если б не брал.

С о л о м о н. Ну, совершенно верно. Но вообще, гражданин начальник, это не такой человек, какой вам нужен, чтобы поднять производительность труда. Среди нового этапа есть один инженер — талантливый энергичный человек, хорошо знает произ...

О в ч у х о в. Что значит — талантливый? Что он, Лемешев, что ли? Я таких талантливых, знаешь, всех...

Стук.

Да!

Входит Н е р ж и н. Он в мокром.

Н е р ж и н. Гражданин начальник! По вашему вызову завпроизводством Нержин прибыл.

О в ч у х о в. О! вояка! Сразу видно. Так на что, Соломон, ты жалуешься? В чём он неправ?

С о л о м о н. Я вовсе не жалуясь, гражданин начальник.

О в ч у х о в. А не жалуешься — тогда иди! Иди!

Соломон уходит.

Ну, что ты тут без меня? Самоуправничаешь?

Н е р ж и н (чётко). Я действовал точно по вашим инструкциям: всё для повышения производительности труда.

О в ч у х о в. Ну, и насколько повысил?

Н е р ж и н. За истекшую декаду производительность труда поднялась на восемь процентов.

О в ч у х о в. Ч-чудеса! Как эт' ты исхитрился?

Н е р ж и н. Ну, во-первых, за счёт того, что я вмешался в работу нормировочного бюро. Мне удалось обнаружить, что производство нас обманывает: то неполное описание работ по нарядам, то неправильное истолкование единых норм.

О в ч у х о в. А Дорофеев куда смотрел, подлюга лысая? Выгоню на общие! Наш, лагерник, — должен за лагерь болеть, а не за производство!

Н е р ж и н. Гражданин начальник! Как раз Дорофеев сам ничего не может сделать — ведь он на службе у Гурвича! Ну, Гурвич его через день прогонит, — какая нам выгода?

О в ч у х о в. И ведь ты скажи — я чувствовал, что производство меня обгрёбывает! И на сколько, ты говоришь, повысил?

Н е р ж и н. На восемь процентов.

О в ч у х о в. Мало. Ма-ло! Надо на п я т ь д е с я т восемь!.. Нет, на пятьдесят восемь не надо... на шестьдесят! Я тебя научу, ты ещё неопытный, не с того конца берёшься. (Раздельно.) На-да за-ставить заключённых (кричит) р а б о т а т ь !! Вот сегодня дождь, ты — пошёл, про-

верил? На открытых работах, ручаюсь, никого нет! Так пойд и выгони! Они — души работе не отдают, а надо всю душу отдать! Заключённый — он падло ленивое, готов от кровной пайки отказаться, с голоду подохнуть, — только б ему не двигаться. А ты его, гада, — по зубам! по кубальнику! по шее!

Нержин молчит.

А ты (берёт бумажку на столе, швыряет) Гурвичу с охраной труда голову морочишь. Чихня это всё. Не твоё дело. Теперь — от нового этапа хороших вещей набрал?

Нержин. Не понимаю.

Овчухов. Ну, джемперов там, пóльта кожаные, юбки шёлковые... Сам зажать хочешь?

Нержин. Позвольте, как и зачем я могу брать чужие вещи?

Овчухов. Чтобы жить, дурак! „Подохни ты сегодня, а я завтра”, — закон знаешь? А на фронте трофеи брал?

Нержин (смущённо). Брал...

Овчухов. Так не одно и то же? Не-ет, ты — Сидор Поликарпович, извиняюсь, не зацепил ли я вас рукавом. Та́к ты в лагере не проживёшь, не-е. Ты бы пришёл и сказал: вот для вашей жены юбочка шёлковая или там чего другое... Я б тебя любил. И тебе б оставалось.

Нержин (подавлен). Гражданин начальник! Я в самое первое знакомство вам заявил, что я — фронтовой офицер, опыт руководства людьми имею, в делах производства постараюсь разобраться, — а больше я вам ничего не обещал.

Овчухов. Ну, ладно. Поднимешь мне производительность труда на шестьдесят процентов — буду тебя любить. В общем, ты — жми, а я тебя поддержу!

Нержин. Есть, гражданин начальник! Потом я хочу представить вам сокращение вдвое хозобслуги лагеря — этих нахлебаев! У нас в зоне болтается много лишних людей — в бухгалтерии, на кухне, потом зачем-то два хлебо-реза, три банщика, а баня никогда не работает, разных дневальных тридцать пять тысяч, какой-то зубтехник, ни одной коронки никому не вставил, потом в санчасти этих санитарок...

Постучался и, не дожидаясь ответа, входит М е р е щ у н. Он свеж, выбрит, плотен, из-под белого халата виден ярко-красный свитер Кукоча.

М е р е щ у н. Добрый день, гражданин начальник.
(Прходит и садится у стола Овчухова.)

Нержин всю сцену стоит.

О в ч у х о в. Здравствуй, доктор. Вот завпроизводством говорит — у тебя санитарок много, надо сократить.

М е р е щ у н. Зачем завидовать? Пришёл бы, сказал, какую ему — Маню? Клару? — пожалуйста, я бы отдал.

Овчухов хохочет.

А вообще у меня штатных две санитарки — дневная и ночная, а остальных шесть держу по другой графе — как больных, да будет известно завпроизводством.

Н е р ж и н. То есть каждый день шесть больных вместо того, чтобы лечь в постель, идут за зону — оправдывать ваших санитарок?

О в ч у х о в (отмахивается). Ну уж, зарапортовался! Люди идут на работу — государство на этом не теряет! (Мерещуну.) Но вообще я буду его любить. Если он мне повысит производительность труда. В общем, завпроизводством! Иди — и жми! И — нажимай! Я тебя всегда поддержу.

Нержин поворачивается по-военному, уходит.

Свитер у тебя хороший, красный.

М е р е щ у н. Кажется, начальник, магарыч не с меня, а с вас. Вы ничего не потеряли?

О в ч у х о в (встрепенувшись). А что я мог потерять?

М е р е щ у н. Не потеряли?

О в ч у х о в. Нашёл!?!

Мерещун достаёт из кармана маленький свёрток. Овчухов быстро разворачивает, потрясает над головой пистолетом, бросается обнимать Мерещуна.

Друг! Керя! Спаситель! Где нашёл??

М е р е щ у н (смакуя). Перед тем, как ехать в Управление, вы с вахты ко мне в кабину зашли?

О в ч у х о в. Зашёл!

М е р е щ у н. Выпили...

О в ч у х о в. Порядочно.

М е р е щ у н. И заснули.

О в ч у х о в. Точно!

М е р е щ у н. Утром — когда вы встали? — я не слышал, спал. Подхожу к постели, а он лежит...

О в ч у х о в. Из кобуры выпал, цыпочка! (Ласкает пистолет.)

М е р е щ у н. Я — в кабинет, я — на вахту, — говорят: уехал.

О в ч у х о в. А я сейчас по всей дороге на землю смотрел.

М е р е щ у н. Вот я перепугался! Тут предоктябрьского шмона жди, в кабине держать нельзя! Пришлось в тряпочку и — под порог. Получите!

О в ч у х о в. Ай да Мерещун! Вот спасибо! А я уж думал — из органов выпрут. Решил пока до зарплаты не признаваться. Ну, полцарства проси — чего тебе надо? Да тебе ничего не надо. Ты же живёшь лучше, чем на воле. На воле сейчас, я тебе скажу, голод. Не для всех, конечно. А ты на жратву не смотришь, баб у тебя хватает, спирта сам я у тебя беру. Ну, что? В областной город без конвою на неделю хочешь? Цени, ведь ты — Пятьдесят Восьмая!

М е р е щ у н. В областной город? Это можно.

О в ч у х о в. Не то что можно, — никак нельзя! Но — сделаем! Я же знаю, ты вернёшься, лучше рая не найдёшь. Ещё тебе что?

М е р е щ у н. Спасибо, начальник, пока мне ничего не надо. Разве что — вам помочь?..

О в ч у х о в. Скажи, скажи.

М е р е щ у н. Вас в Управление зачем вызывали? Небось, насчёт производительности жмут?

О в ч у х о в. То есть не то что жмут, — давят! Косточки хрустят! Сказали: будем вынуждены послать за Полярный Круг. Квартира, семья, дом начал строить... Да я рад, хоть пистолет нашёлся.

М е р е щ у н. Так вот, если вы хотите производительность труда, — я вам человека нашёл — ай-ай-ай! Не пролей капельки! Ради производительности труда родного отца на лесоповал пошлёт.

О в ч у х о в. Иди ты! Такого мне и надо! Где взял?

Мерещун звонит в ручной колокольчик. Вбегает А н г е л.

М е р е щ у н. Инженера Кукоча. Он сейчас в зоне. По болезни.

Ангел убегает.

Деловой, требовательный, в производстве собаку съел. Он вам дело поставит — а!

О в ч у х о в. Гм-м... Значит, этого — что? снять?

М е р е щ у н. Кого? Рокоссовского? Его блатные Рокоссовским прозвали.

О в ч у х о в (смеётся). Рокоссовским? Точно!

М е р е щ у н. Я — сам офицер и вижу: в армии он, может, и хорош, но здесь не годится. Здесь надо душу лагерника понимать. За пятьсот грамм чёрного хлеба Беломорканал построен.

Стук.

О в ч у х о в. Душу, верно. Зайди.

Входит К у к о ч.

К у к о ч. Инженер Кукоч по вашему приказанию.

О в ч у х о в. Инженер — какой? По строительству?

К у к о ч. Так точно.

О в ч у х о в. А по механизации?

К у к о ч. То же самое.

О в ч у х о в. А по электрике?

К у к о ч. Три года работал.

О в ч у х о в. Сантехника?

К у к о ч. Свободно разбираюсь.

О в ч у х о в. Смотри, золото, а не человек.

М е р е щ у н. Ещё одно он от вас скрывает: он ещё инженер человеческих душ, как сказал товарищ Сталин.

О в ч у х о в. А вот мы сейчас проверим. Если я тебя назначу начальником производства и скажу: повысь мне производительность труда, — с какого края начнёшь?

К у к о ч. С хлеба! Например, гарантийку давать не за сто процентов, а за сто один! Тогда все повременщики станут переходить на сдельщину! Нам. выгода. И так же все высшие пайки — сдвинуть шкалу!

О в ч у х о в. Подожди, но шкала — ГУЛага, мы не можем менять...

К у к о ч. Можем! Да не беспокойтесь, за это ничего не будет! Я это уже применял в том лагере, где был прорабом. Блестящий результат!

О в ч у х о в. Смело придумано.

К у к о ч. Второе: так же изменить и шкалу каш — чтобы на одну и на две каши нужно было бы перевыполнить больше процентов.

О в ч у х о в. Это мы и сами догадались. Повышали, уж некуда. Дойдут работяги.

М е р е щ у н. Не дойдут! Как доктор говорю: не дойдут.

К у к о ч. Третье: разрешать свидания с родственниками только за сто пятьдесят процентов, ночные свидания с женой — только за двести один процент, а за двести пятьдесят — две ночи. Четвёртое: не принимать с почты про-

дуктовых посылок для заключённых, вырабатывающих ниже ста двадцати процентов.

О в ч у х о в. Да разве мы имеем право?

К у к о ч. Слушайте! Пока родственники разберутся, пока напишут жалобы, пока пошлют, пока дойдут, — мы хотя бы на три зимних месяца схватим за горло тех, кто живёт на своих продуктах, кто не нуждается в лагерной кухне! Или вкалывай как вол — или подыхай! Очень важно! Пятое — нормировщик. Ну, этого я сам... Шестое...

О в ч у х о в. Это всё верно. Это всё правильно. Много ещё?

К у к о ч. Пятнадцать мероприятий наберу.

О в ч у х о в. Ну, тогда скажи — а шестнадцатое?

К у к о ч. А шестнадцатое? За счёт общего повышения производительности выделить строительную бригаду для окончания к праздникам вашего собственного дома!

О в ч у х о в. Угадал! Угадал! У меня там столярные работы, малярные...

К у к о ч. Знаю, знаю.

М е р е щ у н. И выходит — кругом шестнадцать.

О в ч у х о в. Деловой! Опыт имеешь. (Звонит.)

Тотчас же входит С о л о м о н, держа руки за спиной.

Ты как догадался, что я — тебя?

С о л о м о н. Ангел отлучился, гражданин начальник, и я зашёл, чтоб вам не ждать.

О в ч у х о в. Книгу приказов — тащи!

С о л о м о н (выводя книгу из-за спины). Пожалуйста.

О в ч у х о в (поражённый). Ну, ты настоящий царь Соломон! Как же ты догадался, что мне — книгу приказов?

С о л о м о н. Угадывать ваши мысли — моя обязанность.

О в ч у х о в. Золотые люди меня окружают! Вот что значит — я умею людей подбирать. Как правильно товарищ Сталин сказал: „Кадры решают всё”. „Люди — самый ценный капитал”. У нас этот лозунг висит во дворе?

С о л о м о н. В столовой висит, гражданин начальник.

О в ч у х о в. Вот дурак этот Культурно-Воспитательная Часть, только знает щепки со строительства домой возить, всё забываю ему сказать: „Кто не работает, тот не ест” в столовую перевесить, а „ценный капитал” во двор.

С о л о м о н. Передам, гражданин начальник.

О в ч у х о в. Садись, пиши.

Соломон присаживается, надевает очки.

Приказ номер... Какой там номер?

Соломон. Двести тридцать шестой.

Овчухов. Так. Параграф первый. Завпроизводством зэ-ка... как его?

Мерещун. Нержина...

Овчухов. ... зэ-ка Нержина за необеспечение крутого подъёма производительности труда...

Соломон. Может, глаже сказать — за снижение производительности?

Овчухов. Катай! За снижение произво...

Мерещун. Уж тогда — за резкое снижение.

Овчухов. ... за резкое снижение производительности труда — снять! Параграф второй: назначить завпроизводством зэ-ка...

Мерещун. Зэ-ка инженера Кукоча!

Разрисованный занавес.

КАРТИНА 6

Просторная грубо оштукатуренная комната в строящемся здании. Огромный временный стол. Дверь с табличкой „старший прораб“, дверь в маленькую кухню, где стряпает Люба, входная дверь. За малым столом сидит Дорофеев, обложенный справочниками и бумагами. Лысая голова его обмотана по лбу полотенцем. Ещё стоит ничей стол впереди посередине. Грубые скамьи, табуретки целые и ломаные.

Нормировочная гудит от десятиков, заполняющих наряды, и спорящих с ними бригадиров. По одежде и обуви видно, что на дворе — дождь и грязь. Входят, выходят, пишут стоя и сидя, где попало, тащат у нормировщика бланки и портят их, тормозят обессиленного Дорофеева, берут с его стола книги. В спорах оживлённо участвует и Нержин.

Пасмурно. Неопрятно. Накурено.

Из общего гула вырываются реплики.

Гай. А изготовление раствора?

Горшков. Входит в норму кладки. Ты ж не вручную — растворомешалка.

Шарыпо (кричит Горшкову). Обгрёбываете православных! На хрена мне ваша растворомешалка? Час работает — сутки току нет!

Из кабинета прораба выходит Кукоч. Он медленно проходит к переднему столу и садится на него, спиной к зрителям.

1-й д е с я т н и к. Надо горбить, а не тухту писать! За сто двадцать процентов вы должны так наработаться, чтоб на карачках ползали!

1-й б р и г а д и р. Как? И разметка и сверловка по ноль восемнадцать за дырку? А ты учитываешь, что я на вертикально-фрезерном сверлю?

Д о р о ф е е в. Ну, нормы, ну, единые государственные расценки, милый человек, не сказано — на каком станке.

2-й б р и г а д и р. План, план! — задницей планируете! Сказали лаги поставить — я поставил, сказали полы настелить — я настелил, а потом срывать? Я виноват, что вам цементный захотелось? Завпроизводством! Мне за работу не платят, я бригаду сажаю, составляйте конфликтную комиссию!

Н е р ж и н. Слушайте, десятник! За ошибки вашего руководства мы не отвечаем. Вы извольте платить!

Д о р о ф е е в. Ну кто взял справочник по бетонным работам? Ну кто взял? Не могу я в такой обстановке...

М а с т е р м е х ц е х а (*паренёк комсомольского вида*). Какие „крутильщики станков” — шестнадцать человеко-дней? Это же в „Крокодил” — крутильщики станков!

1-й б р и г а д и р. А когда день току не было, а втулки срочные, — заставили токарные станки вручную крутить! Тогда о „Крокодиле” не думали?

М а с т е р м е х ц е х а. Так это же иначе надо как-то записать. Нельзя же такой позор для истории оставлять! Это же наши советские люди, не американские негры. (*Идёт с нарядами в кабинет прораба.*)

Н е р ж и н. Короче: за установку лаг, потом за срыв этих же лаг, за подноску досок и относку этих же досок — платите?

1-й д е с я т н и к. Из каких средств я платить буду?

Входит Ф р о л о в. Он неторопливо толкается меж других, потом садится около Д о р о ф е е в а, где и сидит до своего ухода.

Г а й. А подноска инертных к растворомешалке? Дорофеич! В чём дело?

Д о р о ф е е в. Да ведь там десяти метров нет? Не платим.

Г а й. Ну восемь метров. А два человека на носилках целый день...

Д о р о ф е е в. Государственными расценками не предусмотрено. Не дают работать!..

Ш а р ы п о. Дай наряд! Дай наряд! (*Выхватывает у десятичника наряд и рвёт в клочки.*) Пошли вы все на хрен к трёпаной матери! Штукатурка отвалится — мне переделывать? Поставили печку — оплачивайте человека!

Г а й. Фёдор Иванович! Имей ты совесть. Доходят люди. Это целый день с носилками, придут в лагерь, навара капустного похлебают — и ложись. Хоть бы вечером я им мог по кашке прибавить.

Г о р ш к о в. Всё понимаю, милый, сам заездился — нос да борода. Нам велят резать наряды, не давать лагерю денег. Подпишу тебе кусочек тухты, а меня с работы...

Г о л о с. Как ты бетонировал? Вся арматура повылазила!

Д о р о ф е е в. Не трогайте справочники! Не трогайте!

1-й д е с я т н и к. Дорофеев! Зачем журналы бригаирам даёшь? Тут двадцать было, а он ноль добавил — двести!

3-й б р и г а д и р. Кто добавил? Твой почерк!

Д о р о ф е е в. Они сами берут, как им не дашь? Ну нельзя работать!

2-й б р и г а д и р. А лаги я им поставил? Лаги?

1-й д е с я т н и к. И вот подправлено. И вот.

Я х и м ч у к. Кузнецы и так ничего не зарабатывают с этими нормами.

М а с т е р к у з н и. А сколько ты на цепях заработал? По три нормы в день?

Я х и м ч у к. Цепями вы меня не попрекайте. На десять лет навесили.

Ш а р ы п о (*кричит*). Портачи! Халтурщики!

Н е р ж и н. Значит, вы не платите?

2-й д е с я т н и к. Нет!

Н е р ж и н (*2-му бригадиру*). Тогда — с а ж а й бригаду! Произвол этот надо кончать!

2-й бригадир направляется к выходу, но в дверях остановлен властным окриком Кукоча.

К у к о ч (*сидя на столе, к нам спиной, не шевелясь*). Алё! Бригадир! Куда пошёл?

2-й б р и г а д и р. Бригаду сажать. Тебе что?

К у к о ч (*спокойно*). Американская забастовка, что ли? Кто разрешил?

2-й б р и г а д и р. Завпроизводством. А ты кто такой?

К у к о ч. Кто завпроизводством?! Я — завпроизводством!!

Бурный шум внезапно сменяется полной тишиной и неподвижностью. Из кухни выглядывает и замирает Л ю б а, она в белом фартуке.

Н е р ж и н. То есть... как это... вы?..

К у к о ч. А очень просто.

Н е р ж и н. Позвольте, кто вас назначил?

К у к о ч. Начальник лагеря.

Н е р ж и н. Я полчаса как от него.

К у к о ч. А я — десять минут.

Н е р ж и н. Как это может быть, чтобы меня не вызвали, не сказали?..

Ш а р ы п о. Может! Нержин! В лагере — всё может!

Н е р ж и н. Да что ж это?.. Это на людоедских островах... и то так не делают... Я пойду проверю... Ничего не сказали...

К у к о ч. Никуда вас вахта не пропустит. Идите до вечера в бригаду. Норму выполняйте. (Громко.) Внимание, бригадиры! Этот вечный шалман в нормировочной — прекратить! Кто зайдёт сюда без моего разрешения — будет иметь бледный вид!

Ш а р ы п о. А Шарыпу — три министра десять лет бьются — не перевоспитают, не то что ты!

К у к о ч (прежним тоном). Что это за номера? Забастовки, базар, а работяги от дождя попрятались? Идите — и выгоняйте! Всех до одного!!

Бригадиры молча, не торопясь, начинают расходиться.

Д о р о ф е е в. У-ух, как тихо стало... (Косясь на Кукоча.) Вот хорошо теперь работать будет. Сразу видно, что порядок. Голова у меня, Аксентьич, болит, вот болит...

Ф р о л о в. И у меня, старик, болит.

Д о р о ф е е в. Так у меня от болезни болит.

Ф р о л о в. Сон, понимаешь, мне приснился, какой день прочнуться не могу, что за видение? Вроде входит в пиджаке, а под пиджаком на груди — шерсть чёрная. К моей постели наклонился: собирайся, Фролов, пошли!.. К чему это может быть?

Я х и м ч у к. Ну что ж, Глеб? Пойдёмте ко мне в литейку.

Ф р о л о в. Что эт' ты литейкой распоряжаешься? Литейке — я хозяин! Там ртов хватает. Кóкоса мало, на что жить будем?

Я х и м ч у к. Не шумите, Аксентьич, кто кого ещё кормит.

Н е р ж и н. Я очень благодарен вам, товарищ Яхимчук, но это теперь зависит... *(Смотрит на Кукоча.)*

К у к о ч. А я по убеждениям своим — джентльмен. Лично мне вы дороги не перешли. Если Яхимчук берёт — пожалуйста.

Ф р о л о в. Чего — пожалуйста? Я не беру! Литейке — я хозяин!

Яхимчук уводит Нержина. Десятники, оставшись без бригадиров, тоже расходятся. Кукоч спрыгивает со стола, выходит на авансцену.

К у к о ч. Алё. Дорофеев.

Д о р о ф е е в *(поспешно вставая)*. Слушаю вас! *(Подходит.)*

К у к о ч *(неслышно для остальных)*. Начальник лагеря ставит перед тобой такую задачу: поднять производительность труда всех бригад в два раза!

Д о р о ф е е в. Т-товарищ завпроизводством! Если в справочнике рубль — как же я могу два написать?

К у к о ч. Ты глупей себя не ищи, чернуху не раскидывай. Конечно, за метр штукатурки тридцать две копейки, все знают, а какую-нибудь там коническую шестерню отфрезеровать — десять часов или пятнадцать — кто понимает?

Д о р о ф е е в. Но ведь это ж подсудное дело, я не хочу второй срок... Ведь это ж единые расценки, государство...

К у к о ч. Какое государство, дурак? Ты в ГУЛАГе живёшь!

Д о р о ф е е в. Арнольд Ефимыч меня через три дня выгонит...

К у к о ч. Арнольд выгонит — мы тебя в зоне пригреем, но уж мы тебя выгоним — под сосной подохнешь. Ясно?

Входит разряженная З и н а с бумагами, направляется в кабинет Гурвича.

З и н а. Борис! Поздравляю! *(Жмёт руку.)* Я ещё вчера слышала!

К у к о ч *(отходя от Дорофеева)*. Как вчера? Только сегодня назначили.

З и н а. Мой Посошков ещё вчера знал. Он всё на свете узнаёт раньше начальника лагеря. Сегодня справляем вечеринку в честь тебя. Ты ещё без жены? Обзаводись!

К у к о ч. Ах, красивая жизнь, где ты?.. „Милое глупое счастье с белыми окнами в сад...” *(Уходит.)*

Навстречу Зине из кабинета резко выходит Г у р в и ч с пачкой нарядов в руке и мастер мехцеха.

Г у р в и ч. Дорофеев!

Дорофеев вскакивает.

Ты что слесарям тухту зарядил? *(Швыряет наряды Дорофееву через всю комнату.)*

Дорофеев поспешно поднимает.

Ты почём слесарям шайбы расценил?

Д о р о ф е е в. По три копейки, Арнольд Ефимыч, как в справочни...

Г у р в и ч. А ты посмотрел, что их — четыре тысячи штук? Это сколько они отметут?! Переделай по три десятых копейки!

Д о р о ф е е в. Арнольд Ефимыч! Но единые государственные нормы...

Г у р в и ч. Ты про государство будешь много разговаривать — я тебя на кирпичную кладку выгоню и вольного посажу. Меньше с лагерем шушуйся! Тебе уже бригады на голову садятся. В нарядах — подделки... Смотри, за это судят!.. *(Проглядывает бумагу, поданную Зиной.)* Что такое?.. „Зэ-ка Матвеев оступился в колодец из-за отсутствия ограждения”... Что за чушь? Перепечатать немедленно: „Несмотря на имевшиеся около лифтного колодца ограждения, заключённый Матвеев бросился в колодец...”

З и н а. Но инспектор техники безопасности...

Г у р в и ч. Дурак он, а не инспектор! Всё согласовано! В четырёх экземплярах! *(Отстраняет Зину, та уходит.)* Фролов! Как бронза?

Ф р о л о в. Кладём, кладём, Арнольд Ефимыч, простое дело! Я много таких печей по литейках видал, сам Макару показываю. Во́ бронза будет!

Г у р в и ч. Когда, когда будет?

Ф р о л о в. Дня через три.

Г у р в и ч. Надо завтра, завтра плавку!

Л ю б а *(преграждая ему дорогу)*. Обед готов, Арнольд Ефимыч.

Г у р в и ч. Да разве тут... ?

Л ю б а. Пересохнет, выкипит, когда же?

Гурвич машет рукой, уходит с мастером мехцеха.

Фролов. Завтра ему плавку! Блоха тоже быстрая! Я на Арнольда в комбинат кляuzu буду писать: привязался, чтоб я сортность чугуна выдерживал. А как? Амбулатории нет — раз, шихтовка на глазок — два, обмазка некачественная — три, марганца нет — четыре. Напишу, а?

Дорофеев молча сидит, обхватив голову. Медленно входит Колодей. Оглядывается.

Колодей. Ну?.. Как у вас тут?.. Порядок?.. Режим не нарушаете? *(Молчание.)* Дорофеев! Чем карандаши заостряешь?

Дорофеев. Бритвочкой, гражданин начальник. Поломанная вот тут есть.

Колодей. А ты знаешь, что колющее-режущее в лагере не положено?

Люба. Чем же мне Гурвичу картошку чистить?

Колодей. Да хоть зубами. А ножа не имей. Есть на кухне нож?

Люба. Нету.

Колодей. То-то. *(Садится, закуривает.)* Негневицкая! Кто из вашей комнаты по ночам в мужской барак бегают, а?

Люба. Откуда я знаю, гражданин начальник! Я ночью сплю.

Колодей. Все вы спите. А поднимешь одеяло — там чучело. Или двое лежат. А потом в больничку тянутся, рожать. А работать кто будет?

Люба. Не понимаю, как можно запрещать любовь? Ведь человек же не из дерева, ведь десять лет дают.

Колодей. Раз запрещают — значит, можно. Не надо было преступления совершать.

Люба. Хотя правильно. И детей этих, лагерных, по моему, надо уничтожать.

Колодей *(встрепенувшись)*. Это почему?

Люба. Ну как же? Он — преступник, она — преступница, какой же может быть ребёнок? Только преступник. И что он в анкете будет писать, когда вырастет? Так чем потом морочиться, ловить его да судить, так сразу в душегубку и всё.

Колодей. Да-а... Получается так. Верно.

Люба. А с другой стороны — неверно. Ведь сын за отца не отвечает. И советской родине нужны солдаты.

Двадцать миллионов заключённых — это б сколько миллионов детей было от них?

К о л о д е й. То-оже верно... *(Вздыхает, встаёт.)* Ну, как скажут, так и — будет. Ох, тяжело товарищу Сталину обо всём самому думать. В общем, вы тут это... работайте. *(Уходит.)*

Д о р о ф е е в *(в отчаянии)*. И кто это нормирование проклятое выдумал, Аксентийч? Работал я мальчишкой у казённого десятника — ни нормировщиков, ни бухгалтерии, а уж как дом построили — без ремонту сто лет. Помнишь?

Ф р о л о в. Амбулатории нет, весов нет, обмазка некачественная — напишу кляузу! *(Уходит.)*

Л ю б а *(замерев у окна)*. Дождь ли, снег ли — работайте, бедные зэки, вкалывайте! Придёте в зону, снимете мокрое и положите просыхать — под себя... Что, Дорофеич, болит?

Д о р о ф е е в. Доченька ты моя! Да лучше б я сейчас лопату взял и в эту грязь пошёл, чем здесь мучиться. С двух сторон меня стиснули, дышать не могу...

Л ю б а *(садится на передний стол лицом к зрителю)*. Нет, Дорофеич, нет. На зиму — лучше здесь! Как задует буран, да землю эту скованную без рукавичек ломом долбать... Нет.

Д о р о ф е е в. Наверно, помру я скоро... Говорят, к празднику амнистия будет вторая, для пятьдесят восьмой статьи, а? Говорят, у Сталина уже на столе лежит, подписать осталось...

Л ю б а. Эх, Дорофеич! Одна нам будет амнистия — амнистия на тот свет... *(Пауза.)* А мне его жалко...

Д о р о ф е е в. Кого?

Л ю б а. Да вот этого... Нержина...

Д о р о ф е е в. А себя тебе не жалко?

Л ю б а. Себя?? Уже — нет...

Разрисованный занавес.

В а н т р а к т е — смена часовых на вышках (та же процедура).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА 7

Литейный цех, как в картине 2-й, но формовочная земля собрана большим конусом. Цех застлан дымом и чадом. Когда он позже рассеется, в глубине видна новая печь для бронзы: круглая кладка, жестяной колпак с дымоходом в потолок. Из вагранки непрерывно доносится постукивание, под вагранкой стоят чьи-то ноги.

Впереди, присев на пол от дыма, сидят Муница и Чегенёв.

Чегенёв. Мало тебе дали — десять лет! Таким дуракам надо по двадцать пять давать, чтоб ты успел пять пятилеток большевикам построить! Ну, теперь выбивай сам, я не буду!

Муница удручённо молчит. Входит Фролов.

Фролов. Да Гриша! Да окна же открой! Вентилятор сломался — окна открой, ведь дышать же нечем! (*Опускается на корточки около литейщиков.*)

Чегенёв. А чего мне дышать? Пусть Макар дышит. Сегодня солнышко, я пойду на крышу загорать, я в таких условиях мантулить не буду.

Фролов. Вот распустил я вас на свою голову, никто слушать не хочет. Ну, подождите, плохой вам Фролов — дадут другого начальника, вспомните Фролова.

Чегенёв (*кричит*). Димка! Возьми лестницу, пойди все верхние окна выстави.

Димка (*появляясь из дыма*). Есть, капитан! Разрешите выполнять, господа офицеры? (*Берёт лестницу, уходит.*)

Дым вскоре рассеивается, видно как Димка выставляет рамы.

Фролов (*вовсе сев на землю*). Ах ты, пакостник, Макар, вот пакостник! Ты думаешь — в одной твоей Румынии печи, а в Расее-матушке печей нет? Да я этих печей больше забыл, чем ты видел, но — молчу. Почему молчу? Потому что без их спокойней, никто не дёргает, пока кокос есть, чугун есть, лём помалу, вам хватает, нам хватает, — чего надо, а? Ребята, чего нам надо?

Чегенёв. Нам вот масла надо, а ты кислое принёс.

Фролов. Что ты, очумел, что ли? Как это — масло, и вдруг кислое?

Чегенёв. А так вот, редкое, как творог, и пыхтит. Комбинируешь, Аксентийч? С этого не разбогатеешь.

Фролов. Да что вы, ребята! Опять плохо?.. Ну, может, по пьянке баба ошиблась, не того купила.

Чегенёв. Да что она, тоже пьёт?

Фролов. Милый, кто теперь не пьёт? Первая жена крепилась, а эта закладает. Да как ей удержаться? — у меня под кроватью ящик с водкой не перепустевает. Я не усну, если он пустой, что ты!

Муница. А шо Гурвич кажэ?

Фролов. Из-за тебя и я: Фролов бронзу сорвал, Фролов экскаваторы остановил. А когда я обещал? Я всегда говорил, что твоя печь — дурная.

Муница. Але мусит быть бронза! Мусит!

Фролов. Смотри, укусит!.. Москва молодцов видала! Умней тебя люди на свете живут — ещё такой печки не придумали. Если б это так просто было — каждый бы дурак такую печку строил. Ты вот думай теперь, как ломать. Сорок килограмм бронзы испортил, сожжёт — да это шут с ним, мы её не покупали, — а печку ту как ломать? Бронзу заколодило!

Муница. Ходко ломаем.

Чегенёв. Макар — большевик, он ломать умеет.

Муница. Який я к трёпаной матери большевик? То не жарта!

Чегенёв. Ты че-ло-век, Макар! (Хохочет.) Ты — человек! Ещё на свете только двое таких есть.

Муница. Кто?

Чегенёв (показывает на охранные вышки у сценических порталов). Вон, на вышках стоят!

Муница плюётся.

Фролов. Скажи, англичане дошлый народ. Они тигли в двенадцатом году привезли, а мы до сорок пятого дотянули. Ещё б годика на два, а? Ты мне и не думай больше печку перестраивать! Чтоб ровное место было, понял?

Входит Яхимчук.

Николай! Он опять печку хочет строить.

Яхимчук. Шо ж? З умом, так можливо и збудовать.

М у н и ц а. Але як? Як?

Я х и м ч у к. Нибы вы вже не темите? Вы хтили сами.

Ф р о л о в. Да вы что — все против меня? Ну, я вас разгоню, ей-богу разгоню, новых наберу! Вот ещё Рокоссовского этого (*кивает в сторону вагранки*), дармоеда, на мою голову взяли. Кокос кончается, чугуны кончаются, — чем жить будем?

Ч е г е н ё в. Не на твои деньги, сам с нашего литья живёшь.

М у н и ц а (*вскипая*). На шо вин мэни потрибен, ничего робыть нэ можэ!

Ч е г е н ё в (*тянется за лопатой*). Эй, мамалыга! Смотри, я казак донской! Всем вам социализм на 30 лет надо построить, чтоб вы знали.

М у н и ц а (*Яхимчуку*). Але як? Як?

Я х и м ч у к. А я прэмии нэ потрибую.

М у н и ц а. Як нэ знаетэ, так и нэ кажить.

Я х и м ч у к. А як знаю?

М у н и ц а. А як нэ знаетэ?

Ф р о л о в. Да, ребята, чтоб я этой печки и в глаза...

Ч е г е н ё в. Не говори ему, батя! Не говори, а то он сто тысяч получит!

Я х и м ч у к. Голова ваша дурья! Форсунку трэба ўще зробыть! Воздуходувные отвэрстия трэба заменьше, на який бис гэнде во яки глотки здоровы?

Быстро входит Г у р в и ч.

Г у р в и ч. Ну что, литейщики, летучий митинг? Провалили бронзу, теперь митингуете? Хвастался, Макар?

М у н и ц а. Чекайтэ, будэ бронза!

Г у р в и ч. У тебя всё будет! — утюги, сковородки, котелки — ширпотреб наладили, в Москве такого нет! Я вот вас на лесоповал отправлю! Чегенёва — первого.

Ч е г е н ё в. Пожалуйста, я нигде не пропаду.

Ф р о л о в. А чем ребята виноваты? Такой печки нельзя сложить. Нигде не видано такой печки. Спросите инженеро́в. Я вот с таких лет по литейках, не люблю по-пустому говорить. Давайте мне командировку тигли толкать. На Урал.

Г у р в и ч. Я тебе не Урал, я тебе аврал устрою! Строгальный станок не успевает детали обрабатывать, всё утюги ваши строгают... (*Подходит к Яхимчуку, кладёт ему руку на плечо.*) Яхимчук! Как человека тебя прошу! Ну, придумай, помоги! Экскаваторщики на простое стоят, ни-

чего не зарабатывают! Ребята! Ну хоть временную печь! Хоть на одну плавку!

Муница. Арнольд Ефимыч! Форсунку переробым, фурмы переробым — и будэ бронза перший кляс!

Гурвич. Ну, хоть временную печь, на одну плавку, чтоб к Октябрьской рапортовать.

Мастер мехцеха (входит). Арнольд Ефимыч! Прессножницы ведь опять стоят.

Гурвич (ужаленно). Как опять? Как стоят?.. Ну, Яхимчук, будь человеком, помощи! Давай, Макар, премия будет! (Стремительно уходит с мастером мехцеха.)

Фролов. Не соглашайтесь, ребята. Мол, не можем — и взятки гладки... В общем, ковыряйтесь помалу, я пошёл. Если Арнольд спросит меня, скажите — в Первое СМУ пошёл... Или во Второе... (Уходит.)

Чегенёв. Батя! Ну кто стучит? Ну кто про утюги стучит? Ну не стало жизни от стукачей. Или строгальный засыпался? Горим, батя! (Уходит.)

Яхимчук. Ну як? Прэмия пополам? (Муница молчит.) То я жартую, жартую... Николы б я вам нэ сказав, але скрыбно мэни дывыться, як вы усе дило губитэ. Закрутылысь с Гурвичем докупы. Дэ оливець? Ходимте, я вам начерчу.

Муница. А класть удвох будэмо?

Яхимчук. Удвох, удвох.

Уходят. На сцене никого. Воздух уже чист. Стук внутри вагранки прекращается. Входит Люба.

Люба. Арнольд Ефимыч, вас к телефону!.. Только заскочил, где ж он?.. (Заглядывает во внутреннее помещение, возвращается.)

Из-под вагранки на карачках кто-то вылезает.

Ой, кто там?

Это Нержин, он распрямляется. Его до невероятия изодранная брезентовая спецовка с прорезами до голого тела, лицо и рваная фуражка — в серой пыли. На глазах — целлулоидовые самодельные очки, в руках — зубило и молоток.

Нержин. Я. Не узнаете?

Люба. Это вы-ы?! На кого вы похожи!! (Заливчато смеётся.)

Нержин поднимает очки, улыбается, чешет голову молотком.

Как вы там поместились, внутри?

Н е р ж и н. Тесновато, правда. Но я теперь худой. Вот пыли много... Люба. Так вас зовут?

Л ю б а. Вы запомнили? Мне казалось, когда вы были завпроизводством, — вы людей не замечали.

Н е р ж и н. Отчасти было... Я тянулся — попасть в милость. Поманили меня какой-то иллюзией погонов, и я пошёл. С такой высокой лестницы скатился, а на последней ступеньке хотел удержаться. Гнуть других, только б не гнуться самому... А оказывается, куда вольней простому чумазому.

Л ю б а. Простые чумазые — умирают...

Н е р ж и н. Ну вот же — долбаю шлак и песни пою.

Л ю б а. Это потому, что в литейке. Здесь пайка высокая.

Н е р ж и н. Слушайте, а я, знаете, иногда что думаю?.. Может быть, шкура наша всё-таки не самое дорогое, что у нас есть?

Л ю б а (очень внимательно). А — что же?..

Н е р ж и н. Да в лагере как-то сказать неудобно... Может быть всё-таки... совесть?

Л ю б а (пристально смотрит). Вы — думаете?..

Пауза.

Н е р ж и н. Ну, а как ваши руки? Я помню.

Л ю б а. Руки? *(Протягивает их.)*

Н е р ж и н. Что такое? *(Роняет зубило и молоток, берёт Любу за руки.)* Совершенно беленькие? Всё прошло?

Л ю б а (хохочет). А ничего и не было!

Н е р ж и н. Как не было? Я своими глазами видел — вот тут волдыри были чёрные...

Л ю б а. Так это ж мостырка!

Н е р ж и н. Что это значит?..

Л ю б а. Ну, я замостырила, чтоб на этап не ехать. Мостырка — это в лагере называется, если снарошки делают — опухоль, глаз слепой, температуру...

Н е р ж и н. И это всё — можно?

Л ю б а. Он не верит! Конечно. Вот вас же я обманула.

Н е р ж и н. Удивительно, как вы надзирателя тогда обманули!

Л ю б а. А он, по-моему, немножко догадался. Но пожалел. Вы бы не пожалели?

Н е р ж и н. Наверно — нет...

Л ю б а. Хотели меня послать на лесоповал.

Н е р ж и н. Как хорошо, что не послал.

Л ю б а. Вы... осмотрели мои руки? Теперь отпустите...

Н е р ж и н. Они мне нужны...

Л ю б а. Зачем?..

Нержин целует ей руки.

Не притворяйтесь, я вам не нравлюсь.

Н е р ж и н. Как вы можете... ?

Л ю б а. Когда нас привезли, новый этап, и посадили на землю, вы подошли к женщинам, оглядели всех и выбрали — Зыбину. Помните?

Н е р ж и н. Подождите! А что вы подумали?

Л ю б а. Почему — не меня?..

Н е р ж и н. Да просто потому... Я совсем по другому принципу...

Л ю б а. Но у вас глаза были открыты? Как вы могли выбрать не меня!?

Н е р ж и н. Люба! Мне нужна была боевая бригадирша.

Л ю б а. Я тогда очень обиделась.

Н е р ж и н. Я сразу заметил, что вы...

Л ю б а. А зачем на лесоповал посылали?

Н е р ж и н. Но им нужен был парикмахер!

Л ю б а. А я должна страдать?

Н е р ж и н. Вы... не только страдать... Вы должны быть одеты в лёгкое белое платье... а вот здесь, на груди, приколоть... Но даже и в лагерной телогрейке вы... Дайте мне ваши руки!

Л ю б а. Зачем?

Н е р ж и н. Я их ещё поцелую!

Л ю б а. Кто же целует — руки?..

Н е р ж и н. Я больше не смею.

Л ю б а. Какой ты чудак.

Нержин целует.

У тебя все-все руки поранены.

Н е р ж и н. Шлак острый. А то молотком промахнёшься.

Л ю б а. Плохо тебе жить, да? Тяжело?

Н е р ж и н. Вот скоро год, как арестовали, — только было мрачно, так тяжело! А сейчас первый раз хорошо.

Л ю б а. Хорошо? На общих?

Н е р ж и н. Ты пришла...

Л ю б а. Я приходила и когда ты был начальником.

Н е р ж и н. Как хорошо быть не начальником! Тогда я мог бы подумать, что ты ищешь устроиться. А сейчас...

Л ю б а. А сейчас я пойду. Пусти.
Н е р ж и н. Нет.
Л ю б а. Так и будем стоять?
Н е р ж и н. У-гм...
Л ю б а. Приходи вечером в КВЧ. Будет концерт. А ты
— прямо за сцену. *(Медленно отходит, спиной к выходу.)*
Н е р ж и н *(слепо шагая за ней)*. Так я приду?.. Люба?..

Люба кивает. Нержин стоит и смотрит вслед.

Разрисованный занавес.

КАРТИНА 8

Верх строящегося здания на фоне неба — не крыша, но очередное междуэтажное перекрытие. Задняя стена мало выведена над перекрытием. На углу её пилястр со ступенчато-опускающейся развязкой. Поперёк, к зрителю, идёт внутренняя стена, которую две пары каменщиков кладут с подмостей. Справа иногда появляется хобот крана, он подаёт площадку, всякий раз с двумя тачками. Тачечные ходы — досчатый настил, идут от крана, поднимаясь к подмостям левой стены. Г р а н я и Ш у р о ч к а, обе в ватных брюках, отвозят туда тачки, выворачивают раствор в ящики четырёх к а м е н щ и к а м, возвращают тачки на площадку крана.

Пара подносчиков - р а б о т я г несут кирпич носилками, штук по тридцать. На пилястре стоит Г а й, молча мрачно наблюдая работу.

Солнечный осенний день, из последних. Появляются с носилками же пара блатных Ф и к с а т ы й и Ж о р и к, они до пояса раздеты, мускулисты, смуглы, исписаны татуировкой. Они не идут, а пританцовывают, несут в носилках три кирпича. Сбросив их на подмость, уходят, так же танцуя и напевая, поглядывая на бригадира.

1-й к а м е н щ и к *(после их ухода)*. Павел Тарасович! Дайте других подносчиков! Мне класть нечего. Что ж они, смеются?

Гай молчит.

Ш у р о ч к а *(поникла)*. Боже мой, как тяжело... Хоть бы перерыв скорей.

Г р а н я *(смотрит вдаль)*. А во-он телега едет. С соломой.

Ш у р о ч к а. Отсюда видишь, что солома?

Г р а н я. Я — зайца за километр вижу. А ветерок, чувствуешь, палым листом во-он из того леса... *(Вздыхает.)*

Ш у р о ч к а. Неужели пахнет? Ой, как на волю хочется! Всё забыть, отдохнуть!

Г р а н я. А мне — так и нет.

Ш у р о ч к а. Что ты!

Г р а н я. Я здешним воздухом надышалась, столько здесь подлости навидалась — мне теперь ни на какой воле покою не будет.

Кран подаёт новую площадку. Граня с грохотом укатывает тачку налево за сцену. Шурочка с трудом катит вслед свою.

2-й к а м е н щ и к (1-му). Пришло мне извещение на посылку, а саму посылку, говорят, назад отослали. Пока, мол, сто двадцать процентов не будет. Своих же харчей! Может такое быть? Хочу к начальнику сегодня пробиться.

1-й к а м е н щ и к. А почему — не может? Где ты правду видел? Вон работяги ищачат, а блатные хоть бы что. Думаешь, им бригадир меньше твоей пайки даст?

2-й к а м е н щ и к. Наш? Наш им ни хрена не даст! Никогда не уступит, увидишь.

4-й каменщик — он работает подсобником, вид у него истощённый — ослабев, опускается, садится.

3-й к а м е н щ и к. Мишка! Мишка! Что с тобой?

4-й к а м е н щ и к. Голова кружится. Дай посижу. Не могу...

2-й к а м е н щ и к. Ну, пусть посидит.

3-й к а м е н щ и к. Чего — пусть? А мне за двоих мантулить?

2-й к а м е н щ и к. Ну, я подмогну. Доходит парень. Кипятка не пьёт — с чего сила будет?

Работают. Подносчики-работяги почти бегом проносят перегруженные носилки и, опростав их, уходят снова. Появляются Ф и к с а т ы й и Ж о р и к, опять покачиваясь, пританцовывая, на этот раз с единственным кирпичом. Они минуют Гая, поглядывая на него, бросают носилки, садятся. Граня и Шурочка продолжают возить.

Ж о р и к. Ладно! Загораем! (*Ложится загорать.*)

Фиксатый садится. Потрясывая корпусом и кривляясь, поёт противную песенку, прославляющую блатных.

П е с е н к а.

Гай неподвижен. Входит н а д з и р а т е л ь н и ц а с буйными кудрями из-под военной фуражки. Заметив отдыхающего 4-го каменщика, подкрадывается и бьёт его по шее.

Надзирательница. Работать надо, а не сидеть, чурка!

4-й каменщик встаёт с трудом, начинает подавать третьему. Все каменщики работают живее. Фиксатый продолжает петь свою песенку и кривляться.

Надзирательница (минуя блатных, Жорику). Ну, чего пузо выставил? Красиво, да?

Жорик (лёжа). Слушай, краля! Иди сюда! Иди по-лежим!

Надзирательница. Много захотел! (Уходит.)

Фиксатый. Ну, ладно, покурим, что ли? Бригадир, дай бумажку.

Гай всё так же неподвижен. Скала.

Горшков (проходя). Гай! Гай! Медленно эту стену кладёшь. Из-за неё задержка.

Гай неподвижен.

Жорик (приподымаясь). Бригадир! Иди покурим. Поговорить надо. Вообще.

Гай сразу крупными шагами сходит к ним и садится подле.

Фиксатый. Вот что, бригадир. Ты лагерный закон ещё не знаешь. Нам работать — не положено. Это что мы работали — так, из уважения. Носилки забирай, другим давай, пусть мантулят.

Жорик. Короче, мы — в законе. Ясно?

Гай. В законе?

Жорик. В законе.

Гай. А — пайка вам положена?

Фиксатый. Да. Костыль — первый. А баланду нашу можешь работягам отдавать, нам с кухни носят, у нас и бациллы всегда.

Гай. Кто ж будет работать?

Жорик. Горбить? Мужики. Всякая мелочь. И — господа фашисты.

Гай. Что ж мы заработаем? Чем я буду кормить людей?

Фиксатый. А это пусть у тебя голова болит, как с начальничком рассчитывать.

Жорик. Вообще-то бригадир прав. Тут сосаловка. Ну, фраером не будешь — будешь с нами кушать, с людьми.

Г а й. Так если вы в законе и работать вам не положено, — чтоб не понижать бригадного процента, вы оставайтесь там, в зоне.

Ж о р и к. Ты что, маленький?

Ф и к с а т ы й. Глупей себя ищешь?

Ж о р и к. Мы не отказчики, век свободы не видать!

Ф и к с а т ы й. Мы ещё жить хотим.

Ж о р и к. Умри ты сегодня, а я завтра!

Ф и к с а т ы й. Процент подсчитаешь, на то ты бригадир.

Гай, приподнявшись, резким взмахом бьёт в лицо одного блатного так, что тот опрокидывается, и тотчас же — второго. Они пытаются вскочить, он наносит им ещё удары, не давая подняться.

Ф и к с а т ы й. Ты что, сука позорная?!

Ж о р и к. Ты что делаешь, гад? Падло!

Г а й. Кто падло? (*Бьёт.*)

Ф и к с а т ы й. Фашистская морда!

Г а й. Кто фашистская морда? (*Бьёт.*)

Ж о р и к (*отбегая*). Караул! Фашисты бьют!

Быстро входит Г у р в и ч, за ним Г о р ш к о в и К у к о ч. Они будто не замечают драки. В руках у Гурвича развёрнутый чертёж. Кукоч поигрывает логарифмической линейкой.

Г у р в и ч. Где полтора кирпича? Где полтора? Ты что — слепой? Чертежей читать не умеешь? (*Показывает на поперечную стену.*) Гай! Ломай стену! Ломай всю!

Блатные угрожающе уходят направо. Горшков чешет затылок.

К у к о ч. Сэр! Ничего не выйдет! Пишите наряд на ломку стены.

Г у р в и ч. Как это — на ломку стены? На скамью подсудимых, что ли? Половина десятников — пьяницы, половина — неграмотные...

К у к о ч. Эт-то ваше частное дело! Хотите, запишем строймусором?

Г у р в и ч. Вот, из его (*показывает на Горшкова*) зарплаты оплачу.

Горшков, протирая очки, понурился над чертежом.

К у к о ч (*считая на линейке*). С отноской мусора вручную на расстояние свыше ста метров, с подъёмом десять метров, всего кубометров...

Г у р в и ч. С каким ещё подъёмом? Вы знаете, за три

года по нарядам проверили: мы отнесли строймусора объёмом больше, чем всё это здание!

К у к о ч. Значит, уже высокая куча, потому и подъём десять метров.

Г у р в и ч. Я вам снег напишу, относка снега.

К у к о ч. Снег дешёвый, снегом вы и кубическим километром не рассчитаетесь.

Г у р в и ч. Зато снег был, потаял — никакая ревизия не придерётся. Давай ломай, Гай, ломай всю стену и в два кирпича снова перекладывай.

Г а й (*мрачно, в сторону крана*). Женька! Крикни там, ломá и большие молотá пусть поднимут. Раствор пока не надо.

Гурвич уходит, за ним Кукоч. Справа выглядывает Ж е н ь к а, он раскатисто кричит вниз.

Ж е н ь к а. Э-эй! Ар-тисты! Идите в инструменталку, возьмите два лома, два больших молота, тащите на подъё-омник! (*Скрывается.*)

Г о р ш к о в. Павел! Ты хоть ломай так, чтобы кирпичи целые оставались.

Г а й. Ну, покажите — как, чтобы целые?

Горшков машет рукой, уходит.

3-й к а м е н щ и к. Ничего, Павел Тарасович. Цемент в растворе почти нет, песок один, быстро сломаем. Дурное дело не хитрое.

Г а й (*подносчикам-работягам*). А вы пока носите — на ту кладку. (*Показывает налево.*) Шура, иди и ты туда, кирпич перекидывай.

Шурочка уходит. Подносчики начинают носить кирпичи налево.
Гай садится.

Г р а н я. А мне куда, Паша?

Г а й. Сейчас. И тебе работу найдём.

Г р а н я. Смел ты! Один на двоих, да ещё таких.

Г а й. А с ними иначе нельзя. Этих блатарей, паразитов, я с первой пересылки бью и до последнего лагеря буду бить. Это — те же чекисты, жить не дают. Отдали им Пятдесят Восьмую, кровь сосать. А наши — боятся.

Кран подымает ломы и молоты. Каменщики разбирают их и начинают бить стену. Она подаётся — кирпичами и слитками их. Гай сидит мрачно.

Г р а н я. Ты всё хмуришься. Как бригаду накормить?

Г а й. Пропади оно, это бригадирство, зачем я за него взялся! Если работяга ослаб и нормы не одолевает — что мне остаётся? По спине его?

Г р а н я. Павел! Ну, бригадир всё равно будет, не ты, так другой. Да стерва попадётся. Работягам только хуже.

Г а й. Так рассуждать — знаешь... (*Задумывается.*)

Долгая пауза. Рабочие шумы стройки.

Моя дивизия на Эльбе войну кончила, а я — здесь... Теперь дезертиров отпустили, фронтовиков держат. Отец мой умер в лагере, друзья легли на фронте. Кого контрразведка схватила. Кто утёк, ищет счастья в Бразилии, в Австралии...

Г р а н я (*берёт его за плечи*). У тебя и здесь друг.

Г а й. Ты — женщина и бытовичка.

Г р а н я. Я фронта́ прошла, как и ты. Я немца врукопашную заколола. И те самые переправы видела, что ты. И на тех плацдармах землю грызла.

Г а й. Дадут тебе амнистию — ты через год всё забудешь.

Г р а н я. Ну и ты забудешь.

Г а й. Нет, я не забуду. Контрразведок ты не видала, Граня, и какие там люди сидят. Этим людям я кровью клялся, что жизнь моя теперь уже не моя.

Входит К у к о ч, но, увидев их, отступает.

Слушай, был у нас в камере человек, говорил так: если б не жили люди семьями — ни один тиран не удержался бы на троне. Снесло б его, как водой. То-то и оно, что нам шею ломают, а мы всё семьями обзаводимся.

Г р а н я. Паша! Ну что ты сравниваешь, — ну какая тут семья?

Г а й. Всё равно, эта любовь нам все руки-ноги путает. Теперь завели моду при КВЧ танцевать под баян. Так что? Танцуют! Десять лет им вlepили ни за хрен, дуракам, — танцуют!!

Г р а н я. Э-э-эх, горюшко ты моё, горе... Пожалеешь когда-нибудь и ты обо мне...

Где-то за зданием внизу раздаётся звон об рельс. Каменщики бросают работу. Справа входит Ж е н ь к а.

Ж е н ь к а. Таш-кент! Наша бригада на обед последняя!... (*Ложится.*)

2-й к а м е н щ и к. Правда, братцы, ночью был шмон, не доспали, давайте поспим!

Каменщики располагаются на подмостях. Гай идёт на середину сцены, ложится навзничь, неподвижен. Вместо него к Гране садится Шурочка, она рассматривает себя в карманное зеркальце.

Ш у р о ч к а. Годы идут, Граня... Надо в лагере замуж выходить. Кому мы потом на воле?.. (Пауза.) Правду говорят, тебе Борис хлебoreзку предлагал, а ты отказалась?

Г р а н я. Предлагал.

Ш у р о ч к а. Ну знаешь, ты в гнилого интеллигента превращаешься. Это редкий в лагере человек, кто б от хлебoreзки сам отказался. Сыта, к зиме тепло, в юбочке, в блузочке, — а тут вата вон из брюк вылезает, да машина ОСО, две ручки, одно колесо...

Г р а н я. С какой душой можно работягу обвесить хоть на грамм?.. Я для себя решила: по-лагерному не жить. Лишь бы мне сволочью не стать! — а жива-нежива — какая разница?

Снова появляется К у к о ч.

К у к о ч. Здравствуй, Граня.

Пауза.

Слушайте, леди, давно хочу вас спросить: с бригадиром уже... у-гм? Нормально?

Г р а н я (с догадкой). Да ты не на этап ли его метишь?..

К у к о ч. Что это, от меня зависит? (Хочет пройти, она его задерживает.)

Г р а н я. Слушай... Давно и я хочу тебя спросить... А ты... в оперативной части... подрабатываешь?

К у к о ч (отшатываясь). Пусти!

Г р а н я (держит его). Ты, может, на него... материал оформляешь? (Трясёт его.) Слушай! Если только опер начнёт ему мотать... Или на этап его отправят... я тебя — убью!!

К у к о ч. Ты с ума сошла. При чём буду я?

Г р а н я. Смотри, словами я не бросаюсь. Не такого, как ты, убила, а тебя мне убить — что гусеницу раздавить... зелёную... (Отталкивает.)

К у к о ч. Ты какая-то заклятая. Я таких женщин не встречал никогда. У тебя сердца нет...

Никем не замеченные, справа бесшумно вбегают Ж о р и к и Ф и к с а т ы й и бросаются душисть спящего Гая. Первый их замечает Ку-коч — убегает налево, ещё остановясь, чтоб оглянуться. Граня коротко вскрикивает, Шурочка — пронзительно, разбудив всех. Работяги поднимаются, однако, никто не решается приблизиться, некоторые притворяются спящими опять.

Г р а н я. Ну что же вы? Спасайте бригадира! Вы, Пятьдесят Восьмая дерьмовая, чёрт бы вас драл!

Граня впивается в одного из блатных. Хрипение. Стоны и бессвязные выкрики борьбы. Гай мучительно-постепенно начинает подыматься, и все четверо беспорядочной кучей заваливаются направо, скрывшись от зрителя. Все остальные только наблюдают, Шурочка взвизгивает.

Справа на сцену влетает и валится, отброшенный мощным ударом, Жорик. Отступая под частыми ударами короткой тесины из рук Гая — Фиксатый падает и тщетно пытается встать. За ними — Граня, пошатываясь. Гай стоит между упавшими и, задыхаясь, измученно-ленными движениями бьёт поочерёдно по голове того и другого. Тесина ломается. Гай ищет другую, в этот момент слева вбегают Л ё н ь ч и к. Он бежит балетно, легко перепрыгивает через сидящего работягу, при этом налету оборачивает фуражку козырьком на затылок. Граня только успевает крикнуть: „Сзади!“ Едва обернувшись, Гай встречает Лёньчика, они катятся, вскакивают уже на парапете задней стены и пытаются столкнуть друг друга с крыши. Фиксатый сидит, очумев, в крови. Жорик поднимается с ножом и метит Гаю в спину. Граня ударяет его тесиной по голове, подхватывает выроненный нож, взбегаёт на пилястр. Жорик снизу толкает её длинной тесиной за стену, Граня, едва не сорвавшись, перехватывает доску, они борются за неё.

Л ё н ь ч и к. Фашист, падло!

Г а й. Кто фашист? Кто фашист?

Упав, борются на парапете. Висящая люлька подъёмника показывает обрез стены. Фиксатый встаёт, подхватывает лом и идёт к ним. Но справа вбегаёт в своей изорванной спецовке и лихой шапчёнке Ч е г е н ё в и, сразу оценив обстановку, догоняет Фиксатого, вырывает у него лом уже на размахе и ломом бьёт. Фиксатый падает с криком. Жорик обернулся, покидает Граню, бросается на Чегенёва. Тот сильно размахивается ломом, но Жорик уворачивается, и, сцепившись, они катятся. Гай ухватывает Лёньчика за горло обеими руками, перетягивает за стену и держит на весу.

Г а й. Опустить? Опустить, гад, с четвёртого этажа? Кто фашист? Говори, кто фашист? *(За шею же поднимает Лёньчика на стену, оставляет на парапете.)*

Граня, убежав с пилястра по разрушаемой стене, сверху бросает Гаю нож.

Г р а н я. Держи, Паша!
Г а й (*поймав*). Хор-рошая финочка!

Фиксатый встаёт, Граня прыгает на него, сбивает с ног. Жорик одолел Чегенёва, душит. Гай бежит, сваливает Жорика вниз, наступает на него, заносит нож.

Ну, господин блатной, молись своему богу!
Ж о р и к (*гадко*). Прости, Паша! Прости!
Л ё н ь ч и к (*сидя*). Павло! Друзья будем. Слово вора, век свободы не видать! Мир.

Г а й (*торжествующе оглядывая всех троих*). Что-о, теперь честное комсомольское? (*Жорику и Фиксатому.*) Там (*указывает направо*) осталось четыреста кирпичей, — чтобы к концу перерыва они были (*указывает за сцену налево*) на рабочем месте! Марш!

Фиксатый и Жорик берут носилки и уходят направо. Чегенёв сидит отдуваясь.

Г а й (*Чегенёву*). Спасибо, казак!

Л ё н ь ч и к (*щупая шею*). Ну и грабли у тебя.

Г а й. Это что, по вашему закону — на сонного нападать?

Л ё н ь ч и к. Они без меня напали.

Г а й. Только за то я тебя и со стены не спустил. Ты у них — пахан, пойдёшь политбеседу проведи.

Л ё н ь ч и к. Всё! Друзья, сказал. (*Каменщикам.*) А вы, мужики (*грозит*) молчите, что воров побили! Молчите! (*Уходит направо.*)

Ш у р о ч к а (*молитвенно*). Вы — античный герой, Павел Тарасович!

Г а й. Сволочи! Если б не на сонного, я б их не так измолотил...

Гай всё ещё не может отдышаться. В опущенной руке его — нож. Граня подходит к нему сзади, обнимает, кладёт голову на плечо. Справа появляются Жорик и Фиксатый с носилками, где штук пятьдесят кирпичей. Пока они пересекают сцену, закрывается

разрисованный занавес.

КАРТИНА 9

Просторная комната с временными полами, одранкованными стенами. За окнами ночь, в комнате — яркий свет. Дверь — одна, на „сцену”. Ближе — ширмочка из фанерных щитов, поставленная для переодевания женщин. Около ширмочки, почти на авансцене, — скамья с прислоном, на ней сидят Н е р ж и н в чёрном, лагерном, и Л ю б а, одетая для концерта.

Комната наполнена возбуждённой суетой: переодеваются, репетируют, ищут недостающие по ходу представления вещи, убегают на „сцену” и возвращаются, дверь туда часто остаётся открытой, и тогда слышны отрывки водевиля, действующие лица которого:

- глупый немецкий офицер — нарядчик К о с т я
- его денщик-идиот
- старуха в платке
- её дочь-подпольщица — Ш у р о ч к а
- внук-пионер — Д и м к а
- страшный чернобородый партизан, идущий на „сцену” только к развязке.

Небольшой эстрадный оркестр и с ним Ж е н ь к а сбились тут в глубине, пытаются тихо репетировать, но получается громко. Больше всех носится расторопный рыжий конферансье В и т ь к а.

К о н ф е р а н с ь е (оркестру). Тихо, орлы!

К т о - т о. Витька! Ужин артистам будет?

К о н ф е р а н с ь е. Сигнальщик передал — повар в бухгалтерии! (Убегает.)

Входит Г о н т у а р.

Г о н т у а р (устало). Пионер! Неси ружьё.

Димка уходит с бутафорским ружьём.

Ж е н ь к а (проверяя голос).

Мы летим, ковыляя во мгле,
На честном слове и на одном крыле.

Г о л о с К о с т и (со „сцены”). Их верде вас всех перестрелять, руссише швайне!

К о н ф е р а н с ь е (вбегая). Где макитра? Что вы делаете!

Несут бутафорскую макитру.

К т о - т о. Витька! Повтори, кто за кем.

К о н ф е р а н с ь е. Женька! Вот лейтенант записку

прислал: „Песню американского бомбардировщика” не пускать!

Ж е н ь к а. Почему не пускать? Союзники!

К о н ф е р а н с ь е. Ну почему, почему! Были когда-то! По-моему, дуй „Синий платочек”. Внимание, друзья! После водевиля „Глупый немец” — сразу оркестр, „Песню о родине”, вторым номером — Негневицкая, потом Женька — „Синий платочек”, потом Димка — „казачок”, опять Негневицкая, марш, оркестр уходит и — „Волки и овцы”.

Гул среди артистов.

Ш у р о ч к а. Камилл Леопольдович, ну как идёт?

Из „зала” — громкие аплодисменты.

Г о н т у а р. Вы же слышите сами... „Допущено внутри ГУЛага”!

К о н ф е р а н с ь е. Не знаю, не знаю, не знаю! (*Убегает.*)

Со „сцены”:

— Ты думаешь, как я старуха, так я ваших танков испугалась? Переведи ему, внучек, — да здравствуют колхозы!

Аплодисменты.

Г о н т у а р (*без всякого иностранного акцента*). О таком ли искусстве мечтали мы, когда в девятнадцатом году ехали в молодую Россию энтузиастов создавать неотеатр, невиданный в истории человечества?!

Мы радугу тебе — дугой!
А Млечный Путь — на сбрую! —
О, вывези наш шар земной
На колею иную!

Садится гримироваться под Лыняева. Шурочка уходит на „сцену”.

Ж е н ь к а (*поёт печально*).

Мы летим, ковыляя во мгле,
На честном слове и на одном крыле...

Л ю б а. Мне было шесть лет тогда. Я смутно помню огромную баржу с раскулаченными. В трюме не было ни перегородок, ни этажей, просто лежали люди на людях. Может, потому, что я была маленькая, — стены баржи ка-

зались мне высокими, как утёсы, — и там, на самом вер-
ху, ходили часовые с винтовками. И вышки вот эти гад-
кие (*кивает на вышки у краёв сцены*) на пересылке за-
помнились мне первым детским впечатлением. Ссылали
всю нашу семью, но старший брат уже не жил с нами, его
не коснулось. От последней пересылки он догонял нас в
лодке и всё искал случая выручить семью. Это не уда-
лось, но начальнику конвоя он отдал рубашку с застёж-
кой „молния” — тогда такие только входили в моду, —
и тот уступил меня. Как меня брали — не помню... Ехали
потом в лодке, и очень сверкала вода от солнца.

Н е р ж и н. А родители?

Л ю б а. Все умерли в тундре, Глеб, умерли с голоду,
их пустили без ничего в голую тундру — как же прожи-
вёшь?

К о н ф е р а н с ь е. Братцы, внимание! От советского
информбюро! Ужин артистам — утверждён! Содержание
выясняется.

Оркестр негромко играет туш.

Л ю б а. А как мы жили потом! Комнаты не было,
пять лет в тёмных проходных сенях, нет даже окна, чтобы
готовить уроки. В школу всегда иду одетая, как нищая,
есть хочется. И нельзя жаловаться, нельзя просить помо-
щи, чтоб никто не узнал, что мы раскулаченные. А оде-
ваться хочется! И в кино хочется! Брат женился, свои де-
ти... И в четырнадцать лет меня выдали замуж...

Н е р ж и н. В че-тырнадцать?..

Водевиль кончился. Шум, движение. Шурочка бежит за ширму
переодеваться.

К о н ф е р а н с ь е. Оркестр, на сцену! Любка, приго-
товься!

Голоса:

- Да ты целый кусок пропустил!
- Я потом вернулся.
- Где вазелин?
- Кто на платки сидел, что за хамство?
- Ой, жа-ра!

„Старуха” в сбившемся платке прыжком садится на стол, лихо
закуривает.

„С т а р у х а” (*оркестру*). Привет босякам Москвы!

Д и м к а. Камилл Леопольдович! А я здорово роль знал!

К т о - т о. Малолетка! А за что ты сидишь?

Д и м к а. А я из ремесленного убёг. Жрать ни хрена не давали.

К т о - т о. Ещё хуже попал.

Д и м к а. Хо! Теперь я какую пайку имею! И жить научился.

Г о н т у а р (*гримируясь*). И что же ты понимаешь под словом *жить*?

Д и м к а. А чтоб не ишачить. Пусть другие ишачат. (*Переодевается в казачка для пляски.*)

Ш у р о ч к а выходит из-за ширмы в костюме Глафиры из „Волков и овец”.

Ш у р о ч к а. Что вы со мной сделали! Я такая нервная, я такая нервная!!

Н е р ж и н (*удерживая Любу*). Подожди минутку!

Л ю б а. Мне идёт это платье?

Н е р ж и н. Что тебе не идёт!

Л ю б а. Я обожаю выступать, и чтобы к каждому номеру в новом платье!

К о н ф е р а н с ь е. Любка! Сколько раз говорить!

Люба убегает. Нержин неотрывно смотрит вслед.

Ш у р о ч к а (*уже гримируясь*). Глеб Викентьич, вы слышали, как Леопольдович читал сегодня Толстого?

Н е р ж и н. А?

Ш у р о ч к а. Чему вы там улыбаетесь?

Н е р ж и н. Улыбаюсь?

Ш у р о ч к а. Обидно, так плохо слушали, разговаривали. Во всём зале могло быть только несколько ценителей — и вот вы не слышали!.. Это из „Войны и мира”, отрывок о дубе.

Н е р ж и н (*оживляясь*). О чёрном дубе, который зазеленел?!

Г о н т у а р. Я неисправимый старый глупец. Мне всё хочется верить, что красивое приподнимает людей. Мне всё хочется кого-то подбодрить, что в жизни не только баланда, развод и шмон.

К о н ф е р а н с ь е. „Синий платочек”! Приготовиться! Внимание, друзья! Дополнительный ужин уточнён: по одному пончику и по две ложки рисовой каши!

Ш у р о ч к а. Рисовой? Ты бредишь! Да разве на свете есть *рис*? А что это такое?

К о н ф е р а н с ъ е. Беленький такой! В Китае, говорят, ещё есть. Скоро и там не будет! (*Убегает, оставив дверь раскрытой.*)

Слышно, как Люба кончает петь:

А тебя об одном попрошу —
Ты напрасно меня не испытывай.
Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай!

Долгие шумные аплодисменты, крики „бис!“ Л ю б а появляется в дверях, но возвращается на „сцену“.

Ш у р о ч к а. Камилл Леопольдович! Ходит параша, что на днях будет большой этап. Пятьдесят Восьмой статьи.

Г о н т у а р. Перед праздником — вполне допускаю. Но бывает ли в лагере хоть один день без параш?

Ш у р о ч к а. Ой, сил нет ещё куда-нибудь ехать на зиму! Хоть бы этапами нас не мучили!

Л ю б а вбегает, но, едва добежав до Нержина, убегает опять.
Аплодисменты.

Г о н т у а р. Я вот слышал другое, вы не слышали? Что перед нашим приездом арестовали здесь — ну, взяли в шизо, — одного молоденького поэта — стихи у него фельдшер вытащил из-под подушки. И теперь под следствием, говорят, он умирает...

Аплодисменты. Возвращается Л ю б а, сияющая, стремительная.

Ш у р о ч к а. Я поздравляю тебя, Люба. Ты — почти как Шульженко.

Л ю б а. Правда? Ты заметила? Все говорят, что я на неё очень похожа. И — попала в тональность, боялась не попасть. Ну, переодеваться! Глебушка, быстро, помогай!

Забегает за ширму, оттуда время от времени появляется её обнажённая рука, подающая или берущая от Нержина что-нибудь из частей туалета, сложенных на скамье.

Возьми!.. На, положи!.. Вон то, под голубеньким!.. Да осторожней, не помни, это же всё чужое, от вольняшек. Иди застегни мне! Сюда иди, сюда!

Нержин обходит ширму, скрывается там. Потом ширма сама поворачивается так, что открывает Любу и Нержина зрителям, но скрывает от остальной комнаты. Люба смотрится в ручное зеркало. Нержин застёгивает ей сзади платье, целует в шею, обнимает, оборачивает к себе. Долгий поцелуй.

Н е р ж и н. Любонька, что со мной?..

Л ю б а. А что с тобой?

Н е р ж и н. Кт-то тебя так научил целоваться?

Л ю б а. Научи-илась... (Целуются.)

Н е р ж и н. Ты... просто отчаянная какая-то. Ты меня... выпиваешь всего. Я... теперь не буду без тебя, слышишь? Я не могу без тебя!..

Л ю б а. Сегодня познакомились — и уже не можешь?

Н е р ж и н. С тех пор как я арестован, — я как в чёрном дыму, я улыбаться перестал. А с тобой мне так хорошо стало, будто ты меня о с в о б о д и л а ! На волю выпустила!

Л ю б а. Говори ещё...

Н е р ж и н. После этой твоей баржи, этих тёмных сеней — ты мне как сестрёнка обиженная младшая! И вдруг — так невозможно целуешься, в руках так бьёшься! Я — полюбил тебя, Любонька!.. Не по-лагерному, по-настоящему.

Л ю б а. Как это может быть? У тебя жена...

Н е р ж и н. Где-то за тридевять проволок и на десять лет... Я сам не понимаю, как это может быть...

Л ю б а. Ты не знаешь, какая я... Первый муж меня бил, я от него ушла, второй беспутничал, а когда меня арестовали — отказался от меня. С тех пор...

Н е р ж и н. Бедная ты моя, бедная...

Л ю б а. Я совсем не бедная, Глебушка... С тех пор — я жила не с одним...

Н е р ж и н (вздрагивая). Со многими?

Л ю б а. Не с одним. Ты не можешь меня любить.

Н е р ж и н. Любушка! Но ведь тебе пришлось так, ты... не из жадности?

Л ю б а. А если как раз — из жадности?.. Ты думаешь — замужество в четырнадцать лет проходит даром?

Н е р ж и н. Люба! Тебя для этого ли спасали с баржи!?

Л ю б а (оплетая ему шею). Нежный ты мой! Зачем ты меня растравил? Почему я раньше тебя не встретила?..

К о н ф е р а н с ь е. Любка! Где ты есть! На сцену!

Л ю б а. И-ду!.. (Медленным безвольным шагом уходит.)

Нержин опускается на скамью, перебирает пальцами платье, снятое Любой. Кто-то тихо играет на гитаре в дальнем углу.

Ш у р о ч к а (в сторону Нержина, внятно). „Я вам говорила, что любовь, кроме страданий, ничего не доставит...”

Нержин оглядывается.

Это я роль повторяю, роль. Это Островский написал. Вы так сияете! Вам подарили неразменный целковый? Честное слово, я вам завидую.

Н е р ж и н. Я сам себе... завидую.

Ш у р о ч к а (наклоняясь к нему). Вы — всё знаете о Любе?

Н е р ж и н (раздельно). Я ничего не хочу знать.

Шурочка отходит. Слышно пение Любы. Подходит уже разгримированный К о с т я в своей обычной военной форме.

К о с т я. Ну, как живёшь, Глеб? Ты, я вижу, не теряешься?

Н е р ж и н. А ты?

К о с т я. Я — нормально. Ну, немножко хреново. С кублём разошёлся. Рубен, гадища, сети плетёт. Куточ выгрябывается. С тобой я попух отчасти, не думал, что ты так скоро загремишь. Кажется, в общем, горю. (Отходит.)

Бурные аплодисменты. Не сразу возвращается Л ю б а, когда оркестр уже играет марш. Она молча садится около Глеба.

К о н ф е р а н с ь е. Камилл Леопольдович! „Волки и овцы” — на старт! Любка, расти! — тебе хлопал сам начальник лагеря! (Убегает.)

Л ю б а. Почему ты не ходил меня слушать?

Н е р ж и н. Где мы встретимся? Одни!

Л ю б а. Глеб! А может — не нужно?

Н е р ж и н. Нет, абсолютно нужно! Я теперь не оторвусь от тебя!

Л ю б а (вздыхает). Давай я буду твоя сестра! Я буду хорошая сестра, увидишь.

Н е р ж и н. Нет! (Оглядывается, увлекает Любу за ширму. Целуются.) После твоего поцелуя мне — хоть и не жить... Где ты так целоваться научилась?..

Л ю б а (ласкается). Если б я могла перемениться для тебя! Стать чистенькой-чистенькой!

Н е р ж и н. Где мы встретимся? Где?

Л ю б а. Ну что ж, в литейку к тебе буду приходить... на чердак, где кокс. *(Пауза.)* Обязательно, да? Обязательно? *(Выходят, садятся на скамью.)* А что будет из этого, ты не думаешь? *(Со внезапной силой.)* Скажи, родной! А ты есть не хочешь сейчас? Я есть хочу! Я голодная! Я всю жизнь хотела есть!! Разве мы с тобой в лагере проживём? Устраиваться ты не умеешь, работать ты ничего не умеешь. Один ты ещё как-нибудь выплывешь, а со мной потонешь. Да ты сам скоро откажешься от меня.

Н е р ж и н. Нет! Ни за что!!

Л ю б а. Прораб меня выгонит на общие...

Н е р ж и н *(с тревогой)*. Прораб зачем тебя взял в посылные?

Л ю б а. Это принято в лагерях. Так делают все...

Н е р ж и н. И ты с ним?!..

Л ю б а. Да ему некогда всё... То к телефону...

Н е р ж и н. Но если завтра у него будет время?..

Л ю б а. А ты мне другого такого места не найдёшь?

Н е р ж и н. Люба! Люба! С этого дня...

Л ю б а. Ну зачем я тебе? Ведь я же — лагерная шалашовка!..

Шумно вваливается оркестр. Гул голосов. Кладут инструменты.

Гонтуар и Шурочка идут на сцену, навстречу им

Колодей, Кукоч, Мерещун.

К о л о д е й. Ух какой ты размазался! Смешная будет пьеса?

Г о н т у а р. Смешная.

К о л о д е й. Значит, посмеёмся. После работы — почему не посмеяться? А то ты рассказывал что-то, как кота за хвост тянул, — дуб да ёлки, уж и так лесоповал всем надоел.

Гонтуар уходит. Мерещун громко смеётся.

Нет, правда, в том дубе, может, каких четыре кубометра, а разгово-ору!

К у к о ч. Где она? Где она, обольстительница? Любочка? Пела — блистательно, а сама — помпезна! Успех — голливудский! Сам начальник лагеря хлопал! Поздравляю! *(Жмёт руку.)*

К о л о д е й *(обходя комнату)*. Ну, как тут? Режима не нарушаете?

М е р е щ у н. Любочка! Сколько огня, сколько экспрессии! *(Жмёт ей руку, садится рядом на скамью, по дру-*

гую сторону от Любы.) Слушал Шульженко — ты ничуть не хуже! Сейчас бы в Сочи телеграмму — чтоб тебе букет! самолётом!

Л ю б а (польщена). Спасибо, спасибо!

М е р е щ у н (беря её за локоть). А почему в санчасть никогда не зайдём? На пару деньков освободить тебя перед праздниками?

Л ю б а. А зачем? Я не больна.

М е р е щ у н. Ну ка-ак зачем? Женские дела — голову помыть спокойно, постирать там. Приходи завтра, освобожу. Придёшь?

К у к о ч. Ну как, Нержин, в литейке? тяжело? Понимаете, сижу целыми днями, думаю — ничего не могу для вас выдумать.

Н е р ж и н. Я благодарен. Я лучшего не просил.

К у к о ч. Ну да, но культурные люди должны быть джентльменами, надо помогать, надо выручать... (Увидев Женьку.) Слушайте, мистер, вы же прекрасно поёте, но почему не классику?

Ж е н ь к а. Я уж писал домой, чтобы мне Чайковского...

К у к о ч. Зачем Чайковского? Возьми ты „Цыганский барон“, возьми „Голубая мазурка“...

К о н ф е р а н с ь е. Кто в зал — проходи! Начинаем!

Уходит большинство артистов, Кукоч.

К о л о д е й. Не начинайте! Ещё я пойду. (Нержину.) Алё! А ты что здесь? Встань, когда с тобой говорят.

Нержин встаёт.

Зачем ты здесь?

Н е р ж и н. Так просто, гражданин начальник.

К о л о д е й. Так просто не бывает. У заключённых всегда задние мысли. Ты же не артист? Иди в зал.

Н е р ж и н. Гражданин начальник, какая разница? Я отсюда смотрю.

К о л о д е й. Не положено отсюда смотреть. Был зав-производством — смотри, откуда хочешь. А сейчас работа? Кончились денёчки, иди, где все.

Н е р ж и н. Разрешите, я останусь, гражданин начальник.

К о л о д е й (сердясь). Говорю — не положено! Тут — зона рядом. Может, ты побег готовишь. Иди, иди, пока в кондей не послали.

Нержин уходит, оглядываясь на Любу.

Доктор!

М е р е щ у н *(сидя)*. Что скажешь, начальник?

К о л о д е й *(тихо)*. Там спирт есть у тебя?

М е р е щ у н. Вообще нет. Но для тебя поищем.

К о л о д е й. А для других и не надо. Грамм сто приготовь. Приду после концерта.

М е р е щ у н. Ладно.

К о л о д е й. Ну так что? Начинаете? Пойдём, посмеёмся. *(Уходит.)*

Спектакль почти не слышен. В комнате остался мало кто.

М е р е щ у н. Люба, я был в армии начсандив, полковник, так что мне садиться было тяжелей, чем другим. С меня сняли погоны, ордена, швырнули в лагерь и велели работать в санчасти под командой какого-то неграмотного фельдшера, который бы у меня в дивизии сапоги чистил, а здесь он „гражданин начальник”! Но хлебнул я тридцать дней общих работ, опухли ноги, так что сапог снять не могли, голенища разрезали, — смирился. И теперь меня из санчасти калачом не выманишь. Любочка! Санчасть в лагере — это всё! Я тебя в санчасти устрою. Раздатчицей.

Л ю б а. Я и так устроена...

М е р е щ у н. Тоже мне устроена! Устраиваться надо, чтоб за зону не ходить, чтоб до конца срока! Я только молчу, а знаешь, какие корни я здесь пустил? Скорей начальника лагеря на этап шуганут, чем меня. Ты думаешь, я тебя на одну ночь зову? Любочка, нет! *В законе* будем! Будем *жить*.

Люба молчит.

Сейчас посылка пришла. *(Берёт её за руки.)* Ты — настоящие пирожные сколько лет, как не ела? Настоящие пирожные „наполеон”! Колбаса настоящая! Американская тушёнка — мечта!

Л ю б а *(отнимает руки)*. Очень рада за вас, доктор. Вот и покушайте с кем-нибудь... с другой...

М е р е щ у н. А я с тобой хочу, Любочка! *(Обнимает её.)*

Л ю б а *(слабым голосом)*. Доктор! Кто может устоять?.. Любая женщина в лагере — ваша. Ну, не на мне

же клином... Мне так тяжело слышать сейчас это всё...
(Освобождается от его рук. Сидит понурясь.)

Одинокий оркестрант издаёт печальные звуки на духовом.

Разрисованный занавес.

В антракте, как и в двух первых, — смена часовых на вышках. Развод проходит перед первым рядом партера, отгоняя попавшихся зрителей.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

КАРТИНА 10

Литейка. Печь для бронзы перестроена ещё на новый лад. В щели её иногда виден огонёк. Около печи — М у н и ц а и Я х и м ч у к. Муница очень суетлив, всё время заглядывает в смотровое окошечко. Н е р ж и н лопатой перемешивает формовочную землю. Дверь сушилки распахнута. На крыше сушилки Ч е г е н ё в прибирает хлам.

М у н и ц а. Плавится, проститутка, плавится! (Приплясывает.) За яких пятнайцать хвылын пиде бронза перший кляс!

Ч е г е н ё в. Теперь пойдёт, как батя тебе помог.

М у н и ц а. А шо мэни Николай? Я сам мав и липше збудовать. Мэни вэдóмо, шо форсунку потрибно малэньку.

Я х и м ч у к. Як то така дурныца — шо ж вы нэ допэрлы? Шо ж ваша бронза выгорала дочыста?

Ч е г е н ё в (разбирая хлам). Арматура, трубы, опоки, вот набралось! Что б мы делали, если б праздников не было, а? Глеб! Что такое большевистский порядок, ты знаешь?

Н е р ж и н. Да приблизительно.

Ч е г е н ё в. Когда нет ничего, хоть шаром покати! Сейчас подряд, что нужно, что не нужно, в печку покидаю, и будет у меня большевистский порядок!

Входит Л ю б а в запахнутой телогрейке,
дверь за ней сильно хлопает.

Л ю б а. Тут Кузнецова не было?

Литейщики, занятые каждый своим делом, не отвечают, Люба делает знак Нержину, тихо идёт к сушилке. Нержин за ней. Стоя в дверях сушилки, зияющей чернотой, как пещера, они разговаривают тихо.

Н е р ж и н. Что ты, Лю?

Л ю б а (в большом волнении). Глебушка! (Обнимает его.) Я — на всякий случай... Попрощаться!

Н е р ж и н. Этап? Да?

Л ю б а. Этап.

Н е р ж и н. Но подожди, может, мы ещё... может, нас?..

Л ю б а. Неужели ты думаешь, Тимофей стерпит всё, как сейчас есть? Или тебя, или меня... (Пауза.) Хорошо тебе было эту недельку со мной?

Н е р ж и н (глядя её лицо). Так хорошо!.. Как на небе.

Л ю б а. Спасибо и тебе! Я эту недельку глубоко спрячу, я её — навсегда...

Н е р ж и н. Слушай, ну неужели мы ничего не можем?..

Л ю б а (живо). Можем! Мы можем и уцелеть! Мы можем и любить друг друга очень-очень тайком, — только обещай... только согласись... Разделить меня. С Тимофеем. Я буду приносить тебе и покушать!

Н е р ж и н. И ты могла бы?..

Л ю б а. Я бы могла! Братик мой — ты сможешь? Ну примиришь! Зачем тебе уезжать? Ну, я хоть буду видеть тебя издали...

Н е р ж и н (сжимает её). Никому ни кусочка тебя, Любашенька!

Л ю б а (высвобождаясь, печально). Ну, значит, тогда... всю меня... Тогда — всю... (Медленно отступает к главной двери.)

Дверь хлопает, вбегает радостный Д и м к а.

Д и м к а. Ура-а! Звезду зажгли! На главном корпусе! Ура-а! (Сделав круг и едва не сшибив Любу, убегает.)

Дверь хлопает. Нержин неподвижен. Люба уходит. Дверь хлопает

Ч е г е н ё в (присел на сушилке, посмотрел через верхние окна, куда указал Димка; с верха сушилки подражает приёмам оратора). Товарищи, внимание! Празднование двадцать восьмой годовщины великой Октябрьской и конечно социалистической революции считаю открытым! Се-

годняшнее празднование в нашем лагере будет отмечено особенно торжественно. На повестке дня. Первое. Доблестная трудовая вахта Макара. Второе. Этап непокорных на лесоповал, человек сорок-пятьдесят.

Я х и м ч у к. Ты накаркаешь.

Ч е г е н ё в. Третье. Отнесли Игорьька в морг и прокололи штыком. Четвёртое. Шмон в бараках со взламыванием полов и переворачиванием матрасов. Пятое. Шмон на вахте со снятием кальсон. Шестое. Стахановский слёт лучших работяг с выдачей каждому по одному пирожку с пшеном, а мука и пшено будут удержаны со всего лагеря за следующую неделю.

Н е р ж и н. Где это ты так набойчился?

Ч е г е н ё в. Берлин, Ляйтштелле, курсы агитаторов. Седьмое. Бесплатное кино „Сталин в 1905 году” с давкой в дверях и сидением на головах. Эх-ма, да не до-ма́! *(Вскакивает верхом на подходящий предмет.)* По ко́-ням! Саб-ли вон! *(Делает вид, что скачет, размахивает воображаемой саблей. Локти его вылезают в прорехи рукавов.)*

Я х и м ч у к. Ой, шпана, докричишься ты.

Ч е г е н ё в. Да будь они прокляты, батя, ты думаешь, я за литейку держусь? Ну, дали бы мне лет пять, я бы в охотку погорбил, — ну зачем пятнадцать сунули? Пятнадцать — зачем? Нет уж, остаток срока пусть мне пахан сухим пайком выдаёт!

М у н и ц а. Як то — сухим пайком?

Ч е г е н ё в. Девять грамм. *(Показывает себе выстрел в голову и свисает, как умер.)*

Входят Каплюжников — дородный опрятный мужчина в хорошей шубе, Гурвич и Фролов. Ветер ещё сильнее захлопывает за ними дверь. Они не замечают Чегенёва, тот бесшумно принимает рабочее положение, ещё некоторое время убирает на сушилке, позже соскакивает вниз. Нержин перелопачивает формовочную землю.

Ф р о л о в. Товарищ главный инженер! У Фролова — твёрдо слово. Я сказал: будет бронза. И будет. По моей инициативе. Я понимаю — экскаваторы стоят.

Г у р в и ч. По чьей инициативе — это мы не здесь обсудим. Ты мне палки в колёса...

Ф р о л о в. Эх, Арнольд Ефимыч, стыдно вам так говорить! Добрую лошадь одной рукой бей, другой слёзы утирай. Вы ходите командуете, а я сижу над печкой, голову ломаю... Спросите ребят!

М у н и ц а *(хохочет и бьёт себя по ляжкам)*. За яких

пять хвылын — и бронза! Макар литейное дело розумие!

Я х и м ч у к (*опершись о счищалку как о долгий меч*). Будэ бронза — Богу дьяковаты, а нэ даст Бог — не будэ.

К а п л ю ж н и к о в (*благодарно*). Вот уж бог тут абсолютно ни при чём. Производство решает техника и люди, овладевшие техникой.

Я х и м ч у к. А по-нашему — Бог.

К а п л ю ж н и к о в. Если б вы были образованные — знали бы такую науку, марксистскую диалектику, которой вы обязаны всеми вашими успехами. Наш передовой общественный строй от бога не зависит.

М у н и ц а. Який же вин передовой, шо взрослые мужики соби на пайку нэ зарабатять? Ось, штаны мои яки рваны. (*Показывает.*)

К а п л ю ж н и к о в. Гурвич! Правда, почему спецовок им не выдаёшь?

Г у р в и ч. Илья Афанасьевич, но вы же сами знаете — в тресте нет на это фондов.

К а п л ю ж н и к о в. Фондов нет? Ну, в лагерь напиши, может там что найдут... Хотя бы б/у.

Я х и м ч у к. Там — не обязаны. Потом у нас горячий цех, мы такие ж рабочие — почему нам молока не дают, как вольным?

К а п л ю ж н и к о в (*изумлён*). Молока-а вам? Ещё чего? Может, мёду пчелиного? А? Ну, знаете, товарищи... то есть не товарищи... Так можно дойти до... я не знаю... С этим сейчас трудности, понятно?

Я х и м ч у к. Мне, гражданин начальник, уже 28 лет, как всё понятно: шаг вправо, шаг влево, конвой открывает огонь без предупреждения.

К а п л ю ж н и к о в (*как бы не дослышав*). Гурвич! А когда будут балки, плиты?

Г у р в и ч. Фролов! Как с чугуном? Почему чугуна не наформовано?

Ф р о л о в. Яхимчук! Чугун подан наверх?

Я х и м ч у к. Да что чугун подать? — два дня. А формовать кто будет?

Ф р о л о в (*Гурвичу*). Чегенёв формует, что попроще, а Макар бронзой занят. Не разорваться.

Г у р в и ч. Илья Афанасьевич! Чугун из-за бронзы задерживается.

К а п л ю ж н и к о в. Э-э, нет, товарищи, так не пойдёт. Советское производство — всё дай! И бронзу дай, и чугун дай! Бронзу отольёте — похвалим. Чугун сорвёте — под суд. А как вы думали?

Г у р в и ч. Фролов! Чтоб через три дня чугунная плавка была! При чём тут бронза? Привыкли лоботрясничать. Не успевает Макар за день? — пусть вечерами формует, пусть на праздники. Я ему дополнительный конвой закажу.

Ф р о л о в. Всё, Макар. Через два дня плавка! На праздники придёшь — будешь формовать. Николай! Почему чугуна не подаёте? Распустились!

Я х и м ч у к. Димка!.. Димка!.. Дэ вин, бисов хлопец?

Д и м к а появляется.

Иди с Глебом чугуна подавай. Я бронзу отолю — тоже приду. (Гурвичу.) Вы бы лучше заграждения там поставили.

Нержин и Димка уходят в заднюю дверь.

Г у р в и ч. Я вижу, твои литейщики уже за работой не гонятся. Расценки высокие? Можем снизить.

Ф р о л о в. Расценок вы не касайтесь, Арнольд Ефимыч.

Г у р в и ч. Потому что ты с них живёшь, поэтому?

К а п л ю ж н и к о в. И расценки надо пересмотреть, конечно. Так неужели бронза будет, а? Вот к Октябрьской годовщине подарочек. Сейчас же дам в комбинат телеграмму. (Отводит Гурвича вперёд.)

Фролов подбочается к ним, желая подслушать и вмешаться. На чердаке по железному потолку — время от времени удары бросаемых кусков чугуна.

Надо на эту печь документы в БРИЗ оформить, как на изобретение твоё и моё.

Г у р в и ч (отводит Каплюжникова от Фролова). Я уже приготовил, Илья Афанасьевич. (Фролов подступает.)

К а п л ю ж н и к о в. Придётся и Фролова взять соавтором.

Г у р в и ч. Но ведь он ничего не делал, только мешал.

К а п л ю ж н и к о в. Ты не знаешь, какие у него связи в отделе кадров. Он нас доносами закидает. Эти денежки боком выйдут. (Кивает Фролову подойти.)

Все три головы сдвигаются на шёпот. Тем временем Яхимчук с Чегенёвым подносят к печи ковшик, ставят его в рога. Муница суется около печи, смотрит в её окошечко.

Ч е г е н ё в. Ну, Макар, поздравляю! — получишь шта-

ны, бывшие в употреблении. Даже если трохи заўзки промеж ног — на празднички поработаешь. А мы с батей поспим как-нибудь.

Муница. Ну! Ну! Чекайтэ!

Фролов отходит от начальства, идёт к печи.

Гурвич. Потом, Илья Афанасьевич, насчёт того случая, что заключённый в колодец прыгнул...

Каплюжников. Прыгнул бы он тебя, Гурвич, на скамью подсудимых, если б не заключённый. Этот акт прошёл. Но ты можешь технику безопасности... ?

Гурвич. Илья Афанасьевич, неужели я без головы? Техника безопасности! А досок на заграждения бухгалтерия не выписывает, в стройматериалах перерасход!

Каплюжников. Значит, надо изыскать.

Уходят во внутреннюю дверь. В наружную дверь входит нарядчик Костя со списком, за ним — группа зэков, уже в телогрейках и шапках по-зимнему. Ветер хлопает дверью — как выстрелы.

Среди вошедших — тревожный шум. Голоса:

— Кого ещё? Кого ещё?

— Костя! Куда этап, не знаешь?

Костя. Южный берег Крыма.

Голос. Костя! А меня нет?

Костя. Не галдеть! Кому-то в лоб закатаю! Что, этапа не видели? Ну, литейщики, ветрюган! — списка в руках не удержишь. (Подошедшему Чегенёву.) Где Глеб?

Чегенёв. На этап?

Костя. Был. Санчасть вычеркнула. Только что. (Уходит.)

За Костей уходит гурьба зэков. Ещё голоса:

— Если красными вагонами — сейчас все пуговицы обрежут...

— Говорят — на Воркуту...

— Эх ты, жизнь арестантская!

Грозные выстрелы дверью. Возвращаются Гурвич и Каплюжников.

Фролов (у печи). Готово, Макар! Выпускай!
Муница. Зараз! (Пробивает лётку.)

По жёлобу в ковшик льётся струя бронзы.

Я х и м ч у к, Ф р о л о в (вместе). Довольно! Шлак! Довольно!

К а п л ю ж н и к о в. Мало! Мало! Ещё!

Я х и м ч у к (повелительно). Затыкай!

Муница затыкает.

Г у р в и ч (просительно). Может, ещё можно, Яхимчук?

Я х и м ч у к. Нэ можно! И так дерьмо будет, а не втулки.

Муница очищает поверхность бронзы. Чегенёв и Яхимчук несут ковш, льют.

Ф р о л о в. Прекрасная плавка! Всё! Экскаваторы пошли!

М у н и ц а (над залитой опокой). Ну, шо я вам казав? Макар шо вам казав? Будэ бронза!

Я х и м ч у к. Ещё какая бронза — токарный станок покажет.

Ф р о л о в. Ты нам праздник не отравляй. Победа литейного цеха. Всё!

К а п л ю ж н и к о в. Оч-чень хорошо! Оч-чень хорошо! Иду давать телеграмму в комбинат. (Уходит.)

М у н и ц а. Ну, Аксентийч, прэмия будэ, а?

Ф р о л о в (вздыхает). То есть как тебе сказать, Макар. Премия — за что премия? Если б это новая была печка! Но она ж не нами выдумана. Мудрёное дело корыто! — кто не знает, кораблём назовёт. Если б ты не заключённый был — ну, можно, знаешь, на горло брать, до ВЦСПС дойти, до ЦК...

Г у р в и ч. Давай, Макар, давай выбивай! Втулки посмотрим!

М у н и ц а. Як выбивать, як воны ще нэ схопылысь? Мусят застыгнуть.

Из заднего помещения сверху громкий крик Димки, потом последнее падение чугуна на потолок. Чегенёв бросается в заднюю дверь, Яхимчук за ним.

Г у р в и ч. Что там такое? (Спешит туда, но в двери сталкивается с Димкой.)

Д и м к а (кричит). Глеба убило! Чушка на голову! (Убегает наружу, выстрел двери.)

Чегенёв и Яхимчук вносят Нержина с окровавленной головой, без памяти. Гурвич идёт сзади, опустив голову.

Фролов. Что такое? Как случилось?

Яхимчук. Так! Халтурщик вы, а не литейщик! Сколько раз говорено — ведром не поднимать!

Нержина уносят, с трудом открывая дверь против ветра.

Муница (нагоняя Гурвича). Насчёт премии як, гражданин начальник?

Гурвич. Чугун формуй! Чугун!

Разрисованный занавес.

КАРТИНА 11

Небольшой зал собраний. На скамьях сидят спиной к зрителю несколько десятков работников треста. В глубине на возвышении — сцена, убранная стандартными лозунгами, малозаметным бюстом Ленина и большим портретом Сталина. За столом президиума пять человек, все характерные руководящие товарищи, среди них как будто — главный инженер Каплюжников. За трибуной докладчик мучительно дочитывает по шпаргалке. В зале — гул невнимательной аудитории.

Докладчик. ... ещё большо́й механизацией, ещё большо́й до́бычей мы произошли довоённый уровень. Топливная промышленность — это костяк. Современного производства, если бы не было у нас своего угля, своего леса. Остановились бы фабрики, заводы, пароходы и паровозы, вездесущие... везущие пушки, танки и снаряжение нашей овейанной слабой армии. Если бы не всемирно-историческая победа Советского Союза под руководством нашего гениального...

Четыре члена президиума, кроме председателя, до сих пор совершенно неподвижные, теперь все одновременно и в одинаковой мере разводят руками, приготовляясь хлопать и чуть приподнимаются, всем этим открывая, что они — куклы.

... Вождя, Учителя и Лучшего Друга работников топливной промышленности товарища Сталина...

Полностью встают куклы в президиуме, встаёт Председатель и зал. Аплодисменты. Куклы хлопают в точности одновременно и так же одновременно кончают, садясь.

... на Западе и на Востоке, то весь мир нагрузился бы в днепроглядную тьму порабощения и производства. Или взять

разгром наглой квантовой армии японского миталиризма. Чего не могли американцы со своими хвалёными совсем не опасными атомными бомбами, то в каких-нибудь десять дней высокосознательная советская пехота! Пусть же помнят социал-регенаты и их прихлебатели в нашу 28-ю годовщину, что мы стоим на страже наших завоеваний! *(аплодисменты)*. Братский привет народам стран Восточной демократии, вместе с нами отмечающих славную годовщину Великой Октябрьской Революции! Слава нашей родной Коммунистической Партии и её гениально-мудрому горячо любимому...

Куклы встают, за ними весь зал. Выкрики докладчика тонут в аплодисментах. Он тоже хлопает и уходит с трибуны. Куклы все разом садятся, председатель остаётся стоять.

П р е д с е д а т е л ь. Слово для премирования работников треста имеет председатель месткома.

П р е д с е д а т е л ь м е с т к о м а *(всходит на трибуну, в зале устанавливается тишина)*. Товарищи! В сегодняшний радостный день работники нашего треста с глубоким удовлетворением могут подвести славные итоги нашего поистине титанического труда. Ещё три года назад здесь были дикие места, безлюдное болото или нетронутый вековой лес, где когда-то хищники-англичане своими варварски-отсталыми методами пытались наладить грабительскую концессию. Но даже при попустительстве близорукого царского правительства, глубоко враждебного интересам трудового народа, из этой затеи ничего не вышло. И вот три года назад сюда пришли хозяева страны. Голое место обставили столбами, обтянули проволокой и сказали: здесь будет промышленный район! Была глубокая осень, не было даже жилых домов, не говоря о бараках, жили на снегу, но — строили! *(вытягивает руки)* вот этими самыми золотыми руками умельцев мы строили, товарищи! Никогда бы капиталисты не смогли строить в таких условиях, ни за какое золото не согласились бы люди, — а у нас строили! И вот последние два месяца, вооружённые передовой советской техникой, мы начали вскрышку разреза. И вдруг этот решающий участок нашей работы затормозился, ибо полопались новые бронзовые втулки, хотя они и были отечественного производства. Поставили запасные втулки — полопались и запасные. Увы, по плану снабжения запчастями мы не могли рассчитывать на получение втулок до нового бюджетного года. Казалось

бы — выхода нет! — и важнейшее правительственное задание будет сорвано. Но люди — л ю д и ! — самый ценный капитал, какой у нас есть, советские люди выручили молодую стройку. Знатный мастер литья Василий Аксентьевич Фролов сказал: я дам втулки! И начал конструировать печь для бронзы, забывая об отдыхе и сне, не выходя из цеха неделями. Встретился ряд технологических трудностей, вплотную занялся конструкцией печи сам главный инженер треста Илья Афанасьевич Каплюжников (*аплодисменты*), знавший, что нет такой чёрной или малой работы, которой можно было бы гнушаться высоко-ответственному руководителю. Был привлечён к созидательной работе и инженер товарищ Гурвич, — и вот в самый канун Великой годовщины печь была построена и бронза получена!! (*аплодисменты*). Первая же втулка безотказно проработала 24 часа и только сейчас с разреза позвонили, попросили другую.

Товарищи! Бюро Рационализации и Изобретательства, рассмотрев печь конструкции товарищей Каплюжникова, Фролова и Гурвича, дало ей высокую оценку. Совместным постановлением дирекции, партийного бюро и местного комитета решено премировать изобретателей, а именно: товарища Каплюжникова — шесть тысяч рублей и путёвкой на курорт! (*аплодисменты*), товарищей Фролова и Гурвича — по две тысячи рублей! (*аплодисменты*).

Разрисованный занавес.

В перерыве между этими картинами зажигаются фонари над колючей проволокой, оплетающей барьер оркестра. Они горят до конца спектакля.

КАРТИНА 12

Декорации первой картины. Воет и крутит ветер с мелкой позёмкой. Сумерки. В глубине над зданием постройки светится красная звезда. За проволокой в рабочей зоне столпились зэки. Неподвижные, они смотрят сюда, в жилую зону. Человек пятнадцать уже опрошенных по формулярам других зэков сидят посреди двора прямо на земле, с вещами, тесной кучкой. Луч прожектора упирается в нововывешенный плакат:

„ЛЮДИ — САМЫЙ ЦЕННЫЙ КАПИТАЛ.“ И. СТАЛИН

Отправкой распоряжается К о л о д е й, ему помогает н а д з и р а - т е л ь н и ц а с буйными кудрями из-под зимней шапки, фельдшер А г а - М и р з а, К о с т я и П о с о ш к о в. Светится окошко „кабины” М е р е щ у н а. Сам он в белом халате поверх тёплой одежды стоит на крылечке.

Справа задним ходом подаётся тот же грузовик с высокими бортами, что и в первой картине.

К о л о д е й. Давай, кого вызвали, по одному!

Зэки, отталкивая друг друга, начинают быстро карабкаться в кузов.

К о н в о и р (с автоматом, стоит в рост в кузове за решёткой, защищающей его). Садись! Сразу садись! На пол, не на мешки! Не оборачиваться! Смотреть назад! Кончай разговоры!

К о л о д е й. Нарядчик! Кого нет?

К о с т я. Вот последние тянутся. Эй, побыстрее!

Слева из-за барака подходят с вещами
Г о н т у а р, Г р а н я, Ш у р о ч к а.

С е р ж а н т к о н в о я. Гоп... Гоп...

Г о н т у а р. Гонтуар Камилл Леопольдович, 1890 года, пятьдесят восемь-один „А”, через девятнадцатую, десять лет.

С е р ж а н т к о н в о я. А ну, шапку сними!

Гонтуар обнажает серебряную голову. Сержант сличает со снимком на „деле”.

Непохож что-то... Ну, ладно, проходи.

Гонтуар карабкается на грузовик.

Сойкина!

Ш у р о ч к а (хлопоча с вещами). Соймина Алексан Пал-л-на! Пятьдесят восемь-двенадцать, десять лет!

Она чуть не плачет. И вещи тяжёлые. Никто не помогает. Наконец, Костя взбрасывает их в кузов.

С е р ж а н т. Зыбина!

Г р а н я (звонко, зло). Аграфена Михална, двадцатого, сто тридцать шестая, десять!

Г о л о с Г а я (из рабочей зоны). Прощай, Граня!

Г р а н я (кричит). Прощай, Павел!

К о л о д е й (заступая). Но-но! Хахаля бросаешь?

Г р а н я (кричит через него). Кукоча берегись! Он — стукач!! Точно!

Надзирательница. Смотри, в зубы прикладом, падло!

Граня и Шурочка скрываются в кузове за бортом.

Колодей. Все?

Костя. Все.

Колодей. Давай сюда список. *(Берёт у нарядчика. Сержанту конвоя.)* Теперь вычитай.

Сержант конвоя *(у него ещё осталось одно „дело“ в руках)*. Ефимов!

Костя. Меня-а? На этап?!

Сержант. Он же!

Колодей. Тебя, тебя, быстро, конвой ждёт!

Сержант. Он же!

Костя *(отступая)*. Шли бы вы на ... ! Не дамся!

Посошков *(приступая)*. Ну, Костя, раз надо, раз надо.

Костя. Отойди, гад! Предатель, падло! Угрёбывай, пока цел! *(Отбегает, вспрыгивает на мусорный ящик, выхватывает нож, обнажает живот.)* Не подходи! Не подходи! — испишусь!

Посошков, Ага-Мирза, надзирательница приступают.

Не подходи, испишусь! В больницу заберёте! Кишки выпущу, не поеду!

Посошков. Костя, Костя! Мы же с тобой друзья. Приказывают — что делать?

Костя *(размахивая ножом)*. Сука позорная! Помоечник вонючий! Не подходи! Первого зарежу! Испишусь!

Колодей. Взять его.

Наступающие не решаются.

Ага-Мирза. Костя! Тебе же хуже будет. На штрафную пошлют!

Костя. Шкура собачья! Стукач! Испишусь! Не подходи!

Но сзади к нарядчику подкрадывается Мерещун и ударяет его в подколенки. Костя падает. Наступающие набрасываются, валят его, отнимают нож, душат.

Костя *(лёжа)*. И ты, доктор? Ну, подожди, встретимся!

Мерещун. А что ты, гад, — испишешься, а мне тебя лечить?

Колодей. Посошков! Принеси верёвку!

П о с о ш к о в (*достаёт из кармана*). Вот она, верёвочка! Верёвочка запасена, гражданин начальник!

Костю вяжут.

К о л о д е й. Вещи его из каптёрки — сюда!

П о с о ш к о в. Ангел! Вещи! Уже всё собрано, гражданин начальник!

А н г е л выносит вещи, вскидывает их в кузов. Связанного Костю подталкивают и сажают туда же.

К о с т я. Развяжите вещи! Вещи не все! Украл, падло! Сапоги мои хромовые отмёл, шакал? Пальто кожаное?

К о л о д е й. Некогда, некогда, конвой ждёт.

Задний борт кузова захлопывают.

К о н в о и р (*в кузове*). Внимание, заключённые! При попытке встать рассматриваю как побег, открываю огонь без предупреждения!

Всходит второй автоматчик, грузовик трогается.

К о с т я (*кричит, его уже не видно за бортами*). Никуда из лагерей не денетесь, сволочи! Ещё встретимся!

А г а - М и р з а. Ладно, встретимся! Напугал.

Грузовик ушёл.

К о л о д е й (*Посошкову*). Сапоги-то взял?

П о с о ш к о в. Полчемодана отмёл, гражданин начальник! И вам будет! Это ж у него всё сдрюченное с людей. И офицерское обмундирование тоже сдрюченное.

К о л о д е й. И ты, доктор, молодчик!

М е р е щ у н. Дешёвка полуцветная, лечить я его буду! (*Уходит к себе.*)

К о л о д е й (*надзирательнице и Посошкову*). А теперь пошли шмонать. Хорошо шмонайте, не торопитесь. Ножи, напильники, водка, письма, фотографии, может бумажка с записями, денег у кого больше положенного, карандаши химические... (*Кричит на вахту.*) За-пус-кай по десять человек!!

Все четверо идут вглубь. Ангел бежит к столбу и звонит о рельс несколько раз. Два вахтёра выходят с вахты и становятся обок линейки с поднятыми фонарями. В распахнувшиеся ворота входят строем две первых пятёрки з э к о в.

К о л о д е й. Лапти, ботинки — развязать! Распустить
пояса!

Зэки исполняют команду. Начинается обыск. Ветер завывает. Ангел
идёт налево перед бараком. Слева входит Л ю б а, кутаясь в платке.
Она минует Ангела потупясь.

А н г е л (окликает, уже пройдя). Любка! Ты — из
больнички? Глеб — как?

Л ю б а. Жив...

А н г е л. Крепкая голова. (Уходит.)

На заднем плане продолжается обыск. Мигают фонари в руках вах-
тёров, крутит позёмка. Люба ещё стоит неподвижно, потом понуро
всходит на крылечко Мерещуна, стучит. Дверь впускает её. На окне
силуэтно видно, как, войдя, она снимает платок.

Разрисованный занавес.

В зрительном зале темно. Светят фонари „зоны” на барьере ор-
кестра. Замерли попки на вышках.

Сверху из невидимого динамика — мощный хор молодых горя-
чих голосов:

„Мы поднимаем знамя!
Товарищи! — сюда!
Идите строить с нами
РЕСПУБЛИКУ ТРУДА!”

Верхний свет так и не зажигается.

1954

Кок-Терек

СВЕТ, КОТОРЫЙ В ТЕБЕ

(СВЕЧА НА ВЕТРУ)

ПЬЕСА

в 6-ти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Маврикий Крэйг, профессор-музыковед, 70 лет

Тилия, его третья жена, 40 лет

Джум, их сын, 19 лет

Альда, дочь Маврикия от первого брака, 32 года

Алекс Кориэл, математик, племянник Маврикия, 40 лет

Филипп Радагайс, учёный-физик, биокибернетик, 40 лет

Анна Баниге (Эни), биолог в лаборатории Радагайса, лет 25

Синбар Атоульф, врач в лаборатории Радагайса, лет 27

Тербольм, социолог, кибернетик, 34 года

Генерал

Кабимба, африканец, аспирант у Радагайса

Тётя Христина, больше 70 лет

1-й дипломник — у Радагайса

2-й дипломник

Девушка из кодовой группы

Гости на вечере у Радагайса; сынишка Альды лет 5

КАРТИНА 1

Лёгкий холл. По двери слева и справа. Позади — неограждённый вид на океан. Там проходят парусные яхты, иногда катера с водными слаломистами, всё ослеплено летним дневным солнцем.

Газовая плита, холодильник. Развешана и расставлена разнообразная кухонная посуда, набор сковородок. Поблизости и обеденный стол. Здесь хлопочет М а в р и к и й. Он высок, плотен, у него величавая почти облысевшая голова, пенсне, повязан фартук.

Соты с пластинками, у открытой радиолы сидит А л е к с К о р и э л. Холл залит радостным рондо из 2-го фортепьянного концерта Бетховена.

М а в р и к и й. Один из важных критериев человеческого вкуса — сыр. Какой ты предпочитаешь сыр, Алекс?

А л е к с (*радостно смеётся, слушает*). Не разбираюсь, дядюшка, любой.

М а в р и к и й. Лю-бой? Нет, ты-таки дикарь! (*Подходит ближе.*) Может быть ты...

А л е к с. Дядя Маврикий! Почему вот я старую музыку люблю, а новую нет?

М а в р и к и й. Может быть ты и помола кофе не можешь определить, когда пьёшь?

А л е к с. А он имеет значение?

М а в р и к и й (*хохочет, выключает музыку*). Нет, ты — совершенный дикарь!!

А л е к с. Дядюшка! Дай дослушать!

М а в р и к и й. А-а, всё это слышано и переслышано. Подарю я тебе весь ящик, ладно. В сорок лет тебе надо начинать жить с самого начала.

А л е к с. Да. Я так и собираюсь.

М а в р и к и й. Но с того ли конца ты собираешься? Я у тебя замечаю чудаковатые какие-то высказывания. Нам бы с тобой поговорить, поговорить неторопливо... Ну, иди садись. Сейчас я тебя накормлю за все пятнадцать лет.

А л е к с. С фронтом — восемнадцать. (*Переходит к столу.*)

М а в р и к и й. Восемнадцать?!.. Начинай с угря, а отбивная должна дойти медленно, чтоб сохранились соки.

А л е к с. Дядя, мне, честное слово, неудобно! Ты из-за меня... всю эту женскую работу...

М а в р и к и й (хлопоча у стола, серьёзно). Алекс! Вот в этом треугольнике: холодильник-плита-обеденный стол, моё любимое теперь времяпровождение. Началось когда-то с того, что я никому не доверял варить кофе, но постепенно вник и в другие операции и теперь часто готовлю на всех троих. Ведь чужой человек не может готовить с любовью. И тут надо много сообразительности, знаний, такта. В девяноста пяти случаях хозяйки не приготавливают пищу, а губят её, да будет тебе известно! И осложняется дело тем, что страшно отстают поварские книги. Я подписан на „Вестник гастрономии“, он ведётся в согласии с новейшей медициной. Ну, раз ты ничего не понимаешь, то пей, что дают! (Пьют.) Вот этот салат бери. Всё-таки я не могу примириться: почему ты за все годы мне ни разу не написал?

А л е к с. А о чём бы, дядюшка, я тебе писал? И — зачем?

М а в р и к и й. Чёрт возьми! Что значит — зачем? Хотя бы затем, чтоб я тебе помог! Ведь тебе было несладко? Расскажи хоть толком, как это всё получилось.

А л е к с. Судебная ошибка. Все улики так плотно сложились против нас, что опровергнуть их мы были не в силах. Меня и друга моего взяли прямо из армии после войны, осудили на десять лет и послали в Пустынную Каледонию. И там мы отгрохали девять из десяти. Оставалось нам по году, когда нашли настоящего убийцу. Нас освободили, извинились, — но кто бы мог вернуть нам эти девять лет?!

М а в р и к и й. Потерянные годы!

А л е к с. Нет, не то что потерянные. Это очень сложно. Может быть даже — необходимые...

М а в р и к и й. Как это — „необходимые“? Что ж, потвоему, человеку необходимо сидеть в тюрьме? Проклятье всем тюрьмам!!

А л е к с (вздыхает). Нет, не так просто. У меня бывают минуты, когда я говорю: благословение тебе, тюрьма!

М а в р и к и й. Ду-рак!.. Ага! (Встаёт к плите.) Вот самое время есть отбивную! Вот когда она сочится! (Подает.) Клади горошку. А главное — вот эту подливку. Секретом этой подливки обладают немногие на нашем континенте. Я — в их числе.

А л е к с. Дядя Маврикий! Не надо. Я отучаюсь есть по столку. Большую часть того, что мы едим, мы проглатываем совершенно бесполезно.

М а в р и к и й. Так, так... (Накладывает ему.) В тебе проступают явные черты мозгового сдвига. Еда — радость

жизни, а ты от неё отучаешься! А тебе она бесполезна! Я думал, ты действительно набрался здоровых мыслей в тюрьме. Но я разочарован. *(Наливает.)* Пей! *(Алекс пьёт.)* Да похвали же вино, мерзавец!..

А л е к с. Очень тонкое.

М а в р и к и й. Я думаю! Вино — от Гарфа-старшего. Наконец, с тех пор, как тебя освободили, прошло пять лет. Где же ты был?

А л е к с. Там и оставался.

М а в р и к и й. В Каледонии?

А л е к с. У-гм. В маленьком домике на краю огромной пустыни.

М а в р и к и й. У тебя не было денег выехать?

А л е к с. Не денег. *(Пауза.)* Убеждений.

М а в р и к и й. И на таких убеждениях ты стоишь до сих пор?

А л е к с. Да. Почти.

М а в р и к и й *(машет)*. Не устоишь! Перед жизнью? — не устоишь! Но всё-таки там был... посёлок?

А л е к с. Посёлок. Я преподавал в школе.

М а в р и к и й. Но позволь! Но там, наверно, ни водопровода! ни канализации! ни газа...

А л е к с *(смеётся)*. Какого там газа! На краю посёлка даже не было электричества.

М а в р и к и й. Э-лек-тричества?! Так это каменный век! Чем же ты освещался?

А л е к с. Свечой.

М а в р и к и й. Ослепнуть можно!

А л е к с. А у Платона был аккумулятор? У Моцарта — двести двадцать вольт? При свече, дядюшка, открывается сердце. А выйдешь наружу — ветер из степи, тянет запах диких трав! — у-у! И вот именно без электричества, если уж всходит над пустыней луна, — так вся вселенная залита луной! — ты помнишь ли это хоть с детства, дядя?! Что вы тут моргаете сквозь фонари?..

М а в р и к и й. Луна? Сколько тебе лет? Я тебе завидую.

Вбегает Д ж у м, глядя не сюда, на море.

Д ж у м. Маврушка! Смотри, наш сосед не успел дачу купить, а уже на воде, на лыжах! А мы здесь третье лето живём — ты не можешь мне водного слалома обеспечить, Маврушка?

М а в р и к и й *(гневно)*. Как ты с отцом разговариваешь, негодяй?

Д ж у м (заметил незнакомого). Виноват, я хотел сказать — отёчка.

М а в р и к и й. А если отец, так можно на голову садиться? Тебе яхты мало? Тебе аквалангов мало?

Д ж у м (с достоинством). Я не искал конфликта, отёчка! Но я тебя честно информирую: мне нужен водный слалом. Не в твоих интересах вынуждать меня изыскивать средства самому.

М а в р и к и й. Какие к чёрту средства? Откуда они у тебя возьмутся?

Д ж у м. Я найду. Но учёба моя может при этом пострадать. (Уходит.)

М а в р и к и й (вдогонку). Да уж она и так страдалница, куда дальше?.. Чёрт знает, до шести лет казалось забавным, что он называет меня Маврушкой. А теперь плетью не вышибешь. (Расстроен.) Что ж ты не скажешь? — кофе налить. (Наливает.) У тебя деньги-то есть, Алекс? Нужны? Скажи честно. (Отвернув фартук, вытягивает бумажник.) Две-три сотни я тебе дам?

А л е к с. Нет-нет, дядя, у меня есть. И вообще — мне очень мало нужно.

М а в р и к и й. Где ж не нужно? Ты одет смотри как.

А л е к с. А как? Дырок нет.

М а в р и к и й. Ч-чёрт его знает, у тебя понятия!

А л е к с. Вот кофе — наслаждение. Сто лет такого не пил.

М а в р и к и й. Ага! Значит, ты не безнадёжен. Выпьешь вторую?.. Кофе надо покупать только у Стилихона, и чтобы мололи при тебе.

А л е к с. Скажи, дядя Маврикий... А где... твоя дочь?

М а в р и к и й. Альда? Да вообще где-то в нашем городе.

А л е к с. А что она делает?

М а в р и к и й. Откровенно говоря — не знаю.

А л е к с. Вы так давно не виделись?

М а в р и к и й. Нет, почему? Вот недавно в консерватории отмечали моё семидесятилетие — она пришла. Смотрю — сидит в конце стола. Такая... одухотворённая мордочка. Я её представил обществу, все удивлялись, что у меня дочь. Ну, а поговорить не удалось.

А л е к с. Значит, вы совсем не видитесь?

М а в р и к и й. Нет, она бывала. После войны. Вскоре после смерти её матери. Она приходила, мы её приласкали. Тилия к ней очень хорошо относится. Но Альда сама как-то... чуждается.

А л е к с. Я помню её ещё школьницей — такой прелестной живой девчёнкой лет пятнадцати. У тебя нет фотографии тех времён?

М а в р и к и й. И тех должна быть, и на юбилее её сфотографировали. Да постой, альбомы здесь, на даче, я тебе покажу.

А л е к с. Мне очень хочется её найти. Но справки мне не дали. Она, вероятно, не под твоей фамилией?

М а в р и к и й. Даже не скажу. Она носила фамилию мужа.

А л е к с. Разошлись?..

М а в р и к и й. Первого. А потом был второй.

А л е к с. Ах, вот что... Так она сейчас...

М а в р и к и й. Нет, сейчас не замужем. Вообще-то ты прав, положение ненормальное: не знать, где и что дочь родная... Я даже сам не понимаю, как это получилось. Ты если найдёшь её, приводи обязательно, приводи!

А л е к с. Она мечтала стать пианисткой. Не стала?

М а в р и к и й. Ничем она не стала. Она если за всю жизнь делала что-нибудь благоразумное, так это — соблюдала правила уличного движения и только поэтому уцелела. Да я всегда и против был её музыки. Что могла принести ей музыка? Я желал ей устойчивого семейного счастья. Но счастье надо уметь завоевать.

А л е к с. Я и тётю Христину хочу найти. Говорят, она в большой бедности.

М а в р и к и й. В самом деле! И Христина, чудачка, ведь тоже ещё, наверно, жива. Неужели она ещё жива? Найди, найди её и мне расскажешь. Надоело мне жить и ничего не знать о родственниках, серьёзно. Вот хорошо, что ты нашёлся!

В глубине прерывистый шум мотора. Дорожка высока, и нам виден верх въезжающего автомобиля сапфирового цвета. Он круто останавливается с резкими выхлопными взрывами и смолкает. Стройная ловкая женщина в дорожном комбинезоне выпрыгивает из него как подброшенная, бежит и бьёт по капоту.

Т и л и я. Проклятый тарантас! *(Откидывает капот, заглядывает в мотор. В нашу сторону:)* Папка! Жрать хочу! Мясное есть? Подготовь!

М а в р и к и й. Отбивная?

Т и л и я. О кей, отбивная! *(Машет и кричит вдаль:)* Джу-у-ум! Сюда-а!

Углубилась в машину. Вскоре к ней подбегает Джум, они возятся, чертыхаются, брякают инструментами.

М а в р и к и й *(спешит к плите, жарит)*. Вот и Тилия. Она тебя, конечно, не узнает. Вы с ней почти ведь и не виделись никогда.

А л е к с. По-моему, только в Розовом Каньоне, после рождения Джума. Она тогда надеялась ещё вернуться в балет.

М а в р и к и й. В балет она не вернулась, но в любительских танцует и сейчас. Недавно увлеклась журналистикой. Вообще, Тилия — яркая, многогранная личность. *(Жарит.)* Да... Три раза в жизни я женился, Алекс, — и все три раза на восемнадцатилетних девушках. В старости это как-то утешает...

Т и л и я *(оставив Джума возиться, идёт в холл в комбинезоне, с большим гаечным ключом в руке)*. Мавр! Я готова съесть сейчас дикого жареного кабана! *(Увидев незнакомого, останавливается)*. Алекс поднимается из-за стола.) У нас гости?

М а в р и к и й. Нет, родственник.

Т и л и я. Родственник? *(Подходит ближе.)* Простите, что я в таком виде... Но — кто же?..

М а в р и к и й. Твой племянник.

Т и л и я. Такого взрослого и симпатичного племянника у меня, кажется, нет... Но раз ты говоришь, что племянник, — надо по крайней мере поцеловаться? *(Бросает на пол гаечный ключ.)* Я — чумазая, грязная, ничего, племянничек? *(Целуются.)* Как я рада! Я думаю, что папочка не будет ревновать, если я тебя поцелую лишний раз? *(Целует.)* Но всё-таки, кто ж это такой?

М а в р и к и й. Алекс.

Т и л и я. Алекс?..

М а в р и к и й. Сын моей покойной сестры Маргариты.

Т и л и я. Ах, Маргариты?.. Это мы виделись... ?

А л е к с. В Розовом Каньоне, перед войной.

Маврикий жарит.

Т и л и я. Ах, в Розовом Каньоне! Тот блестящий студент, выпускник университета, золотые надежды, да? *(Движения буйной радости.)* Ну, как я рада! Ну, как мы рады! *(Целует его. Скороговоркой.)* Где же ты был? Где пропадал? Почему не писал? Рассказывай! *(Отступает.)* Ты видишь, какая я рабочая лошадка! — до обеда в редакции, потом сто километров по шоссе, по жаре, — что-

бы только мои тут жили и наслаждались океаном. По дороге забарахлил мотор, я в нём ковырялась, копалась, лезла под него, еле дотянула.

Тем временем она расстегнула комбинезон и вышла из него в цветном платии. Джум завёл мотор.

Браво, Джум! *(Бросает к выходу комбинезон и гаечный ключ.)* Забери, мой мальчик! *(Проходит перед Алексом.)* Ну, как ты меня находишь?

А л е к с. Вы очаровательны!

Т и л и я. Ещё не хватало „вы“! Ещё будешь меня звать тётушкой? или бабушкой? Только — „ты“ и „Тилия“! *(Проходит.)* И сколько мне лет?

А л е к с. Скоро тридцать?

Джум уезжает.

Т и л и я *(довольна, хохочет)*. Если бы не сын! Но я мать, Алекс, ты понимаешь, я — мать! *(Около столика с радиолой.)* Как тебе нравится этот столик? Прелесть, правда?

А л е к с. Изящный.

Т и л и я. Недавно купили. Сто шестьдесят дукатов. *(Моет руки.)* Я — мать, и проблема девятнадцатилетнего сына накладывает морщины на мой атласный лобик.

А л е к с. Не заметил морщин.

Т и л и я. Хо! Я умею их скрыть! Это целая система! Тут и — сон в холодном свежем воздухе, регулярная гимнастика, обтирания, подвижный образ жизни! Чтобы к сорока годам сохранить фигуру девочки, надо по-ра-бо-тать!

Отбивная уже на столе. Тилия садится, начинает быстро жадно есть, не прерывая, однако, разговора. Маврикий прислуживает.

Кроме того, мой лозунг: никаких врачей, а лекарства — только самые естественные и только в самых малых дозах!

А л е к с *(оживляясь)*. Это я могу понять! Это я поддерживаю!

Т и л и я. Ну, я сразу почувствовала, что мы с тобой единомышленники! Ты знаешь, папку я лечу сама. У нас вот *(вскакивает, приносит)* „Справочник практического врача“. Для образованного человека — что может быть лучше? Не доверяться этим равнодушным предвзятым шаманам, а самому выяснить патогенез, избрать лечение. Ну, у папки что, например? *(листает)* вот — аментивный

синдром. Это больные нервы. Симптомы такие: колебания аффектов, обманы чувств. В чём обманы чувств? Ревнует. Если бы ты не был мой родной племянник, то вот за эти несколько поцелуев мне б уже влетело. Тут к соседу приезжал его аспирант, африканец Кабимба. И мы с ним просто плавали, что тут такого?..

М а в р и к и й (останавливая). Тили-Ти!

Т и л и я. Папочка! В тебе говорят расовые предрасудки! Чем африканец хуже тебя? Двадцатый век есть век равенства наций... А вообще у нас выработан режим: папе ничего мясного, мне ничего мучного, поменьше солёного, регулярная прочистка желудка...

М а в р и к и й. Засоренный желудок — это страшное дело!

Т и л и я. Это ужас! Так пусть слабительное по вечерам, но зато еда — радость жизни! И вот профессор Крэйг в расцвете творческих сил, а я...

М а в р и к и й. Ну, насчёт меня-то...

Т и л и я. А что насчёт тебя? Тебе семьдесят лет, но ещё не выяснилась болезнь, от которой ты мог бы умереть.

М а в р и к и й. Сердце...

Т и л и я. Эт-то самовнушение! Ты бодр, справляешься с хозяйством, у тебя целы зубы. Ах, Алекс, недавно был юбилей Маврикия — банкетик тысячи на три дукатов! Гостей! Телеграмм! От композиторов! Дирижёров!

М а в р и к и й. Прожёвывай! Прожёвывай.

Т и л и я. Ты прекрасно ещё можешь работать! Пусть ты оставил лекции, но именно теперь ты обязан написать новую книгу.

М а в р и к и й. Где уж мне новую...

Т и л и я. Ну, хотя бы переиздать старую!

М а в р и к и й. Тили-Ти, для этого надо добавить в неё свежих идей.

Т и л и я. Так добавь свежих идей! Уж не говорю, что у меня гарнитур — лавка древностей, но с ума сойдёшь от одного позора ездить в этом корыте...

М а в р и к и й. Спортивный седан позапрошлогодней марки...

Т и л и я. Абсолютно устаревшей конструкции! Меня гложет мечта иметь кабриолет Супер-88 цвета „брызги бургундского” на триста пятьдесят лошадиных сил! Так у папки не хватает денег!

А л е к с. Ну, деньги вы соберёте.

Т и л и я. Ты рассказывай, рассказывай, что же всё мы

да мы! Где ты работаешь? Сколько зарабатываешь? Женат ли? Есть ли у тебя дети?.. Дети, дети!

По дорожке сзади пробегает Джум, резвясь с мячом.

Сыну девятнадцать, и уж он начинает шалить с девушками.

Маврикий. Хороши шалости, когда приходится оплачивать аборты.

Тилия. Но ты бы не хотел иметь эту девку невесткой? Надо радоваться, что у малыша по крайней мере здравый смысл.

Джум прислушивается, подходит.

Но ты прав, ты прав! Надо его женить — категорически! Причём на самой простой девушке из народа, пусть поменьше этого образования...

Маврикий (вспыхивает). Что за чушь? Какую там ещё из народа?..

Джум. А что мне на её интеллигентности — суп варить?

Тилия. Мы задыхаемся без женских рук! Некому пуговицы пришить. У нас даже в муке моль завелась. Постепенно ты её обучишь, передашь ей плиту и сковородки.

Джум. Да чего ты споришь, отецка? Кому жениться — тебе или мне? Моя мать дальновидная женщина, она умеет жить.

Тилия. У нас будет гармоничная жизнь. Она будет скользить по дому с тряпкой и вытирать пыль.

Маврикий (гневаясь). Да вы что, уже сговорились? Мы для этого растили сына?

Тилия. Мавр! Положи валидол! Положи валидол и не делай страшных глаз! Я этого не люблю. Почему тебя оскорбляет невестка из народа? Разве ты не чувствуешь, что весь наш век дышит демократией? Надо действовать в духе века! Уж у себя-то в редакции я всегда знаю дух века.

Алекс. А что за редакция?

Джум убегает с мячом.

Тилия. Журнал „Алголь”, слышал?

Алекс. Политический?

Тилия. Да так... международное ревю. (Вскакивает, приносит пару ярких журналов.) Вот!

Алекс. Альголь — так называется бетта в созвездии Персея, это „звезда дьявола”? (Берёт журналы, перелистывает.)

Т и л и я. Возможно, возможно, что-то в этом роде. Платят мне там немного, я не для денег, а — общее развитие, интеллектуальная жизнь...

М а в р и к и й. Тили не могла бы сидеть дома хозяйничать. Она бы задохнулась.

Т и л и я. Я бы задохнулась!.. Я люблю — жизнь, Алекс! Я люблю жизнь во всех её проявлениях! В конце концов мы живём на свете один раз! Ничего нельзя упустить!

А л е к с. Меловая бумага, цветная печать... И, кажется, только внешние проблемы?

Т и л и я. Ну, с внутренними-то у нас всё в порядке, о чём писать?! А внешние — да. Что у нас? Обзор океанских стран, их экономических пороков, их социальных язв. Участвуем в основных кампаниях. Боремся за мир, за то, чтобы перевес сил был всегда на нашей стороне...

М а в р и к и й. И только благодаря усилиям их журнала мир на планете ещё как-то держится.

Т и л и я. Сколько энергии! Сколько искусства! Постоянная взбудораженная атмосфера редакции! То интервью, то заседание, то правка... Ты не представляешь, Алекс, как я кручусь и как мне некогда!

А л е к с. „Некогда”? Это бич современного человека. Тебе некогда, человек? — значит, ты неправильно живёшь. Перестань так жить, иначе погибнешь!

Т и л и я. Браво! Замечательно сказано! Где ты набрался таких мыслей?

М а в р и к и й. Где же? В тюрьме!

Т и л и я. Что-о-о?

М а в р и к и й. Оказывается, он десять лет сидел в тюрьме.

Тилия замерла.

А л е к с. И вот мне на всё стало хватать времени и ещё остаётся.

М а в р и к и й. А теперь он полностью оправдан. Это была судебная ошибка.

Т и л и я. Ах, ошибка! Ах, оправдан. Как хорошо. Слава богу, которого нет. Но знаешь что, Алекс? Я — прямодушный человек, и скажу тебе, обижайся, не обижайся: ты — страшный эгоист!

А л е к с. В чём?

Т и л и я. В том, что ты лишил нас возможности сде-

лать доброе дело! Ты нуждался в помощи — и с какой охотой мы бы... О-о-о!..

По ступенькам террасы в сопровождении Д ж у м а поднимается Ф и л и п п Р а д а г а й с, широкоплечий, загорелый, весь в белом спортивном.

Ф и л и п п (*остановился, не видя Маврикия и Алекса*).
Мадам! Я ловлю вас на слове! Вы говорили, что у вас есть бездействующий подвесной мотор. А у меня — корпус катера. Мы их соединяем, и вы, и ваше чадо можете учиться у меня водному слалому.

Маврикий снимает фартук. Алекс поднимается,
глазами прикованный к Филиппу.

Д ж у м. Мама! Как умно! Конечно!

Ф и л и п п. Если других реакций нет, вопросов нет, — я пришёл за мотором. Мне надоело цепляться к чужому катеру. Только я (*смотрит на часы*) ограничен во времени, форсируем мотор! Профессор, простите, не видел вас! (*Здоровается с Маврикием, впереется в Алекса.*)
Ч-ч-что??!

А л е к с. Фил!

Ф и л и п п. Ал!

Бросаются друг к другу и душат в объятиях. Тилия подбегает очень заинтересованная. Маврикий растерян.

Откуда ты взялся? Где ты был?

А л е к с. Почему ты здесь?

Ф и л и п п. Я? Моя дача рядом! Ты откуда?

А л е к с. Это мой дядя родной.

Т и л и я. Господа! Откуда вы друг друга знаете?
(*Вьётся около них; они всё ещё не разомкнулись вполне.*)

Ф и л и п п. Откуда!! Мы знаем друг друга столько же, сколько стоит свет.

А л е к с. Мы вместе учились в школе. Мы вместе кончили университет. Мы (*не замечает знаков Филиппа*) вместе попали на фронт и...

Ф и л и п п. ... и только там разделились!

Т и л и я. Слушайте, это замечательно! Я ведь тоже фронтовичка! Я тоже была на фронте! А на каком вы участке... ?

А л е к с. Наконец, мы вместе...

Ф и л и п п. ... На фронте я потерял Алекса из виду, и с тех пор он не возвращался в наш город.

Д ж у м. Мама, так как с мотором? Я полезу доставать?

Т и л и я. Если господин Радагайс обещает научить тебя слалому...

Д ж у м. И тебя тоже, мама!

Т и л и я. Боюсь, мне поздно?

Ф и л и п п (*со щедрым жестом*). Вы — чудесно сложены! У вас пойдёт, пойдёт!

Т и л и я. Доставай!

Джум убегает.

Ф и л и п п. Моя помощь? Мои руки?

Т и л и я. Мы вас позовём. Сперва я переоденусь.

М а в р и к и й. Так это что ж? Вы тридцать лет уже дружите?

Ф и л и п п. Именно!

М а в р и к и й. Ну, так вы заслужили поговорить без меня. Потом, Алекс, будем смотреть с тобой альбомы. А завтра мне нужно ехать в город, поедешь со мной, полазишь там у меня в кабинете и наберёшь себе пластинок.

А л е к с. Спасибо, дядя.

Маврикий идёт направо, походка у него старческая.

Тилия нагоняет его.

Т и л и я (*тихо*). Мавр! Насчёт кабинета ты — не опрометчиво?

М а в р и к и й. А что?

Т и л и я. Ну, во-первых, ты обещаешь ему пластинки. Значит, ты лишаешь его возможности относиться к нам вполне бескорыстно. Потом — чего он набрался в тюрьме? — ты не знаешь. У тебя рукописи Рахманинова, Изаи...

М а в р и к и й (*повышая голос*). Да как ты...

Т и л и я. Тс-с-с! Именно потому, что мы его любим, мы тем более не должны подвергать его таким соблазнам!

Маврикий отмахивается, уходит направо. Тилия смотрит на друзей, уходит налево. Друзья начинают говорить громче. Алекс больше сидит, Филипп рассказывает.

А л е к с. Так ты что? О тюрьме не говоришь?

Ф и л и п п. Ты с ума сошёл! Об этом никто не знает! Я это скрыл и зачеркнул!

А л е к с. Но что скрывать? Если ты оказался невиновен...

Ф и л и п п. Невиновен! Тюрма накладывает чёрную тень! „Тот, кто раз поел тюремной баланды”!

А л е к с. Не знаю. Я не стыжусь тюремных лет. Они были плодотворны...

Ф и л и п п. Плодотворны? Да как у тебя язык поворачивается? Это вот ножницами такими — слесарными! — выхватили из жизни кусок — нежных нервов! алой крови! молодого мяса! Мы с тобой возили тачки на каменном карьере, медной пылью дышали, а они тут свои белые тела раскладывали на океанских пляжах! Нет, Ал, напротив, — надо навёрстывать! *(Размахивает кулаком.)* Надо брать от жизни вдвойне и втройне! Это наше право! Мы с тобой знаем — и хватит! Объявлять? Никто не поймёт. Когда я вернулся в Университет, я ахнул: тупицы, заморыши, которых мы за людей с тобой не считали, экзамены они по шпаргалкам сдавали, — а сейчас на первом плане, старшие бакалавры! Ты думаешь, для старшего бакалавра много надо? Упереться в одно место лбом и давить! Да что говорить? Елинодий — завкафедрой колебаний!

А л е к с *(поражён)*. Елинодий??

Ф и л и п п. Да! А Ирун Зиодор — уравнения математической физики читает!

А л е к с *(изумлён)*. И-рун Зио-дор?! Математическую физику!

Ф и л и п п *(хохочет)*. Ну! Вот и сам посуди. Ужас! Но подожди, я уже их начал прочёсывать. Я показал им, как надо работать! Сам себя не щажу — ну, и вокруг меня тянут! Увлекательный спорт: выжигать рутинёров из гнёзд одряхлевших теорий!! *(Хохочет.)* Слушай, эти пять лет после оправдания — где ты был?

А л е к с. А там же, в Каледонии.

Ф и л и п п. То есть... это в плане того, что... смысла жизни искал?

А л е к с. Пожалуй, что так. *(Смеётся.)* Девяти лет мне не хватило, остался додумать.

Ф и л и п п. М-да-а-а... Ну, и сколько ты зарабатывал? Что ты там делал?

А л е к с. Преподавал.

Ф и л и п п. Детишкам?

А л е к с. У-гм.

Ф и л и п п. Ты просто губил себя!

А л е к с. Сперва был доволен очень. А потом... Начал понимать, что преподавание моё — отчасти ложь. Наталкиваю я их теоремами, чертежами, разговорами о Космо-

се. Но не готовлю, как сопротивляться бессердечию и расчёту, ожидающему их в жизни.

Ф и л и п п. Слушай, ты помнишь, каким я был до войны? Раскисляй, лапша, философ на огуречном рассоле, — помнишь?

А л е к с. Да.

Ф и л и п п. Так вот теперь такой ты!

А л е к с (*тихо смеётся*). А во-вторых, честно говоря, на-до-ело как-то. Из года в год параграфы — потом спрашивать, опять параграфы — и опять каждого спрашивать. Мозги сохнут.

Ф и л и п п. Да ведь нельзя же паклею заткнуть вулкан! Что ж у тебя — простого человеческого самолюбия не осталось?! И в такой же цвет ты и жену подыскал?

А л е к с. Нет. Жену другую.

Ф и л и п п. Там? Но кого ты мог там найти?

А л е к с. Да, я несколько бы стеснялся её сюда привезти. Но этот вопрос отпал. Её уже нет.

Ф и л и п п. Молодчик! Ты её бросил!

А л е к с. Смешно сказать, но она — меня...

Ф и л и п п. Она тебя (*громоподобно хохочет с широкими жестами; Алекс присоединяется*). Она тебя?! (*Смеётся ещё громче, Филиппа всего трясёт, он отмахивается.*) Так слушай, она трезвый человек! Она правильно сделала! (*Новый приступ смеха. Филипп вытирает слёзы.*) Она тебя?!.. (*Успокаивается.*) Блестяще! И — где ты сейчас?

А л е к с. Пока нигде. Я только что приехал.

Ф и л и п п. И — кто ты?

А л е к с. Пока никто. Соискатель на место.

Ф и л и п п. ...школьного учителя?! (*Яростно.*) Ал! Ты ещё не безнадёжно потерял! Слушай внимательно: за эти пять лет я перевернул здесь горы! Я иду колоссально вверх, колоссально вверх! Я избрал биофизику. Это оказалось очень свежо. Я защитил первую диссертацию, добился — в страшных боях! — создания при университете лаборатории биокибернетики, она растёт, и я её начальник. У нас интереснейшие результаты! Через несколько месяцев я — доктор наук и профессор!

А л е к с. Фил! А ты помнишь, каким я был до войны? Человек-снаряд!

Ф и л и п п. Ну да, да! Поэтому я и верю в тебя!

А л е к с (*грустно*). Теперь такой — ты... Как поразительно. Мы полностью поменялись с тобой характерами. Мы поменялись взглядами на жизнь.

Ф и л и п п. Да ты в науку сейчас бросишься, как лев,

я не сомневаюсь! Ты будешь работать со мной! Ты повторишь мой путь ещё быстрее. Только перестань здесь всем тыкать свою тюрьму. О тебе недавно даже ректор вспоминал. Тебе все будут рады! А кто не рад — посторонись!! Ты же острый математик. В спины и в паруса нам дует неистовый ветер кибернетики!! Наш корабль — на полном ходу! Пока не поздно — держи канат, взлезай на борт, дружище! *(Протягивает ему руки.)* Жизнь есть борьба!!

А л е к с *(не принимая рук, обнимает Филиппа)*. Прекрасно, друг, прекрасно. Я благодарен тебе. И я люблю, что ты стал таким. И то, что ты предлагаешь, конечно волнует меня: наш старый Университет! дорога славы под сводами, выдавшими нашу молодость... Но если б ты мог ответить мне на один вопрос... На один вопрос... Зачем?

Ф и л и п п. То есть... что — зачем? Зачем — ... вообще наука?

А л е к с. Да. Зачем — наука?

Ф и л и п п. Ты просто разыгрываешь меня? В чём ты видишь тут вопрос? Азбучные истины! Да прежде всего... это дьявольски интересно! Это высокое наслаждение, неужели тебе...

А л е к с. Так что? Просто для себя? Из эгоизма?

Ф и л и п п. Да все материальные богатства, созданные человечеством, не через науку ли созданы?

А л е к с. И это не ответ. А зачем нам богатство? Богатство улучшает разве человека? Я не замечал.

Ф и л и п п. Вот прицепился к слову! Ну, не богатства, — все блага материальные на нашей планете, вся цивилизация, вся культура — всё создано наукой, всё!! О чём тут спорить?

А л е к с. О том, что хвастаясь, как много благ теперь совокупно добываем мы, не упоминают — а чего нам это добывание стоит? Ответ будет ужасен: весь человеческий интеллект до конца уходит на добывание благ! Все духовные силы наши — до исчерпа! Вру, ещё остаётся часть, чтобы давить друг друга.

Ф и л и п п. Прицепился ты, как клещ. Да в конце концов двадцатый век без науки не был бы двадцатым веком! Это — душа его!

А л е к с. Или — бездушие?

Ф и л и п п. Да не сомневаться, а — на колени! Преклоняться перед наукой!

А л е к с. „О, великая наука!” Это всё равно, что: „о, Мы — великие умы!” или точнее: „о, великий Я!” По-

клонялись люди и огню, и луне, и деревянному идолу, — но, боюсь, даже идолу поклоняться не так нищо, как самому себе.

Ф и л и п п. Да ты мракобес там вырос в своей пустыне! А что же — боженьке будем поклоняться? Зачем этот глупый беспредметный спор — развивать или не развивать науку? Как будто это от нас зависит! Всё равно что: продолжать нам обращаться вокруг Солнца или остановиться отдохнуть? Это помимо нас. А ты должен решать о себе: опять потащишься талдыкать теорему Пифагора? Или пойдёшь официантом в ресторан? Очень люблю бывать в ресторане, любимый мой отдых, но предпочитаю сидеть за столиком. За философию твою нудовую тебе нигде не заплатят. Зарабатывать ты что-то должен? Весь город тем и занят, что делает дукаты! Вся страна тем и занята, что делает дукаты! Ничто живое без дукатов не существует!

А л е к с. Так неужели же... из-за дукатов?

Ф и л и п п. Вздор! Мы живём наукой, мы дышим наукой, но если при этом деньги выскакивают сами собой и весьма обильно — это приятно, поверь! Да неужели я тебе должен доказывать, что наука — это свет, и смысл, и интерес жизни для таких, как мы? С эстафетной палочкой, которую в руках держали Ньютон, Максвелл, Эйнштейн, — пробежать по второй половине двадцатого века и на черте передать двадцать первому?

А л е к с (поникло). Филипп! У меня такое ощущение, что палочку передавать нам не придётся...

Ф и л и п п. Ядерная война? Стихия, зависящая, к сожалению, не от учёных.

А л е к с. От них-то бы больше всего!..

Справа показывается М а в р и к и й. У него в руках — раскрытый альбом.

М а в р и к и й. Алекс! Я нашёл старые фотографии твоей мамы, папы и тебя маленьким. У тебя ведь ничего не осталось? Приходи сюда, когда кончишь.

А л е к с. Да что ты? Спасибо, дядя. И — Альды?

М а в р и к и й. Странно, но Альды ни одной карточки не нашёл. Даже не понимаю, кто их мог из альбома... Они были здесь.

Уходит.

А л е к с. Надо пойти, старик рылся.

Ф и л и п п. Слушай, я почти не знаю этой семьи, мы месяца не знакомы. В чём тут дело? Она (*показывает, куда ушла Тилия*) на тридцать лет моложе. Как это случилось?

А л е к с. Мой дядюшка имел несчастье — или, наоборот, счастье? — слишком долго увлекаться молодыми. Вот это и... зафиксировано. Дядюшка был светило музыковедения, у него есть и свои квартеты, сонаты...

Ф и л и п п. Я почему спрашиваю. Мадам Тилия, выражаясь по-солдатски, просто лезет на штык. Чёрт знает, что за баба... Так Ал... (*выводит его, показывает*) вот рядом моя дача. Ты отсюда не уедешь, пока не придёшь ко мне. И я тебя буду держать под замком, пока ты не дашь письменного согласия работать у меня. Вопросы есть?

А л е к с (*тихо смеётся*). Поговорим, ладно... Ну, а ты-то? Женат?

Ф и л и п п (*голос его теряет всю энергию*). Ж-женат. (*Пауза.*) А как будто стал и не женат... Я женился на Нике два года назад, она ещё была студенткой. И так славно мы жили, весело. Она меня и в спорт втянула. И вдруг — заболела. Что-то случилось с позвоночником. И, как на зло, когда была беременна. Пришлось пожертвовать ребёнком. Ну, сперва обнадеживали, что поправится, она и вставала. Потом всё реже, реже. Теперь только лежит. Лежит, смотрит, как я по морю катаюсь... Ты увидишь её сегодня. Ну, иди, каторжанин, неудавшийся бандит! (*Толкает его в спину.*)

А л е к с. От такого же слышу! (*Уходит направо.*)

Филипп смотрит на часы, садится. Не видимая ему, из своей двери тихо выходит Т и л и я в халате. Останавливается, озирается. Расстёгивая пояс халата, отступает в свою комнату и тотчас выходит оттуда в купальном костюме.

Т и л и я (*громко*). Филипп! Я — голая! Не оборачивайтесь!

Ф и л и п п (*вздрагивает, резко поворачивается, медленно встаёт*). Слушайте!.. (*Тилия делает стыдливое оборонительное движение, стоит на месте.*) Слушайте!! (*Делает крупные шаги к ней. Тилия отступает к своей комнате.*) До каких пор вы будете меня... ? (*Идёт за ней.*)

КАРТИНА 2

Небольшая рощица, редкие деревья, пни. Позади — дорога, где то и дело проходят, не слышимые нам, грузовики, автофургоны с прицепами, автокраны, скреперы, бульдозеры.

Попеременно то солнце, то облачка, игра осеннего мягкого света.

Идут А л е к с и А л ь д а — высокая, гибкая, тёмные волосы её свободны. Алекс несёт плащи. В отличие от предыдущей картины он одет даже с тщательностью.

А л ь д а (*раскинув руки*). Что за славный лесочек! Какое солнце! Какие лёгкие облака! И — дышится тут! Ты знаешь, сегодня за много времени первый раз меня ничто не сжимает. Почти ничто...

А л е к с. А что тебя сжимает?

А л ь д а. Всегда у меня какое-то опасение, будто что-то плохое против меня готовится, что меня ждёт беда... Будто у меня хотят отнять...

А л е к с. Но что можно отнять у человека, у которого ничего нет?

А л ь д а. О, всегда можно!.. Но сегодня такой счастливый день!..

Кружится. Вдруг — сильный баллистический удар от самолёта, переходящего звуковой барьер, и потом — вфй самолёта. Альда вскрикивает, прижимается к стволу.

А л е к с. А, проклятые, как надоели...

А л ь д а (*совсем уже другая, подавленная, даже постаревшая, еле стоит*). Ну, теперь ты видел, как тётя Христина живёт. Эта хижина, пол земляной, печка дымит, крыша течёт... Даже трудно поверить, что в наше время человек... (*В голосе слёзы.*)

А л е к с (*следит с тревогой*). Да, живёт она героически. Только вот кошек у неё — девять, десять? Что-то слишком.

А л ь д а. Аль, она их не собирает, они сами к ней идут. И подбрасывают ей кошек, которых дети искалечили, — с проглоченными иголками, с отрубленными лапами, в керосине обожжённых... А она их жалеет. Вот эту помнишь кошечку, у которой движения не согласованные, то упадёт, то ножками дёргает... (*Задумывается.*) Эта кошечка одна на свете слабее меня. Похожа очень... (*Плачет.*)

А л е к с. Альда! Альдонька! Ну, так же нельзя! От каждой случайной мысли...

А л ь д а. Неужели и ты так жил в своей Каледонии?

Где-то близко с грохотом проносится электричка. Альда зажимает уши, съёживается, пока та пройдёт.

А л е к с. Я-а?! Намного лучше. Правда домик мой тоже был из глины, и в дверях я нагибался, вот так... Но внутри стоял совершенно прямо (*распрямляется*) ... если посередине. (*Смеётся. Альда начинает улыбаться.*) И было два окошка на солнечную сторону. Нет, я жил там роскошно! Пока был один. Но потом появилась жена. Неугомонная, она стыдилась нашей хижины! Честолюбивая, она требовала, чтоб я воздвиг палаты, покрытые шифером! И чтоб я больше зарабатывал. И чтобы вёз её в большой город, в большие магазины.

А л ь д а. Скажи, Аль... Ой, что я тебя хотела спросить? (*Мучительно.*) Ой, что я хотела спросить??. Ой, как я не люблю это, терять мысли!.. Ну вот, буду думать теперь.

А л е к с (*гладя ей лоб*). Ну, успокойся. Вспомнишь. Само придёт. Вернётся обязательно.

А л ь д а. Рассказывай.

А л е к с. Да уже и рассказал. Я после освобождения был настроен жить в тишине и совсем просто, жениться на какой-нибудь примитивной натуре, в которой, мол, правда и сила, и смысл. А оказалось, что в наше время все эти примитивные натуры думают только, как урвать, да купить, да перед соседями отличиться...

А л ь д а (*очень пристально*). Так неужели ты мог жениться — не любя??. И ты!? И ты — тоже??. Как же ты смел?

А л е к с. Во-первых, Альдонька, там выбора не было.

А л ь д а. Так не надо! Совсем не надо!.. (*Раскачиваясь, как от боли.*) Нет любви!.. В наш век нет любви... Замужество — сплошная ложь... Значит, когда она тебя бросила, ты просто... сигарету вынул, закурил, да?

А л е к с. Альдонька! Я понял тогда, что не могу я так жить, каждый шаг соразмерять — а что это даст для семьи? а как бы не пострадали домашние? Кого-то ублажать, о ком-то заботиться и чтоб это определяло мою философию. Я один раз живу на земле и хочу исходить из чистой истины. Жена сделала благое дело: она тотчас нашла себе другого мужа, приносящего хорошие деньги...

А л ь д а (вдруг вспомнив). Да! Скажи, Аль, так по-твоему, не надо много зарабатывать?

А л е к с. Бож-же тебя упаси!

А л ь д а. Но как же тогда, например, одеваться по моде?

А л е к с. А зачем — по моде? Чтобы быть похожей на всех, как чурки с одного конвейера? Люди созданы р а з н ы м и, зачем же вколачивать себя в стандарт?

А л ь д а. Ну, это ты какую-то дикость... Ты просто оторвался от жизни и не понимаешь. Как же можно ходить ни на кого не похожим чучелом?

А л е к с. Вот вам для того моды и придумывают, чтобы за заработками гнались, и ни о чём другом думать не успевали.

А л ь д а. Ну, освежать костюмы надо? Туфли менять надо?

А л е к с. Туфли? Надо носить, пока подмётки не сотрутся. Это логично.

А л ь д а (смеётся). С ума ты сошёл, ненормальный. И мебель надо менять, теперь стиль другой...

А л е к с. Да мебель-то зачем? Пока ножки целые — зачем её менять? Это ужасно, Альда, вот такие рассуждения я слышал от бывшей моей жены.

Снова звуковой удар и рёв самолёта. Альда вздрагивает, сжимается. Зачем же отдавать лучшие годы, лучшие силы — за деньги, и деньги эти тут же разбрасывать на пустяки?

А л ь д а (поникая). Проклятые дукаты! Как утомительно их зарабатывать! От этой проверки бесконечных телевизоров у меня в глазах рябит. Смотреть я не могу на телевизоры!

А л е к с. Я телевизоров пятнадцать лет вообще не видел — и то смотреть не могу. Там, где прежде общались души, теперь...

Близко, заглушая его, с грохотом проносится электричка.

Альда закрывает уши. Позади проползает экскаватор.

А л ь д а. А никакой другой работы я достать не умею. Так презираю себя за безалаберную жизнь. И музыке я училась, и иностранным языкам, и ничему не доучивалась.

А л е к с. Но когда на прошлой неделе ты в папином кабинете села за рояль...

А л ь д а. А, да разве это настоящая игра!.. Надо инструмент дома, и четыре часа в день.

А л е к с. Не понимаю я дядю Маврикия. Дочь родилась в него, музыкантом! А он...

А л ь д а. Папа как раз собирался купить мне рояль. Несколько раз встречал маму и обещал...

А л е к с. ... а он не только не помог — оттолкнул тебя от консерватории!

А л ь д а. Я сама не хотела туда, Аль!

А л е к с. Почему?

А л ь д а. Чтобы не компрометировать папу, что вот ещё я есть. И он тоже боялся для меня этой среды искусства. Этих людей, таких благородных в своих ролях. В конце концов так и получилось... *(Поникла. Пауза. Алекс смотрит с тревогой.)* Нет, не говори, отец — хороший, он очень хороший.

А л е к с. Он порывами — великолепный человек.

А л ь д а *(светлеет)*. Правда? Ну, правда же! Маму, конечно, он жестоко обидел, но и мама говорила всегда, что он — великий и замечательный человек.

А л е к с. А тёте Христине? Чтобы за двадцать лет гроша ей не бросить? Я ему всё выскажу! И ведь не от скудости, а — ровное благополучие, когда не хочется пальцем пошевелить. Тебя! — годами не видит — и спокоен.

А л ь д а. Ты не прав! Это я сама не ходила к нему. Теперь так получилось, ты меня ввёл, а вообще зачем создавать ему двойную жизнь? напоминать собой о прошлом?.. Я не ходила — не ходила, только когда узнала о юбилее — тайком пошла. Села на самом дальнем краешке, надеялась, что меня не заметят, и наслаждалась, как его чествуют. Нынешние ученики расписались на бочёнке масляными красками и бочёнок втащили прямо на стол. Разливали черпаком с длинной ручкой! *(Смеётся, очень оживлена.)*

А л е к с *(поправляя волосы на её лбу)*. Вот сейчас я могу тебя узнать! Сейчас ты похожа на ту прелестную девчёнку, школьницу, с которой я познакомился перед войной.

Альда смотрит шаловливо.

Если бы ты всегда была такая!

А л ь д а. Если бы всегда был такой счастливый день!

А л е к с. У тебя карточки того времени не сохранилось?

А л ь д а. У меня нет, но у папы должна быть. Он тебе не показывал?

А л е к с *(рассеянно)*. А?.. Он?.. Та довоенная девчён-

ка так в меня впечаталась, что я на фронте и первые годы в тюрьме часто-часто тебя вспоминал. Написать даже хотелось.

А л ь д а. Отчего же не написал? Ни разу.

А л е к с. С фронта? Ты была ещё слишком девочка. Из Пустынной Каледонии? Когда десять лет впереди?

А л ь д а. А если бы ты писал мне, — моя жизнь могла бы сложиться совсем иначе.

Звуковой удар. Рёв самолёта. Альда вздрагивает, рыдает.

Ну, что это? Ну, что это?.. *(Опускается на землю.)*

А л е к с. Альда! Альда!

Опускается рядом, держит её за плечи. Альда рыдает надрывно, безутешно.

А л ь д а. Зачем такая жизнь жестокая, Аль?.. Зачем жить в такой жизни?..

А л е к с *(обнимая её, мерно, медленно)*. Нет, так нельзя. Так тебя надолго не хватит. Хоть этот день один, я думал, ты проживёшь, улыбаясь. Вот послушай, дружок. В лаборатории биокибернетики, где я работаю теперь у моего друга, счастливым образом как раз сейчас всё готово к тому, что нужно тебе: из человека хрупкого сделать нестигаемого. Ты слышишь меня?

Альда смолкает.

Дать ему устойчивый, неунывающий характер, дать ему душевную невозмутимость. Ты не больна, лечения в обычном смысле тебе не нужно, но ты слишком отзывчива, уязвима. Тебе надо помочь жить. Я уже втягиваюсь в эту технику и могу оценить.

Альда подняла голову, слушает.

Сестрёнка моя, давай попробуем! Ну, дай мне руку! Для тебя. Для тебя! Чтобы спокойная улыбка не сходила с твоего лица. Довольно тебе страдать, а?

Альда слабо улыбается.

КАРТИНА 3

Лаборатория. Три двери, большое окно. Близ работающих приборов — письменный стол. Один ящик выдвинут, и над ним с двух сторон склонились 1-й и 2-й дипломники в тёмных халатах. 1-й насвистывает ритм новейшего танца и трясёт корпусом.

Электрическое освещение. Пасмурный день.

2-й дипломник. А качество тебе придётся отдать.

1-й дипломник. Двух пешек оно стоит. *(Делает ход в ящике.)*

2-й. Одной? *(Делает ход.)*

1-й. Нет, двух! *(Делает ход.)*

Услышав шум, мгновенно задвигают ящик и наклоняются над столом. В среднюю дверь входит Эни. Она невысокого роста, тугонькая, светленькая, твёрдые движения.

Эни *(строго)*. Чем заняты, молодые люди?

1-й. Снимаем точки, мисс Баниге.

Эни. И что ж получают за кривые?

2-й. Пожалуйста.

Передают ей со стола большой лист.

Эни *(смотрит)*. А почему только для двух значений параметра?

1-й. А скольких?

Эни. По крайней мере четырёх. Нам важно иметь семейство кривых. Недостающие — доснять. *(Возвращает им лист; идёт к левой двери, открывает, кричит внутрь:)* Кабимба!

2-й. Он вышел, мисс Баниге.

Эни уходит в среднюю дверь.

1-й *(проводив её восхищённым взглядом)*. Ты знаешь, а я вообще бы не от-ка-зал-ся!

2-й *(открывает ящик и, думая над ходом, напевает:)*

Но подруга Синбара
Нам не пара-а!

1-й. Нам важно иметь семейство! — это всё равно, что заново. В конце концов мы работаем у самого шефа, и пусть скажет сам шеф.

2-й. Но мисс Баниге думает с шефом одной головой, это уже замечено. *(Сделав ход, идёт к щитку, смотрит приборы, регулирует.)*

1-й *(обдумывая над ящиком, напевает, трясёт корпусом, пристукивает)*.

Но подружка Синбара нам не пара!

Но подружка Синбара-морехода...

А ладье-ладье ловушка тут в два хода!

Мгновенно задвигает ящик. В правую дверь входит К а б и м б а, рослый африканец. 1-й дипломник снова открывает ящик, думает над ходом и свистит на прежний мотив. Кабимба печален. Идёт к окну, прислоняется, смотрит.

2-й дипломник *(от прибора)*. А правда, Синбар не был моряком?

1-й. Я тоже спрашивал. Нет.

2-й. Вполне он тянет на жюльверновского капитана. *(Отходит от приборов.)* Кабимба-Кабимба! Что вы так невеселы?

К а б и м б а. Дождь идёт... *(Смотрит в окно.)*

1-й *(думая над ходом)*. Улыбнитесь, Кабимба! Покажите ваши сахарные зубки!

К а б и м б а. Я получил письмо с родины. Я давно должен быть там.

2-й. Как давно?

К а б и м б а. После университета, два года сзади. Но шеф меня позвал, я остался. Чем в науку глубже, тем трудней оторваться.

2-й. И что ж тут плохого, Кабимба? Хоть что-нибудь в жизни есть неподдельное — наука! Да ещё спорт.

1-й. Когда судья не жульничает.

К а б и м б а. Биотоки! Для каждого самого это очень интересно, но моей стране ещё о-о-ой сколько не понадобится. Я должен был вернуться домой с простой физикой.

2-й. И наладить выпуск школьных амперметров?

К а б и м б а *(энергично)*. Да! Моя родина нищая, неграмотная, верит в меня, а я сижу тут с биотоками.

1-й *(сделав ход)*. Смешно, Кабимба! Родина! *(Смеётся.)* Где вы были раньше? О родине надо было думать в семнадцатом веке или там в каком! А сейчас никаких родин давно нет, это — жуткий анахронизм. Жуткий! Есть только наша маленькая планетка, да и та, кажется... *(Машет безнадёжно; трясёт корпусом, вымокивает ритм.)*

2-й (сделав ход). Кабимба! Вы ещё небось и в партии какой-нибудь состоите?

К а б и м б а. В либерально-демократической!

Оба дипломника смеются взрывом.

2-й. Да кто ж нынче состоит в партиях, Кабимба? Опомнитесь! Либералы, демократы, прогрессисты, коммунисты, — все эти шайки думают только о себе!

1-й. И каждый должен думать только о себе!

2-й. Бросьте вы грязную политику, занимайтесь наукой! У вас идёт, у вас получается! (1-му:) Снимаем точку! (Подходит к щитку.)

К а б и м б а (гневно). Вы ещё... детишки! Вы доставили лёгкое впечатление! Никуда вы дальше этого города не ездили, ничего не видели, не возьмитесь рассуждать!

1-й (ещё над ходом, напевает).

Но подружка Синбара-морехода...

Стремительно задвигает ящик и поворачивается к приборам. Из правой двери быстро входят Ф и л и п п и А л е к с. Они направляются к средней, но, заметив присутствующих, останавливаются.

Филипп мрачен, говорит очень жёстко.

Ф и л и п п. Что у вас, мальчики? Сколько точек? (Берёт лист.)

2-й. По три на каждую кривую.

Ф и л и п п. Мало. Работаете медленно. Нет преданности науке. Позвольте! А почему только два значения параметра?

1-й. А вы не говорили, что...

Ф и л и п п. Если и не говорил, можно сообразить самим, вы не дети. Четыре-пять кривых по основному параметру — неужели нельзя догадаться? (Швыряет лист на стол, 1-й дипломник подхватывает, чтоб он не упал.) Так из вас никогда ничего не выйдет! Надо д у м а т ь! И отказаться от дедушкиных темпов. Завтра с утра — всё снова. Сейчас поможете Кабимбе.

Дипломники начинают выключать приборы, свёртываться.

Кабимба! Вы к записи биотоков с человека сегодня готовы?

К а б и м б а. Да.

Ф и л и п п. Прошу вас. Можем начать в любую минуту.

Кабимба кивает, уходит в левую дверь.

Ну, где ж твоя кухня? *(Смотрит на часы.)*

А л е к с. Да, я зря на неё понадеялся. Нужно было с утра самому за ней... Так тут работа станет. Альда — она такая, она может прийти и на час раньше...

Ф и л и п п. Но этого не случилось.

А л е к с. ... и на полдня позже. Она искренно будет спешить, стремиться, но любое столкновение может отбросить её в сторону.

Ф и л и п п. Выражаясь нашим языком — мала длина свободного пробега?

А л е к с. Да, очень силен броуновский элемент.

Дипломники свернулись, заперли ящик с шахматами, переоделись в белые халаты. Уходят налево.

Ф и л и п п. Но как же тогда мы будем с ней сотрудничать?

А л е к с. Так именно это нам в ней и дорого! Мы собираемся её векторизовать! — пусть же до опыта она будет предельно разбросана. Ты сам удивишься, до чего она нам подходит! Она начинает мысль — и забывает её. То она слушает тебя — и как будто не слышит. Смеётся — и вдруг плачет. Она смутная и неуловимая, как отражение в воде.

Ф и л и п п. Интересно, посмотрим. *(Закуривает.)* Она замужем?

А л е к с. Была два раза. Оба её... бросили.

Ф и л и п п. С детьми?

А л е к с. Ты знаешь, она такая ранимая, чуть неосторожно заговоришь — плачет, о замужествах вспомнит — плачет, и я боюсь спросить. Живёт она, во всяком случае, одна.

Ф и л и п п. У отца я её не встречал.

А л е к с. У отца! Отец её карточек сберечь не мог! — два пятна в альбоме, как глазницы от выколотых глаз. Я вчера у него был, всё высказал. Поругались, он меня выгнал.

Ф и л и п п. Ну, ладно. Скажи вот: кодовая группа — тебе достаточна по объёму?

А л е к с. Нет! И никогда не будет достаточной!

Ф и л и п п. Что ж ты предлагаешь?

А л е к с *(быстро, уверенно)*. А — решительно сменить всё направление. Конструировать автоматические

программаторы на каждый тип задач. На первых порах это будет большая перегрузка, потом оправдает себя блестяще.

Ф и л и п п. Деньги? Люди? Помещение?

А л е к с. Кооперируемся с другими! Кибернетиков много развелось.

Ф и л и п п. Ты знаешь, Ал... Не хотелось бы. Когда истина открыта не нами, она что-то теряет из своей привлекательности.

А л е к с *(так же быстро)*. Фил, надо стать выше этого! Если между нами и счётными машинами будет сидеть кодовая группа — это кибернетика на волах! Я представляю дело только так: я подумал — машина поняла! машина подумала — я понял. Всё! Для этого нужны автопрограмматоры.

Ф и л и п п. Ты молодчик. Видишь, как вошёл в курс. А сомневался.

А л е к с *(очень быстро)*. Я, Фил, попробовал, и начинаю, кажется, понимать: ни моей и ничьей тут личной заслуги нет. Сейчас во всей науке наступил такой век, как пять столетий назад в географии: любой недотёпистый капитанишка на какой-нибудь трёпаной шхуне выходил в море наугад и возвращался если не с новым архипелагом, то с парой новых проливов! Так и теперь — научные мальчики хватаются за проблемы, которых остерегался бы Резерфорд, и через три месяца у них уже всё получилось. Как будто сила нас какая-то подхватила и... *(Увидел, что Филипп погружен в угрюмость.)* Слушай, ну как с Никой? Консилиум был?

Ф и л и п п. Был.

А л е к с. Что ж молчишь?

Ф и л и п п. Бес-пер-спек-тивно. Понимаешь? В ближайшие г о д ы, ты понимаешь — годы! — она с постели не встанет. Вот так будет лежать, как сейчас. И не исключено, что ослабится или парализуется одна сторона. И при том опасности для жизни нет. Она не умрёт. И не будет жить. Вот так, как сейчас.

А л е к с *(обнимая его за плечи)*. Но что же можно, друг?.. Что же можно?..

Ф и л и п п. Я понимаю, что разводиться в таком положении считается неэтично...

А л е к с. Потом, Фил, медицина же бешено развивается, новые лека...

Ф и л и п п. Нет! Я навёл все справки! Ничего стоящего в разработке нет. *(С напряжением.)* Как это проклято

так заведено! и сколько случаев таких! что человек сам не живёт и заедает жизнь другого...

А л е к с. Ах, такая молоденькая! Ничего ж не жила!.. Так умоляюще смотрят глазёнки... Верните ей ноги! Дайте побегать!

Ф и л и п п. Жалко, жалко ужасно. Но скажи — н а с с тобой никто не пожалел? Десять лет мы отбухали на каторге ни за что, — так не достойны мы сочувствия больше, чем любой другой рядовой человек?

А л е к с. Я не уверен. Я боюсь, что тут легко перейти грань: вот мы невинно пострадали, вот мы правы — и вдруг станем неправы. Это как-то моментально поворачивается.

Ф и л и п п. Ну-ну! Поворачивается! Да я за десять лет такую накопил тоску, такую накопил отдачу! И что же теперь? Неужели я не заслужил радости? полной жизни? ребёнка, наконец?

А л е к с. Ну, без ребёнка ты можешь и прожить.

Ф и л и п п. Как это без ребёнка?

А л е к с. Всё равно дети никогда не вырастают такими, как мы хотим. Рождаются эгоистами, живут для себя. Ищи духовных детей.

Ф и л и п п. Да у меня их целый воз — духовных. Я хочу собственного сына, династического! Неужели ты этого не чувствуешь?

А л е к с. Да как-то нет...

Ф и л и п п. Выродок! Педант! Ждать! Мне сорок лет, куда же дальше ждать? А? Слушай, Ал, загробной жизни не бывает! У нас о д н а жизнь, эта одна! — и надо прожить её во всех красках!

А л е к с. Очень трудно, Фил. Жизнь — одна. Но и ещё что-то у нас одно. И тоже второй раз не даётся.

Ф и л и п п. Что ещё?

А л е к с. Глупое врождённое чувство. Рудиментарное.

Ф и л и п п. Э-э, братишка, скажи что-нибудь покрепче. Совесть? — слишком не-ма-те-ри-альна, чтоб жить ей в двадцатом веке. Мы не знаем её компонентов. Формулы. Некоторые считают её просто условным рефлексом. Совесть — чувство факультативное.

В среднюю дверь входят Э н и и С и н б а р. У него — бакенбарды, трубка.

Итак, вся пожарная команда в сборе? Тогда — маленький совет. Садитесь, друзья! Давайте думать. Мы задыхаемся

от тесноты. Нам не хватает людей. Ещё острее нам не хватает финансов. Откуда всё брать?

С и н б а р. Пришла пора атаковать и уничтожить Тербольма. Доказать, что вся эта социальная кибернетика — абсолютный вздор! И уж во всяком случае забрать его помещение и субсидии.

А л е к с. Кстати, я не успеваю всё схватывать. Эта социальная кибернетика — что такое?

Ф и л и п п. Да нелепость! Они хотят найти з а к о н ы в человеческом обществе! И по этим законам построить алгоритмы и проворачивать прогресс на электронной машине.

А л е к с. Стой, это что-то занятно.

С и н б а р. Да дикий бред! Проглотим Тербольма и не поперхнёмся. Но ведь этого всё равно мало!

Ф и л и п п. Мы переросли рамки университетской лаборатории, нам надо становиться отдельным институтом.

Э н и *(не сводит глаз с шефа)*. Да! Мечта!

Алекс, взглянув на часы, порывается уйти.

Ф и л и п п. А с людьми? Кориэл предлагает конструировать автопрограмматоры. Откуда брать людей?

Э н и. А вот именно, пока мы ещё в составе университета, — надо его ловко использовать! Во-первых, производственная практика студентов-математиков, физиков. Заставить их работать на нас! Чем они там занимаются?!.. Во-вторых, с курсовыми работами. Разные дохлые старики высасывают темы из пальца. Наш фронт работ разбить на темы, утвердить в ректорате — и пусть кафедры эти темы дают!

Ф и л и п п. И так в наше русло будут затягиваться самые способные студенты. Блестяще, Эни! У вас золотая голова и в науке и в жизни!

Э н и *(очень довольная)*. Я только о т р а ж а ю свет. Но отражать — я умею.

А л е к с. О кей, шеф, я пойду, некогда.

Ф и л и п п *(вдогонку)*. Так что ж она не идёт, слушай?

Алекс ушёл направо.

С и н б а р *(попрежнему стоит, эффектно курит трубку)*. Всё это, шеф, детские игры. Я не хотел говорить при Кориэле, у него это болезненное место. Но таких субсидий, какие нужны нам, не даст никакая фирма. В нашу эпоху

только государство платит деньги, не считая. Если нам пристегнуться к военному ведомству или внутренней безопасности, — о нашем бюджете позаботится сенат!

Ф и л и п п. Я понимаю. Я над этим думал. Но если мы пристегнёмся, — ведь мы потеряем свободу поиска.

С и н б а р. Ничего мы не потеряем! Мы пристегнём одно-два направления, полезные для них. А делать будем — что нам надо. Вообще я хочу предложить вам интересное знакомство, буквально на этой неделе. Один офицер, занимающий важный пост, хочет посмотреть нашу лабораторию.

Ф и л и п п. Да?.. А что, друзья, ведь это выход?

Э н и. И ещё какой!

Ф и л и п п. Выход. Выход! Приглашайте его, Синбар. Поговорим. Итак, что ж? Опыты на животных прошли безукоризненно, начинаем на человеке. Если эта особа, которую обещает Кориэл, всё-таки сегодня приедет, — сегодня же снимаем с неё биопотенциалы.

Э н и. По двумстам каналам?

Ф и л и п п. Да. Альфа, бетта, тэта-ритмы, все острые волны, посторонние частоты. Затем...

С и н б а р. ... кладём, даём состояние покоя в темноте, снимаем дельта-ритм. Затем световые вспышки нарастающей частоты... Да! Сказать Кабимбе, что... *(Подхватывается, быстро уходит налево.)*

Филипп и Эни сидят на прежних местах и внимательно смотрят друг на друга. Пауза.

Э н и. Наверно, всё-таки, не следовало мне идти к вам вчера...

Ф и л и п п. В конце концов вы — моя близкая сотрудница. Почему вы не можете ко мне зайти?

Э н и. Это получилось жестоко.

Ф и л и п п. Но постепенно когда-то надо же... приучать её.

Э н и. Но как она смотрела на меня!

Ф и л и п п. Вот это как раз то, через что надо... переступить.

Э н и. Мне было гадко очень...

Ф и л и п п. Но если есть вина, — пусть она будет на мне. При чём же вы? Ну, не были бы вы, — рано или поздно другая. Надо же смотреть реалистически.

Пауза. Смотрят друг на друга.

Э н и. Хорошо. Я постараюсь...

Быстро входит С и н б а р.

Ф и л и п п (*встаёт*). Итак, обязанности распределены и известны. Вы меня позовёте. (*В средней двери останавливается. Рассеянно.*) Что-то я ещё хотел... Да... Ну, пока всё... (*Медленно уходит.*)

Э н и. Бедный Радагайс! Самый напряжённый момент, ему нужна ясность, твёрдость, — а у него такая трагедия дома.

Синбар молчит, вглядывается. Он когда и не курит — вертит трубку.

Что ты на меня уставился?

С и н б а р (*прочно стоит, расставив ноги*). Жду, что ты скажешь ещё.

Э н и. Пока всё.

С и н б а р. Мне кажется, ты интересуешься не тем, что нужно.

Э н и. Нашим общим делом?

С и н б а р. Семейные дела шефа?

Э н и. В той мере, в которой они отражаются на руководстве?

С и н б а р (*подходя, мягче*). Эни! Мне кажется, уже шепотком о нас начинают шутить.

Э н и. От этого женщина всегда страдает больше!

С и н б а р. Хорошо. Я осознал. Это была моя ошибка.

Э н и. Сколько я ночей проплакала, ты не знаешь.

С и н б а р. Ну, теперь ты разветвлённо будешь меня попрекать. (*Берёт её за локти.*) Теперь я говорю: женимся! немедленно женимся! А ты... ?

Э н и. Но я приучена к логике, Синбар. Ты говорил — надо ждать твоей диссертации. Так подождём, осталось меньше.

С и н б а р. Но ты ещё недавно сама настаивала!

Э н и. А ты мне плёл о науке, о стариках-родителях, о твоих маленьких сёстрах...

С и н б а р. Эни, ты росла в благополучии, у тебя был гладенький путь. Не успела ты кончить университет, я ввёл тебя сюда. А я знал нужду, и напуган ею, и не хочу больше. (*Пытается обнять.*)

Э н и (*вырываясь*). Тут студенты ходят!

С и н б а р. Хорошо, ждём так ждём. Но что изменилось? Целый месяц ты н-н-н... Я озверею к чертям скоро!

Придумываешь разные предлоги... Я могу заподозрить у тебя...

Эни (*раздельно*). А ты не думал, что я у тебя давно могла заподозрить... ?

Напряжённо стоят друг против друга. Ослабляются при открытии двери. Справа входят А л ь д а в плаще, со следами дождя; за ней А л е к с.

А л е к с. Ну вот, наши сотрудники. (*Знакомит.*) Альда Крэйг, моя кузина. Анна Баниге, руководитель биологического направления нашей лаборатории.

Эни. Ой, как громко и неуклюже, Кориэл! (*Альде.*) Просто — Эни. (*Рукопожатие.*) Зову шефа, он просил сейчас же... (*Уходит в среднюю дверь.*)

А л е к с. Синбар Атоульф, врач.

С и н б а р (*знакомясь, холодно*). Вы никак не приходите профессору Крэйгу?

А л ь д а (*робко*). Я... его дочь...

С и н б а р. Позвольте, у него сын, дочери у него нет.

А л е к с. Она перед вами, Синбар.

С и н б а р. Нет, тут какая-то ошибка. Я точно знаю, у него только сын.

А л ь д а (*с живостью*). Папа не виноват, это я виновата! Я жила сама по себе...

Алекс делает знак Синбару. Тот уходит вслед за Эни.

Ах, из-за меня будут плохо думать о папе! И ты! Даже ты вчера так папу оскорбил! Но я вас помирю непременно.

А л е к с. Ну, помиришь, конечно. (*Помогает ей снять плащ, вешает.*)

А л ь д а. Какая Эни миленькая. Ты за ней ухаживаешь?

А л е к с. Мне, Альда, сейчас не до миленьких. Я знаешь, как закрутился? Сплю пять часов в сутки.

А л ь д а. Смотри-смотри, упустишь. (*Оглядывается.*) Ой, что это мне как-то не по себе? (*Ещё оглядывается.*) Аль, мне страшно стало почему-то. (*Держится за него.*) Может отменим, уйдём, зачем это всё?

А л е к с (*улыбаясь*). И я — Аль, и ты — Аль, и чего же ты боишься?

А л ь д а. Даже тебя боюсь. Ты здесь переменился. Скажи, это будет больно?

А л е к с. Ничуть.

А л ь д а. Но ты же сам не испытал?

А л е к с. Снятие биотоков? Да со всех сотрудников снимают, записывают.

А л ь д а. Ах, ну всё равно, Аль! Это что-то нечеловеческое. Зачем это? Уйдём!

А л е к с (усаживает, успокаивает). Альдонька! Но ведь мы же договорились. Обсудили. Это будет лучше для тебя. Тебе нельзя иначе.

Входят Э н и, Ф и л и п п, С и н б а р.

Филипп Радагайс, начальник лаборатории.

Альда поднимается.

Ф и л и п п. Мы рады видеть вас здесь. Хотя вы и... заставили нас ждать.

А л ь д а (поспешно). Это можно объяснить! Это так получилось!..

Ф и л и п п (великодушно). Ничего не надо объяснять. Но... (смотрит на часы; Эни и Синбар надели белые халаты) ... и откладывать не будем. (Надевает белый халат.)

А л ь д а (покорно). Надо идти?

Синбар показывает ей на левую дверь. Опустив голову, Альда уже направляется туда, но останавливается внезапно.

Но позвольте, господа, я же всё-таки не кролик. Объясните, что вы будете со мной делать?

Синбар уже открыл дверь, оттуда вышел К а б и м б а. Он в белом халате, рукава засучены. По знаку Филиппа он закрывает дверь, оставшись с этой стороны.

Ф и л и п п. Это ваше право. Садитесь.

Альда садится. Все стоят: Алекс — позади её кресла, остальные — в белых халатах, настороженные, пристальные — против неё.

Ну-с, прежде всего — что такое биотоки? Биоток — это очень маленький электрический ток, непрерывно идущий в каждой нашей нервной клеточке. Всё, что мы ощущаем, думаем, переживаем или делаем, — всё это в конце концов так или иначе отражается на биотоках или определяется биотоками. Биотоки даже прочитывать мы научились совсем недавно, по сути...

Э н и. Год назад.

Ф и л и п п. Что же касается обратного нашего влияния

на биотоки — вот это и есть наша задача теперь. Сперва, конечно, мы основательно изучим ваши биотоки, посмотрим энцефалограммы, обработаем при помощи электронных машин...

А л е к с (*почти на ухо Альде*). Это всё — не сегодня, это — много дней.

Э н и. Даже недель.

Ф и л и п п. И в конце концов мы вас подвер... мы применим к вам так называемую кибернетическую нейро-стабилизацию... Стабилизацию! — значит, мы обеспечим вам самое оптимальное...

А л е к с (*на ухо*). ...самое наилучшее...

Ф и л и п п. ...внутреннее душевное состояние и сделаем его стабильным, как будто вы родились с ним, как будто это не дар науки, а дар природы. После этого никакие потрясения, никакие удары судьбы не будут вам страшны. Вы не будете никогда испытывать ужаса, гнева...

А л ь д а (*вскакивает, вскрикивает*). Что вы все на меня так смотрите?! Неужели я душевно-больная?..

Стонет, едва не падает. Алекс успевает подхватить, вместе с Синбаром сажают её в кресло. Эни подносит воды.

А л е к с. Альда, милая, успокойся, что ты вообразила?.. Выпей воды. Альда, что ты придумала? Неужели я хочу тебе хуже?

Альда выпила воды, откинулась, безжизненна, бледна.

Ф и л и п п. Сударыня, это совершенно добровольно, мы ни к чему не понуждаем вас, и вы можете уйти. Ну, наконец, если хотите, мы сегодня при вас сделаем запись биотоков с кого-нибудь другого, и вы убедитесь...

А л ь д а (*после глубокого вздоха, слабо*). А вы не обманываете меня? Вы меня там не запрёте? не оставите?

А л е к с. Альда!!..

А л ь д а (*грустно*). Что ж — „Альда”? Меня обмануть легко... (*Обводит всех глазами.*) Но нет, я верю вам. Это мне так померещилось. Что я должна делать? (*Встаёт.*)

Э н и (*ведёт её под руку налево*). Пойдёмте, милая, мы немножко с вами переоденемся.

Идут. Альда из дверей оборачивается и улыбается Алексу, как бы прощая его.

А л е к с (*тихо*). Её волнение — не испортит записи?

Э н и (услышав, из двери). Как раз наоборот: будет чёткая запись! (Уходит. За ними — Кабимба.)

С и н б а р. Это очень хорошо, что она так взволнована! (Уходит туда же, прикрывая дверь.)

Ф и л и п п (кивает). Это позволит оптимально выявить характерные для неё частоты! Да, хороша твоя кузина, Ал. Вот из кого вылепить, что нам надо!

А л е к с (удерживая его). Она — свечечка, Филипп! Она — трепетная свечечка на ужасном нашем ветру! Может, зря я её привёл?.. Не задуйте её! Не повредите!

Ф и л и п п. Мы дадим ей настоящее гранитное душевное здоровье. Мы превратим её нервную систему в неотклоняемый вектор! (Не пуская его за собой.) Ты — не ходи, ты будешь на неё воздействовать. Не ходи, останься! (Уходит налево, закрывает дверь.)

Алекс в колебании, в раскаянии — то к одной двери, то к другой.
Входит девушка из кодовой группы.

Д е в у ш к а. Господин Кориэл! Код нанесен. Перфолента готова.

А л е к с. Да? Иду... (Смотрит туда и сюда.) Иду. Иду. (Медленно уходит направо вслед за девушкой.)

Близ левой двери вспыхивает светящееся,
не замеченное нами прежде табло:

ИДЁТ ЗАПИСЬ.
НЕ ВХОДИТЬ!!

КАРТИНА 4

В доме у Радагайса. Попеременно: большая гостиная, где рояль, радиола, телефон; малая гостиная с телевизором; в конце картины ещё и прихожая. Из обеих гостиных в глубине видна столовая, где уже расстроен обильный праздничный стол.

Часть гостей в большой гостиной слушают А л ь д у, гладенько играющую на рояле пьесу Шуберта. Другие гости — в столовой, всего их человек около двадцати пяти, университетская публика, среди них — энергичный средних лет Г е н е р а л.

В малой гостиной сидит Т е р б о л ь м; стоит, слушая игру Альды, А л е к с.

Фортепьянная пьеса тут же и кончается. Аплодисменты. Многие переходят в столовую.

А л е к с (очень расстроен; садится возле Тербольтма).
Разве это Шуберт?

В столовой — импровизированный тост, кто сидит, кто стоит.
Оттуда слышен:

Г о л о с Ф и л и п п а. Дорогие друзья! Много лестных тостов было сегодня произнесено в честь создания института биокибернетики, в честь его жарких научных боёв, в честь получения профессорского звания вашим покорным слугой. Но мы обошли одну из главных виновниц торжества — госпожу Альду Крэйг, чьей пре-лест-ной игре мы все только что аплодировали и чьё многомесячное любезное сотрудничество с нашей лабораторией помогло нам блестяще доказать эффективность нашей методики, нашу способность преобразовывать характер человека! (*Аплодисменты.*) Однако, перед тем как поднять тост, мне хочется поднять вот этого крепыша (*двумя руками высоко поднимает мальчика, тот хочет спать; смех*), сына госпожи Альды, которого мы вернули счастливой матери.

Г о л о с. Радагайс! Вы так гордитесь им, будто целиком изготовили его в лаборатории биокибернетики.

Смех.

Ф и л и п п. Зубоскальте-зубоскальте! А мы видим в нём символ нашей удачи! (*Аплодисменты. Опускает мальчика.*) Итак, за госпожу Крэйг и её сына!

Гул одобрения. Пьют.

А л е к с. Я не понял, Тербольтм, — хозяйку этого дома вы откуда же знаете? Ведь здесь, у Радагайса, вы не бывали раньше?

Т е р б о л ь м. А — в больнице, в Гран-Эрроле. Я там — свой человек: я лежал там многие годы. Теперь показываюсь врачам иногда. И вот меня подвели к её постели, чтоб на моём примере приободрить.

А л е к с. Удобно ли спросить, что было с вами?

Т е р б о л ь м. У меня в юности были очень больные слабые ноги. Они и сейчас не крепкие. Когда я волнуюсь — мне трудно стоять. Я пролежал семь лет. Я не был уверен, что встану.

А л е к с. Семь лет вы пролежали, отроду вам тридцать четыре, когда ж вы так много успели?

Т е р б о л ь м. По аналогии со своим печальным опытом вы можете догадаться: именно потому и успел, что

лежал. Недостаток внешнего движения вызывает к движению внутреннему.

А л е к с. Но всё-таки как вы могли додуматься посягнуть — на человеческое общество?!

Т е р б о л ь м. А социология „вообще“, то есть болтовня, — это не худшее посягательство? Когда мы берёмся вмешиваться в будущее, не умея предсказывать его ни точно во времени, ни точно в пространстве, ни — точно по форме и величине?

Проходят Г е н е р а л и С и н б а р.

Г е н е р а л. Слушайте, доктор, с кибернетикой мы уже немного обожглись. Обожглись! Даже у такой полезнейшей кибернетики, как военная, оказалось коварное свойство... э-э... перешагивать.

С и н б а р. Перешагивать?

Г е н е р а л. Да! Через задачи, поставленные командованием.

С и н б а р. Инициатива! Вы должны радоваться.

Г е н е р а л. Чему тут можно радоваться? Первая машина была сделана против Воздуха. Она получала от локаторов сигналы о подходящих самолётных группах, ракетах, всё это моментально обрабатывала, молодчина, и сама же включала ракетодромы, аэродромы, зенитные батареи — оч-чень хорошо!

С и н б а р. Очень хорошо.

Г е н е р а л. Но не очень. Уже тогда появилось сомнение: э-э-э... а-а... авиационному командованию что же делать? Ладно. Тут нам сделали вторую модель — „Воздух и Вода“. Теперь в неё входили сигналы ещё от подводных лодок, от кораблей, от торпед, всё это обрабатывалось, выскакивало, и сама машина совершенно немедленно давала лучшее решение: какому нашему кораблю куда стрелять, какие контр-торпеды... какие минные заграждения... И все наши адмиралы... э-э-э... вы понимаете?

С и н б а р. Начинаю улавливать.

Г е н е р а л. Так тут наши электронные умники стали делать нам такую Главную Штабную Машину! И поменьше — Корпусную! и поменьше — Дивизионную! В которые теперь должны закладываться и все данные с земли — движение моторизованных частей, сапёрные работы, переправы, расположение артиллерии... И Машина всё это с какой-то чёртовой скоростью проворачивает и даёт безупречно лучший вариант боя!! А? А?

С и н б а р. Так победа будет наверняка за вами?! Блестяще!

Г е н е р а л. Да на кой чёрт нам такая победа! Кто обслуживает машину? Университетские мальчишки! А люди, умудрённые опытом мировой войны, локально-колониально-освободительных войн, люди, покрытые орденами, пол-ко-водцы!!? Какой труд в человеческом обществе ценится выше, чем пол-ко-водческий? Какие гении оставили в истории более яркий след? Александр Македонский, Чингис-Хан, Наполеон, я не буду перечислять. Так что нам с такой кибернетикой? Разогнать?!

С и н б а р. Господин генерал! Но уверяю вас, что биологическую кибернетику...

Г е н е р а л. ... не придётся ли тоже когда-нибудь разогнать?

С и н б а р. Может быть и разогнать, но совсем в другом смысле: придать ей побольше скорости!

Генерал хохочет. Показывается шуточная процессия: 1-й и 2-й д и п л о м н и к и, обмотав головы полотенцами, как чалмами, выбивают ритм — в самодельный бубен и ложкой по кувшину. Д е в у ш к а из кодовой группы идёт с печальными плясовыми движениями. Сзади — К а б и м б а, меланхолически улыбаясь. Все мужчины уже изрядно выпили.

С и н б а р (*преграждая дорогу*). Что это?

1-й д и п л о м н и к. Торжество омрачено, сэр! В этот весёлый вечер мы провожаем Кабимбу и хороним его диссертацию.

К а б и м б а (*машет*). Забирайте, что хотите...

С и н б а р. Но вы ещё к ней вернётесь?

К а б и м б а. Всё стареет, пока вернусь.

2-й д и п л о м н и к. Кабимба! Ещё не поздно одуматься!

1-й д и п л о м н и к. Кабимба! Не платите за билет! Вот этот капитан (*показывает на Синбара*) может вас подкинуть в Африку бесплатно!

Д е в у ш к а из кодовой группы. Капитан! Не разрежьте нас лопастями! (*Расталкивает дипломников.*) Железный капитан! Мы пропускаем вас!

Синбар и Генерал проходят между ними. Молодёжь возобновляет процессию.

С и н б а р (*указывает Генералу на Терболяма*). А вон

тот белокуренький — вы знаете кто? Вот кого надо, генерал, душить в колыбели. Он... *(Рассказывает беззвучно.)*

Т е р б о л ь м. Теперь в мои две голые комнаты ломятся корреспонденты, нюхают, ищут — где ж эта машина, которая должна изображать собой государственное устройство? Задают мне вопросы вроде таких: не может ли моя машина остановить революцию? не может ли моя машина заменить правительство? не может ли она обеспечить всеобщее разоружение? А машины нет. Как? Ещё нет? Уходят разочарованные.

А л е к с. Я боюсь, вам не следовало так рано печатать статью. Открывать себя.

Т е р б о л ь м. Что делать? Нельзя ж идеям лежать? Не хватит сил у нас — пусть сделают другие. Денег нам не дают. Сотрудники к нам не идут. Вот вы ж не пойдёте?

А л е к с. Не пойду. Но не потому, что у вас нет денег, а потому, что боюсь — как это вы начнёте кромсать бедное человечество...

Т е р б о л ь м. Кориэл! Простительно кому-нибудь другому сказать, но не вам. Почему мы должны отказывать коллективу людей — обществу, в тех принципах информации, координации и обратной связи, которыми в отдельности пользуется каждый человеческий организм, каждый коллектив клеток?

Синбара нет.

Г е н е р а л *(подходя)*. А слово „коллектив” вы не могли бы заменить каким-нибудь другим? „Коллектив” как-то отдаёт социализмом.

Т е р б о л ь м *(пытается встать, но садится)*. Ничего не могу. Это удачное слово. Обществу надо уметь переживать свои разрушительные явления: засуху, эпидемию, землетрясение, экономический застой, финансовый крах, войну, революцию. Из всего этого надо выходить восстановленным и способным к дальнейшему развитию. И для всего этого обществу необходимы только: безупречная информация, координация и обратная связь.

Г е н е р а л. Но при чём тут электронная машина?

Т е р б о л ь м. Машина будет моделью общества. Любую реформу, предлагаемую для общества, не надо долго обсуждать, не надо гадать, голосовать — укрепит она общество? или ослабит? или разрушит? Реформу эту мы

кодируем, впускаем в машину, и через несколько минут — ответ!!

А л е к с. Вообще — здорово!

Г е н е р а л. Ничего не понимаю! Проверять реформу на какой-то безответственной электронной машине, если о ней достаточно авторитетно всегда может судить парламент? министр! и, наконец, совет министров!

Т е р б о л ь м. Видите ли, беда в том, что люди могут находиться во власти случайных настроений. Оскорблённых самолюбий. Групповых пристрастий и антагонизмов. Тщеславия. Поспешности.

А л е к с. Да сказать просто — они могут быть корыстны! Уж человеческими ли обществами не управляли при помощи злой воли?!

Г е н е р а л (*не первый раз всматриваясь в Алекса*). То есть, какими обществами и когда?

А л е к с. Ну, я говорю — раньше, раньше.

Г е н е р а л. Ах, раньше? Это верно. (*Тербольму*). Но чем вас не устраивает современное демократическое государство?

Т е р б о л ь м. В нём нет надёжности. Очень капризное соединение элементов. Почему-то нигде в природе мы ничего подобного не находим. Эту форму придумали люди и отнюдь не удачно.

Г е н е р а л. А мы, господа, все за демократию, — но в разумных пределах. Без сильной руки демократия невозможна. А если этот ваш... коллектив автоматов... сойдёт с ума и погубит нацию?

Т е р б о л ь м. Опасность есть всегда, во всякой конструкции. Мост может рухнуть, самолёт — развалиться. Обязанность создателей — неблагоприятные возможности пресечь.

А л е к с. Но зато злоупотреблений — можно скорей ожидать от людей. Эта электронная машина во всяком случае не будет стремиться нажить капиталы, пристроить родственников! потребить общественной энергии больше, чем ей отведено по схеме. И она не потребует завоеваний.

Г е н е р а л. Я всё время смотрю на вас и не могу вспомнить — откуда я знаю ваше лицо?

А л е к с. Я тоже не сразу вспомнил. Вы раньше не служили в Управлении Мыслей и Чувств?

Г е н е р а л. Допустим.

А л е к с. А не приходилось вам инспектировать Пустынной Каледонии?

Г е н е р а л. Да.

А л е к с. Так я приходил к вам однажды. С протестом от имени каторжан.

Г е н е р а л. Ка-тор-жан?!

А л е к с. По поводу плохого питания и плохого обращения. Впрочем, протест мой успеха не имел.

Г е н е р а л. И вы не стесняетесь открыто вспоминать, что вы там были?

А л е к с. Если не стесняетесь в ы ! Я-то оправдан.

Г е н е р а л. Ну, знаете, „оправдан” — этим не следует козырять. Это не следует понимать так, что вы вовсе не виноваты.

А л е к с. А я понимаю так.

Г е н е р а л. Напрасно. (Тербольту.) Молодой человек. То, что вы изложили — это какое-то маниакальное безумие. Вы хотите, чтоб обществом управляли машины?

Т е р б о л ь м. Да нет же! Машины будут только моделировать реформы и проверять их. А управлять машинами...

Г е н е р а л. Инженеры? Учёные?... Не пойдёт. Не подойдёт. Слушайте! Чтобы управлять обществом — к этому нужно готовиться с детства. Не во всякой семье родившись, вы можете управлять. Это — умение немногих, и ни на что не похожее. Я вам очень советую, молодой человек, изберите какое-нибудь более... прогрессивное направление. Займитесь Космосом. Промышленностью. Спортом, наконец. И вы будете благоуспевать. А на такую машину вы не получите нигде ни шиша. И может быть, в интересах демократии придётся вас немножко... подзавернуть. (Уходит.)

Т е р б о л ь м. Вот так. И никто ко мне не идёт. И вы тоже не идёте.

А л е к с. Страшно, Тербольт. Вот мы здесь взяли одно человеческое создание — и что наделали? А вы хотите — миллионы людей сразу!

Т е р б о л ь м. Но никакой же „обработки” миллионов! Никакого натиска на душу людей! Мы только хотим помочь людям предвидеть их социальное будущее. Не вести человечество ложными путями.

Видно, как из столовой сюда Ф и л и п п катит столик-тележку с вином и тарелками.

Мы только разрабатываем правила перехода к идеально-регулируемому обществу.

А л е к с (горячо). Хо-го! „Идеально-регулируемое”

— это ещё не значит идеальное! Для отдельного человечка! Нет, так просто вы меня...

Ф и л и п п (*громко, с широкими жестами*). Друзья мои! Это уже нечестно! Надо уметь отдыхать! О т д ы х а т ь! Otium post negotium! И — как ещё там?

Т е р б о л ь м. Otium reficit vires.

Ф и л и п п (*почти кричит*). Сегодня мы о т д ы х а е м! А у вас деловой разговор? Запрещено! (*Садится на подлокотник в свободной позе.*) Слушайте, Тербольт, неужели вы до сих пор на меня сердитесь? Да никогда мне не мешало ваше научное направление! Да мне не жалко, крутите его хоть до небес. Но жизнь есть борьба!! В тот момент мы столкнулись на узкой тропинке. Теперь же конфликт ликвидирован. Выпьем за дружбу! (*Наливает всем троим.*)

А л е к с. Но эти месяцы Тербольту пришлось...

Ф и л и п п (*смеётся*). Вот между прочим, если бы не он (*кивает на Алекса*), мы б вас добили, это верно. (*Кричит.*) Но теперь конфликт улажен! Мы выделяемся из университета, вам вернут ваш бюджетик, получите назад ваши комнаты, можете прихватить часть наших. Никаких последствий!

А л е к с. Последствия — моральные.

Ф и л и п п. Ал! То, что не материально, — то не-сущест-ву-ет! Выпьем!

Т е р б о л ь м. Социальная кибернетика почему-то всех бешено задевает. Именно в общественной жизни все себя считают знатоками. У меня и без вас было много врагов...

Ф и л и п п. Да никогда я не был ваш враг! И что вам враги? У вас ещё больше идей! Вы напечатали такую статью — вы прогремели на весь мир! Вот если сейчас не выпьем — буду ваш враг. Вы — социолог, я — биолог, я готовлю вам почву. За почву будете пить?

К ним подошла Э н и.

В частности, вы обижаете мисс Эни.

Т е р б о л ь м (*взялся за бокал*). Нет, я никак не хочу обидеть мисс Эни.

Алекс тем временем пьёт.

Э н и. А у меня не было большего праздника в жизни, чем сегодня.

Ф и л и п п. Это раз. А во-вторых, мисс Эни была столь любезна, что взяла на себя роль хозяйки дома.

Эни. Разумеется, только сегодня.

Филипп. И поэтому вы обижаете её вдвойне.

Тербольш (привстаёт, чтоб усадить Эни). Но тогда и вы с нами...

Эни. Нет-нет! Я должна быть всё время в движении, и у меня должна быть сегодня особенно ясная голова.

Филипп. Ну, чуть-чуть можно. *(Наливает ей. Алекс тянется налить себе снова.)* Спешу навёрстывать, Ал! Правильно!

Алекс. Куда спешить нам, Фил? Оказывается, мы нигде ничего не упустили. Разве только — осматривать средневековую готику.

Филипп. Ста-рьё!! Сломаем — и будем строить из пластмассы и стекла. Итак, за единение, за продвижение, за...

Алекс. Но по возможности без генералов.

Филипп. А чем тебе не нравится генерал? Радужнейший человек! И расположен к нам! Ну, выпили-выпили-выпили! *(Пьют вчетвером.)* И помирились. Конфликт исчерпан! *(Хлопает Алекса по плечу.)* Отдыхать, отдыхать, Ал!

Филипп уходит в большую гостиную. Эни идёт в столовую. Ей преграждает путь Синбар, раскуривающий трубку. Сперва он стоит, не пропуская её, потом подчёркнуто уступает дорогу. Эни проходит. Синбар, покуривая, медленно передвигается по малой гостиной, рассматривает картины на стене. Тихо доносится музыка из большой гостиной.

Тербольш. И вот она сейчас там лежит, глаза в потолок, под лампочки, ей даже повернуться больно. А мы тут все знаем о ней и улыбаемся друг другу, как будто не знаем. Так устроен мир: радоваться достаётся нам вместе, а страдать, болеть, умирать — в одиночку. *(Долгая пауза.)* Кориэл! Серьёзно. Переходите к нам.

Алекс. Говоря откровенно, Тербольш, я не только к социальной кибернетике, я ко всякой науке вообще отношусь с подозрением. Она доказала, что неплохо умеет служить тирании.

Тербольш. Тираны рождаются не наукой. В ненаучную эпоху и в ненаучных странах их было ещё больше.

Алекс. Но и наука успела им неплохо послужить!

Тербольш. Её захватили бессовестные руки! Вот и надо создать идеально-регулируемое общество, где науку не используют уже во зло.

Синбар включает телевизор. Оба оборачиваются.
Алекс отмахивается.

А л е к с. Синбар! Пощадите! Не надо сумасшедшего дома!

Синбар выключает. Прислушивается к их разговору.

Т е р б о л ь м. А вы? Вы относитесь к науке с подозрением, но всё-таки занимаетесь ею.

А л е к с. Да может быть и брошу, не знаю. Для меня главный вопрос в жизни был всегда: з а ч е м? Ведь в каждом частном мелком поступке... Выходя из дому, я всегда знаю, куда и зачем. И покупая какую-нибудь вещь, я всегда знаю — зачем. А в крупном почему-то считается — можно не знать, не думать... Вот я работаю у Радагайса уже полгода и всех спрашиваю: зачем это мы всё делаем? Никто не может мне ответить. Зачем вообще наука?? Мне отвечают: она интересна; этот процесс не остановить; она связана с производительными силами. Но всё-таки — зачем? Нам всюду подсовывают какие-то странные цели: трудиться надо — для труда, жить надо — для общества.

С и н б а р. Прекрасная цель. Почему она вам не нравится?

А л е к с. Прекрасная, но не ц е л ь.

С и н б а р. Почему?

А л е к с. Так ведь если я живу для вас, а вы живёте для меня, — это замкнутый круг. Ответа „зачем мы живём?“ — всё равно нет.

Т е р б о л ь м. А „зачем мы живём?“ — это неточная постановка вопроса. Мы же не родились актом собственной воли с заранее заданным намерением. З а ч е м можно было бы спросить либо у Бога...

С и н б а р. Ну, боженьку сюда давайте не путать!

Т е р б о л ь м. Религия смешна, это общепринято. Тогда — у наших родителей.

А л е к с. Но мы тоже родители. Значит — зачем даём жизнь?

Т е р б о л ь м. Вот так можно. И ещё так можно: поскольку ты уже родился и вырос существом сознательным, то какую ты лично ставишь перед собою ц е л ь? Или — никакой и живёшь по необходимости горькой.

А л е к с. А, Синбар? Ваша цель? И цель ваших будущих детей?

С и н б а р. Счастье, конечно, что за наивный вопрос!

А л е к с. Pardon, но что такое с ч а с т ь е?

Большая гостиная. Пожилые — за картами, малыша нет. Под крикливую песенку с радиолы несколько пар танцуют современное, в их числе Филипп с Альдой, Генерал с Эни. Вскоре танец кончается. Генерал подходит к Филиппу и Альде. Эни проходит по гостиной, следя, чтобы всем было весело.

Г е н е р а л. Я благодарю вас, профессор, за прекрасно проведенный вечер. Мне скоро пора уходить. На прощанье вы разрешите задать несколько вопросов вашей подопечной?

Ф и л и п п. Разумеется, генерал, разумеется!

Г е н е р а л (Альде). Я вас не утомлю? Не обескуражу?

А л ь д а (всё, что она говорит сегодня, — размеренно, равнодушно, отчасти устало). Пожалуйста.

Г е н е р а л. Скажите, свойственно ли вам было прежде чувство страха? Страх?

А л ь д а. Очень.

Г е н е р а л. Вы — боялись, да? И чего вы боялись?

А л ь д а. Мне сейчас даже не верится. Всего боялась. По утрам — что надо идти на шумные улицы. По вечерам — одиночества, темноты.

Г е н е р а л (с надеждой). А теперь?

А л ь д а. Ничего не боюсь.

Г е н е р а л (всплескивая). Великолепно! Замечательно!.. Ну, а например — страх за сына?

А л ь д а. А почему я могу бояться за сына?

Г е н е р а л. Кстати, у вас его отнимали, да? По суду?

А л ь д а. Нет, свекровь только угрожала судом — и я сдалась. Я издёрганная была. А теперь вот мистер Радагайс выхлопотал мне медицинские справки. И я решительно забрала.

Г е н е р а л (просияв). Р е ш и т е л ь н о? Вот это интересно тоже. Вам раньше свойственны были... колебания?

А л ь д а (смеётся деревянно). Никогда я не знала, как сегодня одеться. Как построить день. Что приготовить поесть. Если бы вы дали мне на выбор две одинаковых конфеты — я б не выбрала.

Г е н е р а л. Эт-то замечательно! Эт-то удивительно! Ну, благодарю вас, благодарю! Вы не представляете, как вы меня радуете! (Отдельно Филиппу.) Скажите, ну а в масштабе... э-э-э... сотен человек? Тысяч?.. Я не говорю пока... э-э-э... миллионов? Такую операцию можно произвести?

Ф и л и п п. Средства! Только средства, господин генерал.

Г е н е р а л. Так я гарантирую вам! Можете считать, что в текущем году ваш институт уже на нашем бюджете.

Целует руку Альде. Подошла Э н и.
Филипп направляется провожать.

Нет-нет, уж доставьте удовольствие, пусть меня проводит ваша обаятельная хозяйка. *(Прощается. Уходит с Эни.)*

Ф и л и п п. А куда делся ваш бутуз?

А л ь д а. Да где-то Эни его положила спать. Кажется, в комнате Ники.

Ф и л и п п. Очень вы были внимательны к Ники, скрасили ей немало вечеров. Спасибо. Понимаете, трудно было решиться на этот шаг, но... Болезнь так затянулась... Дома невозможно было обеспечить правильный уход, полное лечение.

А л ь д а. Это понятно.

Ф и л и п п. И по-моему ей там будет даже лучше. Там будут разные процедуры...

Альда кивает.

У неё появится надежда на выздоровление.

А л ь д а. Но надежды нет?

Ф и л и п п. Нет. И куда же, Альда, теперь вы?

А л ь д а. В мою обычную жизнь.

Ф и л и п п. Если собирать телевизоры — не допущу! Вот развернётся мой институт — я устрою вас у себя. Это будет и оплачиваться лучше и...

Звонит телефон. Возвратившаяся Э н и берет трубку.

Э н и. Квартира профессора Радагайса... Да, празднуем, но кто говорит? *(Холодно.)* А, здравствуйте... Эни, да... Разумеется, в полном составе... Я передам ваши поздравления... Она здесь. Я позову её сейчас. *(Громко.)* Альда!

Но кто-то на мгновение ещё громче включил радиолу, и Альда не слышит. Эни в трубку:

Почему не надо? Я сейчас позову... Хэллоу! Хэллоу! *(Недоумение. Кладёт трубку. Идёт к Филиппу и Альде.)* Я прошу извинить меня, но звонила Тиля Крэйг. Она передала новому профессору и новому институту свои... самые пылкие, как она выразилась, поздравления.

Филипп молчит.

Затем она попросила к телефону вас, Альда, но тут же бросила трубку. Может быть вы позвоните ей сами?

Альда, пожав плечами, встаёт, медленно идёт к телефону.
Сев около него, звонит. Но никто не подходит.

Эни. Фли! Я скоро буду тебя ревновать. И к Альде. И к Тилии.

Филипп (улыбается). Сядь.

Эни садится.

Ты сегодня держишься отлично, с прекрасным тактом. Ты просто освещаешь всё вокруг.

Эни. Но не думай, что это мне легко, Фли. Во всех глазах мне чудится осуждение или насмешка. Двусмысленное положение...

Филипп. Так вот чтоб оно не было больше двусмысленным — сегодня ты будешь хозяйкой до конца. Хватит скрываться! Дверь за последним гостем мы закроем с тобой вместе.

Эни (живо). Нет ещё!

Филипп. Да!! До каких пор мы, живые, должны сторониться перед тенью? Это же не логично! Довольно, что мы в дом не могли войти, не испытывая этого давления упрёка. Да теперь она сама со временем всё поймёт и примирится.

Эни. С чем же ей примириться, Фли? С тем, что мы ждём её смерти?

Филипп. А мы вовсе не ждём. Пусть живёт. Но будем жить и мы!

Снова малая гостиная. Тербольм, Алекс и Синбар — в оживлённом споре. Трубка Синбара участвует в его аргументах.

Тербольм. Так примем, что: счастье — это душевная полнота? У кого есть ощущение наполненности его жизни — вот тот и счастлив?

Алекс. Что-то близкое, но ещё не то. Ощущение наполненности жизни может возникнуть и от добрых и от злых причин. Наполнена жизнь учёного. Одинокой старушки, лечащей больных кошек. Но и мерзавца, который богатеет за счёт других. Но и гусеницы, поедающей плодородное дерево. Если всё это — счастье, так поставить ли его целью? Не следует ли такие счастья различать?

Синбар. Но кто будет различать? Вы? Или я? По-

чему мерилom правильного счастья будет ваша точка зрения, а не моя? а не его?

А л е к с. Не моя и не ваша! — внутренний нравственный закон! Быть счастливым — но не в противоречии с ним!

С и н б а р. Ка-кой ещё внутренний нравственный закон? Врождённый, что ли? (Хохочет.) Изучайте медицину! В нашем организме просто нет органа, в котором бы помещался внутренний нравственный закон!

А л е к с. Я знаю вашу теорию: всего человека с Рафаэлем и Моцартом объяснить гормонами.

С и н б а р. Да! Изучайте гормональную жизнь! А то — абсолютная мораль, бабушкины сказки! Всякая истина конкретна! И всякая мораль относительна!

А л е к с. Проклятая зацепка с относительностью морали! Вы любое злодейство оправдываете относительностью морали! Изнасиловать девушку — всегда плохо, во всяком обществе! И — избить ребёнка! и выгнать из дому мать! и распространить клевету! и нарушить обещание! и использовать во вред доверчивость!

С и н б а р. Ерунда! Га-ли-ма-тья!

А л е к с. Как? Это всё может быть и хорошо?

С и н б а р. А — убить собственных родителей, если они постарели, это плохо или хорошо? Вон, спросите Кабимбу. Есть такие племена, где это хорошо, даже гуманно.

Т е р б о л ь м. Так, может быть, закон есть, но проясняется нам тысячелетиями? И ещё дополнительно программируется каждым обществом?

С и н б а р. Не барахтайтесь! Никакой абсолютной морали! И никакого внутреннего нравственного закона! А если б он и был, то не было бы такой с и л ы, которая заставила бы нас с ним считаться!

Появляется А л ь д а. Её не замечают.

А л е к с. Такая сила есть!

С и н б а р. Назовите!

А л е к с. Смерть!! Постоянная загадка смерти! Постоянная преграда перед нами — смерть! Вы можете изучать кибернетику или голубые галактики, и всё равно никак вам не перескочить через смерть!

С и н б а р. Будет время — перескочим и через неё!

А л е к с. Никогда! Смертно всё во Вселенной — даже звёзды! И мы вынуждены философию свою строить так, чтоб она была годна и к смерти! Чтоб мы были готовы к ней!

С и н б а р. Надоели эти кладбищенские нравоучения! Ими хотят задавить живую клокочущую жизнь! Сколько времени занимает та несчастная смерть — голый момент отрицания, небольшой дополнительный фактор, — по сравнению с нашей длительной разнообразной многокрасочной жизнью?

А л е к с. Мала по времени — не мала по значению! Не прячьтесь — найдёт!

Т е р б о л ь м. Мы так говорим о смерти, будто умирать будет кто-то другой, а не мы.

С и н б а р. Мы так говорим о смерти, будто мы умираем каждый день! Земной шар — велик! Людей — три миллиарда. Почти невероятно, чтобы во всякий данный момент в эту дверь (*показывает на правую*), вот, я бесстрашно оборачиваюсь к ней, — чтоб в эту дверь вошла чья-нибудь смерть!

Все обернулись на дверь, мгновение ждут. Но никто не входит. Синбар издаёт смешок. Воспользовавшись паузой, Альда, подошедшая сзади к Алексу, трогает его за руку. Тот оборачивается.

Больше того! Вот я иду и заглядываю в прихожую. (*Заглядывает.*) Нет никого и там!

А л ь д а. А ты всё споришь! И охота тебе? Мрачность какая-то.

А л е к с (*усаживает её рядом; в споре он был радостно-возбуждён, сейчас затемнился*). А что я... ты бы хотела?

А л ь д а. Ну, потанцевать, что ли.

А л е к с. Что за занятие — танцевать?

С и н б а р (*из двери, Тербольму*). Ну, я пожалуй пойду, покурю около форточки. (*Уходит направо.*)

Тербольм тоже поднимается, уходит в большую гостиную.

А л ь д а. Отчего ты не подошёл ко мне за целый вечер? Мог бы сказать, как я играла.

А л е к с. Очень прилично. Очень технично. А тебе самой как кажется? (*Пьёт.*)

А л ь д а. По-моему неплохо. Всем понравилось.

Алекс молча кивает.

Генерал меня сейчас расспрашивал. Удивлялся. Я ещё ему не рассказала, как я стала всё спокойно переносить. В кино не плачу. А вчера на улице при мне автобус задавил собаку. Большую бело-рыжую собаку. Она спокойно так переходила улицу наискосок и автобуса не видела. И он

почему-то не гудел. Толкнул её мягко, как ватную, и переехал. Но ты, Аль, как будто не рад моему выздоровлению.

А л е к с. Что ты, что ты, я очень рад.

А л ь д а. Ведь ты больше всех этого хотел.

А л е к с. Я больше всех?.. Да, верно.

А л ь д а. Это ты меня заставил. Молодец. А теперь не рад?

А л е к с. Я рад, Альда. Я рад. Тебе так кажется потому... ну, может быть потому... Тебе не кажется, что это ты ко мне переменялась?

А л ь д а. Я к тебе? Может быть. Пожалуй, да. Но это тоже к лучшему, Аль. *(Смотрят друг на друга.)* Это к лучшему. *(Пауза.)* Да, между прочим, Тилия сейчас мне звонила, но бросила трубку.

А л е к с. Так может случилось что-нибудь?

А л ь д а. Ну, почему обязательно надо предполагать плохое?

Прихожая. Здесь — вешалка с зимними пальто, зеркало, простая мебель. Входная дверь. Окно. Налево — дверь в малую гостиную.

Около открытой форточки стоит С и н б а р, курит трубку. В дверь короткий звонок. Синбар косится, нехотя идёт открыть и отступает. Входит Т и л и я в серебристой шубке.

Т и л и я. Вы? Вы знали, что это — я?

С и н б а р. Сударыня, каждый день работая с биотоками, поневоле начинаешь читать мысли.

Т и л и я. Я... начинаю вас бояться... Впрочем, вам Эни сказала.

С и н б а р. За целый вечер я не сказал с ней ни слова.

Т и л и я. Я могу вам поверить?.. Кстати, а что ваша свадьба с Эни? От-кладывается?

С и н б а р. Да пожалуй. А что?

Т и л и я. За откровенность — откровенность. Я не сочувствовала бы этому браку.

С и н б а р. Почему?

Т и л и я. Видите ли, это безотчётно. Женщины никогда не знают причин своих антипатий и... *(пристально)* симпатий. А почему вы не предлагаете мне раздеться?

С и н б а р. Мне кажется, вы не хотите этого.

Т и л и я. Вы угадали... Я шла сюда, чтобы как-нибудь незаметно вызвать вас... друг мой. Ведь вы мой друг? Вы обещали мне дружбу!

С и н б а р. Я — ваш друг.

Т и л и я. Синбар! Мне так нужна сейчас мужская за-

щита! Положение профессора Крэйга резко ухудшилось, вы предсказали верно. А ведь как я старалась его уберечь! Я всё время старалась, чтоб он не ложился, а продолжал работу до последнего дня! Переделывал свой учебник, так и не кончил.

С и н б а р. Это несколько необычное лечение.

Т и л и я. Но это так понятно! Я боялась, что слишком серьёзное лечение наведёт его на слишком серьёзные мысли. Если б он прекратил работу, слёг, задумался, — это как раз могло бы ускорить его конец. Но и мой метод не помог: теперь врачи говорят — вопрос нескольких дней. Я хочу знать ваш телефон. *(Протягивает записную книжечку.)* Рабочий там уже записан, но мне нужно и ночью в любую минуту. *(Синбар записывает.)* Ведь библиотека — редкая по ценности, это же стоит десятки тысяч! Там рукописи великих композиторов! письма Тосканини, Стравинского! В доме начнётся кавардак, проходной двор, сбегутся родственнички ша-ка-лы и всё могут растащить! Надо будет в первую же минуту опечатать. Вы не покинете меня, Синбар?

С и н б а р *(целует ей руку)*. Значит, вы едете домой.

Т и л и я. В том-то и дело, что нет! *(Скороговоркой.)* У нас в редакции сейчас срочная подготовка к конгрессу — за право каждой стране иметь ядерное оружие, но подать это нужно как борьбу за мир, очень тонкая работа!

С и н б а р. А лучше бы вам быть дома, Т и л и я.

Т и л и я *(вздрагивает; с жестом просьбы)*. Ну, сегодня вечером — никак! Такая горячка — обработка делегатов! Но потом — только дома, обещаю вам. Да, кстати, у меня же новая машина! Пневматическая подвеска заднего моста, гидравлическое переключение передач, цвет „брызги бургундского“, а внутри отделочка!! — не посмотрите?

С и н б а р. Но я надеюсь в ней ещё поездить?

Т и л и я. И я — надеюсь!.. А теперь прошу вас очень: позовите на минутку Альду!

С и н б а р. Хорошо. Только вы с ней осторожно. Чтоб не было потрясения. Это наша продукция четырёх месяцев работы. Осторожно! *(Грозит. Уходит налево.)*

Тилия проверяет себя перед зеркалом в шубке и распахнув.

Слева скучаяще входит К а б и м б а.

К а б и м б а. О-о-о-о?

Т и л и я *(показываясь ему оживлённым движением)*.

Я слышала — вы уезжаете! Но вы будете вспоминать?.. как мы плавали... ?

К а б и м б а. Вас трудно забыть.

Т и л и я (*быстро, смотрит в просвет двери*). Там никого? (*Оттягивает Кабимбу дальше от двери*.) Ну, на прощанье! поцелуйте меня быстренько! крепко-крепко! (*Виснет на нём, тотчас соскакивает*.) Скажи, Кабимба...

В двери — А л ь д а.

... неужели ваш дом стоит на сваях? Это ужасно! Вообще — вы из Северной Африки или из Южной?

К а б и м б а. Из Центральной.

Т и л и я (*машет рукой, печально*). Ну, так привет Центральной Африке!

Кабимба уходит.

Альдочка, милая! Только ты не пугайся! (*Со слезами*.) Папе о ч е н ь плохо! Ему хуже гораздо! Только ты не волнуйся.

А л ь д а (*за весь вечер — первое резкое движение, первое сильное чувство*). Папа?! Но он — жив??

Т и л и я. Пока — да. Пока — ещё жив. Я бы тебя не звала, тебе опасны волнения, но папа очень хочет тебя сейчас видеть.

Порыв Альды к пальто. Тилия держит её.

Такие тяжёлые дни, а у меня в редакции работа, и нельзя отказаться, общественный долг! Поезжай прямо к папе. Там — Джум. И побудь до меня. Но не вздумай приводить с собой Алекса, папа этого не переживёт! Ему нельзя сердиться. Или вот что — я тебя подброшу на своей машине. Одевайся скорей! Жду внизу! (*Уходит*.)

Снова малая гостиная. А л е к с и К а б и м б а. Стоят.

К а б и м б а. ... все богаты, все беспечны, никогда им не сможется понять, чем живут остальные люди! Я себя ненавижу, что к ним прилипал! Я их всех ненавижу!

А л е к с. Кабимба! Ну, вот я тоже безнадёжно отстал от них, из-за тюрьмы. Так что теперь? — расталкивать их локтями? бить им стёкла? Кабимба! Ненависть и обида никуда не ведут. Это — самые бесплодные чувства на земле. Надо подняться и понять: мы потеряли века или десятилетия, нас оскорбляли, нас унижали, а мстить — не придётся. И не надо. И всё равно — мы богаче их.

К а б и м б а (возмущённо). Мы? Чем богаче? Чем?

А л е к с. Тем, что перестрадали, Кабимба. Страдание — это стержень для роста души. А довольный — всегда душою нищ. Так будем строить потихоньку.

Кабимба мучительно трёт лоб. Вбегает А л ь д а в пальто. Она вне себя. С другой стороны входит Э н и.

А л ь д а. Эни! Я умоляю вас! Пусть сынишка переночует здесь! Можно?

Э н и. Да, конечно! Но что с вами?

А л ь д а. Ах, не могу! не могу! потом!.. Аль! Иди сюда!! (Утягивает Алекса за рукав в прихожую.)

Эни в тревоге ступает за ними, но останавливается. Снова прихожая.

А л е к с. Что с тобой?

Снежный ветер через форточку играет её шарфом.
Алекс захлопывает форточку.

Что с то...

А л ь д а (сильно возбуждена). Папе — очень плохо! Меня Тилия ждёт внизу! Но ты не езжай!

А л е к с (застёгивая её). Да, нас поссорили! Но если...

А л ь д а. Что может быть с папой?? Мне страшно!!

А л е к с (открывает ей дверь). Ты... я прошу тебя... Альдонька! Альдонька!..

Стоят на пороге. Альда качнулась к нему. Он её целует. Слева входит Ф и л и п п. Не видя его, Алекс машет Альде, спускающейся по лестнице, откуда ещё слышен её голос. Заперев дверь, Алекс видит Филиппа. Форточка опять распахивается с силой, врывается струя метели. Филипп захлопывает форточку.

Ф и л и п п. Ал, я давно хочу тебе сказать, — женись-ка ты, братец, на Альде! Хороша ведь как, где ты лучше найдёшь? Сестра двоюродная — это всё вздор, женись!

А л е к с. Я сообразил это и без тебя давно, Фил. Но я не знал, что... И сам-то я... И вообще это всё так сложно, так сложно...

Быстро входят Э н и и С и н б а р.

Э н и. Шеф! Что нам сделали с Альдой?

С и н б а р. Кориэл! Где Альда? Неужели вы её отпустили?

Ф и л и п п. Как? А что с ней?

Э н и. По-моему, она полностью выбита из интервала стабилизации!

С и н б а р. Если амплитуда выше предельной... !

Ф и л и п п. И ты мог?... Ал!

А л е к с. Я...

С и н б а р и Э н и (вместе, наступая). Да как вы могли? Наши усилия!! Четыре месяца!!

Ф и л и п п, С и н б а р, Э н и (наступая). Наш единственный экземпляр! Наша общая работа!!

А л е к с (отступая, перекрикивая). Наша! — общая! — работа! — я пользуюсь случаем сказать — окончилась!! Мы взяли чудо природы! — и превратили его в камень! А по коридорам уже топают сапоги генералов! Разрешите быть — свободным!!

КАРТИНА 5

Библиотека Маврикия. Книги, ноты. Рояль. Письменный стол. Временная постель, приподнятая помостом.

Ночь. М а в р и к и й сидит в постели. А л ь д а. Д ж у м — в ярком спортивном костюме, с хоккейной клюшкой в руках. Он готов бежать.

А л ь д а. Когда проедешь весь посёлок, сразу сверни налево, под деревья, и там сзади последних домов стоит земляночка, хижина. Там — тётя Христина. Понял?

Д ж у м. Понял! Папа! Еду?

М а в р и к и й. Да... Поторопись, Джум.

А л ь д а. Скорее, Джум!

Д ж у м (убегая, бросает клюшку). Аут! Рву! Тормозим не мы!!

М а в р и к и й. Всё собирался я повидать Христину бедную и всё откладывал... всё откладывал... Даже на внука я не посмотрел никогда.

А л ь д а. Папа! Не отказывайся! Я потороплю врачей! Как можно так рисковать?

М а в р и к и й (привлекает её, сажает рядом). Нет, нет, Аленька! Они только что уехали, и зачем же их звать? Они надоели мне. Все мои вены исколоты, варварский век. Никакими уколами... всё равно... прожитого не исправишь. Мне было плохо, плохо — и вот уже хорошо. (Поглаживает у сердца.) Ты не бойся. Это — не смерть.

А л ь д а. Ты прожил великую жизнь, папа!

М а в р и к и й (усмеxается). О, нет, я не был великим... Великие тени — да, были со мной здесь. (Оглядывает библиотеку.) А я не научился у них ничему... Я — ничего у них не почерпнул... (Плачет. Альда тоже.) Альда! Мы в жизни очень боимся пожалеть о чём-нибудь упущенном. Мы мечемся всё брать, чтоб только не жалеть. А вот когда страшно пожалеть — умирая... Как это жить, чтоб не жалеть, умирая?..

А л ь д а. Папа! Вспомни свой юбилей! Сколько учеников! Сколько благодарностей!

М а в р и к и й. Учеников давнишних лет, когда я мог ещё что-то... Да и тех половина не стоит ничего... Я натолкал в них терминов и цитат, а чувства верного — ни крупницы. Ничтожная жизнь!.. Я жил в этом вертепе счастливых — и он меня съел... Та и пропала жизнь, которую все называют счастливой... Но почему мы так поздно слышим этот рог? эту трубу? — бесполезно и поздно... Ещё в понедельник наши головы заняты были тем, какой сервиз покупать — японский или китайский?.. Как это важно! А жестяная облезлая кружка — чем она хуже? И если бы дали ещё год разумной жизни, только чтобы пить из такой кружки?..

А л ь д а (плача). Папочка! Это — приступ! Ты будешь жить! Ты будешь ещё писать! А я — помогать тебе, хочешь? Что-нибудь простенькое, ноты переписывать, это я могу...

М а в р и к и й (ласкает её; пауза). За что ты так добра ко мне, дочь?.. Ты одна за всю жизнь от меня никогда ничего не требовала — ни сервизов, ни гарнитуров... Душа моя! В чём ты ходила зимами?.. Как я мог никогда не подарить тебе платья? никогда не сшить пальто?

Плачут оба.

А л ь д а. Пусти! Я позвоню врачу! Это не шутка!

М а в р и к и й. Нет. Измучили. Никаких!.. Одна ты из всех моих родных носишь музыку в себе, а я тебя-то и не пустил учиться... Ты недавно приходила поиграть, а я не нашёл времени тебя послушать... Этот рояль теперь твой, слышишь? (Берет её голову.) Простишь ли ты меня когда-нибудь, дочь?.. (Альда обнимает его.) Аленька! Вон там, смотри... Шуберт. Достань „Зимний путь”. Сыграем вместе.

А л ь д а. Папа! Другое что-нибудь! Не надо „Зимний путь”!

М а в р и к и й. Нет, только „Зимний путь”! *(Подталкивает её.)* Скорей. Зимний путь...

Вытирая слёзы, Альда ищет лесенку, приставляет, взбирается
наверх. Маврикий сам с собой:

Если Шуберт в тридцать лет не дрогнул — чего мне пугаться в семьдесят?.. И зачем долгая жизнь — не умеющему жить?.. Всем можно сегодня остаться под крышей, а кому-то...

Нельзя... мне... медлить... доле...
Я должен... в путь... идти...
Дорогу... в тёмном... поле...
Я должен... сам... найти...

А л ь д а *(спускается с лесенки)*. Вот он, папа.
М а в р и к и й *(рассеянно)*. Хорошо. Играй.

Альда зажигает свет у рояля, садится, играет „Спокойно спи”.

М а в р и к и й *(слегка напевает)*:

Чужим пришёл сюда я,
Чужим покинул край...

Не может петь, держится за грудь. Альда играет и плачет.

В м е с т е:

Здесь больше ждать не стоит,
Не то погонят прочь...
И пусть собаки воют
У входа в дом всю ночь.

Рояль. Маврикий тихо ложится.

А л ь д а *(одна)*:

Давно пора котомку
С усталых сбросить плеч.
Давно пора на отдых
Мне где-нибудь прилечь.

(Ещё играет, потом оглядывается тревожно, обрывает игру.) Папа! Папа!!.. *(Бежит к нему.)* Отец! Ты жив?!
(Кричит.) Оте-ец!! *(Бьётся, опускается на колени, принимает к умирающему.)*

Входит т ё т я Х р и с т и н а в тёмной нищенской одежде, с маленьким свёртком. Молча смотрит из дверей. Медленно идёт к постели. Альда рыдает. Христина проверяет зеркальцем, дышит ли умерший. Целует лоб мертвеца. Крестит его. Достает принесенную с собой свечу, ставит у изголовья, зажигает. Альда стихла. Тётя Христина раскрывает книгу и читает звучно, отрешённо:

Т ё т я Х р и с т и н а. „Никто, зажегши свечу, не ставит её в сокровенном месте, ни под сосудом, — но на подсвечнике, чтобы видели свет.”

„Итак, смотри: свет, который в тебе, — не есть ли тьма?”

Пауза. Переворачивает страницу. Снова читает торжественно:

„И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы. Покойся, ешь, пей, веселись.”

Стремительно входят Т и л и я, С и н б а р. За ними — Д ж у м в мотоциклетном шлеме, очках, с большими перчатками. Все останавливаются, переклонясь вперёд.

„Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут от тебя. Кому же достанется то, что ты заготовил?”

Все неподвижны.

КАРТИНА 6

Небольшая скудно обставленная комната в первом этаже. В задней стене — два оконца. За ними темно. Низенькая дверь, под стать окнам. Хозяйственный угол. Письменный стол. Простая кровать. Тот самый столик с проигрывателем и пластинками, который был в Картине 1. Проигрыватель открыт, на нём пластинка.

А л е к с за письменным столом. Слегка постучав, тут же входит А л ь д а. В руках цветы и свёрток.

А л ь д а. Ну, медведь. Ты всё сидишь? А на дворе весна. Смотри, какие цветы продают.

А л е к с. Цветы хороши. Но довольно сознания, что их продают. Почему обязательно нужно иметь их каждый день у себя на столе? Это однообразно.

А л ь д а. Цветы — однообразно??

А л е к с. Во всяком случае это противоречит принципу экономии внутренней энергии. Выколачивать лбом дукаты, тут же их разбрасывать. Если любишь что-нибудь одно, всем другим приходится жертвовать.

А л ь д а. Ты должен был бы радоваться, что у меня хоть эта привязанность не убита. *(Окунается в цветы.)* Я ведь теперь какой-то получеловек.

А л е к с *(подходит к ней)*. Прости, Альдонька. Я расстроен всё это время и не то говорю.

А л ь д а. А что ты такое любишь, для чего нужно жертвовать всем другим?

А л е к с. Сам уже не понимаю. Мне сорок лет, я полон сил — и брошен на спину. Одно — вредно. Другое — бесполезно. Третье — скучно смердяще. *(Опять сел, опустил голову.)*

Альда снимает плащ. Она в чёрном. Близ хозяйственного угла:

А л ь д а. А здесь с прошлой субботы ничего не изменилось. Если ты считаешь, что кастрюли и тарелки можно держать так месяцами... А тётя Христина не оторвётся от кошек... *(Достаёт из свёртка передник, надевает, засучивает рукава.)*

А л е к с *(увидел)*. Нет-нет, Альда! Не нужно! Я не согласен! *(Спешит к ней, удерживает; она так и не завязала ещё передника.)*

А л ь д а. Почему?

А л е к с. Я не хочу, чтобы ты здесь возилась.

А л ь д а. Именно я? *(Пауза.)* Но я сестра тебе. *(Пауза.)* Хорошо, я тоже не приму от тебя ничего.

А л е к с. Слушай, это нельзя сравнивать. Если ты возьмёшь на себя здесь все заботы, значит, по сути...

А л ь д а. Когда ты мне помогаешь... или когда мешаешь... ты настаиваешь, что ты мой брат.

А л е к с. А когда это — я тебе мешаю?

А л ь д а. Вот помешал пойти работать в институт к Филиппу.

А л е к с *(горячо)*. Но если ты будешь у них — они же не удержатся тебя опять стабилизировать. Папина смерть спасла тебя от этого ужаса! от моей тяжёлой ошибки. От моей вины перед тобой...

А л ь д а. Тогда ты за меня знал, что мне надо идти... Теперь ты за меня знаешь, что не надо... А сына — ты не воспитаешь за меня? Ты бы и своего-то не воспитал, Аль...

по принципу экономии энергии. А сыну лучше всего иметь — стабилизированную мать. *(Замерла у него на груди. Большая пауза.)*

А л е к с. Водила ты его к отцу?

А л ь д а. Водила.

А л е к с. Чего они хотят?

А л ь д а. Не знаю, чего они хотят!.. Не знаю!.. *(Плачет у него на груди.)*

А л е к с. Боже, как всё в мире перепутано, как всё не просто! *(Пауза.)* Эти господа, свершившие позднее правосудие, — они серьёзно думают, что вернули меня в прежнюю жизнь... Но всё утекло, тот корень жизни, откуда я рос, — кто мне теперь оживит? *(Поднимает ей голову.)* Ту девчушку прежнюю, прежнюю — кто мне вернёт?..

За стеной — грохот, что-то упало. Алекс и Альда расступаются. Альда вытирает глаза. Алекс спешит к двери, но уже входят Ф и л и п п и Э н и.

Ф и л и п п. Что-то перевернули, друг. Но оно было пустое. О, и Альда здесь?

Э н и. Мы, впрочем, так и предполагали. Ты не испачкался? *(Осматривает костюм Филиппа.)*

Ф и л и п п. Да вроде нет. *(Алексу.)* Ну?! Беглец! Здравствуй! *(Рукопожатие с размахом.)* Здравствуйте, Альда. Здравствуйте, мой немой укор! Творение наше!

Все здороваются.

А л е к с. Наше ли, Фил?

Ф и л и п п. Ну-ну-ну-ну! Всё в наших руках. Некоторый срыв с Альдой, срыв частичный, не разрушил, а только дополнил систему нейро-стабилизации. Он указал нам, какие внезапности надо предусматривать. Другое распределение напряжений по частотам, дополнительные серии сеансов, но опыты с людьми мы продолжаем, они обещают колоссальный успех! И я думаю, что Альда тоже согласится вернуться.

А л е к с. Нет, хватит! Альды ты уже не тронешь.

А л ь д а. А почему? Мне было тогда так покойно.

Ф и л и п п. А? Слопал? Тиран! Ну, так что тут? *(Подойшёл к проигрывателю.)* Музыкаку слушаешь? Какую-нибудь нудь зелёную?

Раздаётся певучая мелодия из Allegro con brio 2-го Бетховенского фортепьянного концерта. Немного слушают.

В таком духе я и опасался. Чистый наркотик. (*Поднимает иглу.*) У тебя парагвайских танцев нет? Вот зажигают! Жизнь есть борьба!

Альда сняла передник, спрятала в свёрток. Они с Эни садятся одаль.

Так, так. Значит, сидишь и ставишь тут пластинку за пластинкой, дядюшка коллекцию подарил. (*Сердечно.*) Ал! Возвращайся к нам!

А л е к с. Теперь ты обойдёшься уже и без меня!

Ф и л и п п. Это называется — бросить друга.

А л е к с. Бросить друга нельзя в беде. На вершине удачи можно.

Ф и л и п п. Вот именно. Потому я и здесь.

А л е к с. Спасибо, Фил. Ценю. Но видишь ли, человек несчастлив лишь настолько, насколько он сам в этом убеждён.

Ф и л и п п. Да просто нельзя так жить. Ты ничего не зарабатываешь.

А л е к с. Нет, почему, я остался в университете, мне там платят.

Ф и л и п п. Сколько там тебе платят!

А л е к с. А не нужно много зарабатывать, нужно мало тратить. Мои потребности — полдуката в день. На автомобиль я не собираю.

Ф и л и п п. Тяжёлый у тебя характер. Никакая жена с тобой не уживётся. Бывают неудачники поневоле. Ты неудачник — по заданной теории. Наука? — так тебе неизвестно, зачем она! Талант у тебя — так ты не видишь для него цели!

А л е к с. Цель — вижу, пожалуй.

Ф и л и п п. Ну.

А л е к с. Скажу, только ты не смейся. Помнишь, говорил ты как-то, что гордился бы эстафету великой физики передать Двадцать Первому веку?

Ф и л и п п. Было, кажется.

А л е к с (*подходит к проигрывателю*). Так хотел бы и я помочь донести туда одну эстафетку. Колеблемую свечечку нашей души.

Ставит иглу. Раздаётся негромко основная мелодия рондо из того же фортепьянного концерта. Выключает.

Там, в Двадцать Первом веке, пусть делают с ней, что хотят. Но только б не в нашем её задули, не в нашем —

стальном, атомном, космическом, энергетическом, кибернетическом...

Ф и л и п п (недоумевая). И что для этого практически надо делать?

А л е к с. Вот это-то и вопрос...

А л ь д а (Эни). Два дня у гроба перед фотокорреспондентами она рыдала у меня на плече и кричала: „бедная девочка! я заменю ей отца!” Но едва завалили могилу, я была ославлена воровкой, интриганкой, будто я хотела поживиться папиным роялем. А папа, действительно, завещал его мне. Мои первые детские воспоминания: он сидит за ним и играет. И девочкой начинал учить меня на нём же... Впрочем, Аль говорит — хорошо, что рояль мне не достался, он не прошёл бы ко мне ни в окно, ни в дверь.

Э н и. Как у них всё изменилось в доме! Библиотеку и рукописи распродали, Джума погнали на работу. Тилии был от железного капитана крепчайший нагоняй за то, что она сорвала нам работу с вами.

Ф и л и п п. Уже и Синбар выделяется в отдельный институт — медицинской кибернетики.

А л е к с. Финансируют? Те же хозяева?

Ф и л и п п. А что тут плохого? У нас очень плодотворное направление.

А л е к с. Даже чересчур плодотворное! Мало-помалу вы подберётесь к чтению человеческих мыслей.

Ф и л и п п. Это бы сверхзавлекательно! Но мысль оказалась изоэнергетична: правдивая и ложная мысль, утвердительная и отрицательная имеют одну и ту же энергию, и ничего не различишь.

А л е к с. Какое счастье!

Ф и л и п п. Прямо беда.

А л е к с. Так вы не успокойтесь, начнёте щупать форму кривой, я знаю! И в один прекрасный день явятся к тебе джентльмены от учреждения из трёх букв...

Ф и л и п п. Из трёх букв?

А л е к с. УМЧ — Управление Мыслей и Чувств. Поставят охрану около твоих электронных машин — и начнут читать мысли граждан. Уж если и это придёт в мир — пусть не через меня. Не хотел бы я тогда не только работать в твоём институте, но и жить на земле.

Ф и л и п п. Не знаю. Пока ещё мы к этому не подошли.

А л е к с. „Детекторы лжи” уже есть, не за горами и это.

Ф и л и п п. Но — ты! Ты! Ты кибернетики отведал,

уже отравлен и не бросишь. В какую ж подашься? В космическую?

А л е к с. Ничего мы в Космосе не потеряли. Мы на земле теряем последнее наше.

Ф и л и п п. Так уж не в социальную ли? (Хохочет.) К Тербольму?

А л е к с. Да вот есть два письма. Зовёт.

Ф и л и п п. Да никакой у них поддержки нет, финансов нет, вообще лавочка, мыльный пузырь! (Читает.)

А л е к с. Он мне и магнитофонное письмо прислал из больницы. (Ставит кассету.)

Ф и л и п п. Что, опять у него с ногами? (Читает, магнитофона не слушает.)

Г о л о с Т е р б о л ь м а (с ленты). Вы всё спрашивали, Кориэл, з а ч е м наука? Вот я снова лежу и вдруг с ясностью понял, что могу ответить. Не надо смущаться внешними целями науки — кто и куда хочет её направить, для чего использовать. Кстати, уже не раз её запрягали везти в одну сторону, а она смеялась и привозила в другую. Но кроме целей явных, видимых всем, у науки есть ещё какие-то таинственные. Как у искусства. Наука нужна не только нашему разуму, но и нашей душе. Осознать мир и осознать человечество может быть так же необходимо нам, как... иметь совесть. Да, такая у меня гипотеза: наука нам бывает нужна — и как совесть! (Пауза.) А сейчас...

Филипп читает, Алекс пристально смотрит на него.

... микрофон перенесут...

А л е к с (резко останавливая). Дальше не важно.

Э н и (Альде). Живя со мной, он всегда весел, полон энергии. Само счастье наше неужели не оправдывает нас?.. А её мы поместили в самую хорошую больницу.

Ф и л и п п (отдавая письма). Ха-ха-ха! Никакой солидности у фирмы! „Алгоритмы идеально-регулируемого общества"! — да откуда эти алгоритмы брать, если ещё ни один мудрец их не придумал? Нет, скажи, зверь, чем тебе это направление лучше нашего?

А л е к с. Да кой-какое преимущество в нём есть.

Ф и л и п п. Ка-кое?!

А л е к с. Я понял так: биокибернетика — это вмешательство в самое совершенное, что есть на земле, — в человека! За-чем??!.. Напротив, социальная кибернетика дерзает внести разум туда, где вечно был хаос и несправедливость, вмешаться в самое н е совершенное из земных устройств — в человеческое общество.

Ф и л и п п. Так что это будет? Кибернетический социализм?

А л е к с. Нет, только никакой не социализм.

Ф и л и п п. Да вздор! Шарлатанство! Тербольт — фанатик. И никаких боевых качеств у него нет — для проби-
вания.

А л е к с. Ну, попробую добавить я.

Ф и л и п п. Да потом простое благоразумие: а государ-
ство? Да срубят вам всем головы, ты что уже — Каледо-
нию забыл?

А л е к с. Вот как раз тут моё преимущество перед то-
бой: ничего не имея, я ничего не боюсь потерять. Как хо-
рошо, что мы с тобой поговорили! В разговоре-то я и по-
нял: я к ним пойду! Я должен к ним идти!

Ф и л и п п. Смотри! В надежде на успех...

А л е к с. В надежде? Нет! Ты не понял. Не в надежде,
а в испуге! В боязни успеха! Я пойду к ним для того, чтоб
не дать и им когда-нибудь со временем стать Левиафаном,
только электронным.

Ф и л и п п (холодно). Да?.. Ну, смотри. Смотри.

А л е к с (кладя руку ему на плечо, задушевно). Я
смотрю, Фил, — на тебя! Все эти месяцы. И давно хочу
тебе сказать, что...

Где-то близко — долгая сирена автомобиля.

Э н и (Филиппу). Надо идти.

А л е к с. Тебя зовут?

Ф и л и п п (вставая). Да...

Встают и женщины. Пауза. Все стоят.

Ф и л и п п. И всё же, Ал, я думаю — ты не совсем по-
терян.

А л е к с. Я даже думаю — и ты. Тоже не совсем.

Альда взяла плащ.

Ф и л и п п. Ну, ладно, хоть не мешай мне поговорить
с Альдой. Она собирается идти, и мы её проводим.

А л е к с (делает задерживающее движение). Альда
только что пришла. Никуда она...

А л ь д а (освобождаясь). Нет-нет, Аль, мне надо идти.

Ф и л и п п (помогая Альде одеться). Перестань ты ре-
шать за других! Работу хорошую я могу предложить Аль-
де? Ра-бо-ту?

А л е к с. Да разве важно — это? Альда!

А л ь д а. А что — важно? Ты разве сам — знаешь, что важно?..

Уходит с Эни. Филипп треплет друга по плечу, тоже уходит. Опустив голову, Алекс стоит посреди комнаты.

Гаснет свет. Позади возникает сияние. Это вспыхнули яркие фары, бьющие в окна. Алекс подходит к окну, распахивает его. Автомобиль, видимо, разворачивается. Затем, пронося лучи по комнате и воя мотором, минует окна. Но сияние не померкло. Второй автомобиль повторяет манёвр первого и так же проносится с поворотом лучей по комнате, с таким же воем великолепного мотора.

А л е к с. Э-э, да они не одни приезжали! „Брызги бургундского"! И Тилия с Синбаром были тут. Корабли счастливых!..

Зажигается свет. Алекс понуро подходит, продолжает магнитофонную ленту.

Г о л о с Т е р б о л ь м а. А сейчас микрофон перенесут от меня к Нике. Она тоже хочет вам сказать.

Г о л о с Н и к и. Алекс! С тех пор как Филипп привёз меня сюда зимой, он не был у меня ни разу. И я подумала: а если он мучается? Если он просто боится растратить меня своим здоровым видом, своими радостями — и только поэтому не приходит? Тогда отдайте ему эту ленту.

Филипп! Филипп!! Я знаю, что мне уже не встать. И ты — не стыдись, живи своей жизнью. Побеждай!.. И люби — кого ты хочешь. Я тебя не упрекну...

Но один раз. Весной. И летом один раз. И один раз осенью — ты приходи ко мне, не стесняйся. Посиди у меня часок. И так разговаривай, будто всё по-старому... Ну что тебе стоит, Филипп?!!!..

Пауза.

Алекс! А если он не поэтому не приходит — слушать ленты ему не надо...

Алекс — в угнетённой позе. Откуда-то еле слышится мелодия одинокого рожка — это мелодия/из „Зимнего пути", та самая.

Алекс не видит, как за окнами появляется скорбная фигура А л ь д ы в светлом. Она с опущенной головой очень медленно проходит мимо закрытого окна, останавливается у открытого, печально смотрит сюда, вовнутрь. Затем так же с опущенной головой удаляется и ещё неясно видна некоторое время при свете уличного фонаря.

СОДЕРЖАНИЕ

Пир победителей. <i>Комедия</i>	7
Пленники. <i>Трагедия</i>	125
Республика труда. <i>Драма в 4-х действиях</i>	251
Свет, который в тебе (Свеча на ветру). <i>Пьеса</i> в 6-ти картинах	349

АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН

ПЬЕСЫ

Редактор В. М. БОРИСОВ
Художник Б. В. ТРОФИМОВ
Художественный редактор Л. Б. ФИЛИППОВА
Технический редактор А. С. ГИНЗБУРГ
Корректор М. Ш. ЗАЛЬЦ

Подписано к печати 22.10.1990 г. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,0. Усл. кр.-отт. 52,25. Уч.-изд. л. 20,12.
Тираж 300.000 экз. Цена 10 руб. Зак. 2736.

Центр «НОВЫЙ МИР»
103806 Москва, Малый Путинковский пер., д. 1/2.

При содействии издательства «Искусство»
совместно с ПСК «ТИМАН»

Смоленский полиграфический комбинат
Госкомиздата РСФСР.
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

АЛПЕЖКАНДР СОЛЖИЦЫН

